ISSN 1857–2049
Categoria B

ACADEMIA DE ŞTIINŢE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДОВЫ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA
THE INSTITUTE OF CULTURAL HERITAGE

REVISTA DE ETNOLOGIE ŞI CULTUROLOGIE
Volumul XVII

ЖУРНАЛ ЭТНОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ
Том XVII

THE JOURNAL OF ETHNOLOGY AND CULTUROLOGY
Volume XVII

CHIŞINĂU, 2015

Colegiul de redacție:

dr. N. Cara
dr. V. Damian, *secretar responsabil*
dr. Ia. Derlicki (Polonia)
dr. I. Duminica
dr. Ivan Duminica
dr. N. Dușacova
dr. I. Ghinoiu (România)
dr. hab. M. Guboglo (Federația Rusă)
dr. D. Nicoglo
dr. S. Procop, *redactor principal*
acad. A. Skripnik (Ucraina)
dr. hab. V. Stepanov (Federația Rusă)
dr. A. Șabașov (Ucraina)
dr. hab. Z. Șofransky
dr. T. Zaicovschi, *redactor responsabil*

Редакционная коллегия:

докт. И. Гиною (Румыния)
докт. хаб. М. Губогло (Российская Федерация)
докт. В. Дамьян, *ответственный секретарь*
докт. Я. Дерлицки (Польша)
докт. И. Думиника
докт. Иван Думиника
докт. Н. Душакова
докт. Т. Зайковская, *ответственный редактор*
докт. Н. Кара
докт. Д. Никогло
докт. С. Прокоп, *главный редактор*
акад. А. Скрипник (Украина)
докт. хаб. В. Степанов (Российская Федерация)
докт. А. Шабашов (Украина)
докт. хаб. З. Шофрански

Redactori științifici: **dr. N. Cara, dr. hab. N. Cervencov, dr. Ivan Duminica**
Recenzenți: **dr. E. Celac (Rusia), dr. hab. V. Tomuleț, dr. E. Rațeeva**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite la adresa: Colegiul de redacție al „Revistei de Etnologie și Culturologie", Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1, MD-2001 Chișinău, Republica Moldova.

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: Colegiul de redacție al „Revistei de Etnologie și Culturologie", Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1, MD-2001 Chișinău, Republica Moldova.

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the journal of „Ethnology and Culturology", the Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Stefan cel Mare si Sfint, 1, MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova.

Redactori: **dr. N. Cara** (textele în limba rusă), **dr. N. Dușacova, dr. A. Gorea** (textele în limba engleză), **V. Țurcanu, D. Onica** (textele în limba română)
Procesare computerizată, tehnoredactare: **dr. L. Condraticova**

Coperta: Obiceiul bulgar Babinden, or. Tvardița, r-ul Taraclia; Corul popular și etnografic bulgăresc de femei din or. Tvardița, r-ul Taraclia (foto: Galina Jeleapova) și colecția de păpuși în costume naționale a bulgarilor (autor: Ana Tucan)
Обложка: Болгарский обряд Бабинден, г. Твардица, Тараклийский р-н; Женский народный этнографический болгарский хор из г. Твардица, Тараклийского р-на (фото: Галина Желяпова) и коллекция кукол в болгарской национальной одежде (автор: Анна Тукан)

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu.
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами.
All the papers to be published are reviewed by experts.

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții
Revista de Etnologie și Culturologie / Academia de Științe a Moldovei, Institutul Patrimoniului Cultural, Centrul de Etnologie; col. red.: Svetlana Procop, Ivan Duminica et. al., – Chișinău, 2015. Vol. XVII. 160 p. Tiraj 200 ex.
ISSN 1857–2049

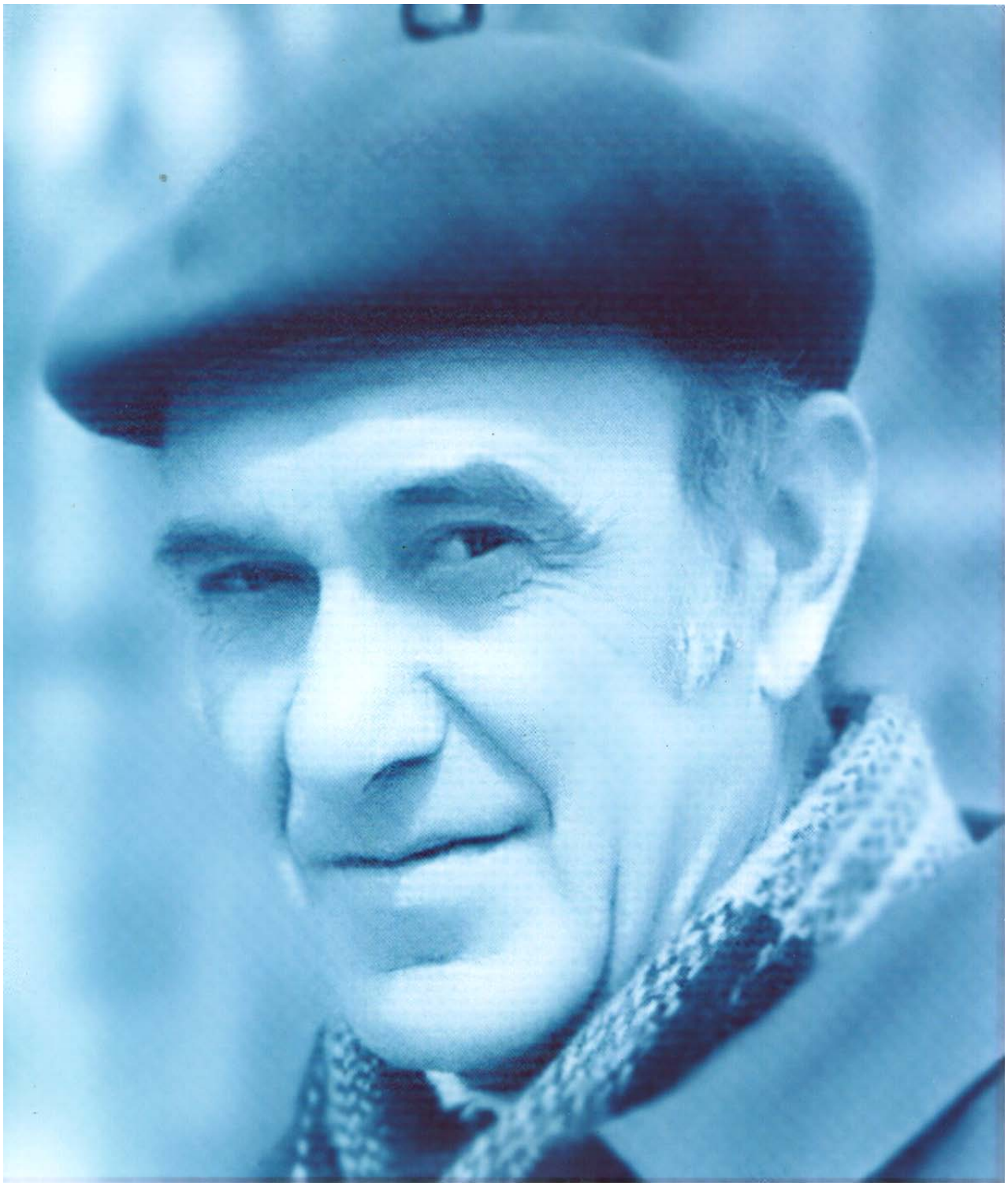
© Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei, 2015

CUPRINS

NUMĂRUL ESTE DEDICAT CERCETĂTORILOR ISTORIEI ŞI FOLCLORULUI BULGARILOR DIN MOLDOVA ŞI UCRAINA– SAVELIE NOVACOV ŞI PETRU STOIANOV НОМЕР ПОСВЯЩЕН ПАМЯТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И ФОЛЬКЛОРА БОЛГАР МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ – САВЕЛИЯ НОВАКОВА И ПЕТРА СТОЯНОВА		
Emilia BANCOVA	**Un ilustru savant-bulgarist Savelie Novacov** Выдающийся ученый-болгарист Савелий Новаков	**6**
Nicolai CERVENCOV	**Petru Stoianov – cercetător al folclorului muzical moldovenesc şi bulgar** Петр Стоянов – исследователь молдавского и болгарского музыкального фольклора	**12**
Vasile CHISELIȚĂ	**Petru Stoianov – savantul, muzicianul şi îndrumătorul** Петр Стоянов – ученый, музыкант и наставник	**18**
Emilia BANCOVA, Nadejda CARA, Alexandr COVALOV, Ivan DUMINICA	**Bulgaristica în cadrul Centrului de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Ştiinţe a Moldovei** Болгаристика в Центре этнологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы	**23**
ETNOLOGIE / ЭТНОЛОГИЯ		
Анна ЛЕСНИКОВА	**«Мечка» и «Невеста» в структуре зимних карнавальных традиций болгар Южной Бессарабии** „Ursul" şi „Nevasta" în structura obiceiurilor carnavalului de iarnă la bulgarii din Basarabia de Sud	**28**
Светлана ГЕОРГИЕВА	**Синтагматическая структура свадебного обряда украинских болгар села Заря (Камчик) Одесской области** Structura sintagmatică a obiceiului de nuntă a bulgarilor ucraineni din satul Zarea (Kamcik) regiunea Odesa	**33**
Ольга НЕДЕЛЬЧЕВА-ВОДИНЧАР	**Православный пост в представлениях и религиозной практике болгар Южной Бессарабии (по материалам сел Болградского района Одесской области)** Postul ortodox în viziunile şi practica religioasă a bulgarilor din Basarabia de Sud (conform materialelor din satele raionului Bolgrad, regiunea Odesa)	**38**
Alexandr COVALOV	**Strugurii şi vinul în unele obiceiuri ale bulgarilor din Republica Moldova** Виноград и вино в некоторых обрядах болгар Республики Молдова	**45**
Vitaly SIRF	**On some mythological characters in the traditional worldview of Bessarabian Bulgarians and Gagauz** Despre unele personaje mitologice în viziunea tradiţională a bulgarilor şi găgăuzilor basarabeni	**49**
Наталья КАЛАШНИКОВА	**Об одной болгарской коллекции из собрания Российского этнографического музея (Санкт-Петербург)** Despre o colecţie bulgară din fondurile Muzeului Rus de Etnografie (Sankt Petersburg)	**54**
ETNOISTORIE / ЭТНОИСТОРИЯ		
Александр ГАНЧЕВ, Владимир МИЛЬЧЕВ, Александр ПРИГАРИН	**Специфика миграционной активности населения региона «Сърнена Средна Гора» на рубеже XVIII–XIX вв. и ее влияние на формирование болгарской общины «туканцев» в Южной Бессарабии** Specificul migraţiei populaţiei regiunii „Sârnena Sredna Gora" în decursul secolelor XVIII–XIX şi influenţa sa asupra formării comunităţii bulgare de „tukani" în Basarabia de Sud	**57**

Dinu POŞTARENCU	**Coloniştii transdanubieni din Basarabia în prima jumătate a secolului al XIX-lea** Задунайские переселенцы в Бессарабии в первой половине XIX в.	**65**
Alexandru CERGA	**Lăcașurile sfinte ale bulgarilor din satele Cairaclia și Corten, raionul Taraclia** Священные места болгар села Кайраклия и Кортен Тараклийского района	**72**
Ivan DUMINICA	**Cu privire la bulgarii supuși străini în Basarabia (anii 1821–1828)** К вопросу об иностранноподданных болгарах в Бессарабии (1821–1828 гг.)	**76**
Мария НИКОЛОВА, Татяна КАРАИВАНОВА	**Георгий Раковский и Савва Радулов о создании и развитии Центрального училища в Болграде (1858–1864)** Gheorghi Rakovski și Sava Radulov despre înființarea și dezvoltarea Școlii Centrale din Bolgrad (anii 1858–1864)	**82**
Никола КАРАИВАНОВ	**Бессарабские болгары – воспитанники Новороссийского университета в Одессе (1865–1878)** Bulgarii basarabeni – absolvenți ai Universității Novorusia din Odesa (anii 1865–1878)	**87**
Elena HADJINIKOLOVA	**Olimpi Panov and the figures of the April uprising in the policy of the „young" in the Bulgarian Central Charity Society (1876)** Olimpi Panov și personalitățile revoltei din aprilie, în politica „tinerilor" a Societății Centrale Bulgare de Caritate (1876)	**92**
Елена ВОДИНЧАР	**Причина и мотивация переселения болгар Бессарабии в Бразилию в 20-е гг. XX века в памяти их соплеменников** Cauza şi motivul emigrării bulgarilor basarabeni în Brazilia în anii '20 ai secolului al XX-lea în memoria confraților lor	**96**
Sergiu BACALOV	**Cartografie etnoistorică a Bugeacului. Bulgarii în Basarabia de Sud, conform recensământului din 1930** Этносоциальная картография Буджака. Болгары Южной Бессарабии по переписи 1930 г.	**102**
Jerzy HATŁAS	**Bulgarians in Taraclia District and on the territory of Gagauzian Autonomy and its official position in the Republic of Moldova** Bulgarii în raionul Taraclia și în Autonomia Gagauză și starea lor oficială în Republica Moldova	**114**
STUDII ETNOPSIHOLOGICE, ETNOLINGVISTICE ŞI DE FOLCLOR ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ		
Irina CAUNENCO	**Studiul empiric al autodeterminării etnice a tinerilor bulgari într-o societate în transformare** Эмпирическое исследование этнического самоопределения болгарской молодежи в изменяющемся обществе	**119**
Валентина КОЛЕСНИК, Яна ВОЛКОВА	**Турцизмы в Чушмелийском говоре (Бессарабия)** Turcismele în dialectul din Ciuşmelia (Basarabia)	**122**
Nadejda CARA	**Particularitățile prezenței antroponimelor în cântecele folclorice ale bulgarilor din Moldova și Ucraina** Особенности антропонимического состава в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины	**129**

RECENZII / РЕЦЕНЗИИ		
Ivan DUMINICA	**O enciclopedie despre creatorii structurii politice moderne a Bulgariei. Recenzie la monografia lui Милко Палангурски „Учредителите. Участниците в Учредителното народно събрание в Търново, 10.II.–16.IV.1879. Енциклопедичен справочник" (София: Сиби, 2014. 327 с.)** Энциклопедия о создателях современной политической структуры Болгарии. Рецензия на книгу: Милко Палангурски. «Учредителите. Участниците в Учредителното народно събрание в Търново, 10.II.–16.IV.1879. Енциклопедичен справочник» (София: Сиби, 2014. 327 с.)	**135**
Виталий КАЗАНЖИ	**История успеха, или научный путь бессарабских болгар. Рецензия на сборник статей «Бесарабските българи: история, култура и език» (Кишинев: S.Ş.B., 2014. 420 с.)** Istoria succesului sau drumul științific al bulgarilor basarabeni. Recenzie la culegerea de studii „Бесарабските българи: история, култура и език" (Chișinău: S.Ș.B., 2014. 420 p.)	**139**
Ion GUMENÂI, Marina GUȚU	**History pages of Bulgarians from Taraclia. A review of the collection of articles: „Петър Кайряк. Тараклия и Тараклийци". Съставители Николай Червенков и Иван Думиника (Кишинев: S.Ş.B., 2014. 200 с.)** Pagini de istorie a bulgarilor din Taraclia. Recenzie la culegerea de studii „Петър Кайряк. Тараклия и Тараклийци". Alcătuitori Nicolai Cervencov și Ivan Duminica (Кишинев: S.Ș.B., 2014. 200 с.)	**142**
JUBILEE / ЮБИЛЕИ		
Ivan DUMINICA	**Nadejda Cara la 65 de ani** Надежде Кара – 65 лет	**145**
Anna STRATIEVA	**Îndrăgostit de viață (Gheorghi Barbarov la 60 de ani)** Влюбленный в жизнь (Георгию Барбарову – 60 лет)	**147**
Diana NICOGLO	**Evdochia Soroceanu la 60 de ani** Евдокии Сорочану – 60 лет	**149**
Vitali SÎRF	**Diana Nicoglo la 50 de ani** Диане Никогло – 50 лет	**151**
Ivan DUMINICA	**Vitali Sîrf la 50 de ani** Виталию Сырфу – 50 лет	**153**
IN MEMORIAM		
Nicolai CERVENCOV	**Gheorghe Gonța (1948–2015)** Георге Гонца (1948–2015)	**155**
Nicolai CERVENCOV	**Stepan Stoianov – muzicianul și patriotul (la 80 de ani de la naștere)** Степан Стоянов – музыкант и патриот (80 лет со дня рождения)	**156**
Date despre autori		**157**
Сведения об авторах		**158**
Date despre colegiul de redacție / Сведения о редколлегии		**159**



SAVELIE NOVACOV (1935–2013)

NUMĂRUL ESTE DEDICAT CERCETĂTORILOR ISTORIEI ŞI FOLCLORULUI BULGARILOR DIN MOLDOVA ŞI UCRAINA– SAVELIE NOVACOV ŞI PETRU STOIANOV

НОМЕР ПОСВЯЩЕН ПАМЯТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И ФОЛЬКЛОРА БОЛГАР МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ – САВЕЛИЯ НОВАКОВА И ПЕТРА СТОЯНОВА

Emilia BANCOVA

UN ILUSTRU SAVANT-BULGARIST SAVELIE NOVACOV

Numele lui Savelie Zaharovici Novacov – un mare istoric-bulgarist, specialist proeminent în domeniul studierii dezvoltării social-economice a bulgarilor și găgăuzilor din sudul Republicii Moldova – este bine cunoscut în cercurile științifice din Moldova, Bulgaria, Rusia și Ucraina. Viitorul om de știință s-a născut pe 14 ianuarie 1935 într-o familie de bulgari din localitatea Chiriutnea/Corten, raionul Ceadâr-Lunga. În familia lui era păstrată cu sfințenie moștenirea despre istoria neamului și a satului natal, erau transmise copiilor și nepoților tradițiile, datinile și obiceiurile pe care le respectau cândva strămoșii acestora în țara lor de origine – Bulgaria.

După absolvirea școlii generale în 1953, el devine student al Facultății de Istorie a Universității de Stat din Chișinău. Profesorii și îndrumătorii lui au fost cunoscuții istorici, I. Anțupov, Ia. Grosul, I. Meșceriuc și N. Mohov, care i-au trezit și i-au cultivat un profund interes pentru istoria Basarabiei, a bulgarilor și găgăuzilor care se strămutaseră cândva pe aceste locuri. După absolvirea universității în anul 1958, S. Novacov a fost repartizat la muncă în raionul Ceadâr-Lunga, unde a activat până în anul 1969. El a revenit în locurile natale pentru a contribui la dezvoltarea sistemului educațional în calitate de profesor de istorie și director de școală mai întâi în localitatea găgăuză Tatar-Copceac, apoi în satul său natal Corten. În tot timpul acesta, S. Novacov a menținut legătura cu îndrumătorul său I. Meșceriuc, care în timpul studiilor îl implicase deja pe discipolul său în activitatea de cercetare, trezindu-i interesul pentru tematica pe care o abordase ca cercetător în anii ’50 ai secolului al XX-lea.

În 1966, activând în satul său natal Corten, S. Novacov a pregătit și a scos la editura „Cartea Moldovenească” prima sa carte științifică cu caracter popular „Степной родник (Краткая история с. Кирютня и местного колхоза)”. Această lucrare nu prea mare ca volum a fost prima carte din republică, după război, care relata despre trecutul și prezentul uneia din localitățile Moldovei Aceasta a trezit un mare interes atât în rândul specialiștilor-istorici, cât și al unui public larg de cititori, în special celor de naționalitate bulgară.

S. Novacov a fost implicat activ în restabilirea legăturilor de neam și rudenie ale bulgarilor basarabeni cu țara lor de origine. Utilizând relațiile sale personale, a organizat cu mare entuziasm schimburi de delegații dintre bulgarii din Moldova și cei din Bulgaria, inclusiv colective de artiști amatori. Locuitorii satului Chiriutnea/Corten mai țin minte și acum aceste evenimente de mare valoare – pentru prima dată ei au avut ocazia să se întâlnească cu reprezentanții țării lor de origine, pentru prima dată a apărut posibilitatea să meargă acolo și să vadă cu ochii lor Bulgaria. Acesta a fost cu adevărat un eveniment important în istoria satului.

Aflându-se în centrul tuturor evenimentelor care aveau loc în anii ’60 în localitățile bulgare și găgăuze din sudul Moldovei, acumulând un bogat material de arhivă, de teren și fiind istoric de profesie, S. Novacov a ajuns la ideea că ar trebui să fie studiată în mod serios istoria și cultura bulgarilor și găgăuzilor. În toamna anului 1969 el a fost admis la studii de doctorat, iar teza sa cu tema „Consolidarea colhozurilor din RSS Moldovenească. 1950–1965” a fost susținută cu succes în 1978 la Kiev, în cadrul Institutului de Istorie al AȘ a Ucrainei. Ulterior în baza acesteia a fost scoasă o monografie, care a trezit un interes larg nu numai în Moldova. Ambasada SUA de la Moscova a solicitat atunci 3 exemplare de carte pentru Biblioteca Congresului.

După finalizarea în 1972 a studiilor de doctorat a fost invitat să lucreze la Sectorul de istorie a satelor și orașelor din cadrul Institutului de Istorie al AȘ a RSSM, unde s-a ocupat de problemele istoriei locale. În aprilie 1978 lui S. Novacov i s-a oferit funcția de secretar științific al Sectorului de științe sociale din

cadrul AŞ a RSSM, unde a activat mai bine de 10 ani, până în 1990. Îmbinarea activității de organizare științifică cu cea de cercetare a fost foarte dificilă, dar el își croia timp (de cele mai multe ori pe timpul concediilor) pentru a lucra la Arhiva Națională a Moldovei și în bibliotecile capitalei, în căutarea materialului documentar și literar pentru tema sa de cercetare. Acumulând noi materiale referitoare la istoria satului său natal Corten, S. Novacov a scos în 1980 cartea „Прошлое и настоящее села Кирютня" (în colaborare cu N. Cervencov).

În legătură cu schimbările din viața social-politică din URSS de la sfârșitul anilor '80 a apărut necesitatea efectuării unor cercetări privind problemele minorităților naționale din Republica Moldova, deoarece în lipsa unei informații științifice veridice nu era posibilă găsirea unor decizii corecte la nivel guvernamental pentru soluționarea problemelor actuale cu care se confruntau bulgarii și alte grupuri etnice. Urma să fie creată o structură științifică care ar fi cercetat problemele de istorie, limbă și cultură ale bulgarilor din sudul Basarabiei. În acest demers patriotic de mare importanță S. Novacov a avut cea mai activă și inspirată participare. În ianuarie 1990 el a fost ales, în bază de concurs, în funcția de șef al Sectorului de bulgaristică, demisionând din aceea de secretar științific al Sectorului de științe sociale.

Pentru început, în calitatea sa de șef, a purces la formarea sectorului prin angajarea de cadre necesare cercetării. Aici au fost invitați să colaboreze atât cercetători care se afirmaseră deja (P. Stoianov, I. Grec, N. Cervencov, E. Peicova), cât și începători (N. Todorov, E. Bancova, E. Celac, E. Capațina ș.a.). În fața sectorului a fost pusă sarcina studierii complexe a tuturor problemelor diasporei bulgare din Republica Moldova. Conducătorul sectorului a depus eforturi mari pentru elaborarea și editarea primei culegeri realizate de colectivul acestuia, intitulată „Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине". Prin problematica abordată a subiectelor tratate, aceasta reflecta și direcțiile de cercetare științifică a noului centru de studii bulgare.

După o perioadă de doi ani de la apariția primei culegeri, sub conducerea lui S. Novacov a fost editată următoarea, intitulată „Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины", în care au fost generalizate rezultatele cercetării sociologice „Проблемы сохранения культурной самобытности болгарской общины СССР" (S. Novacov, E. Beleanina). Este important că S. Novacov a reușit să-i atragă în cadrul acestei cercetări pe cunoscuții etnologi ruși L. Markova și N. Kalașnikova. În anii de constituire a Sectorului de bulgaristică, tema de cercetare aleasă de S. Novacov a fost „Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии в 1857–1918", continuând să dezvolte în felul acesta cele începute de îndrumătorul său I. Meșceriuc.

După o muncă asiduă de șase ani, activitatea de cercetare a lui S. Novacov s-a încununat de succes. Monografia a fost editată în 2004 la Chișinău. În această activitate el a fost ajutat și sprijinit de profesorul său universitar Ivan Anțupov, care îi era în același timp îndrumător, coleg și prieten. Valoarea științifică și practică a lucrării este greu de supraestimat – pentru prima dată a fost oferită o informație veridică și argumentată privind procesele social-economice care au avut loc în partea de sud a Basarabiei în perioada descrisă în monografie. Lucrarea a fost înalt apreciată nu numai în Moldova, dar și peste hotarele ei, solicitările pentru a o deține venind din Bulgaria și țările din spațiul postsovietic.

În anul 2005, în colaborare cu pământeanul său N. Gurgurov, S. Novacov a pregătit și a publicat în limbile rusă și bulgară „Очерки истории кортенских храмов". În această lucrare a fost trasat drumul istoric al bisericilor din Corten (Bulgaria) și Corten (Moldova) ca centre ale culturii creștin ortodoxe, care i-a consolidat și i-a menținut spiritual pe bulgari.

Cu ocazia jubileului de 180 de ani de la întemeierea satului Corten din raionul Taraclia, în aceeași colaborare cu N. Gurgurov, S. Novacov a publicat monografia fundamentală „Село Кортен. Времена и судьбы". În baza unor ample materiale de arhivă, date statistice, surse literare și a unor memorii mai puțin cunoscute, introduse pentru prima dată în circulația științifică, pe care S. Novacov le-a adunat pe parcursul a zeci de ani în localitatea Corten (Moldova) și cea cu denumire identică din Bulgaria, autorul a urmărit pe parcursul ultimilor 200 de ani soarta acestor două localități, situate la o mare distanță una de alta și despărțite de două frontiere de stat. Recenzenții lucrării au comentat în felul următor importanța monografiei: „Este tocmai acea istorie vie, când în destinul unor săteni obișnuiți s-a reflectat ca într-o picătură de apă soarta statelor și popoarelor, războaiele mondiale și revoluțiile, <...> avem în fața noastră o enciclopedie care ne oferă informații despre viața bulgarilor din diaspora basarabeană (nu numai a celor din Corten) pe parcursul a 200 de ani, în toate manifestările ei". Această publicație a avut o mare rezonanță pozitivă atât în Moldova, cât și în Bulgaria, dar și în țările aflate în nemijlocita apropiere.

În anul 2010 S. Novacov a publicat o culegere a celor mai valoroase articole științifice pe care le-a scris – „Болгарская общность в Молдове и Украине (XIX–XX вв.). Страницы истории и культуры", destinată istoricilor, etnologilor, profesorilor universitari și celor

de liceu. În culegere au fost incluse cele mai interesante materiale de cercetare a istoriei și culturii bulgarilor din Moldova și Ucraina, care au fost publicate pe parcursul diferitor ani în Moldova, Bulgaria, Ucraina și Rusia, precum: „За българските преселници в Молдова и Украйна (I пол. XIX в.)"; „Традиции Бессарабских болгар и проблемы сохранения их идентичности"; „Бессарабские болгары в русско-турецкой войне 1877–1878 гг."; „Община и реформа П. Столыпина в болгарских и гагаузских поселениях", „Культурные и экономические связи народов Молдовы и Болгарии в прошлом и настоящем" ș.a.

Cu sprijinul etnografilor locali, S. Novacov a adunat și a pregătit în anii 2010–2012 materiale pentru culegerea „Болгарские фольклорные сказки, пословицы и поговорки из Молдовы и Сливенского края Р. Болгария". Aceste unice modele de creație populară vor fi păstrate pentru generațiile următoare ale bulgarilor, strămutați, aici datorită efortului lui S. Novacov, atitudinii lui serioase față de istoria plaiului nostru și înțelegerii profunde a acelor procese care au loc în prezent.

Doctorul în istorie S. Novacov și-a adus un aport considerabil și foarte valoros în dezvoltarea bulgaristicii și științei istorice din Moldova. Lucrările sale sunt pătrunse de adâncimea și complexitatea cercetărilor efectuate, erudiția și cunoașterea profundă a problemelor de cercetare.

În octombrie 2012 S. Novacov a plecat să locuiască definitiv în patria sa istorică – Bulgaria, stabilindu-se cu traiul în localitatea Corten din regiunea Sliven. Cunoscutul bulgarist s-a stins liniștit din viață în noaptea de 29 decembrie 2013.

S. Novacov a fost un remarcabil și talentat om de știință, cu o mare capacitate de muncă, un bun organizator al cercetării științifice, o persoană foarte disciplinată, competentă, cu cerințe deosebite față de calitatea cercetărilor efectuate și o atitudine nespus de onestă față de profesia sa. Rolul său în crearea și dezvoltarea centrului bulgariștilor din Moldova este de o valoare neprețuită. A fost o persoană foarte corectă cu colaboratorii și colegii săi, a dat dovadă de bunătate și receptivitate, bucurându-se de un înalt respect în cadrul sectorului și institutului unde a activat. Un intelectual adevărat, de o delicatețe și o modestie rară, cu suflet larg și generos, un familist minunat, un tată și un bunic grijuliu, S. Novacov s-a bucurat de dragostea și respectul tuturor celor care l-au cunoscut. Dragostea față de pământul natal, compatrioții săi și satul natal și-au găsit răsunetul în inimile consătenilor lui, care îi venerează memoria cu dragoste și respect deosebit. Savelie Novacov a lăsat în satul său natal Corten o urmă atât de profundă încât a devenit o parte a istoriei sale.

Literatura

Бодруг И. Вехи научной деятельности // Болгарская общность в Молдове и Украине (XIX–XX вв.). Страницы истории и культуры. Кишинев, 2010.

Грек И. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века. Кишинев, 1983.

Кара Н., Ковалов А. Новаков С., Гургуров Н. Село Кортен. Времена и судьбы // Revista de Etnologie și Culturologie. Vol. VII. Ch., 2010.

Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. Отв. ред. С. З. Новаков. Кишинев, 1993.

Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. Отв. ред. С. З. Новаков. Кишинев, 1995.

BIBLIOGRAFIA LUCRĂRILOR LUI SAVELIE NOVACOV

I. Monografii și culegeri de studii

1. Степной родник. 20 лет колхозу „Ленинский путь" Чадыр-Лунгского района. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1966. 50 с.

2. Укрепление колхозов Молдавской ССР (1950–1965). Ред. К. В. Стратиевский. Кишинев: Штиинца, 1978. 176 с.

3. Прошлое и настоящее с. Кирютня. Науч. ред. Л. Е. Бульмага. Кишинев: Штиинца, 1980. 93 с. (coautor Н. Н. Червенков).

4. Страницы истории с. Кортен (1830–1995). Кишинэу: Штиинца, 1995. 127 с. (coautor Н. Н. Гургуров).

5. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1857–1918). Науч. ред. И. Анцупов и И. Бодруг. Ch.: Tipografia Centrală, 2004. 578 с.

6. Очерки истории кортенских храмов в Молдове и Болгарии. Кишинэу: Tipografia Centrală, 2005. 124 с. (coautor Н. Н. Гургуров).

7. Село Кортен. Времена и судьбы. Кишинев: s. n., 2009. 534 с. (coautor Н. Н. Гургуров).

8. Болгарская общность в Молдове и Украине (XIX–XX вв.). Страницы истории и культуры. Кишинев: Tipografia Centrală, 2010. 213 с.

II. Articole științifice

9. Участие бессарабских болгар в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Юбилей дружбы. Сборник статей, посвященный 90-летию освобождения Болгарии. Кишинев, 1969. С. 79-88.

10. За българските преселници в Молдова и Украйна (I пол. на XIX в.) // Загорско знаме (България), 1993, бр. № 12-15.

11. Традиции бессарабских болгар и проблемы сохранения их идентичности // Etudes balkaniques. Sofia, 1994, № 4. P. 47-56; Reeditat în: Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. Сборник статей. Отв. ред. С. Новаков. Кишинев, 1995. С. 60-72 (coautor Е. Г. Белянина).

12. К истории освящения трехпрестольной во имя Преображения Господня, предтечи крестителя Иоанна и Архангела Михаила церкви в колонии Болград (Бессарабия, 15 октября 1838 г.) // Славянские культуры в иноязычной среде. Кишинев, 1995. С. 112-116 (coautor П. Старостенко).

13. Барбарова А. Песните бяха май все тъжни... Записал С. Новаков // Бесарабските българи за себе си. Съст. П.-Е. Митев и Н. Червенков. София, 1996. С. 169-183.

14. Община и реформа П. А. Столыпина в болгарских и гагаузских поселениях Бессарабии // Вопросы истории и культуры болгар Молдовы и Украины. Кишинев, 1997. С. 64-93.

15. Контакты и взаимозаимствования в сфере крестьянского материального производства среди колонистов болгарского и немецкого водворения на юге Бессарабии в XIX – начале XX вв. // Ежегодник Института межэтнических исследований АН Молдовы. Т. I. Кишинев, 2000. С. 41-46.

16. Историография по проблеме: «Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских поселений Южной Бессарабии в 1857–1917 гг.» // Ежегодник Института межэтнических исследований АН Молдовы. Том II. Кишинев, 2001. С. 66-72.

17. К истории развития шелководства в селениях болгар и гагаузов в Южной Бессарабии в конце XIX – начале XX в. // Ежегодник Института межэтнических исследований АН Молдовы. Том III. Кишинев, 2002. С. 29-34.

18. Бессарабские болгары в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Бессарабия и освобождение Болгарии. Кишинев, 2004. С. 68-76.

19. Первые шаги на пути к свету и знаниям в бессарабском Кортене // Ежегодник Института межэтнических исследований АН Молдовы. Т. V. Кишинев, 2004. С. 44-48.

20. Культурные и экономические связи народов Молдовы и Болгарии в прошлом и настоящем // Ежегодник Института межэтнических исследований АН Молдовы. Т. VI. Кишинев, 2005. С. 26-33.

21. Към историята на освещаването на трипрестолна църква в името на Преображение Господне, предтеча Кръстител Йоан и Архангел Михаил в колония Болград (Бесарабия, 15 октомври 1838 г.) // Revista de Etnologie şi Culturologie. Vol. VI. Chişinău, 2010. С. 68-71.

22. Културното наследство на бесарабските българи // Сохранение культурного наследия в странах Европы. Сборник докладов и сообщений Международной научной конференции, Кишинев, 25-26 сентября 2008. Кишинев, 2009. С. 373-380. Reeditat în: Българите в Република Молдова. Организационна дейност. Съст. И. Забунов. София, 2011. С. 519-524.

III. Redactor responsabil și științific

23. Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. Отв. ред. С. З. Новаков. Кишинев: Штиинца, 1993. 185 с.

24. Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. Отв. ред. С. З. Новаков. Кишинев: Штиинца, 1995. 106 с.

25. Вопросы истории и культуры болгар Молдовы и Украины. Отв. ред. С. З. Новаков. Chişinău: Ştiinţa, 1997. 124 с.

26. Болгарские народные сказки. Серия: «Сказки народов СНГ». Сост. С. З. Новаков. Chişinău: ARC, 2012. 160 с.

IV. Literatură despre autor și recenziile la cărțile lui

27. Bodrug I. Savelii Novacov la 70 ani // Ежегодник Института межэтнических исследований АН Молдовы. Т. VI. Кишинев, 2006. P. 182.

28. Банкова Э. С. Савелию Захаровичу Новакову – 75 лет // Revista de Etnologie şi Culturologie. Vol. VII. Chişinău, 2010. С. 120.

29. Бодруг И. Вехи научной деятельности // Болгарская общность в Молдове и Украине (XIX–XX вв.). Страницы истории и культуры. Кишинев, 2010. С. 6-13.

30. Даманчук Г., Попов Н. Фундаментальное научное исследование. // Ежегодник Института межэтнических исследований АН Молдовы. Том VI. Кишинев, 2006. С. 177–179.

31. Кара Н., Ковалов А. Рецензия: Новаков С. З., Гургуров Н. Н. Село Кортен. Времена и судьбы // Revista de Etnologie şi Culturologie. Vol. VII. Ch., 2010. С. 118.

32. Пономарёв А. Рецензия: Новаков С. З. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1857–1918). Науч. ред. И. Анцупов и И. Бодруг. Ch.: Tipografia Centrală, 2004. 578 с. // Міждисциплінарні гуманітарні студії. Studia historia. Серія: Історичні науки. Випуск 1. Київ, 2014. С. 158-165.

PETRU STOIANOV (1934–2007)

Nicolai CERVENCOV

PETRU STOIANOV – CERCETĂTOR AL FOLCLORULUI MUZICAL MOLDOVENESC ŞI BULGAR

Doctor habilitat Petru Stoianov, al cărui principale activități de cercetare și de creație au avut loc în mai multe departamente ale Academiei de Științe a Moldovei, a adus contribuții semnificative la studiul și promovarea muzicii populare moldovenești și bulgare.

Viața și opera lui Petru Stoianov merită o atenție specială din partea cercetătorilor. Din sursele analizate, am întâlnit despre el doar materiale informative privind ziua lui de naștere (Стоянов, 1986, 261; Ghilaş, 1995, 135-142; Петру, 2000, 186; Новаков, 2005, 168-169), povestiri din cartea despre satul său natal (Червенков, 2003, 743-744), informații sumare în articole privind activitatea Grupului de etnologie a bulgarilor al Centrului de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM (Новаков, 2014, 20; Челак, 2014, 55), inclusiv informații biografice despre el, unde pentru prima dată sunt utilizate materiale de arhivă ale AȘM (Думиника, 2014, 74-75), informații succinte dintr-o varietate de lucrări de referințe[1] și indici bibliografici tematici (Грек, 2003; Arta, 2013).

În acest articol vom încerca să prezentăm pe scurt activitatea științifică a folcloristului de muzică Petru Stoianov, care este asociată în special cu departamentele științifice ale Academiei de Științe a Moldovei, reflectând direcțiile principale ale intereselor sale științifice și arătând contribuția sa la studiul muzicii populare moldovenești și bulgare.

Petru Stoianov s-a născut pe 11 februarie 1934 în satul Ciișia, județul Cetatea Albă (acum s. Gorodnee, raionul Bolgrad, regiunea Odesa, Ucraina), în familia unui muzician din sat. Tatăl său Tudor (Feodor) Stoianov a fost un excelent cunoscător de muzică bulgară și era popular în întreaga Basarabie de Sud. El cu grijă păstra și dezvolta elementele de bază ale tradițiilor performanței muzicale, prin care a fost renumit satul său natal. Aici s-a păstrat bogata moștenire de cântece și muzică instrumentală bulgară. Mai mult de 80 de lucrări au fost incluse în faimoasa colecție al folcloristului bulgar acad. Nikolai Kaufman (Кауфман, 1982); ele sunt prezentate în alte publicații despre cântece și muzica populară bulgară.

Trei copii ai muzicianului Tudor Stoianov au mers pe urmele tatălui lor. Cel mai mic fiu, Ștefan Stoianov (1935–2002), s-a dedicat în întregime muzicii, devenind cunoscut cercetător, profesor de muzică și teoretician din Republica Moldova. Fiica Nadejda Stoianova (Gradescova) mult timp a predat în școală lecții de canto. Din anii de școală, toți descendenții familiei cu entuziasm învățau să cânte la acordeon, însușeau cunoștințele muzicale primare, cântau cu tatăl lor la nunțile din sat și dansau hora. Petru a avut toate condițiile necesare pentru obținerea cunoștințelor largi privind folclorul bulgar, în special cel muzical. În educația sa un rol important l-a jucat mama lui, Marina Stepanovna Stoianova, care era o femeie foarte înțeleaptă, poseda experiență de viață, inclusiv cea legată de exilul de cinci ani în Brazilia.

În perioada sovietică, Todor Stoianov a devenit victima represiunilor staliniste și a fost condamnat la un termen lung. Acest lucru nu l-a scăpat și pe cel mai mare fiu al său – Petru Stoianov. Studiind în centrul natal Novo Ivanovca, regiunea Odesa, în clasa a noua, în 1951, el a fost arestat și condamnat din motive politice. Acuzația a venit de la faptul că la una din lecții el și-a permis să susțină că există țări în care viața oamenilor e mai bună decât în Uniunea Sovietică.

În cazul tatălui condamnat, acest motiv a fost suficient pentru arestare. El a petrecut mai mulți ani într-un lagăr de construcție a canalului Volga-Don. Sufletul emotiv al tânărului nu a fost rupt, dar a fost rănit pentru toată viață. Nu-i plăcea să-și aducă aminte despre anii teribili ai tinereții sale ruinate. Noi, colegii, am încercat să discutăm despre acei ani, dar el evita conversații pe acest subiect. De asemenea el a refuzat să se încadreze în societăți și uniuni ale foștilor deținuți ai regimului stalinist.

După moartea lui Stalin, în 1954 tatăl și fiul au fost eliberați. Tatăl a murit la scurt timp, iar Petru a fost chemat în armata sovietică și a prestat serviciul militar în Smolensk (1954–1957). Acolo împreună cu fratele său Ștefan au cântat și au gestionat ansambluri de amatori atât din unitatea militară, precum și din oraș. Totodată, în anii serviciului militar el a primit educație secundară.

Cu o dorință puternică de a face studii superioare, imediat după serviciul militar, el a studiat la Facultatea Istorico-Filologică a Institutului Pedagogic din Smolensk, specialitatea „profesor de limba și literatura rusă, istorie" (1957–1962). Ulterior, el nu a activat după această specialitate, dar întotdeauna a subliniat că aceasta i-a dat foarte mult în viață, mai ales în activitatea sa științifică. Acolo a învățat multe lecții teoretice cu privire la folclor, a realizat importanța instrumentelor lingvistice în domeniul științei. Folosind cele trei limbi de lucru – rusă, bulgară și

română – el a fost foarte pretențios privind elaborarea textelor sale. A studiat limba rusă profesional, dar celelalte două a trebuit să le învețe pe cont propriu. Fiind de origine bulgar, știa limba din familie și din comunicare cu consătenii, dar era o variantă dialectală. Română a studiat-o doar în clasele întâi și a doua din școala primară. Cu toate acestea, mai târziu a reușit să învețe cele două limbi, potrivit experților, complet. A fost ferm convins că fiecare om ar trebui să cunoască atât limba maternă, cât și limba oficială a statului în care trăiește. De aceea, cu mare perseverență și consecvență le-a studiat de-a lungul vieții sale. În același timp, avea o bună cunoaștere a limbilor franceză și latină, de care avea nevoie în activitățile științifice.

În Smolensk și-a realizat marea dorința de a obține – educație muzicală. Alături de studiile sale la Institutul Pedagogic, a învățat în școala locală de muzică în clasa de canto și de clarinet, pe care a finisat-o în 1962.

După Smolensk, Petru Stoianov a revenit în meleagul său natal – Basarabia. El intenționa să se dedice muzicii. Ca urmare, se stabilește la Chișinău. Cu toate acestea, primii doi ani a trebuit să lucreze ca lector în Colegiul Republican de Educație Fizică. Dar din 1964 și până la sfârșitul vieții, munca sa a fost legată de activitatea muzicală. A început de la funcția de șef al Cabinetului de folclor din Casa Republicană de Artă Populară. Cu mare plăcere și entuziasm a vizitat diferite regiuni ale țării, unde a colectat creații de muzică și de artă populară. De multe ori își amintea cu recunoștință acei ani. Un volum mare al patrimoniului muzical colectat de el în aceste expediții va servi în următorii ani drept o bază importantă pentru elaborarea colecțiilor sale de folclor. Prima operă de acest gen a fost publicată în 1967, cu un an înainte de plecarea sa de la Casa de Artă Populară (Стоянов, 1967). În paralel, tânărul folclorist a studiat la secția fără frecvență în cadrul Institutului de Arte „G. Musicescu" în clasa de clarinet la celebrul clarinetist moldovean E. Verbițchii, absolvind-o cu succes în 1967.

În Chișinău, P. Stoianov a continuat să participe activ în spectacole de amatori. Multă energie și puteri artistice el a depus în cunoscutul colectiv muzical din anii '60 – „Miorița". El a lucrat ca maestru în cadrul concertelor, efectua aranjamentele, cânta în orchestră la acordeon și clarinet. Ansamblul a realizat mai multe concerte în Republica Moldova, a fost una din puținele echipe care a călătorit în străinătate. A pregătit ansamblul și pentru participarea acestuia la Festivalul Mondial al Tineretului în Algeria, dar în ajunul festivalului evenimentul a fost anulat. Ansamblul a fost trimis în Cipru, unde artiștii au fost întâmpinați foarte amabil de public și au fost primiți de primul președinte al țării, Arhiepiscopul Makarios. P. Stoianov a participat la turnee internaționale ale ansamblului în Ungaria și Elveția, precum și într-o serie de concerte din unele republici sovietice.

Din anul 1968, activitatea de muncă lui P. Stoianov a fost legată de Academia de Științe a Moldovei. Inițial, el a lucrat la Institutul de Istorie și Limbă în secțiunea Istoria artei, iar apoi – într-un departament independent de Etnografie și Artă, unde a lucrat până în 1991. Înainte de aceasta el a fost implicat mai ales în colectarea și procesarea muzicii naționale moldovenești, din acel moment interesul său principal consta în înțelegerea teoretică a acesteia. Mai mult de zece ani de muncă, folcloristul se preocupă de studiul ritmului doinei moldovenești. Cercetările în acest domeniu au fost efectuate pe o nouă bază metodologică, al căror rezultat este înțelegerea seculară a conceptelor teoretice de muzică și combinația celor mai noi metode precise de analiză a discursului muzical. Pentru prima dată, în studiul său au fost folosite și dispozitive tehnice. Anume din inițiativa lui, în cadrul Departamentului de Etnografie și Artă au fost achiziționate un osciloscop și alte dispozitive cu care au fost realizate cercetări asupra diferitor aspecte ale ritmului de muzică moldovenească. El solicită permisiunea de a efectua măsurători cu dispozitivele în una din stațiile pentru studierea cutremurelor. S-au găsit sute de metri de înregistrări tipărite și prelucrate. Aceste lucrări științifice de anvergură au fost reflectate inițial într-o serie de articole. În acestea, de exemplu, se cerceta corelația dintre quantité-tul lexical și quantité-tul tonal în cântecul popular moldovenesc (Стоянов, 1974), a fost ridicată problema ritmului doinei moldovenești (Стоянов, 1975), problema stării actuale a folcloristicii moldovenești (Стоянов, 1980) etc., care au devenit bază pentru scrierea celor două teze, precum și a monografiilor. Teza de doctor „Ritmul doinei moldovenești" a fost susținută cu succes în 1979, iar cea de doctor habilitat a avut tema „Melosul cântecelor populare moldovenești și probleme de vorbire muzicală" – în 1992.

Începând cu 1980, cercetătorul a conceput și a pus în aplicare, timp de cincisprezece ani, pregătirea și publicarea a trei monografii care reflectă diferite aspecte ale muzicii populare moldovenești. Prima – „Ritmul doinei moldovenești" (Стоянов, 1980) – este prima experiență de studiu monografic al doinei – unul din tipurile de cântec popular moldovenesc constituit istoric – prin studierea organizării ritmice a melodiei acesteia. Studiul ritmului doinei a fost efectuat pe două niveluri – al microformei și macroformei, prin aplicarea metodei analizei osciloscopice de precizie. Totodată, el s-a bazat pe realizările muzicologiei și ale foneticii experimentale. De o

valoare specială a fost metoda de segmentare a fluxului de vorbire, elaborată de fonetica experimentală și utilizată pentru prima data de cercetători pentru segmentarea fluxului cântecului. Avantajul său constă în posibilitatea de măsurare obiectivă și exactă a elementelor individuale al ritmului cântecului. Studiul a demonstrat că doina este al doilea tip de formare, care ocupă un loc important în repertoriul modern de creație muzicală a poporului moldovenesc, este un anumit stil de cântec constituit de-a lungul istoriei. S-a arătat că la baza formării și dezvoltării doinei stă legea similarității, exprimată în formă de simetrii temporale și spațiale, inclusiv de oglindire, și principiul variațional. O altă caracteristică importantă a acestui tip de melodii este o anumită încălcare de la strofă la strofă a unor structuri simetrice datorită acțiunii legii intonației vorbirii pe nivelul sillabo-hronusurilor de mărime mică. Activitatea omului de știință privind structura muzicală a doinei moldovenești a fost înalt apreciată de colegii săi (Junghietu, 1980).

Al doilea studiu monografic al muzicii populare moldovenești al lui P. Stoianov este monografia „Melodia moldovenească și problemele ritmului muzical" (Стоянов, 1984). Spre deosebire de prima lucrare, în aceasta sunt analizate problemele muzicii melodiei naționale, pe care aceasta o posedă. Autorul a venit cu ideea că acest strat acoperea cea mai mare parte a repertoriului de atunci și includea cântece, genuri instrumentale și coregrafia populară. În acest studiu, sunt identificate criterii și se oferă argumente pentru sistemul metric al melodiilor de dansuri populare din Moldova și acea parte din melodiile naționale care, prin arhitectonica lor, sunt similare celor de tip *dinamis*. Se analizează în monografie și melodii fără o astfel de organizare, ci cu anumite caracteristici distincte care le face să fie adiacente acesteia din urmă. Savantul a concluzionat că tipologia cântecului popular moldovenesc este elaborată la nivel de microforme – cântări sillabo-hronetice și compușii lor becarnice, și la nivel de microforme – sintagme ritmice și strofe.

Problemele formării modalului și melodiei în mod specific sunt abordate în al treilea studiu monografic (Стоянов, 1990), care a încheiat o serie de lucrări teoretice ale folcloristului P. Stoianov despre muzica populară moldovenească. Acesta a discutat în detaliu problemele legate de elementele de bază ale organizării modale și melodice al cântecului popular. Aceasta a avut loc pe o nouă bază metodologică, care a constituit rezultatul gândirii critice, al sintezei experienței interne și externe în problemele legate de modelarea sistemelor de tonuri în diferite epoci – din antichitate și până în prezent. Studiul a demonstrat că în melodia cântecului popular moldovenesc există șapte tone de bază, fiecare dintre ele având în spațiul muzicii un loc special în raport cu altele. Un aspect important al studiului rezidă în a identifica natura relației dintre dezvoltarea liniilor melodice de spațiu tonal și funcțiile ultimului în structura modală a piesei.

Astfel, în cercetările sale P. Stoianov a dezvoltat pentru prima oară aspectele teoretice ale morfologiei melodiei moldovenești. De asemenea, el a dat o fundamentare științifică ritmică, sisteme metrice și ametrice ale muzicii populare moldovenești, a studiat o varietate de forme ale existenței lor în etapa actuală. În studierea sistemelor de sonorizare cântecului popular moldovenesc, el a descoperit și a teoretizat micro și macrostructuri tonale, care și-au găsit expresia într-o serie de sisteme modale, pe care le-a numit paradigme de freturi. Pe această bază, el ajunge la concluzia că melodiile populare din Republica Moldova sunt o ilustrație vie a prevederilor teoretice ale doctrinei muzicale antice, sugerând un continuum în gândirea muzicală a diferitor etnii, vârste și culturi. Cercetătorul dă o nouă interpretare prevederilor doctrinei muzicale antice, date uitării de etnomuzicologia europeană, și o aplică drept una din componentele metodei sale științifice.

Consultant științific al tezei de doctor și editor al monografiilor lui P. Stoianov a fost celebra folcloristă ucraineană, prof. S. Grița. Acești oameni de știință – coordonatorul și elevul – au fost uniți de dragostea și devotamentul față de arta populară, dorința de a o conserva și de a o cerceta prin noi abordări metodologice.

Împreună cu studiul problemelor teoretice ale muzicii populare moldovenești, el se ocupă de problemele generale din acest domeniu muzical. Despre direcția și importanța acestora vorbesc denumirile: „Muzica populara moldoveneasca astăzi" (Народные, 1980), „Folclorul muzical moldovenesc și punerea acestuia în operele compozitorilor" (Стоянов, 1990) În același timp, omul de știință începe să exploreze noi aspecte ale tradițiilor muzicale din Moldova. De exemplu, el a fost unul dintre întemeietorii studierii în Moldova a unui subiect atât de important și puțin cunoscut de pe atunci precum tema „Dimitrie Cantemir și muzica" (Стоянов, 1981), care a fost reflectată în monografia (Ghilaș, 2004) și în anul 2013 în teza de doctor habilitat a dr. Victor Ghilaș.

Anii '70–'80 ai secolului al XX-lea reprezintă perioada în care, împreună cu o analiză teoretică profundă a muzicii populare moldovenești, P. Stoianov publică pe larg moștenirea bogată a folclorului moldovenesc. Acestea sunt colecții de muzică bine cunoscute experților și amatorilor cântărilor instrumentale moldovenești: *500 melodii de jocuri din Moldova.* Chișinău: Cartea Moldovenească, 1979. 391 p.; și *În grădina cu flori multe.* Chișinău, 1980. 246 p.

Concomitent cu publicarea patrimoniului muzical, P. Stoianov este angajat în prelucrarea cântecelor populare pentru orchestre și soliști. Printre aceștia din urmă au fost artiștii distinși ai republicii Ion Bass și Valentina Cojocaru, ai Ansamblului de Dansuri și Orchestrei „Miorița" ș.a. Personal am asistat când cântărețul popular Nicolae Sulac îi solicita lui lui Petru Fedorovici să prelucreze un cântec comic popular bulgar „Имате ли вино?" (Aveți vin?). Mai târziu, la una din reuniuni el a cântat-o, dar din câte eu cunosc, aceasta nu a fost inclusă în repertoriul artistului.

Savantul a publicat zeci de articole în literatura enciclopedică. Printre acestea se numără „Muzică populară", „Muzică populară moldovenească", „Instrumente muzicale populare moldovenești" (Стоянов, 1982, 421-422; Stoianov, 1981, 466-468; Stoianov, 1986, 64-65). Acestea au inclus și articole despre folclorul bulgar.

Folcloristul moldovean a participat cu regularitate la conferințe naționale și internaționale, unde a prezentat metodele sale de cercetare a tradițiilor muzicale moldovenești. A fost bucuros, având posibilitatea de a participa în 1989 în Simpozionul internațional din Budapesta, unde a publicat comunicarea sa (Stoianov, 1989, 549-552); după aceasta el și-a creat relații strânse cu savanți-folcloriști din diverse țări.

În 1989, în cadrul Institutului de Cercetări Interetnice, a fost creat Sectorul de bulgaristică. P. Stoianov a fost unul dintre cei care într-adevăr au luptat pentru deschiderea acestui sector și a fost mulțumit că a creat o astfel de unitate în cadrul Academiei de Științe a Moldovei. Cu deschiderea acestei unități științifice au fost legate mari așteptări de a se ocupa mai strâns de muzica populară bulgară. Așa cum am menționat, el a fost implicat în acest proces, dar lucrul a fost realizat sporadic și a ocupat un loc secundar în activitatea sa științifică. El a vrut, în primul rând, să suprapună metodologia elaborată pentru studierea muzicii populare moldovenești asupra celei bulgare. În același timp, spera să descifreze numeroasele înregistrări colectate pe parcurs. A vrut foarte mult să publice colecții speciale ale muzicii bulgare, inclusiv tematice, regionale, de autor etc.

În departamentul de bulgaristică, care în cele din urmă a devenit cunoscut sub denumirea de Departamentul de studii bulgare, el a fost promovat în funcția de cercetător principal în ianuarie 1990, iar în iunie 1991 a devenit cercetător de frunte. Lucrând în acest departament, a susținut în 1992 teza pentru gradul de doctor habilitat în studiul artelor. În paginile lucrării P. Stoianov a sistematizat cercetările sale în domeniul muzicii populare moldovenești (Стоянов, 1992). Scopul tezei era direcționat spre cercetarea bazelor teoretice ale melosului în cântecul popular moldovenesc. Din 1996, P. Stoianov a devenit cercetător-șef al departamentului în cauză. Poziția sa în noul departament academic este foarte complet și corect descrisă de una dintre primele sale angajate, Celac Ecaterina, care a remarcat: „Cercetător și lexicograf, fără rezerve dedicat științei, a trecut prin cruzimea taberelor lui Stalin, din cauza convingerilor sale patriotice, el a avut un impact enorm mai ales pentru tinerii oameni de știință. Suntem foarte încurajati de exemplul lui de dăruire și loialitate față de activitatea preferată. Folclorul bulgar colectat și conservat de savant a fost meticulos prelucrat în cadrul departamentului, în prezența noastră. Și metodele sale de lucru, decodarea înregistrărilor au fost de asemenea o școală adevărată pentru tinerii oameni de știință – în special pentru etnologi și lingviști" (Челак, 2014, 55).

La conferința din 1991 organizată în Harkov, de Asociația Interrepublicană a Bulgariștilor, el a prezentat o viziune generală a folclorului bulgarilor basarabeni, a determinat direcțiile de cercetare a acestuia (Стоянов, 1991, 142-143). Aici, el a anunțat intenția de a se preocupa în mod special și mai strâns de folclorul bulgar, a identificat interese și direcții de cercetări viitoare în acest domeniu. El intenționează să publice moștenirea folclorică a compatrioților săi din Basarabia. În primul rând își îndeplinește visul mult râvnit – reeditarea melodiilor cunoscutei cântărețe basarabene de cântec popular bulgar – Elena Iancova (Стоянов, 1993, 84-105). Importantă este și publicația despre patrimoniul muzical al satului Karagach, apărută în jurnalul bulgar despre folclor (Стоянов, 1994, 35-59).

Cu mare entuziasm, perseverență și dăruire, el a început să lucreze asupra unor importante aspecte teoretice ale muzicii populare bulgare, care sunt melodia și fretul. El nu ascunde faptul că a folosit aici mai multe metode demonstrate deja în cadrul studiului muzicii populare moldovenești. Cu toate acestea, a fost necesar să se meargă mai departe, să îmbunătățească cercetările. Personal am fost martor în ceea ce privește grija și responsabilitatea cu care el a abordat această muncă. Acest lucru este demonstrat de articolele sale privind această temă, cum ar fi relația între doctrina muzicală antică și cântecele populare bulgare (Стоянов, 2000, 61-168), despre specificul melodiei cântecelor populare bulgare (Стоянов, 2002, 170-176). Totodată, dezvăluie elementele comune dintre cântecele populare bulgare și cele moldovenești (Стоянов 1998, 181-186).

Până în 2002 a fost pregătită pentru publicare monografia despre muzica populară bulgară. Cu toate acestea, din cauza lipsei mijloacelor financiare, aceasta încă mult timp nu a fost publicată. Varianta originală în rusă niciodată nu a văzut lumina tiparu-

lui. Numai în 2006, în Veliko Târnovo, datorită eforturilor depuse de Societatea Ştiinţifică a Bulgariştilor din Republicii Moldova şi sponsorizării preşedintelui Asociaţiei Bulgarilor din Ucraina, deputatului Radei Supreme Anton Kisse, monografia multaşteptată dedicată muzicii populare bulgare a fost publicată în limba bulgară, ceea ce, fără îndoială, a fost un eveniment marcant în folcloristica din regiune (Стоянов, 2006). În ultimii ani ai vieţii sale, P. Stoianov a fost grav bolnav şi a fost foarte bucuros să-şi vadă publicată, potrivit lui, cea mai dragă şi valoroasă operă.

Pe o bază metodologică, care a fost rezultatul unei analize critice a problemelor de tonalitate, şi teoria modernă despre modalităţi, autorul este în căutarea unei tonalităţi antice în cântecele populare bulgare şi dovedeşte cu succes că rădăcinile muzicii populare bulgare se găsesc în muzica antică. Analiza se bazează pe materiale colectate din diferite culegeri de folclor muzical publicate în secolul al XX-lea. Au fost folosite şi materiale de folclor din arhiva personală, astfel fiind analizate mai mult de 10 mii de cântece populare.

Monografia lui precum şi alte studii au arătat că în procesul formării sale melodia cântecului popular poate însuşi nu doar una, ci două şi mai multe tonalităţi în care aceleaşi sunete sau homofone sunt de natură polisemantică, adică, cu o schimbare în ton, se schimbă şi funcţiile acesteia. De aici a urmat concluzia că scările sonore în piesă sînt la fel de multe ca şi tonalităţile, nu una precum se credea anterior. În acelaşi interval de timp au fost identificate tonalităţile antice de bază ale cântecului popular bulgar. Acestea s-au datorat faptului că melodia tracă care a fost bine cunoscută de muzicienii antici greci, mai târziu, odată cu apariţia slavilor în Balcani şi formarea grupului etnic bulgar, a avut un impact semnificativ asupra creativităţii folclorice a acestuia şi a constituit baza lui melodică. Analiza aprofundată a determinat autorul să concluzioneze că din cele 15 tonalităţi antice sau raporturi tonale, 14 funcţionează în cântecele populare bulgare, din care 13 în calitate de melodii iniţiale în verset formează macrosistemul său tonal. Sunt importante şi concluziile lui P. Stoianov despre scara sonoră şi fretul.

Studiul dat, precum şi monografiile şi articolele menţionate mai sus, au fost realizate în special pe baza benzilor cu folclorul moldovenesc şi bulgar colectate şi înregistrate în teren, care se păstrează în fondurile Academiei de Ştiinţe a Moldovei şi în arhiva personală al autorului. După apariţia cărţii, agenda autorului a fost reactualizată cu noi planuri ştiinţifice. În primul rând, el lucra la descifrarea cântecelor bulgăreşti colectate. Deja au fost prelucrate câteva sute. Cu regret, P. Stoianov s-a stins din viaţă şi nu a reuşit să finalizeze această lucrare importantă. Prin urmare, este necesar să fie găsit un specialist care va fi angajat în acest sens.

Odată cu preocuparea muzicii populare bulgare, în calitate de şef al secţiei muzicii de la Institutul de Etnografie şi Artă el a continuat să efectueze o analiză teoretică a folclorului moldovenesc. Ca rezultat, de exemplu, a fost articolul său despre problema tonalităţii muzicale (Stoianov, 2001, 158-166). Publica articole generale despre folclorul muzical din Moldova (Stoianov, 2003, 5-55). În acelaşi timp, el este implicat în prelucrarea cântecelor populare din Găgăuzia, descifrându-le pe notaţie muzicală (Gagauz, 2001).

Lucrând la Institutul de Cercetări Interetnice, el a continuat să fie membru al mai multor consilii ştiinţifice, a lucrat în Uniunea Compozitorilor. A fost implicat în calitate de preşedinte al comisiilor la examenele de stat la Institutul de Arte. A fost referent la susţinerea multor teze de doctor. Cu mare atenţie urmărea evoluţia situaţiei politice după proclamarea independenţei Republicii Moldova, saluta acţiunile întreprinse de organizaţiile de stat şi societatea civilă pentru a sprijini şi dezvolta cultura poporului bulgar. Făcând parte din departamentul şi institutul unde a activat, a participat la elaborarea unor documente care vizează rezolvarea problemelor naţionale şi dezvoltarea diasporei bulgare din ţară. Cu toate acestea, el a evitat să se alăture şi să participe la asociaţiile naţionale culturale bulgare, crezând că toată activitatea sa ştiinţifică vizează păstrarea identităţii naţionale a compatrioţilor săi. În acelaşi timp, el a fost de acord să fie membru al Societăţii Ştiintifice a Bulgariştilor din Republica Moldova, având în vedere că a fost creată cu titlu profesional.

A participat la un număr mare de conferinţe internaţionale, la recomandarea şi cu participarea lui au fost elaborate şi implementate anumite proiecte bulgare de cercetare, ale căror rezultate au fost folosite în monografia despre folclorul bulgar şi în mai multe articole şi discursuri. La sugestia Biroului Minorităţilor Naţionale din cadrul Ministerului Educaţiei al Republicii Moldova, P. Stoianov a pregătit o colecţie de cântece pentru elevii bulgari, care, din păcate, nu a fost publicată, şi manuscrisul a fost pierdut, iar acest lucru l-a făcut să regrete mult dispariţia acestor materiale.

Astfel, rezultatul activităţii ştiinţifice a domnului P. Stoianov este de aproximativ 15 cărţi (monografii, culegeri de cântece populare, compilaţii de cântece populare pentru orchestră, solişti) şi peste 50 de articole şi recenzii. În opera ştiinţifică a savantului folclorist se profilează trei etape. Primul, cel mai scurt, cuprinde anii 1962 şi 1966, când viitorul savant se ocupă activ de colectarea şi prelucrarea materialelor despre muzica populară bulgară şi moldovenească. Al doilea, cel mai lung, cuprinde perioada de la 1966

la 1990, când el se ocupă de folclor, cu publicarea acestuia, precum și de problemele teoretice ale muzicii populare moldovenești, publicând o trilogie pe această temă. În cele din urmă, în a treia și cea finală etapă, el a fost complet preocupat de problemele folclorului bulgar.

Notă

[1] http://enc-dic.com/enc_biography/Stojanov-petr-fedorovich-16641.html; http://www.slovarist.ru/bbe/stoyanov-petr-fedorovich (accesat: 9.04.2015)

Literatura

Arta Moldovei 1975–2005. Bibliografia. Vol. II. Muzică și coregrafie. Ch., 2013.

Gagauz halk türküleri. Ch., 2001.

Ghilaș V. Dimitrie Cantemir în istoria culturii muzicale. Ch., 2004.

Ghilaș V. Petru Stoianov [60 de ani de la nașterea etnomuzicologului] // Revistă de Etnologie. Ch., 1995, № 1.

Junghietu E. O nouă definiție a doinei // Literatura și Arta. Chișinău, 1980, 9 octombrie.

Stoianov P. Cu privire la problema tonalității // Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice. Vol II. Ch., 2001.

Stoianov P. Folclorul muzical moldovenesc: Bazele teoretice ale melodicii cântecului popular moldovenesc; Elementele principale ale ritmului muzical; Formele strogice și astrogice (bocetul, balada, doina) ș.a. // Folclorul muzical în Moldova și creația componistică. Ch., 2003.

Stoianov P. Muzică populară moldovenească [notă istorică] // Literatura și Arta Moldovei. Vol. 2. Ch., 1986.

Stoianov P. Muzică populară [notă istorică] // Enciclopedia Sovietică Moldovenească. Ch., 1981.

Stoianov P. Symnetry and Moldavian melos (measure, scale, mode) // Symnetry of Struture and interdisciplinary Sumposium. Abatracts II. Budapest, 1989.

Грек И. Болгары Молдовы и Украины. Библиографический указатель литературы. Составители: И. Грек, Е. Челак, Н. Червенков, И. Шпак. Науч. ред. Н. Червенков. Кишинев, 2003.

Думиника Ив. Сътрудниците на групата „Етнология на българите" (1989–2014 г.). Биобиблиографски бележки // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Кауфман Н. Народни песни на българите от Украинска и Молдавска ССР. София. Т. 1, 1982; Т. 2, 1982.

Молдавский музыкальный фольклор и его претворение в композиторском творчестве [редкол.: В. В. Аксенов, П. Ф. Стоянов (отв. редакторы) и др.]. Кишинэу, 1990.

Новаков С. Двадесет и пет години на групата „Етнология на българите" на Института за културно наследство към АНМ // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Новаков С. Петру Федоровичу Стоянову – 70 лет // Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice. Vol. V. Ch., 2005.

Петру Стоянов // Литература ши Арта Молдовей. Енчиклопедие. Кишинэу, 1986.

Петру Федоровичу Стоянову – 65 лет // Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice. Vol. I. Ch., 2000.

Стоянов П. 333 народные песни Елены Янковой из с. Хасан-Батыр (Бессарабия) – памятник духовной культуры болгарского народа // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры Молдовы и Украины. Кишинев, 1993.

Стоянов П. Античная музыкальная доктрина и болгарская народная песня // Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice. Vol. I. Ch., 2000.

Стоянов П. Българска народна песен. Тоналност, лад и мелодика. Велико Търново, 2006.

Стоянов П. Български народни песни и хора от с. Карагач, Южна Бесарабия // Български фолклор. Т. XX. София, 1994, кн. 1.

Стоянов П. Взаимосвязь между лексическим квалитетом и тоновым квантитетом в молдавской народной песне // Эстетика молдавского фольклора. Кишинев, 1974.

Стоянов П. Вопросы формирования лада и мелодики в молдавской народной песне. Науч. ред. С. И. Грица. Кишинев, 1990.

Стоянов П. Димитрие Кантемир. Теоретичиан музикал ши композитор // Дестинул инорогулуй (омажиу луй Д. Кантемир). Кишинев, 1981.

Стоянов П. Кынтиче популаре молдовенешть. Кишинэу, 1967.

Стоянов П. Мелос молдавской народной песни и проблемы музыкальной речи. Автореф. дисс. ... докт. искусствоведения. Киев, 1992.

Стоянов П. Молдавская народная музыка на современном этапе // Народные традиции и современность. Кишинев, 1980.

Стоянов П. Молдавский мелос и проблемы музыкального ритма. Науч. ред. С. И. Грица. Кишинев, 1984.

Стоянов П. Народная музыка в Молдове. Историческая справка // Советская Молдавия: краткая энциклопедия. Кишинев, 1982.

Стоянов П. О болгарском фольклоре в Бессарабии // Болгаристика в системе общественных наук. Харьков, 1991.

Стоянов П. О ритмике молдавской дойны (Микропроцессы) // Искусство Молдавии: исследования и материалы. Кишинев, 1975.

Стоянов П. Общие элементы в болгарской и молдавской народной песне // Relațiile moldo-bulgare în epoca medie și modernă. Chișinău, 1998.

Стоянов П. Ф. Ритмика молдавской дойны. Науч. ред. С. И. Грица. Кишинев, 1980.

Стоянов П. Тайны мелоса болгарской народной песни (некоторые аспекты музыкальной речи) // Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice. Vol III. Ch., 2002.

Челак Е. Отдел болгаристики: вызовы и достижения (1997–2004 гг.) // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Червенков Н. Стоянов Петр Федорович // Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. Одесса, 2003.

Vasile CHISELIȚĂ

PETRU STOIANOV – SAVANTUL, MUZICIANUL ȘI ÎNDRUMĂTORUL

Au trecut mai mulți ani de când ne-a părăsit întru cele veșnice Petru Stoianov (1934–2007), unul dintre reputații exegeți ai melosului folcloric din Moldova de la est de Prut, savant etnomuzicolog cu renume, doctor habilitat în studiul artelor, remarcabil muzician, talentat om de creație, un mare suflet de artist și animator al vieții culturale, deopotrivă cunoscător, cercetător și promotor asiduu al culturii muzicale etnice a moldovenilor/românilor și bulgarilor basarabeni. Studierii muzicii tradiționale a meleagului natal și-a dedicat cea mai mare parte a vieții sale. Petru Stoianov a lăsat generațiilor succesoare valoroase studii științifice, monografii, publicații de materiale, înregistrări fonogramice de teren, transcrieri muzicale, prelucrări de cântece și melodii populare pentru artiștii vremii, toate constituind un aport substanțial la dezvoltarea culturii naționale, a științei etnomuzicologice din republică, la cunoașterea, tezaurizarea și valorificarea patrimoniului cultural național. Numele său a înscris o filă importantă în istoria culturii muzicale din Republica Moldova. Contribuția lui P. Stoianov merită să fie recitită, reevaluată și redescoperită din perspectiva contemporaneității. Opera sa e demnă de o mai bună cunoaștere, promovare și valorificare. Puține sunt fotografiile și imaginile cu această personalitate, care s-au păstrat pentru posteritate.

L-am cunoscut personal în anul 1984, când am înaintat, la sugestia și recomandarea prof. Vasile Crăciun, mare pedagog, muzician, distins conducător și coleg de catedră la Institutul de Stat al Artelor „Gavriil Musicescu", cererea de a fi înscris în calitate de competitor la secția doctorantură a Academiei de Științe a Moldovei (RSS Moldovenească). Petru (Piotr Fiodorovici) Stoianov era pe atunci unicul specialist etnomuzicolog, doctor în muzicologie, savant cu reputație deosebită și cu un stagiu solid în domeniu, pe care și-l durase, încă din anul 1968, în cadrul Secției de Etnografie și Studierea Artelor, ca unitate autonomă de cercetare. Prezentându-mi tema, experiența acumulată în domeniu și interesele științifice, pe care mi le conturasem anterior, pe parcursul activității de lector universitar, Domnia Sa m-a susținut și a acceptat, fără ezitare și cu căldură, să-mi fie îndrumător și, totodată, conducător științific al tezei de doctorat cu tema „Folclorul muzical din regiunea Cernăuți", o abordare monografică. Peste un an, în 1985, odată cu fondarea, în premieră, a Sectorului Muzicologie în cadrul aceleiași instituții academice, am devenit colegi și prieteni, împărtășind deopotrivă problemele, dificultățile, eforturile și realizările în anevoiosul proces de consolidare a direcției de cercetare etnomuzicologică în cadrul Academiei de Științe a Moldovei (AȘM), activând alături și în contact direct cu grupul mult mai numeros de muzicologie clasică, condus de Izolda Miliutina și onorat de colaborarea lui Vladimir Axionov, Elvira Golubeva, Galina Kuzmina, Olga Goreanskaia și Dima Zagorschi. Conlucrarea noastră s-a fructificat, în special, în cadrul primului proiect instituțional cu tema „Elaborarea recomandărilor privind dezvoltarea folclorului în contemporanietate" (1985–1988). Petru Stoianov mi-a fost, la acea vreme, un veritabil inițiator și îndrumător în profesie, un bun dascăl, sfătuitor și susținător, un om cu suflet generos. El a constituit pentru mine un adevărat model de perseverență, dăruire și abnegație profesională, un maestru al datoriei și onoarei, care ne-a precupețit din munca și răbdarea sa pentru a-mi împărtăși din experiența-i bogată de cercetare și de cunoaștere a muzicilor tradiționale, contribuind efectiv la formarea și consolidarea bazei metodologice și teoretice, atât de necesară unui tânăr specialist, mai ales în perioada incipientă de activitate în domeniu.

Fig. 1. Petru Stoianov (în centru), cu profesorii și absolvenții catedrei *Canto popular,* după examenul de licență. În prim plan: stânga – prof. Nicolae Chiosa, dreapta – prof. Gleb Ceaicovschi-Mereșanu. Chișinău, AMTAP, 1994.

Sub îndrumarea profesorului meu, în anul 1986, am participat la prima conferință științifică a tinerilor savanți din cadrul Academiei de Științe. În același an, alături de el, am luat parte și la Conferința repu-

blicană pe probleme de folclor, desfășurată la sala Palatului Feroviarilor din Chișinău. Era prima reuniune științifică de profil de la începutul faimoasei perioade de reforme, inițiate de Mihail Gorbaciov, cunoscută sub denumirea de „perestroika". La această conferință s-au manifestat primele încercări de liberalizare a abordării științifice în domeniu, cerându-se recunoașterea publică a valorii estetice și istorice a folclorului autentic, până atunci puternic estompat, marginalizat, eclipsat, cenzurat și chiar substituit de formele oficiale ale culturii zise „populare", difuzate prin ansamblurile academice „de cântece și dansuri populare", de colectivele artistice de amatori, toate acreditate, instituționalizate, sponsorizate și controlate de guvernarea și ideologia comunistă. Țin minte reacția acidă și extrem de dură a unor „culturnici" în adresa noii Catedre *Canto popular* și, în special, în adresa prof. Gleb Ceaicovschi-Mereșanu, care tocmai reușise să o înființeze la Conservatorul de Stat „G. Musicescu", în toamna aceluiași an. Politrucii liniei conservatoare a ideologiei comuniste au demonstrat o poziție intransigentă în cadrul dezbaterilor. Ei se arătau extrem de deranjați anume de filosofia și orientarea acestei instituții și a conducătorului ei, care-și propunea să colecteze, să tezaurizeze, să restaureze, să revitalizeze și să valorifice în programul învățământului universitar de specialitate anume sursele și formele de „folclor autentic", percepute a fi contrapuse formelor oficiale, pseudofolclorice, contrafăcute sau stilizate „în spiritul creației muncitorilor și a țăranilor colhoznici". Pe valul intensificării mișcării folclorice din fosta URSS, deosebit de manifestă la răscrucea anilor 1960–1970, marcată ulterior de evoluția fulminantă a Ansamblului folcloric experimental, condus de charismaticul folclorist Dmitri Pokrovski din Moscova, în republică a crescut simțitor prestigiul culturii etnice, intensificându-se totodată procesele redeșteptării conștiinței naționale. Înființarea Catedrei *Canto popular* se înscria în acest trend cultural ascendent, nu tocmai pe placul activiștilor ideologici ai timpului. Căzută din start în dizgrația oponenților conservatori din cadrul Conferinței citate, această catedră materializa însă un proiect cultural mai vechi, inițiat pe la începutul anilor 1980 de cunoscuta cântăreață de muzică populară, prof. univ. Tamara Ciobanu, ce-și încheiase bogata carieră artistică în orchestra „Fluieraș", purtând titlul de cavaler a numeroase distincții guvernamentale și de stat, beneficiind de o reputație impecabilă în rândurile conducerii de partid, pe atunci activând în calitate de președinte al *Societății muzical-corale moldovenești*.

Petru Stoianov era adeptul cercetării monografice a folclorului, o metodă și viziune exegetică inovativă, de natură interdisciplinară. Elaborată încă în perioada interbelică, fundamentată și aprofundată în lucrările unor specialiști de renume (să-i cităm aici pe Bela Bàrtok, Constantin Brăiloiu, Boris Asafiev), această metodă s-a impus cu autoritate în cele mai prestigioase centre de cercetare academică și universitară din Europa, SUA și URSS. Cercetarea monografică pune un accent special pe evidențierea aspectelor sociologice ale culturii muzicale tradiționale (orale), pe studierea mecanismelor ei de funcționare în comunitățile rurale, considerate a fi cele mai puternice focare de conservare a autenticității și identității culturale naționale în epoca modernă. Metoda monografică a favorizat apariția și dezvoltarea unei noi discipline autonome, numită „Folclorul muzical", care va deveni, în a doua jumătate a secolului al XX-lea, o excelentă punte de legătură dintre etnomuzicologia și antropologia muzicală. Abordarea monografică presupune cercetarea complexă și exhaustivă a diverselor aspecte ale muzicii tradiționale (repertorii, obiceiuri, tradiții, practici, genuri, stiluri, modalități specifice de cântare, unelte și instrumente sonore, formații muzicale etc.), evidențierea relației dintre creație, interpretare și contextul social, economic, cultural al unor anumite regiuni, zone etnografice sau localități. Îndeplinind funcții vitale concrete, muzica tradițională constituie un factor de coerență, unitate și continuitate a grupurilor (unităților) sociale sau profesionale. De aceea, din perspectiva metodei monografice, un rol definitoriu în procesul cercetării îl are anume munca de teren, adică colectarea datelor

și a materialelor *in situ,* în interiorul comunităților, în procesul viu de funcționare. Etapa colectării materialelor procură astfel semnificația unui principiu cu valoare epistemologică. Ea constituie deopotrivă o premisă, un atribut și o bază obiectivă a cercetării.

Ca savant, Petru Stoianov a profesat un adevărat cult pentru cercetarea de teren, pe care o considera a fi piatra de încercare și „anticamera" oricărui studiu etnomuzicologic. Din atare motive, protagonistul nu se grăbea să scrie lucrări științifice la întâmplare, fără a se documenta temeinic și minuțios cu privire la materialele de teren, pe care, mai întâi, le audia, le transcria, iar ulterior le supunea analizei și comparației. Colectarea personală a datelor muzical-etnografice din teritoriu, prin metoda observației directe, releveului, interviului, chestionării tematice, înregistrării fonogramice, dar și prin tezaurizarea, crearea de fonduri, transcrierea și sistematizarea materialelor muzicale constituia pentru Domnia Sa, așa cum el însuși adesea afirma, „un prim complex de măsuri, absolut indispensabil cercetării în domeniu". O astfel de atitudine riguroasă, pe care a cultivat-o de-a lungul activității sale profesionale, a dat roade bogate. Ea s-a materializat, mai întâi de toate, în elaborarea și publicarea unor colecții antologice de materiale, de cântece și melodii instrumentale, o bună parte inedite, culese de el personal sau preluate din arhivele preexistente, pe care le-a transcris și sistematizat, începând cu perioada când colabora cu Casa republicană de creație populară și activitate artistică din Chișinău (1964–1968), concomitent cu studența la Institutul de Stat al Artelor, în clasa de clarinet a prof. Eugen Verbețki. Printre volumele de referință la acest capitol se evidențiază: *Cântece populare moldovenești* (1967); *500 melodii de jocuri din Moldova* (1972); *Cântece și melodii de jocuri populare moldovenești* (1975); *În grădina cu flori multe* (1980), ultimele două – în colaborare cu regretatul folclorist Efim Junghietu, un bun prieten și coleg de la Institutul de Filologie al AȘM. Pentru transcrierea materialului muzical vocal prefera, cu mici excepții, să utilizeze metoda, mai puțin potrivită, a lui B. Bàrtok, în consens cu care plasa finalele tuturor cântecelor, indiferent de structura lor modală, pe nota *Sol* a portativului.

Principiul supremației și preeminenței muncii de teren mi-a fost insuflat și mie. Astfel, la începutul carierei mele de cercetare, Petru Stoianov m-a încurajat în efectuarea numeroaselor expediții de colectare a materialelor. Grație acestui deziderat metodologic al maestrului, am realizat, în primii ani de activitate pe tărâmul cercetării, inclusiv în perioada studiilor doctorale la Leningrad/Sankt Petersburg (1988–1990), cele mai importante culegeri și înregistrări muzicale, în raioanele de nord ale Republicii Moldova și în nordul Bucovinei (reg. Cernăuți, astăzi – Ucraina). Am acumulat un fond solid de materiale fonogramice, informații și date etnografice din teritoriu, apte a-mi oferi un tablou general privind stadiul actual (la acea vreme) de evoluție, particularitățile creației și circulației genurilor și a tipurilor muzicale, factorii și specificul stilurilor zonale, structura socio-funcțională a repertoriului, stratificarea diacronică, fondul mai vechi și mai nou de creații, tendințele și dominantele estetice, influențele urbane și străine, relațiile interetnice în arta tradițională, organologia populară etc.

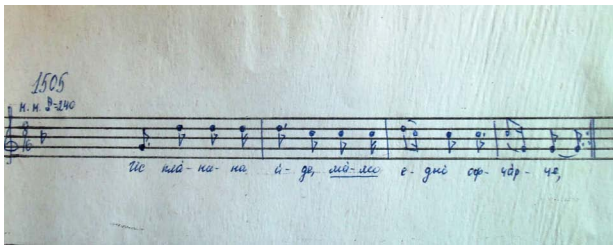


Fig. 2. Fragment de transcriere muzicală: cântec din satul natal Ciișia, raionul Bolgrad, regiunea Odesa.

În etapa colectării materialelor de teren, Petru Stoianov dădea prioritate metodei sociologice, iar când ajungea să analizeze aspectele structurale, sistemele muzicale propriu-zise (ritmice, melodice și arhitectonice), pe prim-plan punea metoda și procedeele abordării structuraliste. În virtutea acestora din urmă, deseori recurgea la utilizarea instrumentelor de măsurare fixă și obiectivă a coordonatelor temporale și spațiale ale sunetului, în special, cu ajutorul oscilografului. Acest procedeu, folosit de el în premieră în cercetarea etnomuzicologică din fosta RSS Moldovenească, pe care deseori îl corobora cu metoda analizei complexe și comparate a surselor de teren, l-a ajutat să ajungă la concluzii interesante privind legitățile proceselor de creație folclorică, principiile de organizare temporală (ritmică) și spațială (intervalică, modală, arhitectonică) a materiei sonore, raportul dintre aspectele cantitative și calitative ale intonației în unele genuri emblematice ale muzicii tradiționale.

Metoda oscilografică i-a catalizat gândirea de exeget încă din perioada elaborării tezei sale de doctorat cu tema *Ritmica doinei moldovenești* (Ritmika moldavskoi doiny), pe care o va susține cu succes la Institutul Studiul Artelor și Folclor „M. Rylski" din Kiev, în anul 1978, sub îndrumarea muzicologului Sofia Grița, și care va fi publicată, puțin mai târziu, în versiune monografică, la Chișinău (1980). Această lucrare reușise să-i aducă reputația de cercetător serios, asiduu și riguros, de care nu se bucurase încă nimeni în domeniu, pe plan local, până atunci. Grație cercetării efectuate, el reușește să elucideze aspecte mai puțin studiate privind organizarea arhitectonică a doinei, un gen cu o bogată tradiție exegetică și amplă bibliografie în literatura de specialitate romă-

nească. Autorul compară doina cu balada, bocetul, cântecul de dans și ajunge la concluzia că acest gen se deosebește de cele menționate prin organizarea arhitectonică strofică, axată însă pe un ritm liber, nemăsurat, adică neîncadrabil vreunei măsuri fixe.

A doua lucrare fundamentală, întitulată *Moldavskii melos i problemy muzykalnogo ritma* (Melosul moldovenesc și problemele ritmului muzical), publicată în anul 1985, este consacrată studierii sistemelor metrice ale cântecului popular moldovenesc. Această monografie a stat la baza tezei sale de doctor habilitat în studiul artelor, susținută în anul 1992. Autorul apelează la conceptul teoriei antice grecești despre *chronos protos* (timpul prim), în albia căruia evidențiază cinci măsuri specifice melosului popular moldovenesc: măsuri de 4, 5, 6, 7 și 8 timpi primi. Totodată, savantul avansează ipoteza originii străine a structurilor bazate pe combinațiile asimetrice de 5 și 7 timpi, care se datorează, în opinia sa, influențelor externe, în special, sud-slave. Metoda oscilografică i-a permis autorului să avanseze și o altă ipoteză, conform căreia măsura de 6/8, specifică tipului coregrafic numit *Hora mare,* emblematic pentru cultura autohtonă de dans, ar avea la bază și ea un ritm asimetric, cuprins în măsura de 5 timpi primi, redată cifric prin formula de 5/8 sau 5/16.

A treia lucrare din ciclul cercetărilor fundamentale consacrate folclorului moldovenesc se intitulează *Voprosy formirovania lada i melodiki v moldavskoi narodnoi pesne* (Probleme ale organizării modale și melodice în cântecul popular moldovenesc) și a apărut în anul 1990. Autorul dezvăluie faptul că organizarea modală a cântecului popular vernacular se sprijină pe șapte „tonalități" sau paradigme modale de bază, fiecărei revenindu-i un loc special pe verticala spațiului sonor. În procesul desfășurării melodice, acestea se pot substitui reciproc, adică pot trece ușor una în alta, prin salt la secundă, terță, cvartă și cvintă. Fenomenul dat amintește oarecum de principiul antic al metabolei. Astfel, unul și același cântec poate să conțină mai multe tonalități sau organizări modale. Prin aceste caracteristici modale, conchide savantul, cântecul popular moldovenesc ilustrează continuitatea istorică a principiilor teoretice, cuprinse în știința grecilor antici despre muzică.

Din păcate, lista lucrărilor științifice publicate ale lui Petru Stoianov nu este identificată până în prezent. Se presupune că ea ar conține peste 50 de titluri, printre care cinci monografii fundamentale, patru culegeri de folclor, numeroase studii, articole și recenzii. Ultima monografie este dedicată studierii bazei teoretice a cântecului bulgăresc din Basarabia. Intitulată *Bălgarska narodna pesen. Tonalnost, lad i melodika*, apărută la Veliko Tîrnovo în anul 2006, această monografie încununează, de fapt, întreaga activitate științifică a autorului pe tărâmul cercetării muzicii tradiționale din Republica Moldova. Rod al muncii sale în sectorul de bulgaristică, înființat la AȘM. în anul 1991, monografia dată realizează un adevărat monument, dedicat culturii profunde a grupului etnic bulgar din sudul Basarabiei, din care el însuși își trage rădăcinile și seva culturală.

Un capitol important al vieții de creație a lui Petru Stoianov îl constituie activitatea în calitate de muzician, interpret la acordeon și clarinet, pe care a desfășurat-o în anii 1960, în orchestra Ansamblului de cântec și dans popular „Miorița" din Chișinău, iar ulterior, în calitate de conducător și instrumentist în taraful sponsorizat de Sindicatul Academiei de Științe. Domnia sa a colaborat cu mulți cântăreți profesioniști, printre care Nicolae Sulac, Ion Bas, Teodor Negară, Valentina Cojocaru, Nina Ermurachi, dar și cunoscuți interpreți instrumentiști. Acestora le-a oferit cântece și melodii pentru a fi interpretare, pentru a fi incluse în repertoriul lor, majoritatea fiind culese de savant pe teren, lansându-le în spațiul mediatic național (radiofonic și televizat) în premieră. Circa patruzeci de aranjamente și prelucrări de cântece și melodii populare, majoritatea bulgărești, iar o parte mai mică – găgăuzești și moldovenești, semnate de protagonistul acestui demers, se păstrează în fondurile Companiei „Teleradio-Moldova", cele mai multe fiind înregistrate cu concursul Orchestrei profesioniste de muzică neotradițională „Folclor". Ele fac dovada unei profunde cunoașteri a specificului intonațional și stilistic al folclorului muzical multietnic din Basarabia/Republica Moldova.

Savantul Petru Stoianov a fost apreciat ca expert notoriu în domeniul artei muzicale tradiționale. El a avut o fructuoasă colaborare cu școala superioară în domeniu. Contribuția operei sale exegetice este citată în diverse articole comemorative, dar și în ediții enciclopedice, precum „Literatura și Arta Moldovei" (1986) și „Calendar național" (2007). Muzicologul și folcloristul Gleb Ceaicovschi-Mereșanu, cu care savantul era bun prieten și coleg de breaslă, ambii fiind și membri ai Uniunii Compozitorilor și Muzicologilor din Moldova, deseori îl invita să prezideze Comisia examenelor de licență la Catedra *Canto popular* din cadrul Academiei de Muzică, Teatru și Arte Plastice. Un astfel de eveniment este redat în unul dintre puținele materiale video la temă, plasate pe internet, în *YouTube*, de un cunoscut absolvent al acestei catedre, Stelian Nedelcu, la adresa: *www.youtube.com/watch?v=Bu1W-ecchak*. Acestea ilustrează un fragment al examenului de licență din anul 1994, când Comisia de examinare a fost prezidată de Petru Stoianov, care rotunjise o vârstă jubiliară de 60 de ani,

avându-i alături pe regretații profesori și maeștri Nicolae Chiosa și Gleb Ceaicovschi-Mereșanu. Un alt material video, realizat de echipa de la studioul privat „August-TV", reflectă programul integral al examenelor de licență ale aceleiași catedre din anul 1996, de asemenea prezidată de Petru Stoianov.

Din relatările lui Stelian Nedelcu mai aflăm și despre faptul că savantul a făcut parte din delegația RSS Moldova, care a prezentat arta muzicală tradițională a republicii la Moscova în anul 1989, în cadrul unui concert etnografic organizat de Comisia de folclor a Uniunii Compozitorilor din fosta URSS. Grupul de artiști a fost reprezentat de ansamblul studențesc *Țărăncuța* de la Catedra *Canto popular* a Conservatorului de Stat „G. Musicescu" din Chișinău, precum și de numeroși interpreți vocali și instrumentiști lăutari, adunați din toate colțurile meleagului moldav. În componența delegației au fost incluși și muzicologii Ion Păcuraru și Svetlana Badrajan. Concertul a prezentat arta muzicală tradițională a două republici din cadrul ex-URSS: Moldova și Kazahstan. Evoluarea artiștilor moldoveni s-a bucurat atunci de un succes răsunător.

Multe aspecte din biografia de creație a etnomuzicologului și muzicianului Petru Stoianov rămân, din păcate, încă nedescoperite. Sperăm că, într-un viitor pe cât posibil de apropiat, acestea vor fi elucidate exhaustiv pentru a fi puse în atenția specialiștilor și a marelui public, oferind astfel noi surse de documentare în domeniul istoriei și culturii naționale.

Emilia BANCOVA, Nadejda CARA, Alexandr COVALOV, Ivan DUMINICA

BULGARISTICA ÎN CADRUL CENTRULUI DE ETNOLOGIE AL INSTITULUI PATRIMONIULUI CULTURAL AL ACADEMIEI DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI

La sfârșitul anilor '80 ai secolului al XX-lea, în Moldova, ca urmare a schimbărilor socio-politice generate de „perestroika", a apărut nevoia unor activități de cercetare privind problemele minorităților naționale, inclusiv ale bulgarilor. În lipsa unor informații științifice veridice, nu era posibilă abordarea corectă în găsirea unor soluții practice, la nivel guvernamental, pentru problemele de actualitate cu care se confruntau etniile conlocuitoare din republica noastră.

Reprezentanții comunității bulgare s-au adresat în mod repetat la organele puterii centrale ale republicii cu rugămintea de a li se oferi etnicilor bulgari din Moldova mai multe oportunități pentru dezvoltarea lor etnoculturală, motivând nevoia de cercetare a problemelor sociale și naționale ale diasporei bulgare prin crearea în cadrul AȘM a unui Centru de studii bulgare, analogic Secției de studii găgăuze, creată în 1987.

Pe 21 februarie 1989 Prezidiumul AȘ a RSSM a adoptat Hotărârea № 25 cu privire la „Propunerile despre efectuarea în 1989 a unor cercetări științifice suplimentare", în baza căreia în cadrul Secției de Etnografie și Studiul Artelor a fost aprobată tema de studiu „O cercetare etnografică și istorico-culturală a populației bulgare". Această dată poate fi considerată drept ziua de naștere a Sectorului de studii bulgare (denumirea acestuia fiind schimbată ulterior în „Secția de bulgaristică", apoi în grupul „Etnologia bulgarilor").

Sectorul de studii bulgare a devenit în acel timp și rămâne până în prezent singurul centru academic privind studierea limbii, istoriei și culturii bulgarilor basarabeni. În a doua jumătate a anului 1989 a fost anunțat un concurs pentru angajarea colaboratorilor științifici în cadrul sectorului la specialitățile: lingvistică bulgară, istoria bulgarilor basarabeni, folclor bulgar și etnografie. În baza selectării prin concurs au fost angajați patru colaboratori: Nicolai Todorov – specialist în filologie bulgară; Evtimia Peicova – doctor în filosofie; Ivan Grec – doctor în istorie; Elena Capațina – istoric.

Conducerea noii structuri științifice și elaborarea unui program de cercetări prioritare i-a fost delegată secretarului științific al Sectorului de științe sociale, doctor în istorie Savelie Novacov. În acest context, menționăm că dl Novacov (a activat aici până în octombrie 2012) a realizat o activitate enormă privind dezvoltarea sectorului respectiv. El a lăsat în urma sa un volum mare și valoros de manuscrise de arhivă, care au servit drept sursă pentru elaborarea acestui articol.

În anul 1990, în sector a fost angajat prin concurs doctorul în studiul artelor (muzicologie moldovenească și bulgară) Petru Stoianov. Mai târziu s-a încadrat în activitate și doctorul în istorie Nicolai Cervencov, specialist în problema relațiilor ruso-bulgare.

În calitate de colaboratori științifici au fost angajați prin concurs și tineri specialiști: Vladimir Kaloianov, Emilia Bancova, Ecaterina Celac, Svetlana Parmacli și Valentina Ștucenco (în calitate de asistent de laborator și dactilografă).

Grupul nou creat a putut să cuprindă în cadrul cercetărilor efectuate aproape toată problematica istorică a bulgarilor basarabeni, dar nu a fost asigurată și cercetarea legată de dezvoltarea etnoculturală a comunității bulgare din Moldova și Ucraina. În ceea ce privește studierea limbii vorbite de bulgarii basarabeni, aceasta a fost preluată doar de un singur specialist – N. Todorov.

Cercetarea folclorului bulgarilor basarabeni a fost realizată de P. Stoianov, specialist cu o mare experiență în acest domeniu, care anterior își adusese contribuția și la studierea folclorului muzical moldovenesc.

Tematica referitoare la „Ritualurile de familie ale bulgarilor din Basarabia" a fost abordată de E. Peicova, iar E. Bancova s-a ocupat de colectarea materialelor cu privire la „Cultura materială și spirituală a bulgarilor basarabeni (vestimentația, bucătăria și medicina populară"). Reprezentantul „bulgarilor din Tavria", V. Kaloianov, și-a ales drept temă de cercetare „Dezvoltarea învățământului și culturii bulgarilor din Tavria", cu care s-a înscris perfect în panorama cercetărilor sectorului dat.

Din lipsa specialiștilor au rămas în afara câmpului de cercetare asemenea domenii valoroase precum „Creația populară orală", „Ritualurile calendaristice" etc., care au tangențe indiscutabile cu trecutul și prezentul bulgarilor din Moldova și Ucraina.

Formarea sectorului de studii bulgare a fost însoțită și de elaborarea programului de cercetare pentru anii 1989–1990, cu perspectivă până în 1995, la tema „Probleme de istorie, limbă și cultură a bulgarilor din Moldova".

Sectorul de studii bulgare și cel de studii găgăuze

au servit drept fundament pentru crearea în 1991 a Secţiei de studiere a minorităţilor naţionale, reorganizată în 1992 în Institutul Minorităţilor Naţionale din cadrul Academiei de Ştiinţe a Moldovei, în care au fost instituite de asemenea şi sectoarele de studii ruse, ucrainene şi iudaice, iar mai târziu şi-a făcut apariţia un grup pentru studierea romilor (ţiganilor) (în 2004).

În primii ani de activitate a Sectorului de studii bulgare au fost efectuate un şir de cercetări sociologice. În 1990 sectorul a devenit membru al Acordului ruso-moldo-bulgar de colaborare ştiinţifică pentru anii 1990–1991 în cercetarea temei „Probleme privind păstrarea identităţii culturale a comunităţii bulgare în URSS". În baza rezultatelor acesteia a fost elaborat un raport analitic, care a fost prezentat preşedinţilor Bulgariei şi Rusiei la întâlnirea acestora în octombrie 1991.

Cu sprijinul şi participarea Secţiei de bulgaristică a fost efectuată în 1992 a doua cercetare sociologică la tema „Probleme actuale ale diasporei bulgare în Moldova şi Ucraina" în localităţile cu populaţie compactă a bulgarilor din aceste republici.

În anii 1992–1993 S. Novacov, E. Peicova, I. Grec şi N. Cervencov au participat la o cercetare sociologică realizată în comun cu Asociaţia Sociologică din Bulgaria la tema „Bulgarii basarabeni – tradiţii şi schimbări". În urma desfăşurării conferinţei ştiinţifice şi în baza rezultatelor acesteia a fost publicată o culegere de materiale intitulată Бесарабските българи за себе си (Bulgarii basarabeni despe ei înşişi), (Alcătuitori: N. Cervencov şi P.-E. Mitev, Sofia, 1996).

În acelaşi timp, tânărul colectiv al Sectorului s-a angajat în cercetare şi a pregătit pentru publicare materiale privind probleme actuale ale lingvisticii bulgare, folclorului, istoriei şi etnografiei, bibliografiei etc.

În anii 1992–1995 colaboratorii Sectorului de studii bulgare au pregătit pentru publicare un şir de monografii, materiale didactice, culegeri de articole ştiinţifice, cărţi ştiinţifice cu caracter popular, publicaţii în ziare şi reviste, care aveau la bază tematica cercetărilor efectuate. Printre acestea cele mai semnificative sunt:

– Тодоров Н. Роден език (Limba maternă). Кишинев, 1992;

– Червенков Н. Васил Левски (Vasil Levski). Чимишлия, 1993;

– Грек И. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской Империи в первой половине XIX в (Şcoală în localităţile bulgare şi găgăuze din sudul Imperiului Rus la începutul sec. XIX). Кишинев, 1993;

– Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине. Сборник статей (Problemele limbii, istoriei şi culturii a diasporei bulgare din Moldova şi Ucraina). Culegere de studii. Alcătuitor S. Novacov. Кишинев, 1993;

– Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины (Pagini de istorie şi cultură a bulgarilor din Moldova şi Ucraina). Culegere de studii. Alcătuitor S. Novacov. Кишинев, 1994;

– Български народни песни (Cântece populare bulgăreşti). Culegere de studii. Alcătuitor P. Stoianov. Кишинев, 1994;

– Грек И., Червенков Н. Българите от Молдова и Украйна: минало и настояще (Bulgarii din Moldova şi Ucraina: trecut şi prezent). София, 1994;

– Новаков С., Гургуров Н. Страницы истории и культуры села Кортен (Pagini din istoria şi cultura satului Corten). Кишинев, 1995.

Conform rezultatelor activităţii sale, sectorul a ocupat poziţii de frunte în raport cu alte subdiviziuni ale Institutului de Cercetări Interetnice nou format din cadrul Academiei de Ştiinţe a Moldovei.

Gama de studii tematice s-a extins şi pentru următorii ani 1996–2000. În această perioadă au fost pregătite şi publicate:

– България в сърцето ми (Bulgaria în inima mea). (Culegere de studii in memoriam bulgaristului Constantin Poglubco). Redactor responsabil N. Cervencov. София, 1996;

– Вопросы истории и культуры болгар Молдовы и Украины (Probleme de istorie şi cultură a bulgarilor din Moldova şi Ucraina). Alcătuitor S. Novacov. Кишинев, 1997;

– История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (К 100-летию со дня рождения И. И. Мещерюка) (Istorie şi cultură a bulgarilor şi găgăuzilor din Moldova şi Ucraina [Culegere de studii dedicată aniversării a 100 de ani de la naşterea lui I. Meşceriuc]). Redactor ştiinţific I. Grec. Кишинев, 1999;

– Челак Е. Училищно дело и културно-просветният живот на българските преселници в Бесарабия (1856–1878) (Activităţi şcolare şi viaţa cultural-educaţională a emigranţilor bulgari din Basarabia [1856–1878]). София, 1999.

– Стоянов П., Дурбайло М., Чимпоеш Л. Гагаузские народные песни (Cântece populare găgăuze). Кишинев, 2000.

În 2003 a văzut lumina tiparului multaşteptatul şi unicul în felul său indice al surselor bibliografice despre bulgarii din Moldova şi Ucraina: Грек И. Болгары Молдовы и Украины (вторая половина XVIII вв. – 1995). Библиографический указатель литературы. Alcătuitori: I. Grec, N. Cervencov, E. Celac, I. Şpac. Кишинев, 2003.

În perioada 1996–1999 S. Novacov, continuând

activitatea de cercetare a profesorului său I. Meşceriuc, a dezvoltat tema principală a sectorului – „Dezvoltarea social-economică a localităţilor bulgare şi găgăuze ale Basarabiei de Sud în anii 1857–1918". În 2004, ca urmare a evoluţiilor privind acest subiect, a fost publicată o monografie care purta acelaşi titlu. În felul acesta, datorită cercetărilor ştiinţifice ale lui I. Meşceriuc şi S. Novacov, bulgarii şi găgăuzii basarabeni s-au ales cu o descriere monografică completă despre dezvoltarea lor social-economică pe parcursul istoric a mai bine de o sută de ani. În 2005 S. Novacov, în colaborare cu N. Gurgurov, a pregătit şi a publicat, cu sprijinul financiar al firmei agricole „Corten", cartea intitulată „Очерки истории кортенских храмов в Молдове и Болгарии" (Eseuri istorice despre bisericile din Corten în Moldova şi Bulgaria). Кишинев, 2005 (în 2006 aceasta a fost tradusă în limba bulgară).

De remarcat că, în urma acestor publicaţii, în Moldova au început să apară şi alte cărţi despre istoria bisericilor din diferite localităţi bulgare, găgăuze şi moldoveneşti ale republicii.

În legătură cu aniversarea a 180 de ani de la înfiinţarea localităţii Corten din raionul Taraclia, S. Novacov şi N. Gurgurov au editat monografia „Село Кортен. Времена и судьбы" (Satul Corten. Timpuri şi destine). Кишинев, 2009.

Apariţia acestor publicaţii s-a bucurat de o rezonanţă largă atât în Moldova, cât şi în Bulgaria şi ţările învecinate cu acestea.

În 2006 şi-a făcut apariţia încă o monografie fundamentală, pregătită în Sectorul de studii bulgare de doctorul habilitat în studiul artelor P. Stoianov – „Българска народна песен. Тоналност, Лад и Мелодика" (Cântec popular bulgar. Tonalitate, melodie şi mod). Велико Търново, 2006. Tot de acest autor au fost pregătite pentru editare şi două culegeri de cântece bulgare: „Български народни песни (за децата)" (Cântece populare bulgare [pentru copii]) и „Песните на Елена Янкова" (Cântecele Elenei Iankova).

În 2010 S. Novacov a editat o culegere a celor mai valoroase articole ştiinţifice pe care le-a scris până la acel moment, intitulată „Болгарская общность в Молдове и Украине (XIX–XX вв.). Страницы истории и культуры" (Comunitatea bulgară din Republica Moldova şi Ucraina (secolele XIX-XX.). Pagini de istorie şi cultură). În 2012 a văzut de asemenea lumina tiparului culegerea sa „Болгарские народные сказки" (Basme populare bulgare).

În 2007 a fost angajată prin concurs, pentru ocuparea locului vacant din sector, profesoara universitară cu o mare experienţă în predarea lingvisticii slave şi bulgare, doctor în filologie Nadejda Cara. Cu venirea ei aici, au fost reluate cercetările în domeniul limbii bulgare vorbite în cadrul diasporei din Moldova.

Elaborările N. Cara în problematica funcţionării limbii bulgare într-un mediu polilingv şi-au găsit oglindire în scrierea manualelor şi materialelor didactice pentru elevii claselor a III-a – a IX-a din şcolile şi liceele din Moldova în care se predă limba bulgară.

N. Cara cercetează aspectul sociolingvistic al limbii bulgare în Moldova, tema intitulându-se „Limba bulgară – situaţia şi funcţionarea în Republica Moldova". Au fost publicate de asemenea materiale cuprinzând următoarele aspecte: „Personalitatea lingvistică într-un mediu polilingv şi policultural", „Limba bulgară din Moldova în sfera publică" ş.a. Din 2011 până în 2014, N. Cara s-a ocupat de cercetarea limbajului folclorului bulgarilor din Moldova şi particularităţile reflectării unor secvenţe ale viziunii naţionale asupra lumii exprimate în limba acestora (în baza materialelor privind fitonimele, zoonimele şi lexicul ornitomorf al cântecelor bulgarilor basarabeni).

Tematica culturii materiale şi spirituale tradiţionale a bulgarilor constituie şi domeniul de interes al cercetătoarei E. Bancova. Aceasta a adunat pe parcursul mai multor ani de activitate un amplu material colectat nu numai în Moldova, dar şi în Bulgaria, în Muzeul de Etnografie din Sankt Petersburg, unde

Secvenţe de la Conferinţa ştiinţifică internaţională organizată de grupul „Etnologia bulgarilor", martie 2014. Cercetător ştiinţific Alexandr Covalov (stânga), cercetător ştiinţific Ivan Duminica (dreapta).

se păstrează colecții de haine naționale ale băștinașilor din raioanele Ceadâr-Lunga și Comrat ale Moldovei, reprezentând începutul și mijlocul secolului al XX-lea. În baza acestor cercetări, privind cultura națională și modul de trai al bulgarilor, E. Bancova a publicat zeci de articole științifice în revistele și culegerile editate în Moldova, Rusia, Ucraina, Turcia ș.a. Cercetând problemele de cultură și trai ale bulgarilor basarabeni, dumneaei a elucidat în același timp și anumite generalități și particulatități ale culturii și traiului etnosurilor înrudite cu bulgarii și găgăuzii.

Odată cu angajarea în 2008 în Sectorul de studii bulgare a colaboratorului științific Alexandr Covalov, a fost inițiată tema de cercetare la „Tradițiile calendaristice ale bulgarilor din Moldova". În timpul studiilor de doctorat la Institutul și Muzeul de Etnografie al Academiei de Științe a Bulgariei, A. Covalov a adunat în teren un bogat material, acesta fiind colectat în localitățile cu populație bulgară din Moldova și în unele localități din regiunea Sliven, Bulgaria. Cercetătorul a dezvoltat în cadrul temei de studiu diferite aspecte, inclusiv cel comparativ-istoric, pentru efectuarea unei analize comparate a sărbătorilor și obiceiurilor calendaristice din localitățile bulgare din țara de origine și cele din Moldova. Au fost publicate de asemenea un șir de articole la această temă, aducându-se astfel un aport considerabil la păstrarea patrimoniului cultural al bulgarilor din Moldova.

Începând cu anul 2013, în Sectorul de studii bulgare și-a început activitatea Ivan Duminica, care a continuat cercetările privind istoricul emigrării și stabilirii coloniștilor bulgari în Basarabia. Pe parcursul a doi ani de activitate în sector, dumnealui a publicat o monografie despre istoria or. Taraclia – Тараклии – 200 лет. Т. I (1813–1940) (Taraclia – 200 de ani). Кишинев, 2013 (coautor N. Cervencov). Iv. Duminica este și alcătuitorul culegerii de studii „България: метрополия и диаспора. Сборник по случай 65-годишнина на проф. д.и.н. Николай Червенков" (Bulgaria: mitropolia și diaspora. Dedicat aniversării a 65 de ani ai dr. hab. Nicolai Cervencov). Кишинев, 2013, și „Петър Кайряк. Тараклия и Тараклийци" (Petar Caireac. Taraclia și Taraclienii) (coalcătuitor N. Cervencov), Кишинев. 2014. Lucrările dumnealui au apărut datorită sprijinului financiar al Societății Științifice a Bulgariștilor din Republica Moldova în frunte cu prof. Nicolai Cervencov. În decembrie 2014, la Universitatea din Veliko Tîrnovo „Sfinții Kiril și Metodiu" din Bulgaria, Iv. Duminica și-a susținut cu succes teza de doctor „Българските преселници в Бесарабия в края на XVIII – началото на XIX в. в историографията" (Emigranții bulgari din Basarabia la sfârșitul sec. al XVIII-lea – începutul sec. al. XIX-lea în istoriografie).

Sectorul de bulgaristică în anii 2000 (de la stânga la dreapta Petru Stoianov, Savelie Novacov, Nicolai Cervencov, Evtimia Peicova și Ivan Grec.

Cercetătorii Grupului „Etnologia bulgarilor" în anul 2015 (de la stânga la dreapta Alexandr Covalov, Emilia Bancova, Nadejda Cara și Ivan Duminica).

Ataşatul cultural al Ambasadei Bulgariei în Republica Moldova Valeri Nikolov (în centru) în vizită la grupul „Etnologia bulgarilor" a Centrului de Etnologie al IPC, martie 2013.

În legătură cu 25 de ani de la înființarea sectorului „Etnologia bulgarilor" din cadrul Centrului de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM, grupul a organizat în perioada 4-5 martie 2014, cu sprijinul Societății Științifice a Bulgariștilor din Republica Moldova, o conferință științifică internațională cu tema „Bulgaristica în Republica Moldova". La ea au participat savanți-bulgariști din Moldova, Ucraina, Rusia, Bulgaria și Polonia. Rezultatele conferinței au fost publicate în culegerea jubiliară „Бесарабските българи: история, култура и език" (Bulgarii basarabeni: istorie, cultură și limbă). Alcătuitor: Iv. Duminica. Кишинев, 2014.

În linii generale, deși s-a confruntat cu multe dificultăți pe parcursul anilor săi de existență, Sectorul de bulgaristică din cadrul Academiei de Științe a Moldovei și-a demonstrat viabilitatea, reușind să publice un șir de monografii fundamentale, manuale și materiale didactice, sute de articole științifice cu caracter popular, care au menirea să sprijine în continuare procesul de renaștere a comunității bulgare din Moldova și Ucraina, păstrând și transmițând generațiilor următoare patrimoniul cultural al acesteia.

Literatura

Банкова Е. Савелий Захарович Новаков – заведующий отделом болгаристики // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Думиника И. Сътрудниците на групата „Етнология на българите" (1989–2014 г.). Биобиблиографски бележки // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Новаков С. Двадесет и пет години на групата „Етнология на българите" на Института за културно наследство към АНМ // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Челак Е. Отдел Болгаристики: вызовы и достижения (1997–2004 г.) // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Червенков Н. Болгаристика в Институте межэтнических исследований: состояние и перспектива // Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice. Vol. II. Ch., 2001.

Червенков Н. Историческата българистика в Молдова днес (2001–2005) // Българите в Северното Причерноморие. Т. IX. Одеса, 2006.

Червенков Н. Историческая болгаристика в Республике Молдова (2006–2011 гг.) // Българите в Северното Причерноморие. Т. XI. Одеса–Велико Търново, 2012. С. 9-19.

Червенков Н. Секция „Българистика" при Молдовската академия на науките в Кишинев // Български хоризонти. Кишинев, 2002, брой 3.

Rezumat

În articolul de față este prezentată o imagine de ansamblu privind istoria fondării și activității Sectorului de etnologie a bulgarilor în cadrul Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM. Sunt menționate direcțiile principale de cercetare științifică, legate de istoria, cultura materială și spirituală și limba bulgarilor din Moldova.

Cuvinte-cheie: bulgaristică, bulgarii din Moldova, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM.

Резюме

В данной статье представлен обзор истории создания и деятельности Отдела этнологии болгар при Институте культурного наследия АНМ. Названы главные направления научных исследований Отдела, связанных с изучением истории, материальной и духовной культуры, а также языка болгар Молдовы.

Ключевые слова: болгаристика, болгары Молдовы, Институт культурного наследия АНМ.

Summary

The article provides an overview of the history and activities of Bulgarian Ethnology Sector at the Institute of Cultural Heritage of the ASM. There are named major research areas related to the study of history, material and spiritual culture and the language of the Bulgarians of Moldova.

Key words: Bulgarian studies, Bulgarians of Moldova, Institute of Cultural Heritage of the ASM.

Savelie Novacov în cadrul unei ședințe de lucru.

ETNOLOGIE

ЭТНОЛОГИЯ

Анна ЛЕСНИКОВА

«МЕЧКА» И «НЕВЕСТА» В СТРУКТУРЕ ЗИМНИХ КАРНАВАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ БОЛГАР ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ

Отдельное направление по изучению культуры ряженых и масок в Болгарии сложилось в 70–80-х гг. XX столетия, его основными представителями стали Арнаудов М. (Арнаудов, 1972, 14-51), Петров А. (Петров, 1972) Венедиктов И. (Венедиктов, 1995; Венедиктов, 1987; Венедиктов, 1992) Краев Г. (Краев, 1989; Краев, 2002, 111-120; Краев, 2003а; Краев, 2003б, 54-70), Стаменова Ж. (Стаменова, 1982), Попниколова-Табакова Е. (Попниколова-Табакова, 1995, 162-182) и др.

Их научные поиски были направлены на изучение возникновения, значения и типологии масок и ряженых в традиционной календарной обрядности болгар. Вариативность и локальность карнавальных традиций в пространственном поле Болгарии (с дифференциацией на городской/сельский карнавал) первой половины XX века стали предметом исследования Р. Гоговой (Маска и ритуал, 1999), И. Боковой (Бокова, 1996, 131-137; Бокова, 2000, 45-60), М. Мильчевой (Мильчева, 2000, 65-67), Н. Ненова (Ненов, 2000, 61-64) и др.

В болгарской диаспоре Буджака данный вопрос не стал предметом отдельного изучения, а рассматривался только в некоторых аспектах в контексте изучения календарной обрядности болгар региона (Водинчар, 2011, 226-227; Дыханов, 2001; Сорочану, 2007–2008, 97-102). Особо следует отметить работу Водинчар Е., где поднимается вопрос о функционировании кукерской традиции у болгар Южной Бессарабии и ее соотношения с современными новогодними практиками ряженья, зафиксированными исследователем (Водинчар, 2006, 44-60).

Эмпирической базой данного исследования стали материалы, полученные в результате пилотажного этнографического интервьюирования[1], проведенного в селах Бессарабии, в которых болгарское население составляет большинство либо половину[2].

В результате анализа этих материалов можно выделить несколько типов зимних карнавальных традиций, функционирующих в повседневной практике болгар Южной Бессарабии, а именно: заимствованные, региональные и аутентичные (Лесникова, 2013а, 112-136).

К первым можно отнести ритуальный обход ряженых «с козой», функционирующий под названием «куза», «кузичка» и «капра» (Лесникова, 2014, 263-271), сложившийся под влиянием молдавской традиции, и карнавал «Меланка» (Лесникова, 2013б, 241-259), который был заимствован у украинского населения региона и адаптирован в соответствии с нормами болгарской традиционной обрядовой культуры. Региональный тип зимнего карнавального ряженья болгар, сложившись под влиянием разных этнических традиций и включив элементы, отражающие социоисторические характеристики Буджака, функционирует без устоявшейся номинации, представляя собой новый тип зимнего ритуального обхода ряженых болгарской этнической группы региона.

К аутентичным болгарским карнавальным шествиям, которые были принесены болгарами из метрополии и сохранены в диаспоре, относятся «Мечка» и «Невеста», представленные в болгарских селах Делены, Новая Ивановка Арцизского района и селе Вольном Тарутинского района[3]. Эти виды карнавальных шествий в метрополии функционируют в регионах Западной Болгарии, в Восточной – подобный вид ряженья исполняется преимущественно одновременно с празднованием Масленицы (Василева, 1988, 48), а группы сурвакарей и колядников не содержат ряженых персонажей. Так, в области западноболгарских городов Перник, Радомир, Кюстендил ходили ряженые, именуемые «сурваскари, сурвискари, дедици, джемаларе»; в регионе города Софии – ряженые «джамала»; «василичары» – в области городов Охрид, Битол, Пронеск и т. д. «Мечка» и «Невеста» – карнавалы, исполняемые в упомянутых селах Бессарабии, характерны для масочных шествий в области города Брезник (Василева, 1988, 49).

Среди исследователей, изучающих болгар Южной Бессарабии в предметном поле разных

наук, утвердилось мнение, что указанная область была заселена с территории Восточной Болгарии. Исследователи календарной обрядности болгар метрополии, как говорилось выше, указывают на то, что ряженые как таковые в святочный период представлены только в Западной Болгарии. Исходя из этого, можно предположить, что присутствие в исследуемых селах Бессарабии аутентичных святочных обходов ряженых может быть связано с внутренними миграциями на территории Болгарии еще до момента переселения, с вторичным переселением уже в села Бессарабии из Западной Болгарии или с прямым переселением из области города Брезник.

Показательно, что только в с. Делены вместе с карнавалом «Мечка» функционирует обход ряженых «Невеста», но он не зафиксирован в двух других населенных пунктах. Скорее всего, традиция ряженья была занесена именно в это село, а в двух других появилась позднее, в результате брачных миграций, чему способствует кустовое размещение указанных сел.

Проанализируем данные карнавальные шествия в сравнении с традицией метрополии, выделяя общее и особенное по таким параметрам, как: название группы ряженых, персонажи, фольклорное сопровождение обряда; половозрастные характеристики участников; хронологические границы исполнения обряда.

«Мечка» как название ритуального шествия масочных персонажей. Отметим, что в целом название карнавала происходит от главной маски персонажа («мечка», «джамала», «чауши») либо от праздничной даты (сурваскари, василичари). Несмотря на то, что карнавал включает в себя всегда больше двух лиц, название употребляется в единственном числе. В болгарских селах Южной Бессарабии данное карнавальное шествие функционирует под двумя названиями – «Мечка» (с. Вольное) и «Мечки» (с. Делены и с. Новая Ивановка). Если в первых двух вариантах в группе ряженых присутствует одноименная зооморфная маска – персонаж, то в последнем под таким названием функционирует группа ряженых без одноименной маски.

«Мечка» как зооморфная маска – персонаж. «Мечка» (в перев. с болг. – медведь) – главный участник группы ряженых. В болгарских селах Южной Бессарабии функционирует два основных типа данного персонажа. Первый – классический, который представлен в с. Делены и характерен для метрополии, – это парень, переодетый в «мечку», что выражается таким внешним атрибутом, как кожух, подпоясанный веревкой; возможна маска медведя. Со слов респондента, «В эту ночь собираются компании, но здесь уже взрослые, „мечка" называется… Они переодеваются. Среди них обязательно „мечка", который одет в кожух, может быть в маске..»[4]. В селе Вольном также представлен второй тип зооморфной маски-персонажа «Мечка», который напрямую не ассоциируется с медведем и воспринимается как «лохматый зверь». Ему изготовляют специальный костюм из камыша, который в результате адаптации к природным особенностям данного региона заменил исходный материал. Причем в сознании респондентов именно персонаж с такой внешней атрибутикой воспринимается, условно говоря, как «правильный», «настоящий», «болгарский» – «ходят с так называемой „настоящей мечкой", то есть когда используется специально сшитый костюм, обшитый соцветиями камыша; человек, одетый в такой наряд, визуально напоминает лохматого зверя»[5].

Другие персонажи «Мечки» и их обрядовые функции. В метрополии основными персонажами данного шествия, кроме «мечки», были – мечкар, который водил медведя на поводке, цыган и цыганка (Василева, 1988, 54).

В с. Делены среди персонажей присутствуют такие антропоморфные маски-персонажи, как милиционер, медсестры, гадалка. По функциональной нагрузке мечкар в региональной традиции был заменен полицейским. Каждый персонаж выполняет следующие обрядовые действия: полицейский (мечкар) водит медведя на поводке; медведь рычит, катается по полу и кидается на людей; гадалка гадает. Все эти действия, с одной стороны, ориентированы на то, чтобы вызвать смех у людей, так как последний является неотъемлемым элементом карнавала (Бахтин, 1990, 7-15), с другой стороны, этими хаотическими действиями воссоздается процесс сотворения мира, его перехода из состояния хаоса в состояния логоса. Персонажи, в свою очередь, представляют божеств либо умерших предков, в любом случае тех, кто находится вне земного мира и влияет на жизнь людей, именно поэтому их надо задобрить, что выражается в одаривании ряженых со стороны хозяев (Виноградова, Плотникова, 2009, 519-525). В с. Вольном среди персонажей, которые сопровождают мечку с полицейским, представлены дед и баба с куклой. Данная женская антропоморфная маска является обязательной для обряда кукер, поэтому можно предположить, что в данном селе новогодний ритуальный обход сложился уже в регионе Южной Бессарабии в результате контоминации обрядов «Мечка» и «Кукеры» в условиях коммуникации между болгарами соседних сел, в праздничном календаре которых присутствует трансформирован-

ный вариант кукерского обряда, но с сохранением главных персонажей ритуала.

В с. Новая Ивановка карнавальное шествие, носящее название «Мечки», состоит только из ряженых персонажей, но без главного масочного действующего лица – «Мечки». Последнее время наблюдается тенденция появлении персонажей из сказки либо мультфильмов: «Переодеваются во что-нибудь старое, красятся так, чтобы их не узнали. В последнее время надевают маски персонажей из мультфильмов (в частности Шрека), лично я последние 4–5 лет не вижу ничего болгарского»[6].

Фольклорное сопровождение «Мечки». Во время ритуального обхода ряженые исполняли обрядовые песни, которые были направлены на пожелания благополучия дома в Новом году. В с. Делены исполнялась классическая песня-поздравление, которая является неотъемлемым элементом обряда сурвакания:

Сурва, сурва, гудина,
Пужу, поздраву пак ду гудина[7].

В с. Новая Ивановка вместе с болгарскими поздравлениями исполняют русские обрядовые песни, которые вошли в обиход в результате влияние школьного образования. Местное болгарское население воспринимает такие тенденции как отрицательные, которые размывают этнические границы: «Поют песни или стихотворения, связанные с зимой или Новым годом. Какие-то обрядовые очень редко. Лично я последние 4-5 лет слушал только песни и стихи из школьной программы. Поют или рассказывают стихи исключительно на русском. По крайней мере, не припоминаю случая, чтобы пели на болгарском»[8].

Половозрастная характеристика ряженых. В традиции метрополии участниками групп ряженых были мужчины и молодые юноши (Колева, 1973, 276). В указанных болгарских селах Южной Бессарабии эту практику строго соблюдают в Деленах Арцизского района, в Вольном и Новой Ивановке в группу ряженых входят как девушки, так и парни. Участие только мужчин в обрядовых хождениях, скорее всего, является напоминанием о существовании ранее мужских союзов. Это подтверждается частично и обрядовыми сражениями ряженых с целью испытания сил, которые практикуют в с. Делены: «Когда встречаются две группы, то мечки дерутся между собой, чтоб узнать, кто сильнее. На село может быть 7 групп»[9]. Сражения можно рассматривать также как элемент процесса сотворения мира, который в целом, по одной из научных интерпретаций, символизирует карнавал как таковой (Бахтин, 1990, 7-15). В связи с этим во всех карнавальных шествиях присутствует данный элемент. Так, в Юго-Западной Болгарии сохранилось предание о «василичарских кладбищах», называемых еще «козлиными», где были похоронены новогодние сурвакари (Колева, 1973, 276).

Хронологические границы исполнения ритуального обхода. В классической болгарской традиции ряженые ходили от Коляды до Богоявления, но в основном накануне Рождества и Нового года. Этот период является пограничным как во временном цикле (конец старого и начало нового года), так и в пространственном – между мирами горним и дольним. Считалось, что в это время духи умерших предков спускались на землю; их символизировали ряженые. Они же должны были защитить мир от злых духов, которые также в это время находились на земле. Для этого сурвакари носили с собой сабли, которыми рассекали воздух вокруг себя (Колева, 1973, 276). В современной традиции в болгарских селах Южной Бессарабии «Мечка» ходит накануне Нового года – в Новой Ивановке – с 31 декабря на 1 января, в Деленах и Вольном – с 13 на 14 января. Для болгарских сел Бессарабии характерна двойная система празднования Нового года и Рождества, в зависимости от села, что связано с исторической судьбой региона, когда во время вхождения Южной Бессарабии в Румынию в XX в. был введен в действие григорианский календарь. В некоторых селах одновременно действует двойной календарь, соответственно дважды исполняется обрядовая практика особо значимых дат в хозяйственном календаре этнической группы региона (с. Табаки Болградского района)[10].

Карнавал «Невеста». В с. Делены представлен еще один аутентичный болгарский обход ряженых – «Невеста». В традициях метрополии основными персонажами, которые входили в этот карнавал, были: невеста, девери, «бабурцы». Они во время обхода разыгрывали сюжет с похищением невесты «бабурцами», которую выручали девери (Колева, 1973, 276). В с. Делены это масочное карнавальное шествие исполняется на Рождество: «С 6 на 7 на „Коладу" собираются коллективом, мальчики переодеваются в разных героев: невеста, деверь, два свидетеля, гадалка. Они приходят, колядуют. Поют песни, либо читают хозяевам. А потом говорят: „Славьте Бога и приходите к нам". К ним выходят хозяева (это их родственники, либо знакомые), никогда не ходят колядовать к незнакомым. Гадалка может им погадать[11].

В региональном исполнении данного карнавального действия не сохранилось сюжета о похищении невесты, соответственно, не прослеживается и деление на «чистых» и «нечистых» персона-

жей, что является неотъемлемым элементом традиции метрополии. При этом ритуальная часть, в виде исполнения хоро с хозяевами, которая непосредственно связана с плодородием и здоровьем хозяев в Новом году (Колева, 1973, 277), функционирует в современной практике жителей села: «Хозяин выходит к их компании, дает им калач в обязательном порядке, конфеты, печенье и деньги. Калачи они нанизывают на „вилу". А потом обязательно танцуют хоро вместе с хозяевами»[12].

Исполнения данного ритуального обхода ряженых на Рождество, а не на Новый год, скорее всего, является уже региональной практикой, поскольку в традиции метрополии, в области города Брезник, этот карнавал исполнялся параллельно с карнавалом «Мечка» накануне Нового года (Василева, 1988, 48).

Таким образом, можно отметить, что в группе болгарских сел Южной Бессарабии, благодаря их компактному и одновременно удаленному размещению от этнически родственных сел (что способствовало более длительному сохранению закрытости брачных кругов в рамках указанных трех сел), были сохранены и функционируют по сей день аутентичные болгарские карнавальные шествия ряженых «Мечка» и «Невеста», которые под влиянием социокультурного фактора приобрели региональную нагрузку, выраженную преимущественно на атрибутивном уровне обряда. Фиксирование ряженых сурвакарей говорит о наличии элементов западноболгарской традиции в культуре болгар Южной Бессарабии, контекст появления и уровень функционирования которых требуют дальнейшего научного исследования.

Примечания

[1] Тематическое пилотажное интервью было проведено автором в 2012 г.

[2] Арцизский район: с. Виноградовка, с. Главаны, с. Делены, с. Задунаевка, с. Новая Ивановка, с. Островное, с. Холмское); Болградский район (с. Банновка, с. Васильевка, с. Виноградное, с. Владычень, с. Кальчево, с. Голица, с. Криничное, с. Огородное, с. Ореховка, с. Табаки); Измаильский район (с. Богатое, с. Каланчак, с. Каменка, с. Кирнички, с. Лощиновка, с. Суворово); Килийский район (с. Новоселовка); Саратский район:(с. Заря, с. Кулевча, с. Николаевка-Новороссийское); Тарутинский район (с. Виноградовка, с. Вольное, с. Евгеновка, с. Подгорное, с. Яровое); Татарбунарский район (с. Дмитровка); Ренийский район (с. Нагорное).

[3] Материалы пилотажного исследования автора (МПИА), 2012 г. – с. Новая Ивановка, Делены Арцизского района и с. Вольное Тарутинского района.

[4] МПИА, 2012 г. – с. Делены Арцизского района.

[5] МПИА, 2012 г. – с. Вольное Тарутинского района.

[6] МПИА, 2012 г. – с. Новая Ивановка Арцизского района.

[7] МПИА, 2012 г. – с. Делены Арцизского района.

[8] МПИА, 2012 г. – с. Новая Ивановка Арцизского района.

[9] МПИА, 2012 г. – с. Делены Арцизского района.

[10] МПИА, 2012 г. – с. Табаки Болградского района.

[11] МПИА, 2012 г.– с. Делены Арцизского района Одесской области.

[12] Там же.

Литература

Арнаудов М. Кукеры и русалии // Студии върху българските обреди и легенди. Т. 2. София, 1972.

Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Бокова И. Градско наследство и фолклорна култура. Индустриалният град и «възстановената» традиция – по примера на гр. Перник // Български фолклор. София, 2000, № 4.

Бокова И. Маскарадни игри и календар // Празници и зрелища в европейската традиция през Средновековието и Възраждането. Варна, 1996.

Василева М. Коледа и Сурва: Български празници и обичаи. София, 1988.

Венедиков И. Златният стожер на прабългарите. София, 1987.

Венедиков И. Медното гумно на прабългарите. Стара Загора, 1995.

Венедиков И. Раждането на боговете. София, 1992.

Виноградова Л., Плотникова А. Ряженые // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009.

Водиничар Е. Аспект локального в календарной обрядности болгар Бессарабии // Наука, культура, образование. Научно-практ. конф., посв. 20-летию КГУ. 11 февраля 2011 г. Сост.: Л. В. Федотова, Т. Т. Великова. Комрат, 2011.

Водинчар Е. Маскарадната обредност на българите в Бесарабия // Българска етнология. Т. 32. София, 2006, № 4.

Дыханов В. Я. Календарна обрядовість болгар та гагаузів Південної України: автореферат дисертаційного дослідження. Київ, 2001.

Колева Т. А. Болгары // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: XIX – нач. XX вв.: зимние праздники. М., 1973.

Краев Г. За единството на ергенските маскарадни игри (по материали от Юго-Западна България) // Единство на българската фолклорна традиция. София, 1989.

Краев Г. За умението на българите да се маскират // Антропологични изследвания. Т. 3. София, 2002.

Краев Г. Маска и було. Български маскарадни игри. София, 2003а.

Краев Г. Маскарадите на българите като семиотична система // Ловци на умове. Т. 2. София, 2003б.

Лесникова А. К проблеме замещения обрядовой традиции: молдавская «Капра» в структуре святоч-

ного ряженья болгар Южной Бессарабии // Бесарабските българи: история, култура и език. Съст. Иван Думиника. Кишинев, 2014.

Лесникова А. Маски и ряженые в святочной обрядности: традиции болгар Южной Бессарабии – аутентичное, заимствованное и региональное // Постфактум: історико-антроплогічні студії. Єдність у срізноманнітті стратегій та практик. Одеса, 2013а, № 1.

Лесникова А. «Меланка» как вид святочного ряженья болгар Южной Бессарабии: к постановке проблемы // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. XII. Одеса – Велико Търново, 2013б.

Маска и ритуал. Съст. Г. Краев и И. Бокова. София, 1999.

Милчева М., Гогова Р. Маскираната неделя в Хасково (20-те – 50-те години на 20 в.) // Български фолклор. София, 2000. № 4.

Ненов Н. Карнавалът в Русе и българският градски модел // Български фолклор. София, 2000, № 4.

Петров П. Кукеры и сурвакари // Известие на Българското историческо дружество. Кн. 28. София, 1972.

Попниколова-Табакова Е. Карнавалните празници в Русе, запазени в спомените // Маскарадните игри – минало и съвременност. Перник, 1995.

Сорочану Е. Святочно-новогодняя обрядность болгар (Криничное и Суворово, Одесская область) // Одеська болгаристика. Одеса, 2007–2008, № 5-6.

Стаменова Ж. Кукери и сурвакари. София, 1982.

Rezumat

În acest articol, având ca exemplu ritualul de Crăciun „Ursul" şi „Nevasta", funcţionale în grupul bulgarilor din satele din sudul Basarabiei (Deleni, Ivanovca Noua din raionul Arţîz, şi satul Volnoe din raionul Tarutino), şi reprezentant al tradiţiilor autentice de carnaval în Vestul Bulgariei, se analizează factorii şi mecanismele funcţionării tradiţiei în diaspora în condiţiile spaţiului polietnoconfesional din sudul Basarabiei.

Cuvinte-cheie: mascaţi, măşti, sărbători de Crăciun, bulgari, Sudul Basarabiei.

Резюме

В данной статье на примере ритуальных святочных обходов «Мечка» и «Невеста», функционирующих в группе болгарских сел Южной Бессарабии (в селах Делены, Новая Ивановка Арцизского района и в селе Вольном Тарутинского района) и представляющих аутентичные карнавальные традиции Западной Болгарии, анализируются факторы и механизмы функционирования традиции в диаспоре в условиях полиэтноконфессионального пространства Южной Бессарабии.

Ключевые слова: ряженые, маски, святки, болгары, Южная Бессарабия.

Summary

In this article, using the example of Christmas ritual rounds „Mechka" and „The Bride", functioning in Bulgarian villages of southern Bessarabia (villages Delen, New Ivanivka in Artsyz district and the village of Volnoie of Tarutino district) and representing authentic carnival traditions of western Bulgaria, there are analyzed the factors and mechanisms of diaspora tradition functioning under the conditions of polyethnoconfessinal space of southern Bessarabia.

Key words: masks, Yuletide, Bulgarians, southern Bessarabia.

Ритуальный новогодний обход «Мечка» (с. Вольное Тарутинского р-на Одесской области, Украина.

Светлана ГЕОРГИЕВА

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СВАДЕБНОГО ОБРЯДА УКРАИНСКИХ БОЛГАР СЕЛА ЗАРЯ (КАМЧИК) ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение языковых сведений народной культуры – одна из актуальных задач современного языкознания, прежде всего диалектологии и этнолингвистики. В этом плане перспективным является введение в научный оборот новых лексических фактов, связанных с традиционной народной обрядностью и обычаями. Язык – неотделимая часть культуры любого этноса, основа открытия новых фактов этнокультурной истории и этнической специфики каждого народа.

Болгарская свадебная драма отражает дух нации и является важной составляющей традиционной обрядности болгар. В традиционной культуре свадьба – центральное событие в жизни человека. Она качественно и необратимо изменяет его социальный статус. Свадьба создает новые социальные связи и изменяет старые. Для прошедшего испытание свадьбой меняются нормы в поведении, в манере одеваться, буднях и праздниках, во всех аспектах жизни.

Огромное значение свадьбы в жизни болгарина проявляется через множество ее региональных и локальных вариантов. Их изучение, систематизация и публикация – одна из актуальных научных задач.

Свадебные обычаи и обряды болгар частично описаны в исследованиях Н. С. Державина (Державин, 1898, 37-62; 1914), Вл. Дяковича (Дякович, 1930), Л. В. Марковой (Маркова, 1966), Л. А. Демиденко (Демиденко, 1970), А. И. Воденичаровой (Воденичарова, 1983), Н. Колева (Колев, 1994, 331-340), В. А. Колесник (Колесник, 2006, 76-90) и др. Сделана попытка их систематизации, прослежен процесс взаимовлияния и взаимопроникновения обрядов болгар-переселенцев и местного населения (русских, украинцев и молдаван), а также динамика изменения этой системы.

Духовная культура села Заря (до 1946 г. – Камчик) в прошлом не подвергалась специальным научным исследованиям, нет ее монографического описания.

Цель предлагаемого исследования – описание структуры и терминологии свадебного обряда украинских болгар села Заря (Камчик).

В работе поставлены две основные задачи: 1) реконструкция свадебных обычаев и обрядов в с. Заря начала XX века (записи воспоминаний местных жителей, передающихся из поколения в поколение) (Георгиева, 2005–2006, 138-141); 2) характеристика свадебной лексики: специфика, степень сохранности, тенденции в развитии.

Сбор полевого материала производился автором в соответствии с установленными принципами болгарской диалектологии и этнолингвистики в 1994–2005 гг. Анализ материала подчинен задачам семантической реконструкции свадебной лексики в целом. Объектом данного исследования стала духовная культура, предметом – свадебные обычаи и обряды зарянцев.

Свадебная обрядность болгар очень богата и многообразна. Свадебные обычаи и обряды в с. Заря в прошлом представляли широкую развернутую систему – по отношению ко времени исполнения, по составу обрядовых лиц и включенных в нее обрядовых действий и комплексов. Выделялись три основных этапа: гудеш ‘помолвка’, *свадба* ‘свадьба’ и пу̀дар свадбата ‘после свадьбы’. В первой половине XX в., по сведениям респондентов, в Заре функционировали все этапы свадебной обрядности.

К свадьбе родители готовились заранее, особенно родители невесты. Матери готовят для своих дочерей чииз ‘приданое’.

Брачный возраст молодежи точно не определен. Он варьируется в приблизительно установленной границе от 17 до 25 лет. Как правило, юноши должны быть старше девушек. После двадцати пяти лет девушка считалась стара, дръта ‘старая’, но все еще могла выйти замуж за дувец ‘вдовец’ или устанал ирген ‘старый холостяк’. После тридцати лет мужчина считался стар или дрът ирген ‘старый холостяк’ и мог взять в жены только дувица ‘вдова’ или стара мума ‘старая дева’.

Как принято у болгар в метрополии, так и у болгар в с. Заря, миста за срещи ‘места для встреч’ молодых людей и общение определены традицией. Молодежь знакомилась, в основном, на хура ‘место, где танцуют хоро’ и сид’янки ‘посиделки’. Там они передавали знаки внимания (мумата си дава кръпичката), и, если возникало ответное чувство, молодые говорили о сватовстве (гудеш).

На седянках юноши приглядывались к девушкам и выбирали себе невест: [Йерг’енити фл’аат и с’адат в ино кише/ на дълги стол’чита и ут там

разгл'ават мумити/ кви са хубайчки/ кво рабутат// Ут тука т'е си избират мома за хуртуван'е//]. Инициатива в выборе брачного партнера была на стороне молодого человека, а из-за его экономической несамостоятельности этот выбор делали его родители и близкие родственники. Прежде всего смотрели на имущество предполагаемой невесты и отдавали предпочтение более состоятельной семье. Большое значение имел и корен, пукуленийе 'род' девушки. О хорошей невесте говорили: [Т'а уд дубър кор'ен// Мумата ут хубуу пукуленийе].

Традиционному болгарскому обществу известны три основные формы брака (Андреев, 1979, 87), которые под влиянием тех или иных условий видоизменялись, но в целом сохранили свои определяющие черты до XX в. Таковыми являются: 1) брак с полной свадебной обрядовой практикой и церковным венчанием; 2) брак с нарушенной свадебной обрядностью – уходом невесты из родительского дома (в с. Заря – пристануша); 3) брак с нарушенной свадебной обрядностью – кражей невесты (уткрамната).

При выборе супруга(и) играют роль и некоторые традиционные ограничения, известные и болгарам метрополии. Запрещающим фактором было и остается кровное родство брачующихся. У зарянцев данный запрет действовал до пятого поколения (ду п'ату кул'ану). Кроме того, у них действуют запреты на вступление в брак с косвенными родственниками (семья крестных родителей): [Кръсник ни мой да са ужени за кумица пак кумец ни мой да земи кръсница// Тва гул'ам гр'ах и Бог ш ги накажи//].

За месяц-полтора до свадьбы будущий жених отправлял в дом к невесте посыльных мужчин (сватовников) и женщин (сватовниц) (нами зафиксировано и вышедшее из употребления название згледници) с загляфкой (лексема не зафиксирована в лингвистической литературе): [За ид'ин два м'ехица ду свадбата/ млад'ее пращта на младата «загл'афка» *(бар'ез или рокла)*//]. Сватовники и сватовници являются близкими родственниками парня, которые в случае неудачи смогли бы хранить молчание. Встреча сватовников в доме девушки носит тайный характер, поэтому совершается обычно вечером – пу темну. Обычно двое сватовников (иногда и больше) приходили к родителям девушки и окольными разговорами, общепринятыми словами и выражениями, намеками давали понять, от имени кого и с какой целью они пришли, например: «При вас тавара, а пак при нас купеца», и т. д. Если миссия сватов заканчивалась успешно, на следующий день встречались родители парня и девушки на удумване и договаривались о том, когда будет гудеш и какие подарки будут дарить: [Пудар коту вр'еми/ двата рода са збират на «удȕмвани» и ришават/ куйа нид'ел'а жа прайат гудеш/ свадба/ кви даруй ша си дар'ават]. На этой же встрече родители предварительно оговаривали и день свадьбы.

В Заре гудеш справляли в доме невесты. На гудеш, кроме приглашенных, приходили и неженатые друзья жениха, но в дом не заходили; они ожидали во дворе, заглядывая в окна, где в это время шел гудеш: [Духадат п'ет мъжа и млад'ее// Т'е носат сас с'еб'а си бъклица/ на н'ехи връsан дар на младата/ фартушка/ накичана с чарв'ена китка и босил'ак… И тугава на мумичиту майка хи изнаса куприн'ан пишкир и дар'ава гудиника// *Н'*егух брат зима дара ут бъклицата и дар'ава гудиницата// Тъй прайат гуд'еж//]. По окончании гудежа, гудиник 'жених' выходил на порог и парни встречали его организованным, дружным, восторженным криком: [Гату гудиника изл'ава/ *н'*егуйти другари уж'е гу чакат ду вартата// *Т'*е гу грабват на рац'е и криштът: «Хее-паа!»// Криштът тъй силну/ коту сичкити ф с'елу да чуйат/ чи стана гуд'еш//].

После гудежа жениха и невесту называют – гудиник и гудиница (ср. в метрополии – годеници, главеници, утъкмени, менени, удворени). С этой поры гудениците носят, как знак отличия, пиро 'цветок' и могут встречаться днем.

На следующий день, в воскресенье, в обед, гудиник приходил за своей гудиницей, чтобы вывести ее на хуро – да извиде гудиницата. На хуроту гудиницата обязательно целует руку на родата на гуденика – 'родственникам жениха', показывая этим уважение к своим будущим родственникам. И теперь гудиник имеет право каждый вечер входить в дом к гудинице.

Свадьба у зарянцев начиналась в <u>четверг</u> с обычая калисване 'приглашение' гостей. Рано утром калисари 'лица, посланные с приглашением' (обычно деверь со стороны гудиника и девушка со стороны гудиницы), украшенные платками, с флягой для вина в руках (бъклица), ходят по селу и приглашают на свадьбу родных, близких и друзей: [«Приглашавами ва на свадба!»]. Вечером проходил обряд пригуштаване на кумъ – 'угощение кума'. Две-три пары от жениха брали с собой угощение, музыкантов и отправлялись к куму – угощать его. Музыка была нужна не столько для веселья, сколько для того, чтобы было больше шума, чтобы услышали соседи (Златова, Златов, Георгиев, 2003, 138). Кум и кума (в метрополии – кум, кума, калтатя, калимана) – главные обрядовые лица на свадьбе. Быть кумом очень почетно.

В <u>пятницу</u> вечером у жениха и у невесты со-

бирались друзья, подружки, родственники, соседи. Из дома жениха в дом невесты, в сопровождении обрядовой песни «Мурмале, драга мале» приносили квасъ 'мука для обрядового действия'. В доме невесты исполняли ритуальный обычай засифки 'засевание': [Зимат са три сита и три нуштуви/ са тургат ино удгор'а на другу/ нуштува на нуштува/ ситу на ситу/ в най-горнуту ситу тургат брашно и имиш/ пр'аники/ канф'ети/ ор'уви/ пуска са фътр'а и пръст'ан// Сичку тва гу с'ейат приз три сита/ утс'ават в три нуштуви// Гату дойди р'ед на пусл'едната нуштува/ дицата са фъргат при н'ейа и збират имиша// Гату збирът имиша/ т'е са цапат и в'ес'алу са см'ейат// Ут тва брашно прайат квас у йерг'ен'а//]. После засевок во дворе устраивали танцы.

В субботу утром зълвити 'золовки' украшали байряк 'свадебный флаг' – основной обрядовый реквизит в болгарской традиционной свадьбе. Байряк изготавливал отец деверя – бабалък. Затем брали с собой кравай 'каравай', сирини 'брынза' и бъклица с вину и шли к ближайшему колодцу. Над колодцем исполняли обряд чупини на винен кравай 'ломать винный каравай': [Пр'аму над н'его чупат кравайа и гу пуливат с вину// Къту има наблизу чуз чул'ак т'е гу гуштават// На утивани ду клайанца и връштан'е п'ейат п'асна «Мурмал'е драгомал'е»//]. После этого зълви с песней и музыкой ходили по селу. Девушки шли в две шеренги, держась друг за дружку руками крест-накрест: [Варвът пу ч'етири/ фанати и упл'етини за ръце/ д'евойки// Четири утпр'еш и четири ysат// Иднити п'ейат/ пак другити утп'ават//]. Зълви невесты, зайдя во двор жениха, обращались в шутку к будущей свекрови: [«Како Марийо/ дайти на вашта булка малку л'ап и сирини/ чи у т'ах ни йи дават да йид'е/ и ино иц'е/ да си умий главата»//], а будущая свекровь отвечала: [«Мумичита/ на ви куликр'ем/ чарвилу/ нашта булка да бъди най-красива ут сичкити»//].

Вечером в доме гудиницы проводят обряд заплитане на кусите на невестата 'заплетать косы невесте': [«На н'ев'естата хи мийат главата// Пу вр'еми на мийин'ту/ падрушкити на младата п'ейат п'асна „Находи ли са/ наноси ли са … *(име на невестата)*»// *С'е пуд тава п'асна майката заплита кусити на н'ев'естата*//]. В то же время в доме гудиника проводят обряд бръснене на младее 'брить жениха'. С мужской стороны приходили к невесте несколько пар с подарками от жениха: [Т'е носат квас/ др'ехи/ кравай/ кукошка и милина в ид'ен въs'ал/ и имиш в друк въs'ал// Мъж'ети носат др'ехити/ и в ино видро вину/ дв'а поллитри ракийа/ и ид'ен шкалик «буцик»// *На бъклицата тургат ч'арв'ена китка с бусил'ек и кръпа в дар*//]. После вручения подарков во дворе устраивали танцы.

Главными действующими лицами на свадьбе являются булка 'невеста' и младуженик 'жених'. Одну из главных ролей исполняют кум и кума – семейная пара, крестившая младуж'еника. Помощников кума и кумы называют – подкуми 'помощники кума'. Младший брат младуженика или парень из его рода становится девер. Зълва (съшта зълва) – это сестра младуженика или его близкая родственница. В конце XX в. функцию кума и кумы стали исполнять свидетел' (близкий друг жениха) и свидетел'ница (близкая подруга невесты). Руководит проведением свадебных обрядов хатарлийка: [Тва стара жина/ дету хубуу помни абъчайти и кирува свадбата//].

В воскресенье утром кума и подкума (если таковых нет, то свидетельница) наряжали невесту: [В нид'ел'а сабахл'ан/ най-блиск'ее ут млад'ее утива да зима кумата и подкумата/ коту т'е да прайат булката// *Гату прайат булката/ свир'а жална музика*//]. В церковь на венчание жених и невеста шли отдельно и встречались у центрального входа. При выходе из дома – и у жениха, и у невесты – матери поливали водой перед воротами, чтобы у молодых в жизни было все гладко. При встрече молодых старался первым наступить на ногу другому каждый. Кто первый наступит, тот и главный в семье.

После венчания мужская и женская сторона шли отдельно домой: [// Пудар винчафката/ синкити си ут'уат// Гостити на млад'ее утиват в мъшката старна/ пак гостити на младата/ в ж'енцката старна//]. К часу-двум дня начинали собираться гости жениха. В это время за кумом отправляли с музыкой на свадебной упряжке четверых мужчин: [С'етн'а/ пудар н'акулку часа/ ут мъшката старна най-блискити ч'етирима мъжа/ утиват за кумуйти// Сас с'еб'а си т'е носат кукошка/ кравай/ милина/ ина кръпа имиш/ поллитра шкалик и шиш'е вину//]. В дом невесты отправляли пителджийана, который нес в руке красивого красного петуха. Он сообщал о готовности свадебного поезда. Через некоторое время к жениху приезжал кум, подкум, кума и подкума. Не заезжая во двор, кум «забирал» свадебный поезд (укичини каруци и музика), и все отправлялись да дукароот булката.

В свадебном шествии каждый имел свое место и выполнял определенную функцию. Впереди свадебного поезда верхом на коне ехал дев'ервуйвода с байряк в руках. Он выполнял функцию охранника и защитника свадьбы. За воеводой следовала карета кума с женихом. За ними – все

остальные кареты. У ворот дома невесты свадбарей встречали родители и вежливо, с почтением приглашали во двор. Первым заходил жених, в сопровождении кума и подкума, и становился напротив входной двери у порога. К ним выходили самые близкие родственники невесты: отец, мать, бабушки и дедушки, братья и сестры и т. д. Происходил обряд дар'авани, когда жених делал подарки всем близким родственникам, а теща (баба) в свою очередь одаривала жениха. Она перевязывала жениха красным широким поясом (ч'арвен шарок пояс) или шарфом (в наши дни). В это время всю свадьбу угощают (са ч'ерпат), а подруги невесты прячут ее (крийат булката). После недолгих, но всегда азартных и веселых торгов жених выкупал невесту. Выходя к жениху, невеста кидала в него яблоко (фърга хабалка), а жених должен был его поймать. После этого гостей рассаживали за стол. Кумовей всегда сажали на самое почетное место, в углу под иконами.

За первым столом собирали «кръст» – в кувшин (гарне) или в глубокую тарелку (далбока паница) бросали деньги для новобрачных. Затем заходили две зълви. Одна держала в руках ситу, накрытое красным платком (чарвена кръпа); в сите находились заранее приготовленные из красной ленты бантики для женщин и свадебные веночки (свадбарски виноци) для мужчин. Девушки раздавали их гостям, а те кидали мелкие деньги в сито. Руководила приготовлением праздничной свадебной трапезы булгурджийка. Обязательными горячими блюдами, приготовленными в печи (собе), на столе были: картошка с мясом (задушени картохли), капуста с мясом (лахна с мисо) и голубцы (гушки).

В назначенное время отец, держа в руках вазон с цветком, выводили невесту (извидат булката): [//Баштата извида булката с цв'ети//]. Жених и невеста становились рядом; возле них стояли кум, кума и 'правата зълва' (сестра жениха или другая близкая родственница), которая держала цветок (Златова, Златов, Георгиев, 2003, 142). Родители вручали невесте подарки, а жених в свою очередь угощал их вином (ги черпи) из ритуального деревянного расписного сосуда (бъклица). Затем кум, кума, жених и невеста танцевали обрядовое кумуу хуро. Потом родственники и гости невесты прощались с молодыми и дарили им подарки, а жених всех угощал вином из бъклицъ.

Свадьба, отправляясь в дом жениха, каталась по селу (са раскатъва). Первой ехала карета с молодоженами. На переднее сиденье садились кум и подкум, спиной к ним на другое сиденье – кума и подкума, а на заднее сиденье, украшенном красивыми домоткаными изделиями, лицом к ним сидели жених и невеста. Обычно родственники и знакомые выходили навстречу свадьбе с кувшином вина и останавливали ее. Кум давал знак остановиться остальным каретам, и хозяин двора, где остановилась свадьба, угощал всех желающих вином. Угощал и сам кум возле своего двора, а в это время кума собирала большие платки (въsили) для молодых: [//Пу тва вр'еми/ кумата си збира въsил'ти// Фав вълн'ан мисал кумата слага кравай/ милина/ кукошка// Башка/ в нова б'ала кръпа/ слага нова ч'ешка и паничка// В ч'ешката насипоо м'ет и турга лажичка// Т'ее двата въs'ала/ кумата ги зима сас с'еб'а си//]. При встрече двух свадеб каждая кума накрывала лицо невесты красной тканью.

Вечером свадьба прибывала в дом жениха. Молодые, сойдя с кареты, шли по постеленной дорожке (пу пуслана черга). Родители встречали молодых с хлебом и солью: [//Ду вартата св'екара и свикървата дар'ават булката/ га благославл'ават/ и дават кун'а/ л'ап и сол//]. Потом заходили с молодыми в дом. Кума зажигала венчальные свечи и отдавала жениху и невесте. Затем над их головами поливала небольшим количеством вина: [//Им збира главити и ут бъклицата налива малку вину враз главити им// С'етн'а гаси св'ештити/ ги дава на кумцити и ут'уа на трап'еза//].

Свадьба гуляла до поздней ночи. В полночь кума относила платок (кръпа) с караваем (кравай) и отдавала его кумице, а кумецу расстегивала рукава и горловину рубашки: [//На кум'еца раскупчава ракавити и пазвата и казва: «Айга ви давам прошка»// Тва значи/ чи кумата хим дава прошка//].

К двум часам ночи свекровь отправляет двух близких родственников с двумя букетами цветов в дом невесты (в мом'анта старна) с «радостью» (радуст:ъ). Мать невесты встречает посланников с маленькой бутылкой красной водки (шкалик), обвязанной красной ниткой, на нитке – перстень: [//Мом'анта майка ги ср'ашка с шкалик/ въsан с чарв'ена китка и с пръст'ан: «Многу здрави на младата!»//*Ракийата тр'аба да бъди чарв'ена// И сватуйти казват на майката:* «Многу здрави ут дочката!»// *Майката ги дар'ава с хал'ани рубашки// Сватуйти фл'ават/ пуливат с чарв'ена ракийа и кичат с китки/ тва йе радусттъ//*]. Гулянье продолжалось до утра.

В <u>понедельник</u> проводились три основных обрядовых комплекса – поливане на свекър и свекърва, катаене на баба и дядо и обещаване.

Рано утром невеста подметала двор. Потом собирались близкие родственники. Невеста поли-

вала водой на руки свекра и свекрови и дарила им подарки: [//Булката пулива на св'екара и свикървата/ и ги дар'ава// На св'екара душ'ек/ възглафка/ цурапи/ риза// На свикървата нашита риза/ цурапи/ фартушка/ кръпа// На устал'ната блиска рода дар'ава рубашки/ рокли//].

До обеда катали деда и бабу (катайат бабата и д'адуту): [//Ги кичат с цв'етита/ ги мажат сас сажди/ с чарвилу// Двама-трима мъжа бутат каручката// Пудар катайин'ту убръштат каручката и бабата с д'адуту падат на зим'ата// С'етн'а сичкити идът п'екану прас'енци//].

После обеда посвящали невесту в невестки (развал'аха булката). Под плодовым деревом к невестке подходила кума, снимала с ее головы фату и бросала на высокую ветку. Невеста должна пытаться достать ее, но не достав, символически переходила в новый статус – невестки. Потом кума расчесывала волосы кумице и дарила ей гребень и платок (моди).

Вечером проводили обряд обещания подарков молодым (убиштъване): [//На младата башта хи казва: «Ас н'амам ошти сичкити свадбари// Врътйи/ извикайти ги на прас'е»// *И н'акуй ут'уа да вика хората/ д'ету ошти ни додаха// Прас'ету гу слагат на сухрата и пуднасат топлу вину// Са нач'ева у*биштаван'ту// Кой коту ж'елайе/ такова и убиштава на младити// Пудар убиштаван'ту свадбата ошти малку гул'ай и пу малку са пръска//].

Во вторник «собирали куриц» (збираха кукошкити), то есть собирали обещанную во время свадьбы птицу и отвозили в дом жениха. Вечером был свадебный ужин.

В среду вечером собирались самые близкие родственники и делали уборку в доме и во дворе – гонат мухити. Обряд не зафиксирован нами в существующей этнографической и лингвистической литературе. Сваты ходят в гости друг к другу на протяжении следующих двух недель.

Подробное изложение свадебных обычаев и обрядов населения села Заря Саратского района Одесской области, функционировавших в конце XIX до третьей четверти XX вв., представляет региональный вариант с исключительным разнообразием и богатством обрядовых действий.

Процессы изменения свадебной обрядности в с. Заря соответствуют общему ходу и закономерностям, характерным для болгарской традиционной культуры. После 70-х гг. XX в. целостность системы нарушена, и традиционная обрядовость (с некоторыми исключениями) продолжает функционировать в редуцированном виде. Основная часть содержания патриархальной болгарской свадьбы сохраняется в живой памяти населения.

Изменения, наступающие в обычаях, имеют разный характер и затрагивают отдельные компоненты обрядовости. Семейные обычаи в целом показывают общую тенденцию к уменьшению времени их исполнения, и одновременно с этим – к упрощению ряда обрядовых комплексов. Свадебные обычаи резко ограничивают свой временной охват, а послесвадебный цикл часто вообще отпадает. Изменения затрагивают большинство элементов и сторон свадебной обрядности, например: большая независимость в выборе брачного партнера; обряды заплетания косы у невесты и бритье жениха остались только в памяти старожилов; устные приглашения заменены письменными и т. д.

Итак, анализируя свадебную обрядовую лексику зарянского говора, мы приходим к выводу, что: а) большинство лексем совпадают с лексемами литературного болгарского языка: гудеж, свадба, хуро, сидянка, засевки, чииз, иргинувам, мумувам, кум(а), кръсник(ца), сватовници, бъклица, байряк, калесване, годиник(ца), зълва, девер, булка, кумуу хуро, баба, дяду, прошка и т. д.; б) региональный характер носят следующие термины: названия обрядовых лиц – пителджиян, булгурджийка, права зълва, либовник(ца); названия обрядовых действий и обрядов – хуртуване, загляфка, винчафка, убиштъвани и т. д., так как они отмечены и в других бессарабских болгарских говорах (напр., в с. Главаны). Не зафиксированы в метрополии и в исследуемом регионе лексемы: элемент обрядовых действий – буцик, название обрядового лица – хатарлийка, названия обрядов – радусттъ, углядница, гонене на мухити.

Системный характер традиционной болгарской свадьбы трансформируется. Современная свадьба теперь уже только пестрая смесь традиционных обрядовых действий и инноваций.

Литература

Андреев М. Българско обичайно право. София, 1979.

Воденичарова А. И. Семейная обрядность болгар и украинцев. Москва, 1983.

Георгиева С. И. Болгарська переселенська говірка мішаного типу: стан і етапи формування. Автореф. дис. кандидата філол. наук. Київ, 2006.

Георгиева С. И. Основні риси болгарської переселенської говірки с. Зоря: тексти // Одеська болгаристика. Вип. 3–4. Одеса, 2005–2006.

Демиденко Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР. Киев, 1970.

Державин Н. С. Болгарскія колоніи в Россіи (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губерніи). София, 1914.

Державин Н. Очерки быта южно-русскихъ бол-

гаръ. Етнографическое обозрение. Москва, 1898. № 3.

Дякович В. Българска Бесарабия. София, 1930.

Златова В. Н., Златов И. В., Георгиев Ф. С. Камчик (с. Заря Саратского района). Измаил, 2003.

Колев Н. Сватбени обичаи и обреди у българите в Бесарабия и Южна Русия // Българите в Северното Причерноморие. Т. 3. Велико Търново, 1994.

Колесник В. А. Диагностирующие черты болгарской свадебной терминосистемы // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. Збірник наукових праць. Вип. 21. Ізмаїл, 2006.

Маркова Л. В. Некоторые тенденции в развитии культуры быта болгар юго-западных районов СССР. Москва, 1966.

Rezumat

În articol se cercetează structura şi terminologia tradiţiilor de nuntă ale bulgarilor ucraineni din satul Zarea (Kamcik), raionul Sarata, regiunea Odesa. Este analizat experienţa reconstrucţiei şi funcţionării vocabularului tradiţiei de nuntă, până la mijlocul sec. al XX-lea (în conformitate cu jurnalele de amintiri ale localnicilor, transmise din generaţie în generaţie). Procesele de schimbare a ritualului de nuntă în s. Zarea urmează cursul general şi particular al culturii tradiţionale bulgare. După anii ’70 ai sec. XX, integritatea sistemului s-a rupt şi ritualurile tradiţionale (cu mici excepţii) continuă să fucţioneze într-o formă redusă. Cea mai consistentă parte a nunţii patriarhale bulgare se păstrează în memoria vie a locuitorilor satului Zarea.

Cuvinte-cheie: etnolingvistică, tradiţii şi ritualuri de nuntă ale bulgarilor din Ucraina, vocabularul continuu bulgar, satul Zarea (Kamcik), Ucraina.

Резюме

Болгарская свадебная драма отражает дух народа и является важной составляющей традиционной обрядности болгар. Ее изучение, систематизация и публикация – одна из актуальных научных задач современного языкознания, прежде всего этнолингвистики. В статье рассматривается структура и терминология свадебного обряда украинских болгар села Заря (Камчик) Саратского района Одесской области, предпринята попытка реконструкции его функционирования до середины XX века (по записям воспоминаний местных жителей, передающихся из поколения в поколение), дана характеристика свадебной лексики.

Ключевые слова: этнолингвистика, свадебные обычаи и обряды болгар Украины, болгарский диалектный континуум, село Заря (Камчик), Украина.

Summary

The article considers the structure and terminology of the wedding ritual of Ukrainian Bulgarians in the village Zarya (Kamchik) of Sarata area in Odessa region. The particularities of the wedding ceremony were reconstructed up to the middle of the XXth century (according to the records of the memories of local residents). The characteristics of the wedding lexics is given in the paper. The wedding rites, in general, show the tendency of reducing their time performance as well as the simplification of ritual complexes. They limit temporal boundaries, and afterwedding cycle often disappears.

Key words: ethnolinguistics, wedding customs and rituals, Bulgarian dialect continuum, Zarya (Kamchik) village, Ukraine.

Ольга НЕДЕЛЬЧЕВА-ВОДИНЧАР

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПОСТ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКЕ БОЛГАР ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ (*ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛ БОЛГРАДСКОГО РАЙОНА ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ)*

1. О православном посте

Православная церковь установила перед Великими праздниками четыре многодневных поста в году. В последнее время о посте много говорят не только в церковных кругах, но эта тема уже не является чужой и для современного общества. В основном обсуждается постная трапеза, постное меню, но нередко затрагивается и главное – духовно-нравственная сторона этого особенного периода в жизни людей, тем более когда речь идёт о христианах.

Православный пост – это воздержание от приёма еды, определённых напитков, плохих и скверных мыслей и злых дел. Болгарские ученые-теологи, профессора Тотю Коев и Димитър Киров считают, что человеческий опыт свидетельствует о том, что для нравственного очищения и духовного подъёма человека ему необходимо физическое и моральное воздержание. С глубокой древности первые христиане постились, чтобы приобрести молитвенный дар или приготовиться к

важным религиозно-нравственным и церковным делам. Определённый Православной церковью пост является сложным комплексом действий с духовным и моральным содержанием, воздержанием от зла и практикой добра и является не только простым воздержанием от пищи. Пост – средство для физического очищения, духовного подъёма и нравственного обновления.

У православного болгарского и гагаузского населения, как и у всех православных христиан, есть четыре поста в календарном году: *Коледния* (Рождественский), *Великия* (Великий), *Петровите пости* (Петров пост) и *Бугуройчиния пост* (Богородичния). Рождественский пост у болгар, как и в целом у православных христиан, не очень строгий, он связан с радостным событием – Рождеством Иисуса Христа, нашего Спасителя. В этот пост разрешается есть рыбу, кроме среды и пятницы. Самым важным постом, самым строгим является Великий пост. Строгим постом считается и августовский, Богородичный пост. А к другому летнему, Петровскому посту, в последнее время люди относятся более спокойно и не особо его соблюдают, даже и в таком чтущем и по сей день церковные традиции селе Чийшия. Мало людей причащается в период Петровского поста, и то, в основном, к евхаристии приходят одни женщины, часть из которых соблюдает этот пост в среднем по одной неделе, а не весь период.

2. Особенности православной жизни Болградского района

Материалом для исследования стали записанные устные свидетельства жителей трёх сел Болградского района Одесской области, а также личные наблюдения автора. Основным информационным источником является материал по селу Чийшия (Городнее) и соседних, достаточно своеобразных и колоритных сёл – Труяна (Новые Трояны) и Къшлите (Калчева). Предлагается провести определённые параллели и сравнения представлений о православном посте и его месте в повседневной религиозной практике жителей указанных сёл.

Основными информаторами стали: Любовь Георгиевна Стойнова, 1938 г.р., с. Чийшия, Мария Георгиевна Мазлин, 1946 г.р., с. Чийшия, Мария Петровна Самсон, 1948 г.р., с. Чийшия, Надежда Трифоновна Водинчар, 1952 г.р., с. Чийшия, Домникия Трифоновна Иванюк, 1959 г.р., с. Калчева, Мария Ильинична Кружкова, 1937 г.р., с. Калчева, Светлана Михайловна Тодорова, 1964 г.р., с. Новые Трояны.

Считаем, что интерес к теме данного исследования со стороны исследователя-чийшийки достаточно объясним и не является предвзятым. Знания, личный церковно-практический опыт и хорошая ориентация в среде могут только способствовать объективной и беспристрастной оценке религиозно-нравственных ценностей и настроений (отношений) болгар села Чийшия.

Отметим, что в наши дни во многих «стареющих» и «вымирающих» сёлах Бессарабии наблюдается определённый духовный упадок населения. По различным причинам, главным образом из-за поиска работы, люди покидают свои родные места, уезжают в города, и в ритме бурного времени всё реже заходит речь о смысле жизни и христианских православных ценностях. В этой связи, Городнее, Калчева и Новые Трояны – болгарские сёла, которые нельзя отнести к «вымирающим», отчасти их можно отнести к «стареющим», но не к тем, которые с большой скоростью запустевают, в которых целые ряды домов на улицах пустуют, где редко слышны детские голоса, где не все жители разговаривают на родном языке и почти забыты традиции, обряды, обычаи.

Переселенцы в этой части Южной Бессарабии, в часности Болградского района, – болгары, гагаузы, молдоване, албанцы и другие этносы – исповедуют восточное православное христианство. Раньше в Болградском районе каждое село имело свой храм, и храмы играли важную роль в приобщении людей к духовной культуре, сельские церкви представляли духовную культуру отцов, дедов и прадедов.

Центральное место в духовно-культурной жизни болгар-чийшийцев занимает храм Святых Равноапостольных Петра и Павла. Чийшия известна как одно из самых ярких и активных болгарских сёл Украины. Устоявший во времена религиозных гонений и неразрушенный чийшийский храм собирает и сплачивает православных христиан региона. В противовес нововведённым в советское время ценностям чийшийцы продолжали практиковать и уважать церковно-каноническую практику при крещении детей, венчании, при вступлении в брак, при погребальных обрядах, исповедоваться и причащаться и т.д. Этот факт ещё раз подчёркивает особенность их духовно-нравственных ориентиров и мировоззрения.

Жители села Чийшии рассказывают, что православная вера и практическая церковная жизнь в селе сохранилась главным образом благодаря тому, что в годы больших гонений на Церковь со стороны властей чийшийский храм не был разрушен, никогда не закрывался, и тем самым чийшийцы успели сохранить не только свою православную веру, но и культуру, традиции и свою неповторимую самобытность. В полной мере

это касается и соседних сёл – Новые Трояны и Ореховка (Пандаклия), где население тоже смогло сохранить свою веру и культуру благодаря тому, что в Чийшии был открыт храм в тяжкие для Церкви годы. В Чийшию приезжали жители из других болгарских и гагаузских сёл не только Болградского района, но и соседней Молдовы. Известный современный учёный, историк Николай Николаевич Червенков, родом из села Чийшии, в своём труде о Петро-Павловской церкви пишет о том, что местный храм стал центром притяжения, даже можно сказать паломничества, для жителей почти из всей Южной Бессарабии: Одесской области, Кагульского, Чадыр-Лунгского и Тараклийского районов Молдавской ССР.

В годы советской власти во всей округе разрушались храмы, уничтожалось и искоренялось то, что в первую очередь строили после переселения из Болгарии, на что собирали годами средства и всеобщими усилиями воздвигали самое ценное и дорогое для всех жителей одного села – дом Божий. Люди благодарили Бога за то, что остались живыми во времена турецкого рабства на своей прародине, за то, что успели сохранить свое самое святое – православную веру, которая передавалась из поколения в поколение, веру, которая и до сих пор является основной составляющей духовно-нравственного мира человека. Тогда, в начале XIX века, люди знали, что без православного храма им не сохранить свое самое сокровенное – самих себя, болгар и гагаузов. Всего лишь спустя век-полтора, духовно-нравственная ценностная система перемещается в противоположную плоскость, и храмы стали уничтожаться. До сих пор в сёлах очевидцы рассказывают истории о людях и их судьбах, которые помогали и способствовали разрушению церквей, снимали кресты с храмов, уничтожали иконы и церковную утварь. В нашем исследовании мы не будем останавливаться на этой теме, лишь подчеркнём незаменимую, огромную роль Петро-Павловского храма села Чийшия для сохранения христианской культуры не только чийшийцев, но и жителей других сёл Бессарабии, а также неоспоримость факта, что именно храм – основа тому, что консервативность и приемственность религиозных познаний между генерациями данного общества ведут к сохранению его идентичности.

3. О посте в бессарабских сёлах

В ранее проводимых сравнительных анализах между сёлами Чийшия и Калчева автором отмечался утверждённый в селе Калчева известный афоризм по поводу того, что чийшийци знают и соблюдают традиции: «Върі в Чийший и виж: ако седат на пътя на лаф, значи е празник» («Иди в Огородное и посмотри: если сидят на улицах на посиделках, значит – праздник»). Среди жителей многих сёл Болградского района, а также и соседних болгарских и гагаузских сёл Молдовы издавна известно, что в Чийшии сохранилось много традиций, обрядов, обычаев со времён переселения «ут ино време» (с тех времён) до нашего времени. Принято считать чийшийцев людьми верующими, набожными и консервативными. «Там ещё ходят женщины в платках и фартуках» – говорят про чийшийцев соседи. Фартуки – пристилки – фарти, давно вышли из моды в Калчева, ещё со второй половины XX в. в этом селе стали модными удобные городские юбки, и фартуки постепенно стали выходить из обихода. Женщины Новых Троян, труенки, до сих пор ходят, как и чийшийки, в платочках, да ещё завязанных «пу идно времешному» (как завязывали их в давние времена). «Даже труенките са по-пребрадени ут нас» (женщины из Троян ещё больше перевязывают платки по-старинному) – говорят женщины из Чийшии. Правда, завязанные, как в прошлом, платочки и фартуки носят взрослые женщины Чийшии и Труяна, как правило, третьей и четвёртой возрастной категории (60–70 и более лет). Если взять во внимание женщин из Калчева, то «фарти сегодня не носят, не возможно в центре села, на массовых сборах, на свадьбах, поминках и в других общественных местах встретить даже стареньких бабушек с фартуками, если и увидишь где-то, то за домашней работой, и то очень-очень редко», – рассказывает Домникия Трифоновна Иванюк из Калчева. – Мне подарили фартук-пристилку, и то из Чийшии».

К чему тут зашла речь о платочках, фартуках и, естественно, длинных платьях (к примеру, моя бабушка, 1918 года рождения, не могла себе представить, что можно носить платья до колен, так как по ее представлениям, платья должны были быть длинными, и только длинными, а некоторые современные бабушки не могут себе позволить находиться в присутствии мужчин без платка). А внешний вид человека, в данном случае, наряд женщины – визуальное представление о её душевном состоянии и духовно-нравственном настроении.

В Чийшии и сегодня, как и в прошлом, с наступлением постного периода, особенно во время Великого поста, женщины надевают тёмные платья, черные или тёмного цвета платки, особенно это касается женщин-вдов, женщин, у которых умерли дети, родители и близкие им люди. Тёмного цвета одежду чийшийские женщины готовят заранее, пересматривая периодически свой гардероб, они откладывают тёмные, а обычно чёрные

наряды отдельно и специально «за в пустити» (в пост). Во время поста, особенно Великого поста, в Ново-Троянах женщины тоже ходят и сегодня в чёрном, в чёрном одеянии многие стоят и во время богослужения в местном, заново построенном храме Св. великомученика Георгия Победоносца. Если женщины-вдовы не в чёрном во время поста, особенно Великого, то таких женщин в прошлом осуждали другие женщины села, особенно пожилые, что, разумеется, не должно входить в нормы христианской этики, но на практике это тоже имело место. Женщины в Калчева сегодня не одеваются в чёрные наряды во время постных периодов и не носят чёрное даже в самый строгий пост – Великий. Более того, об этом не знают даже женщины, которым за пятьдесят лет, а пожилые женщины не вспоминают такой факт в церковной практике и в середине минувшего столетия.

Хорошим и добрым пожеланием «Леки пости» – «Лёгкого поста», начинается в Чийшии самый важный и сложный период из цикла православных постов – Великденски (Великий) пост. Со времён переселения и буквально до второй половины XX века самый важный пост для чийшицев – Великий, а вместе с ним и Бугуройчиния (Богородичный) пост, о котором жители села говорят, что Богородичный пост является частью Великого поста, но из-за его большой продолжительности (девять недель) часть его (две недели) была урезана, перенесена и установлена в честь другого великого христианского праздника – Успения Пресвятой Богородицы.

С особым вниманием к себе и к своему ежедневному меню местное население относится в среду и в пятницу. «Не знаех на какво се казва постно, на какво блажно, докато не се ужених в Чийший. У нашите в Калчева такова нещо нямаше» – «Я не знала, что такое постное и что является не постным, только когда вышла замуж в Чийшии узнала о посте. В моей семье в Калчева такого не было. В Чийшии всё время была открыта церковь, и поэтому тут знали о посте и других церковных обычаях и соблюдали традиции, а в калчевском храме был спортзал и склад для магазинов», – рассказывает Надежда Трифоновна Водинчар. Жительница села Калчева, Домникия Трифоновна Иванюк о современной церковной жизни в селе говорит: «На нашей улице только одна женщина и её сын-инвалид соблюдают церковные обряды, ходят в храм, только они соблюдают пост, читают Евангелие, всегда помнят о среде и пятнице, а больше никто и не постится». Вообще, в Чийшии люди со времён основания села стараются придерживаться жизненных позиций в сочетании с церковным учением. Многие люди и сегодня строго относятся к себе и вообще не употребляют пищу и воду в среду и в пятницу, особенно в пятницу Великого поста. Любовь Георгиевна Стойнова объясняет: «Среда – постный день потому, что Господь был предан в среду, а пятница – потому что Он был распят в пятницу. А на протяжении всего Великого поста только в субботу и в воскресенье можно готовить на постном масле. Только два раза можно есть рыбу в Великий пост – на Връмница (Вербное воскресенье) и Благувица (Благовещение)». Пожилая женщина отмечает, что раньше (идно време) пост был для всех в семье обязательным, и для детей включительно *(Ний не знаехме къту деца да се блажим). В Чийшии все женщины знают о том, что* «до Петровден не се яде абылка» (до 12 июля, дня св. равноап. Петра и Павла нельзя есть яблоки). Эту традицию люди связывают с умершими детьми и запретным яблоком в Эдемском саду. А до Преображения Господня, 19 августа, нельзя есть виноград, пока он не будет в этот праздник освящён.

Любая из пожилых женщин-чийшиек и труянок, регулярно посещающих местную церковь, расскажет о том, что такое пост, о том, что постов четыре в году, что можно делать, а что нельзя во время поста, и с удовольствием вспоминают те времена, когда всем селом готовились к постам, всё село помнило и не забывало о посте, о том, что тогда люди жили по совести, с любовью относились к христианским ценностям, с уважением, с подобающим страхом и трепетом. Верующие люди, а неверующих практически не было, делили календарный год на четыре части с основными составляющими: «загувяване» – «постити» – «къту се утгувей» (заговенье – пост – след поста). Особенно когда речь заходит о Великом посте, то о том, как было раньше, люди рассказывают, что настрой был следующим: <u>иди пост</u> (наступает пост) и <u>сякуй се готови:</u> да иди да се пръщава у кума (каждый готовится пойти к кумовьям просить прощение). И желательно было, чтобы молодые люди попросили прощение у старших. Невозможным было причаститься, прежде чем попросить прощения у домашних, у соседей, у близких людей.

«Сякуй помни, че седем недели няма гуляи, няма свадби и венчавания, няма седенки, няма игри» – (Все помнят о том, что семь недель нельзя справлять свадьбы и венчания, что не должно быть никаких увеселительных мероприятий, что не должно быть посиделок, игр и т. д). Дома все читают молитвы, а чаще – хозяин читает, а остальные слушают. Обязательно надо было утром помолиться, вечером перед сном, перед и после еды,

перекреститься перед началом какого-либо дела. Два-три раза в день люди читали молитвы. Все должны стараться не ссориться, не завидовать друг другу, а молиться», – вспоминает Мария Петровна Кирмикчи-Самсон о своих детских годах. О том, что все игры и увеселения в селе прекращались в постный период, говорит и Мария Георгиевна Мазлин: «Одна из любимых игр в Чийшии для молодых девушек и старших девочек была карлюк. *В постный период разрешалось играть только в эту игру».* Играли всегда на чиире (на пустыре), напротив каждой улицы. Собирались по воскресеньям, к 15–16 часам, и играли. К сожалению, в эту хорошую и интересную игру уже давно никто в селе не играет, а играли с удовольствием до середины 50-х годов прошлого столетия. Огромной популярностью пользовались у молодых людей седянки (посиделки), которых разделяли на есенни и зимни седянки (осенние и зимние). В период Коледного (Рождественского) поста их проводили, а в Великий пост седянок не было. О седянках знают и помнят и в Новых Троянах, и в Калчева. Абсолютно каждый житель в упомянутых сёлах знал, что во время Великого поста на седянка не се оди и уро няма и нищо друго няма и не трябва да има в постите (посиделок и болгарского народного танца хоро не было и не должно было быть в пост). Люди старались воздерживаться от различных удовольствий и вести скромный образ жизни в постные периоды.

3.1. Постная трапеза у болгар в первой половине XX века

Из бесед с женщинами-христианками из трёх рассматриваемых сёл представляется и картина постной трапезы болгар Бессарабии. Особенно интересно постное меню в прошлом. Пожилые женщины отмечают, что в довоенное время, в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы основными блюдами в каждой болгарской семье были следующие: туршии (соленья), кисело зеле (квашеная капуста), зелева чорба (борщ-щи из капусты), чурбы с лук и зеле (щи из капусты и лука), мамалига със зеле и лук (мамалыга с капустой и луком), малайчета (лепёшки из кукурузной крупы), фасул (фасоль), напълнени чушки (фаршированный перец), лозови гушки (голубцы из виноградных листьев, листья раньше чаще сушили), пиперюва манджа (овощное рагу с преобладанием перца), пържено зеле (зажаренная капуста), печен хляб с пампушки (домашний хлеб и выпечка), бългур (пшеничная крупа), пукалки (воздушная кукуруза), мирудия (приправа из трав), червен пипер (красный молотый перец), варен чукундур (вареная свікла), печена тиква (запечённая тыква), грозди (виноград), орий (орехи) и др. «А счас кой же накараш да яде зелюва чурба – (Кто сейчас станет есть щи из капусты), – Ядяйми простая пища, затова бя здрави хората, а сега синку – химия – (ели простую пищу, поэтому и здоровыми были, а теперь во всём химия)» – говорит Мария Петровна Самсон из Чийшии.

Были также и сладкие напитки-соки: грозди-ница – виноград в вине (резкий и сладкий напиток), питмес (густой виноградный сок), компот ут сушелки (из сухофруктов) и др.

При этом нужно отметить то, что подчёркивают и сами респонденты данного исследования – что «раньше, не было такого выбора продуктов, люди не занимались консервацией продуктов на зиму, не было таких деликатесов, много всего не было в отличие от дня сегодняшнего, обходились самыми основными постными продуктами, но до сих пор пожилые люди помнят тот особенный, неповторимый вкус постных блюд, которые всем нравились и всеми с удовольствием употреблялись во время поста. Женщины отмечают, что современной болгарской семье трудно даётся пост как воздержание от обычной еды и переход на постную пищу, так как молодёжь привыкла больше к покупным продуктам.

3.2. Пост у бессарабских болгар в наши дни

Из учения Православной церкви известно, что пост без молитвы – это просто диета. Кульминационным моментом постного периода должны быть покаяние (исповедь) и евхаристия (причастие). Перед исповедью и причастием нам всем, христианам, надо поститься согласно своим личным силам, нужно присутствовать на богослужениях, молиться, чтобы Бог допустил нас к Себе и, главное, примириться со всеми, даже с теми, с кем мы находимся во вражде. Наша Церковь настаивает на том, чтобы верующий человек подходил к чаше со святым причастием не только во время Великого поста, а в период всех четырёх постов, и не только во время поста. Каждый христианин должен знать, что причащаться раз в год – этого не достаточно для нравственного очищения и укрепления души. Верующие люди прекрасно понимают, что постная трапеза не есть цель, а всего лишь средство для настоящей духовно-нравственной жизни. Воздержание от обычной еды должно быть основано на молитвах и принятии таинств Покаяния и Евхаристии. Пост – это ежедневный труд христианина. «Трябва да следиш за себе си, кво казваш, кво ти излява ут устата и кво ти флява» – (Надо следить за собой, за тем, что ты говоришь, что выходит из твоих уст и что входит), – говорит пожилая женщина Любовь Ге-

оргиевна Стойнова из Чийшии. «В пустите трябва по-малку да се гълчи, трябва във много да си отказваш, даже семучка не се яде» (В пост надо поменьше разговаривать, во многом себе отказывать, даже семечки нельзя щёлкать), – подчёркивает и Светлана Тодорова из Новых Троян. «На устата тряба да се тури ключ, че май се утърваме, не е много леку да се пости, трудно е» (Надо закрыть рот на ключ и воздерживаться, но это очень трудно), – говорит Мария Ильинична Кружкова из села Калчева, – «С другой стороны – нельзя запретить человеку делать то, что ему хочется и когда хочется. Нельзя заставить человека быть верующим, он должен иметь желание, должен быть с заложенным церковным фундаментом, человек должен душой чувствовать, что пост необходим и такому человеку, даже если он где-то не то съел во время поста, то ему тяжело на душе. Это не все понимают». Мария Ильинична отмечает, что в последние годы больше людей стало причащаться во время Великого поста «Причащаются и молодежь, и учителя», но много людей не понимает значение поста, не каждый понимает, и некоторые даже считают, что «другие люди, те, что ходят в церковь, те помолятся за остальных».

Исходя из церковного учения, общая молитва, молитва в храме – сильная молитва, потому что и вера, с которой совершается общая молитва, – сильнее и крепче пред Богом. Но в то же время, каждый христианин должен быть в непрестанном общении со своим Создателем, когда именно молитва становится духовный актом этого общения. Особенно важны молитвы в период Великого поста об усопших наших близких. Для них Церковь определила и дни особого поминовения усопших – задушницы, дни, в которые мы особенно усиленно молимся о них дома и в храмах; совершаются панихиды, раздаётся угощение или продукты другим людям за Бог да прости (За Царствие небесное).

В первые дни Великого поста в Чийшии и Троянах, верующие люди тримерят (три дня не едят и не пьют даже воду до причастия в среду). *Нашия поп къту дуде в Чийший пита квой тва нещу – тримеро, не го знаел, а сега и той тримери* (Наш батюшка, когда только приехал в село, не знал что такое тримеро, а теперь и он тримерит.) Но причаститься после тримера можно только тому, кто в последнюю неделю, масляничную (неделя Масленицы, сыропустную) не ел мяса и мясных продуктов. «Аз се старая сякуй година да тримера» (Я стараюсь каждый год тримерить), – рассказывает Светлана Михайловна Тодорова из Новых Троян.

«В наши дни многие постят из-за диеты», – делится своими наблюдениями Мария Георгиевна Мазлин. – «Даже третье поколение в одной семье больше обращается к Церкви, в отличие от своих родителей, в селе немало таких семей, где родители не постят, т.е. не готовят постные блюда и в храм не ходят молиться, а молодежь – постит, исповедуется и причащается». Хотя многие молодые люди постятся из-за того, чтоб просто поддерживать свою фигуру, например, чтобы похудеть. К сожалению, это не редко, а довольно-таки часто встречаемое явление. Воздерживаясь от скоромной пищи, не все стараются избегать таких душевных состояний, как гнев, раздражительность и другого греха во время поста. «То пу селата нима черкуви и за тва се пузабрави всичку, но къту гледам и в Чийший же поизмре», – (По сёлам не было церквей, и поэтому многое позабывалось, но как я смотрю, то и в нашем селе многое исчезнет), – делится Мария Георгиевна.

До сих пор не забыты в Чийшии и Новых Троянах и определённые Православной церковью дни строгого поста: **18 января** – Пост на Юрдан (Крещенский сочельник), **11 сентября** – усекновение главы Иоанна Предтечи, **27 сентября** – Кръстовден (Воздвижение Креста Господня).

Подводя итоги, отметим, что в исследуемом регионе, в частности, в трёх указанных сёлах, православная вера и традиции стали важным фактором самосохранения болгарского населения, а также других переселенцев в Южную Бессарабию, исповедующих православие. Заложенные христианские ценности сохранили своё значение и в годы гонений на Церковь, стали основой для возрождения болгарского населения в последние десятилетия. Одним из устойчивых элементов православной жизни болгар стал пост, представления о котором и практику соблюдения которого достаточно выразительно показали материалы свидетельств жителей Чийшии, Новых Троянов и Калчева. Можно сделать вывод о значительной роли постов в жизни населения, о понимании его духовного значения, его роли в формировании особенностей проведения, в основном, внешней стороны. Отход от канонического понимания православного поста у болгар сегодня, в частности у молодёжи, характерен для православного сообщества в целом.

Литература

Водинчар Е. Гергьовден. Етнографски сюжети за една народна традиция на българите в Бесарабия // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Георгиев Г., Хатлас Е. Вяра, всекидневие и локална култура. Функции на религията у българите и гага-

узите от Бесарабия през постсоциалистическия период // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Дыханов В. Культ умерших в календарной обрядности болгар и гагаузов Украины // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Кишинев, 1999.

Дыханов В. Я. Календарная обрядность // Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. Одесса, 2003.

Думиника И. Организация церковной жизни болгар южной Бессарабии (1856–1878 гг.) // Дриновский сборник. Т. 4. Харків–Софія, 2011.

Киров Д. Богословие на обществения живот. Очерци по християнска социология. София, 2002.

Киров Д. Християнството е вяра. В преддверието на християнската нравственост. София, 2004.

Коев Т., Киров Д. Кратка богословска енциклопедия. София, 1993.

Стойков Н. Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии со времени их основания до настоящего времени // Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1910, № 42.

Челак Е. Православната църква и нейната културно-просветна роля сред българските преселници в Бесарабия през XIX век // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Червенков Н. Петро-Павловская церковь села Чийшия (Городнее). Кишинев, 2013.

Червенков Н. Создание церквей в болгарских колониях Бессарабии в первой половине XIX века // Православные храмы в болгарских и гагаузских селениях Юга Украины и Молдовы. Выпуск первый. Болград, 2005.

Червенков Н. Церковь во имя Святых Петра и Павла в селе Чийшия // Православные храмы в болгарских и гагаузских селениях юга Украины и Молдовы. Выпуск первый. Болград, 2005.

Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. Одесса, 2003.

Rezumat

În trecut, până la mijlolul secolului al XX-lea, în perioada postului rânduit de biserica ortodoxă, locuitorii satelor bulgăreşti şi găgăuze din Basarabia se ataşau cu o anumită smerenie şi bunăvoinţă. Oamenii credincioşi (dar necredincioşi în mare parte nu existau) au împărţit anul calendaristic în patru părţi cu componente specifice: „zaguveavane" – „a posti" – „kătu se otgovei" (zaguveavane – post–după–post). În zilele noastre, imaginea vieţii bisericeşti practic s-a schimbat, iar în situaţia „îmbătrânirii" şi „dispariţiei" satelor din Bugeac, putem vorbi şi despre un declin spiritual al acestei populaţii.

Cuvinte-cheie: Bugeac, bulgarii basarabeni, post, tradiţii calendaristice.

Резюме

В прошлом, до середины XX столетия, к периодам поста, установленным Православной церковью, жители болгарских и гагаузских сёл Бессарабии относились с особенным смирением и благоговением. Верующие люди (а неверующих практически не было) делили календарный год на четыре части с основными составляющими: «загувяване» – «постити» – «къту се утгувей» (заговенье – пост – после поста). В наши дни картина практической церковной жизни резко изменилась, а в ситуации «стареющих» и «вымирающих» сёл Буджака можно говорить о наблюдающемся определённом духовном упадке у данного населения.

Ключевые слова: Буджак, бессрабские болгары, пост, календарные обряды.

Summary

In the past, before the mid-20th century, the fasting period established by the Orthodox Church was treated with peculiar reverence and humility by people from Bulgarian and Gagauz villages of Bessarabia. Believers and rare non-believers divided the calendar year into four parts with the main components of „zaguvyavane" – „postiti" – „katu utguvey„ (Zagoveniye – last day before a fast). Today the picture of practical church life has changed dramatically, and in a situation of endangered and aging Budjak villages we can speak of a certain spiritual decline of its population.

Key words: Budjak, Bessarabian Bulgarians, fast, calendar rituals.

Alexandr COVALOV

STRUGURII ȘI VINUL ÎN UNELE OBICEIURI ALE BULGARILOR DIN REPUBLICA MOLDOVA

În **p**rezentul articol autorul își propune să definească rolul și locul culturii viței-de-vie, strugurelui și vinului în obiceiurile și percepțiile comunității bulgare din Republica Moldova. La baza acestei cercetări stau materialele culese de autor în cadrul investigațiilor de teren efectuate pe teritoriul Republicii Moldova în anii 1996–2002 în or. Taraclia, în satele Valea-Perjei, Cairaclia, Corten, Tvardița, raionul Taraclia, în satul Chirsova, raionul Comrat, în satul Parcani, raionul Slobozia, precum și în câteva localități „mame" pe întinsurile Bulgariei. Se fac, de asemenea, referințe la diferite surse publicate anterior.

***

Vinul e un străvechi simbol mitologic al fertilității și al vieții, considerat ca fiind identic cu sângele omului (în creștinism – cu sângele lui Iisus Hristos răstignit pe cruce). În mitologia greacă și cea tracică, în ipostaza zeului viticulturii și al vinului este reprezentat Dionysos, corespondentul grecesc al zeului roman al viței-de-vie, al vinului și al beției Bachus (Попов, 1994, 60; Șăineanu, 1998, 1187, 1147).

Ca și pâinea, vinul e parte componentă semnificativă a tuturor sărbătorilor și obiceiurilor calendaristice și de familie ale etniei bulgare. Bucatele pe masă nu pot fi tămâiate în cazul în care lipsește vinul. Cu vin se întâlnesc colindătorii și mascații (*коладниците, кукерите*). Cu vin neapărat sunt serviți așa-zisul *полазник* (primul om care a intrat în casă în ziua sărbătorii *Игнажден* (Sf. Sfințit Mc. Ignatie Teoforul) (20.XII/2.I) și moașa la *Бабинден* (Ziua moașei) (8/21.I)*;* cu vin se invită cumetrii la nuntă; un adevărat ritual constituie tratarea simbolică cu vin a nou-născuților și tinerilor însurăței; cu vin se stropesc mormintele; tot cu vin sunt ospătați flăcăii când vin cu intenția de a se fraterniza; se toarnă vin când se pune temelia unei noi case; o strachină cu vin se pune în unul din ungherele odăii sau sub plafon pentru „stăpânul" casei; aduc vin pentru a-l pune pe masa rusaliilor *(„самодивска софра")*, când omul calcă pe ea și se îmbolnăvește; cu vin stropesc „barba domnească" *(„божа брада")* împletită în timpul muncii câmpului (Василева, 1994, 378-379; Попов, 1994, 60).

Cunoscutul etnograf bulgar D. Marinov scrie că strugurii se bucură de o înaltă stimă religioasă comparabilă, am putea spune, cu cea a grâului.

Vița-de-vie este glorificată în toate genurile cântecului popular: de dragoste, de nuntă, de muncă, de rit. Conform credinței populare, se interzice consumul de struguri până la *Преображение* (Schimbarea la Față a Domnului, Pobrejenia) (6/19.VIII). În această zi fiecare enoriaș aduce la biserică struguri pentru a-i sfinți.

Trifonovden (Sf. Mc. Trifon) (1/14.II) este sărbătorit în cinstea viței-de-vie și strugurilor, precum și a vinului.

Vinul este omagiat la același nivel ca și pâinea. Înainte de a închina, fiecare trebuie să-și facă cruce și abia după aceea să ia în mână paharul sau plosca. Atât pâinea, cât și vinul se impun drept jertfe în toate obiceiurile și ceremoniile religioase.

În cadrul nunții, tinerii însurăței, înainte de a păși pragul casei, trebuie să guste din vin, pentru ca ulterior să se bucure de dragoste, să trăiască în bună înțelegere și în familie să fie pace.

În timpul facerii, lăuza de asemenea este servită cu o înghițitură de vin.

Un adevărat ritual se săvârșește când prima dată copilului i se permite să afle gustul băuturii: el este dus la capătul vetrei și acolo i se dă să guste din vin, crezându-se că el va avea obrăjorii rumeni.

În caz de deces, fără vin tot nu se poate; mormântul este stropit cu apă, apoi cu vin ca să îmbune țărâna, ca să-l primească pe răposat, să nu-l respingă.

Vinul este sângele Domnului. În curcubeu, una din culorile spectrului, cea roșie, se închină vinului. În cântecele populare, vinul este numit *«весели трапеза»* („veselește masa"), dar mai are și un alt nume – *„разбий глава"* („sparge capul"). Însă pâinea și vinul nu sunt folosite în acțiunile magice, deoarece nu au efectul magiei, dracii fug de aceste elemente.

Un mare păcat e considerat cazul în care strugurii sunt aruncați, iar vinul vărsat într-un loc necurat (Marinov, 1980, 99-100).

Despre locul important al viței-de-vie și al strugurelui ca simbol al frumuseții și fertilității ne mărturisește faptul că astăzi mulți oameni în Bulgaria poartă numele de *Grozdan, Grozdana, Lozan, Lozana,* iar un șir de sate se numesc *Vinograd, Vinogradeț, Vinarovo, Vinița, Vinište etc.*

***

În preajma sărbătorii *Игнажден* (Sf. Sfințit Mc. Ignatie Teoforul) (20.XII/2.I) atât în satul „mamă" Corten din Bulgaria, cât și în „fiica" cu același nume

din Republica Moldova, pe masă, potrivit obiceiului, trebuie să fie farfurii cu grâu fiert îndulcit cu zahăr (*куча́*) și struguri marinați printr-un mod special de preparare – *„грозде”, „грозденца” (*ambele sate păstrează vechile tradiții în cultura viței-de-vie*).*

Tot acolo, în satul Corten din Bulgaria, de sărbătorile Crăciunului femeile coc așa-zisa *„боговица”* – pâine rituală împodobită deasupra cu o figură în formă de strugure din aluat, ceea ce vine să confirme odată în plus tradițiile proprii acestui sat referitor la cultivarea viței-de-vie.

În ziua de sărbătoare *Обсичине* (Tvardița), *Усекновение* (Cairaclia, Corten), *Свети Иван, Отрязана глава* (Valea-Perjei, Taraclia), *Секновение* (Parcani), *Иванова глава* (Chirsova, Parcani) (Tăierea capului Sfântului Prooroc Ioan Botezătorul) (29. VIII/11.IX) în amintire despre sângele vărsat al lui Ioan Botezătorul se interzice consumul de fructe și legume de culoare roșie: harbuji, struguri, roșii; nu se consumă vin roșu; se ține post.

La *Кръстовден* (Înălțarea Sf. Cruci) (14/27.IX) începe culesul strugurilor, de aceea uneori sărbătoarea se mai numește *„гроздобер”*, adică vremea când se culeg strugurii. În satul Tvardița, vierii se străduiesc să taie ciorchini în formă de cruce pentru a-i sfinți apoi la biserică (bulg. *„кръстата чепка”*).

Strugurii și vinul adesea sunt pomenite și în cântecele rituale, parte componentă a unui șir de sărbători populare. În satul Cairaclia, bunăoară, fetițele care îndeplinesc obiceiul *сурвакане* (sorcoveala) în dimineața zilei lui Sf. Vasile umblă cu felicitările de Anul Nou și, de regulă, rostesc următorul text în care, pe lângă celelalte urări, este vorba și despre recolta strugurilor:

Сурва, сурва, година,
по живо-здраво пак догодина.
Червена хабълка в градина,
зелен клас на нива,
черно грозде на лозе,
по живо, по здраво пак догодина!

(Felicitări și urări de bine cu ocazia Anului Nou: mere roșii în grădină, spice verzi pe lanurile de grâu, struguri negri în podgorii. Fericire și sănătate! La mulți ani!).

Din antichitate, vinul a fost considerat o băutură sacrală. Inițial vinul era consumat în situații exclusiv rituale care necesitau sau presupuneau asocierea divinității. Rolul mediativ al băuturii o impune ca un atribut inseparabil al oricărui ritual tranzitoriu.

Drept verigă de legătură specifică, un fel de „punte” între obiceiurile calendaristice și cele ce țin de familie, servește cântecul înregistrat de noi în satul Corten (Republica Moldova). Acest cântec este interpretat de un grup de fete în toiul primăverii când se săvârșește obiceiul *лазаруване,* care în calendarul popular este legat de ziua Sfântului Lazăr (sâmbătă, înaintea Floriilor, săptămâna premergătoare Paștelui). În același timp, cântecul abundă în elemente din ceremonialul nupțial (se execută în cazul în care în familia respectivă sunt doi tineri – o fată și un băiat) și conține apel la căsătorie, iar vinul disponibil este unul din argumentele principale:

Тука са ни казали,
Има мома и ерген.
Женете си ергеня,
Сгодете си момата,
Дорде вино червено,
Дорде върла ракия.
Сетне да не речете:
няма вино червено,
няма вино червено,
няма върла ракия.

(Respondent – Maria Liulenova, a. n. 1926, satul Corten, Republica Moldova).

(Aici ni s-a spus că aveți o fată și un flăcău. Însurați băiatul, logodiți fata până când este vinul ghiurghiuliu și rachiul iute. Să nu spuneți apoi că nu aveți vin ghiurghiuliu și rachiu iute).

Despre semnificația vinului în concepția poporului ne mărturisește și cunoscutul cântec popular bulgăresc dedicat Sfântului Gheorghe, care învinge monstrul fantastic *„Сура Ламя”* (balaur, dragon). Când Sf. Gheorghe i-a retezat cele trei capete, au început să curgă trei râuri: unul pentru plugari, al doilea (din vin nou) – pentru podgoreni, cel de-al treilea (din lapte alb) – pentru păstori. Prezentăm doar un fragment din acest cântec înregistrat în satul Tvardița (actualmente cu statut de oraș), raionul Taraclia:

Потекли са дор три реки:
първа река по юрачи,
втора река по лозари,
по лозари руйно вино,
третя река по ювчери,
по ювчери бяло мляко
Наздраве ти, свети Георги!

(Respondent – Serghei Popov, a. n. 1920, satul Tvardița, Republica Moldova).

În satul Corten (Bulgaria), în cântecul intonat cu ocazia săvârșirii obiceiului de invocare a ploii „*Пеперуда*” („Paparuda”) în ruga vierilor către Dumnezeu să le hărăzească cu ploaie „podgoriile primăverii” se pomenesc îndată după „lanurile înverzite”:

Пеперуда лята,
Лята и полята.
Ис вода се мята
И се Богу моли:
„Дай Божнеле дъждец
За зелени ниви,

За пролятни лозя"
(Радулова, 1935, 88) .

Încă în sec. XIX, într-un articol dedicat satului Tvardița din Basarabia, preotul P. Cazanaclii relevă, scurt, dar cuprinzător, trăsăturile caracteristice unui șir de sărbători. Foarte concis dezvăluie esența obiceiurilor legate de ziua unui sau altui sfânt; prin exemple concrete demonstrează legătura strânsă între credințele populare și calendarul ortodox în mediul locuitorilor satului: „… Иванов день – купай кого ни попало, бабин день 8 января – женский гуляй, Сретение – Богородица благословляет Трифона обрезать виноградные лозы…" (Казанаклий, 1873, 695). („…Ziua lui Sf. Ioan – scaldă pe orișicine, Ziua moașelor 8 ianuarie – se pun pe chef femeile, Stratenia – Maica Domnului îl binecuvântează pe Trifon să înceapă curățatul viței-de-vie...").

În ziua lui *Трифон* (Sf. Mc. Trifon) (1/14. II) începe curățatul simbolic al viței-de-vie (bulg. *зарязване*), de aceea patronul viticultorilor uneori este numit *Трифон Зарезан* (Corten, Tvardița, Taraclia). De această sărbătoare populară în cinstea Sfântului Trifon, considerat de podgoreni ca patron și succesor al zeului fertilității și vinului Dionysos, ține și legenda despre Trifon care și-a tăiat nasul, cunoscută atât pe întinsurile Bulgariei, cât și în satele comunității bulgare din Basarabia. Aici expunem doar una din variantele înregistrate de noi în 1995 în satul Tvardița, raionul Taraclia, Republica Moldova: „Podgorenii se pregătesc de curățatul viței-de-vie. I-au câte un urcior cu vin, ceva de-ale gurii și merg la vie. Aici taie câte o mlădiță, stropesc butucul, apoi intră în una din colibe, petrec, chefuiesc de-a binelea, după aceea se duc să serbeze Ziua Sfântului Trifon. De ce? În Sfânta Scriptură se spune: Maica Domnului când a născut s-a dus la rugă la Ierusalim. Mergând pe drum, l-a văzut pe Trifon la curățatul viței-de-vie și îi spune: „Trifone, chiar nu știi că astăzi e o zi de sărbătoare? Domnul nu te va ajuta, poți să-ți tai nasul". Trifon îi răspunde: „Mă va ajuta Domnul sau nu, eu totuna o să tai uite așa și nu altminterea". Și abia spuse aceste cuvinte, că îndată își văzu nasul retezat. Maica Domnului îi zice: «Pune-l la loc și lipește-l». Anume atunci el s-a creștinat și a devenit sfânt" (Respondent – Serghei Popov, a. n. 1920, satul Tvardița, Republica Moldova).

Pentru bulgari data de 14 februarie e o mare sărbătoare – Ziua viticultorilor. Curățatul viței- de-vie, acest obicei străbun întru rodnicia podgoriilor, este anticipat de un ritual bine definit: cu ocazia acestei datini în ajun gospodinele coc pâine, gătesc găini fierte, iar bărbații umplu ploștile cu vin și în dimineața acestei zile o iau spre vii. Aici începe curățatul simbolic al viței-de-vie. Fiecare taie câte o crenguță de la 1 sau 3 butuci, stropește locul tăieturii cu vin și binecuvântează, dorindu-și recoltă bogată. La Taraclia, de exemplu, acțiunile rituale sunt însoțite de următorul dialog între podgoreni:

– Mă vezi?
– Nu te văd.
– De ce nu mă vezi?
– Pentru că în față-mi văd șiruri de struguri.

Apoi vierii se adună în grupuri și își sărbătoresc ziua. În majoritatea localităților e cunoscută, în diverse variante, legenda despre Trifon care a încălcat interdicția de a lucra în această zi și și-a tăiat nasul.

În satul Valea-Perjei, în această zi, înainte de a răsări soarele, gospodinele coc așa-zisele *питки* (turte). Bărbații iau turtele încă călduțe, sticlele cu vin și se duc la vii pentru a începe curățatul. Fiecare curăță câte 1 sau 3 butuci, îi stropește cu vin, rostogolește turta, apoi o rupe, ia paharul cu vin și rostește fraza: „*Колкото пръчки отрязах – толкоз бъчви вино да имам!*" („Câte crenguțe am tăiat – tot atâtea butoaie cu vin să am!"). Tot aici sfințesc la biserică diferite semințe. E cunoscută legenda despre Trifon care și-a tăiat nasul. Nu se lucrează, deoarece Sfântul Trifon «*забелязва*», adică stă de veghe și-i marchează pe cei care nu respectă această interdicție.

În Cairaclia, fiecare gospodar care are în posesie vie i-a găina fiartă, vinul și merge la curățat. Cu o stiblă de busuioc stropește cu apă sfințită trei butuci, îi curăță și-i stropește din nou, de data aceasta cu vin. După aceea toți se adună împreună și serbează.

În satul Chirsova, bărbații, de asemenea, efectuează curățatul ritual al viței-de-vie: curăță câțiva butuci și-i stropesc cu vin. Și aici nu-i dată uitării cunoscuta legendă despre Trifon care și-a tăiat nasul: el a luat-o în râs pe Maica Domnului care trecea pe alături. Ea a înștiințat-o pe soția lui Trifon că acesta și-a tăiat nasul. Când femeia a venit într-o fugă la vie și i-a transmis soțului cele auzite, acesta a răspuns: „Eu curăț butucii uite așa, și nu altfel". Spunând aceste vorbe, el într-adevăr și-a tăiat nasul. O legendă similară istorisește și despre Sfântul Simeon în ipostaza lui Trifon.

În satul Corten, Republica Bulgaria, în trecut în această zi sacrificau un bou și chiar la fața locului, în câmp, preparau bucate (așa-numitul «*курбан*») și puneau masa de sărbătoare pentru întreg satul.

Cuvântul «întâi» adăugat uneori la denumirea sărbătorii (*Първи Трифон,* adică Trifon Întâi*)* servește, probabil, drept amintire că aceasta e prima zi din șirul de sărbători și obiceiuri cu durata de trei zile sub titlul comun „*Трифунци*", care include și următoarele două zile. A doua zi este sărbătorită *Света Богородица, Сретение Господне* (Stratenia) (2/15.II).

Nu se permite să se lucreze și în următoarea zi de sărbătoare – *Симоновден, Св. Симон* (Valea-Perjei), *Симьоновден* (Cairaclia, Chirsova, Tvardița), *Св. Симьон* (Corten), *Симеон-богоприимец* (Parcani), *Св. Симон* (Taraclia) (Sf. și Dreptul Simeon) (3/16. II). În primele trei sate, gospodinele ascund cuțitele și foarfecele, deoarece în această zi nu se poate de tăiat absolut nimic, întrucât, conform credinței populare, dacă se încalcă interdicția, se pot naște copii sau animale cu defecte fizice. De aceea la numele sfântului deseori se adaugă cuvântul *„бележник”* (bulg. *„белег”* – cicatrice, adică *„бележник”* – om cicatrizat). Și totuși, la nevoie aceste obiecte uzuale pot fi folosite, dar cu condiția că, în prealabil, în pragul casei se va face o tăietură în formă de cruce.

De menționat că și în localitățile bulgărești din sudul regiunii Odesa, Ucraina, serbarea zilei Sfântului Trifon e asemănătoare cu cea practicată în mediul etniei bulgare din Republica Moldova. Cultul strugurilor și al vinului în percepția bulgarilor e atât de durabil că tradițiile de celebrare a lui Trifon, deși își au obârșia încă din idolatrie, s-au conservat și se păstrează până în zilele noastre, fie chiar și modificate parțial.

În satul Cubei, de exemplu, *Трифон Зарезан, Трион* e sărbătorit la 14 februarie. *„Той за лозето празник”* (aceasta e sărbătoarea viței-de-vie), spun sătenii. Cu toate acestea, complexul ritual al sărbătorii nu e practicat în comun de întreg satul. Petrecerile tineretului au fost readuse la viață abia cu vreo zece ani în urmă cu concursul căminului cultural din localitate. În mod particular, la nivel de familie, întotdeauna s-a respectat, se respectă și în zilele noastre obiceiul referitor la începutul simbolic al curățatului viței-de-vie.

Dis-de-dimineață stăpânul face în pragul casei cu toporul tăieturi în formă de cruce, binecuvântează și roagă Domnul să-i dea o recoltă bogată de struguri. Între timp toporul rămâne înfipt în crestătură. După aceea stăpânul se duce în fundul grădinii pentru a începe curățatul *(да зареже лозето),* cu alte cuvinte, el taie o viță de la un butuc, îl stropește cu vin, după aceea cinstește. În cadrul procesului de curățare el mai repetă binecuvântarea sau rostește fraza: *„Наливам сто грама, ведро вино да ми даде!”* (Am turnat o sută de grame, să mi se dea o căldare de vin).

În această zi, și aici nu se lucrează. Se socoate că, în cazul în care interdicția nu este respectată, din ou poate ieși un pui cu trei călcâie, oaia poate făta un miel morbid etc. (Пригарин, 2002, 48).

Oricât i-ar cere Sfântului Trifon protecția, podgorenii, totuși, se conduc de zicala: „Via nu are nevoie de rugă, ci de sapă” (*„Лозето не ще молитва, а иска мотика*”).

Literatura

Șăineanu L. Dicționar universal al limbii române. Chișinău, 1998.

Василева М. Трифон Зарезан // Българска митология. Енциклопедичен речник. София, 1994.

Казанаклий П. Твардица // Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1873. № 19.

Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1980.

Попов Р. Вино // Българска митология. Енциклопедичен речник. София, 1994.

Пригарин А., Тхоржевская Т., Агафонова Т., Ганчев А. Кубей и кубейци. Бит и култура на българите и гагаузите в с. Червоноармейское, Болградски район, Одеска област. Одеса, 2002.

Радулова А. Етнографско изследване на с. Кортен, Новозагорско. София, 1935. Дипломна работа. Ръкописен фонд от дипломни работи в библиотеката на Софийски университет (РКС 262).

Rezumat

În prezentul articol, autorul își propune să definească rolul și locul culturii viței-de-vie, strugurelui și vinului în obiceiurile și mentalitatea comunității bulgare din Republica Moldova.

Cuvinte cheie: bulgari basarabeni, struguri, vin, „*Trifonovden*”.

Резюме

Статья посвящена роли и значению винограда и вина в представлениях и обрядах болгар Республики Молдова.

Ключевые слова: бессарабские болгары, виноград, вино, «*Трифоновден*».

Summary

The author of the article attempts to examine the role and significance of grapes and wine in traditional views and rites of Bulgarian community in the Republic of Moldova.

Key words: Bessarabian Bulgarians, grapes, wine, „*Trifonovden*”.

Vitaly SIRF

ON SOME MYTHOLOGICAL CHARACTERS IN THE TRADITIONAL WORLDVIEW OF BESSARABIAN BULGARIANS AND GAGAUZ

The spiritual culture of the Gagauz, a small ethnic group, which, due to historical conditions, for a long time has lived in the neighborhood with many other peoples, especially Bulgarians, in the Balkans and Budjak (the historical region of the present-day southern Moldova and the south of Odessa oblasti' in Ukraine). Their being Turkic-speaking and Orthodox Christians has attracted and is still attracting researchers' interest. The multi-ethnic environment where the Gagauz have been living for many centuries has left a peculiar imprint on all the aspects of their spiritual life as well as their worldview.

Peculiar attention is paid to the comparative study of some elements of the Gagauz folk mythology and those of closely related and neighboring peoples. Local material on the subject under discussion has been little studied, which makes our work, mainly based on the principles of descriptive ethnography, topical.

The purpose of the article is to present some mythological characters of pagan origin in the traditional worldview of the Bulgarians and Gagauz of Budjak on the basis of the ethno-folkloric material recorded at the end of the XIXth and during the XXth centuries as well as the reference books studied.

When considering the topic, we mainly consulted scientific works in local history, ethnography, mythology and religion of the peoples living in the Prut-Dniester interfluve (Варзопов, 1877; Георгиева, 1983; Державин, 1914; Курогло, 1980; Късметливата, 1994; Маринов, 1994; Мифы, 1992; Мошков, 1900; Мошков, 1901; Мошков, 1902; Образцы, 1904; Папцова, 2003, 107-115; Плотникова, 1998; Стеблева, 1972; Степанов, 2006; Стойков, 1910–1911; Ciachir, 1934; Soroçanu, 2006; etc.) as well as handwritten materials of 1959–1993 and field notes of 1994–1996, kept not only in the archive of the *Gagauz Ethnology* sector at the Academy of Sciences of Moldova (hereafter referred to as GE), but also in the author's archive (hereinafter referred to as AA) and publications (Сырф, 2003, 145-149; Сырф, 2004, 40-44).

Our study does not claim the topic under consideration to have been researched in-depth, we limit ourselves to studying the folklore texts available to us (ballads; apocryphal legends, demonological stories, fairy tales of religious and mythological content; spells) and prevailing among the Gagauz and Bulgarians of Budjak, as well as domestic and calendrical rites, especially the rituals, recorded by ethnographers. For convenience, the names of folklore works mentioned in the text and in the list of handwritten sources have been translated into English.

Gagauz mythological folk tales became known to a wider audience in early XXth century, when the extensive ethnographic essays and materials „The Gagauz of Bendery County" and the voluminous publication of the Gagauz folklore „The Dialects of Bessarabian Gagauz People" prepared by the Russian ethnographer V. Moshkov (Мошков, 1900; Мошков, 1901; Мошков, 1902; Образцы, 1904) were published. They contain the names of the following mythological characters of pagan origin: *karakanzal, lufusnița, rusali, tepägöz, tılısım, hobur,* etc.

The materials on Slavic ethnography called „Bulgarian Colonies in Russia" which was collected and published by N. Derzhavin (Державин, 1914) is another work devoted to the topic we are interested in. The author focuses on the active struggle of clergy against paganism among the parishioners and notes that „the colonies of purely Bulgarian population are definitely in more favorable conditions than those ethnically mixed, i.e. ethnically homogeneous population of the colony contributes to sustainable maintenance of national life peculiarities..." (Державин, 1914, 47).

In addition, when studying the ethnography of Gagauz and Bulgarian settlers in the south of Russia in the XIXth – early XXth centuries, as a rule, researchers use the materials published in ethnographic journals, writers' testimonies about Bessarabia, travel notes, memories, etc. The magazine of Bessarabian clergy „Chisinau Diocesan Gazette" (hereinafter referred to as CDG), published from 1867 to 1917, is one of such sources.

It should be noted that diocesan clergy considered the Bulgarians and Gagauz of Bessarabia one people, whose homeland had been Bulgaria. Therefore, it is characteristic of the gazette articles to refer the Gagauz to the Turkish-speaking Bulgarians; and in the clergymen's testimonies about Bulgarians the Gagauz were also implied, if a certain parish was not written about.

The following articles are devoted to the Bessara-

bian Bulgarians concerning the issues of our interest: „Some Non-Religious Christmas Rituals and Popular Beliefs of the Bulgarian People" by Stephen Zograph (Зографский, 1869), „Kukeri, Folk Amusement During Maslenitsa" by the priest F. Varzopov (Варзопов, 1877), „The Struggle of a Parish Priest Against Bulgarian Parishioners' Prejudices and Superstitions" by S. Kiranov (Киранов, 1875). Priest N. Stoykov published a long article entitled „Religious and Moral State of the Bulgarian Colonies in Bessarabia since Their Foundation to the Present Time" (Стойков, 1910–1911).

Moreover, in CDG there were published detailed descriptions of the Gagauz parishes Dezghinzhe and Choc-Maidan as well as the Bulgarian ones: Zadunaevca, Tvarditsa and Iserlia. Interesting ethnographic data about the settlers may be found in the parishes mentioned. They show, on the one hand, that, when living in Bessarabia, for some reasons, including the efforts of priests, some pagan elements of rituals were disappearing, being replaced by Christian rituals, perceptions were being changed, witch doctors' recipes were becoming things of the past, etc. For example, priest D. Chakir, describing Iserlia parish in 1891, wrote that due to his efforts all harmful customs and rituals, including caroling, *survaki* (the ritual of going from one place to another on New Year's Day, congratulating and wishing good), as well as some superstitions had not been believed for ten – twenty years (Чакир, 1891, 631).

On the other hand, the stability of pagan rituals and superstitions, which is very characteristic of the Bessarabian Bulgarians and Gagauz, draws certain attention, as well as the combination of pagan and Christian elements during calendrical holidays, weddings, child birth, and burial rites, reflected in CDG. Among the settlers from across the Danube there was spread a pagan variant of such rites as *Piperuda* and *Germancho* carried out during the long drought. There is a testimony about the banning of *Germancho* rite by the priest K. Malai, who wrote that the women parishioners had promised not do that again. However, behind the back of the priest they „performed the ritual inherited from their foremothers with great festivity and shamelessness" (Малай, 1878, 836).

Persecution of Christian ceremonial rites in their former homeland was one of the reasons why the Bulgarians and Gagauz of Budjak were so devoted to olden times: „They continue to kill a black hen to honor St. Charalampus, who turned the plague away, they regard Blaise as a saint protecting dough from getting spoiled, they know Nestor who chases mice away, they fear Barnabas as harvest corrupter..." – P. Kazanakly wrote about the people living in Tvarditsa (Казанаклий, 1873, 695).

In late 1930s there was published a book by the Bulgarian collector and researcher A. Manov, focusing on the Gagauz of Bulgaria and providing rather extensive factual material on their culture, including beliefs and customs (see Манов, 1938, 61-133). Among the mythological characters of pagan origin the following ones should be picked out: *cadı, obur, rusali, saguk, tılısım*, *çuma* (*meçikli*) and others.

We should also mention a small collection of mythological fairy tales in the Gagauz language „A Giant's Son" (Булгар, 1990), in which its author, the writer and the historian S. Bulgar, joined several plots with a single character, borrowing some of them (for example, about *rusali*) from the above mentioned folk collection by V. Moshkov (Образцы, 1904, 33-34). In the preface the expert in literature P. Chebotar notes the following: „The mythological system of the Gagauz is predominantly Christian. The Gagauz as a people developed in the Balkans, where they along with other Balkan nations adopted Christianity. However, a careful analysis shows that in the Gagauz folklore (especially in fairy tales) the reflections of pagan belief are still preserved" (Булгар, 1990, 3).

Our article „Whimsicality of Gagauz Fairy Tale" has also focused on this collection (Sârf, 1996, 11). It identifies major mythology elements in Gagauz folk fairy tales:

a) miracles that happen either due to the will of characters or animals with magical capacities, or through the use of magic items;

b) mythical characters, such as *rusali*, witches *Cadı-Babusu* and *Cadı-Kızı*, nine-headed dragon (*ajder*), etc.;

c) themes and motives, in which one may realize the beginning of the ancient Turks' verbal magic and their mythological ideas about nature and society.

In one of her scientific publications the folklorist and ethnographer M. Durbailo presents a number of mythologems preserved in the mythical epic of the Gagauz: „In the Gagauz fairy tales a character usually descends into the world of the dead through the hole (hole, pit, cleft) in the ground. As a rule, a huge tree grows nearby to serve an orienting point for descending to the next world. In fairy tales a long-bearded old man uproots this tree and takes it with him to the next world" (Дурбайло, 1990, 34).

M. Durbailo also notes that in Gagauz fairy tales there has been preserved the image of the snake *Evrem* as the lord of rain (or water, in general), which is on friendly terms with the main character (6, 36), and the spirit of the sky *Allah* often appears as a white-bearded old man (Дурбайло, 1990, 41).

It is well known that most turkologists of the

world believe that medieval Turkic tribes of Central and Middle Asia in the VIIth–XIIIth centuries (Proto-Bulgarians, Pechenegs, Oguz and Cumans) had a significant impact on the ethnogenesis of the Gagauz (as well as of the Turkish, Azerbaijan and other modern Turkic peoples) (Гагаузы, 2011, 16-21). Consequently, in the mythologies of these tribes and peoples we may find elements of their genetic relationship dating back to the pagan beliefs of the ancient Turks.

Besides, we cannot ignore the fact that the mythological system of the Gagauz, mainly pagan-Christian, was under the influence of the Muslim mythology during the Balkan period of their history, when the Ottoman rule was absolute.

Certainly myth as a kind of oral folk poetic art has not survived in its original version. We can say that we deal with fragments of ancient myths, reflecting the outlook of the people in ancient times. The stories of the Gagauz about appearance features, animals and birds' habits and special ways (for example, of how a swallow happened to have a tail, or a turtle – to have a shell, Манов, 1938, 155) and other etiological stories associated with attempts to explain nature phenomena (about the Milky Way; the Sun at sunset, see: Milky Way, GE; Танасоглу, 1992, 64-65) are the relics of such myths.

Due to the fact that the Gagauz have had patriarchal social life for a long time, as well as due to the spread of Christianity among them, old myths and beliefs are gradually becoming superstitions and referring to demonology.

Among the Gagauz one may find stories about demonic characters: good spirit (*tılısım*) and evil spirit (*hobur*), dwarfs (*cücä*) and giants (*dev*), witches (*cadı*) and devils (*şeytan*) (e.g. see: Old Man's Daughter, Old Woman's Daughter and Tylysym, AA; Three Brothers and a Witch, AA), etc. It is characteristic of such stories that they may easily comprise these characters.

Pagan images and characters in the religious and mythological perceptions may contingently fall under the following groups:

1) amiable to humans (characters of great strength associated with the origin of the world, flora and/or fauna; anthropomorphic bogatyrs/giants);

2) hostile to humans (witches, dragons, ogres, evil spirits, werewolves, personalized images of diseases);

3) characters of double nature: a person's assistant and antagonist (*lufusnitsas/orisnitsas*; spirit of constructions *tylysym*, giant *dev*; the invisible spirit *arap*);

4) preservation and/or loss of universal and regional mythologems in traditional worldview (the cult of the wolf; the spirit *Kadyn*; *German/Kaloian*; *poleznik/klochka*).

The materials and researches we studied concerning the Bulgarians of Budjak, which reflect their traditional everyday culture, including religious and mythological perceptions of the world, show that the archaic layer of the national ideology has been well preserved thanks to older people. However, over the years it may wear away.

Let us further briefly consider only some mythological characters of particular interest in terms of their genesis and functional orientation.

One of characters who, according to people's perception, was endued with double nature – that of a person's assistant or his antagonist – is the spirit *Tylysym* in the Gagauz mythology. On the one hand, the image of *Tylysym* among the Gagauz in Bessarabia is a good spirit, *house sprite*. They imagine it to be in the form of a *snake*, protecting happiness at home and annexes in the yard. According to popular belief, if it dies, the house and the people living there will die. On St. Simeon's Day, 1 (14) September, the Gagauz honored the *house sprite*, that is, they did not work, otherwise the *house sprite* could be angry (Мошков, 1901, 15-16). The same idea is also found in the Bulgarian folk mythology and rituals (Георгиева, 1983, 171; Караджова, 1999, 203-204). On the other hand, a man who died after his shadow had been measured, and the yardstick responsible for his death had been put in the foundation of a building under construction, becomes a „talysym". It was believed that talysym would guard the building day and night (Мошков, 1902, 25–26; Караджова, 1999, 205-206; Степанов, 2006, 473). Moreover, this character is mentioned when the Gagauz speak about the treasure he supposedly guards (Мошков, 1902, 27).

He refers to demonic characters, since the Gagauz like Bulgarians believed that the soul of a man after his death (suicide) can turn into a werewolf, showing himself and causing troubles at night, from midnight till crack of dawn (Образцы, 1904, 141–142; Old Man's Daughter, Old Woman's Daughter and Tylysym, AA), and it is him who was named *Tılısım* (Маруневич, 1975, 92-93). To pacify him, the sacrifice was offered – a rooster was killed (Караджова, 1999, 205; Манов, 1938, 73).

Apparently, the Bulgarians and the Gagauz perceive *talysym/tylysym* (according to Bulgarian pronunciation, *talysym*) similarly. So do they perceive another mythological character, the *Plague*.

Besides, the Gagauz personify the most common diseases, especially epidemic and infectious ones. Thus, they consider the plague – one of the most dangerous and pestilent diseases – a "snub-

nosed and pale-faced woman" (Plague) (Мошков, 1901, 15), God himself is afraid of her (Образцы, 1904, 27), and therefore there is no escaping her. Here is what V. Moshkov writes in this regard: „She (Plague – V.S.) goes from village to village and stays at her friends' at night, she does no harm in acknowledgement of their hospitality. An old woman in the village Beshalma was said to have known the plague, who used to stay overnight in her stables. The hostess put there a loaf of bread and an egg on it. But when all the village children died like flies, this old woman's ones were safe and sound" (Мошков, 1901, 15).

In several Bulgarian settlements of the Republic of Moldova (Korten, Tvarditsa, Victorovca, etc.) the plague is portrayed as an ugly old woman with long and dishevelled hair, long arms and big nails. She carries a scythe to cut off the head of anyone she meets on her way (AA). Local material adequately correlates with the perceptions of *Plague* among the Bulgarians from the metropolis (see Георгиева, 1983, 145).

A careful look at the traditional culture of the Bulgarians and Gagauz of Budjak shows that a pagan mythological character is depicted under the veil of Christianity or takes on a Christian name. For example, one of the most important positive mythological images among Bulgarians is *Boja Mayka*, who looks more like a Protectress not only of women, mothers and children, but also of the whole humanity, rather than St. Theotokos (AA).

Unlike the Bulgarians, among the Gagauz of Budjak St. Theotokos (*Panaiya*) does not carry out the demiurge function; we believe that the image of *Kadyn/Kadyna* recorded recently among the Gagauz in Vulcaneshti is closer to her in this respect. Here is what our national ethnolinguist E. Soroceanu tells us about him: „In Vulcanesti on St. Nicholas' Eve (*Ay Nikolaya karşı*) adult guys, dressed up in women's clothes with their faces smeared with soot, would walk in couples from one place to another. They announced their arrival with a knock on the window and a song:

„*Hay, kadınım, hay,* „Hi, my Kadyn, hi,
Geliriz, ölürüz, We'll come, we'll die,
Bela başınıza oluruz..." We'll bring disaster…"
(Vulcăneşti, 1986, Chiose Elena, 68 years old).

They were invited into the house and treated with some wine. It was considered a good sign to have dressed up visitors in the house, and the evening they come (*Kadın gecesi* – „Kadyn's night") was seen as a happy one. People say: „Aman, mari, ne kısmetliymiş bu insan, sansın kadın gecesi duumuş'" („What a happy man he is, as though he was born on Kadyn's night!") (Soroçanu, 2006, 145–146).

It seems that the appearance of such a female image on the Eve of St. Nicholas' Day has a certain reason. The Gagauz considered this day not only as St. Nicholas' Day, but also as a men's holiday, and in order it to be spent appropriately, the honour and respect for women had to be paid tribute, even though in such dressed up and disguised way.

It is interesting to note that among the Bulgarians of Budjak there has not been recorded a character or an image similar to *Kadyna*, however, in some Bulgarian dialects of the Republic of Moldova and Ukraine there has been recorded the idea of *kadynke* (the way a weasel – a carnivorous mammal of the Mustelidae family – is called), whose image is often associated with the image of a house sprite (see, for example: Степанов, 2006, 470). We believe that this name is synonymous with the Bulgarian name of this animal – *nevestulka*, i.e. daughter-in-law, which in its turn is a calque from the Turkish *gelincik*.

Thus, having considered the background and only some mythological characters of pagan origin in the traditional worldview of the Bulgarians and the Gagauz of Budjak, we can say these characters are well preserved, mainly among the overage population of the province. At the same time we cannot help noting the fact that many elements of mythology and rituals are becoming extinct and consigned to oblivion. The data studied comparatively prove that there is a close affinity between mythological characters of pre-Christian origin among the Bulgarians and the Gagauz of Budjak, though there are some peculiarities in their details and some images.

The work on collecting new material concerning traditional religious and mythological picture of the world on the Bulgarian-Gagauz cultural border as well as research in this field will be continued.

Handwritten Sources

Old Man's Daughter, Old Woman's Daughter and Tylysym. Informant: A. Colța, 43 years old. MSSR, Comrat town, 1959. Recorded by E. Colța. AA.

Milky Way. Informant: I. Calciu, 63 years old. MSSR, Taraclia region, Carbolia village, 1960. Recorded by G. Gaidarji. GE.

Three Brothers and a Witch. Informant: A. Colța, 43 years old. MSSR, Comrat town, 1959. Recorded by E. Colța. AA.

Literature

Ciachir M. Religiozitatea găgăuzilor // Viața Basarabiei. Chişinău, 1934, nr. 3.

Ciachir M. Obiceiurile religioase ale găgăuzilor din Basarabia. Curbanele sau sacrificiile // Viața Basarabiei. Chişinău, 1934, nr. 6.

Ciachir M. Obiceiurile religioase ale găgăuzilor din Basarabia. Obiceiuri la naştere şi botez // Viața Basarabiei. Chişinău, 1934, nr. 7-8.

Sârf V. Mitologismul poveştii magice găgăuze // Ştiinţa. Chişinău, 1996, nr. 12.

Soroçanu E. Gagauzların kalendar adetleri: Etnolingvistik aaraştırması = Гагаузская календарная обрядность: Этнолингвистическое исследование. Chişinău, 2006.

Булгар С. Дев адамын оолу: Масаллар. Кишинев, 1990.

Варзопов Ф. Кукиры – народная забава во время масленицы // Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1877, № 9.

Гагаузы. Отв. ред. М. Н. Губогло, Е. Н. Квилинкова. М., 2011.

Георгиева И. Българска народна митология. София, 1983.

Державин Н. С. Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии): Материалы по славянской этнографии // Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. XXIX. София, 1914.

Дурбайло М. А. Гагаузские народные баллады с образом желтой змеи // Советская тюркология. М., 1990, № 2.

Зографский С. Некоторые нерелигиозные святочные обряды и поверья болгарского народа // Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1869, № 3-4.

Казанаклий П. Твардица // Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1873, № 19.

Караджова М. Жилище как субъект обрядовых действ у населения Болгарии и болгарских поселенцев Бессарабии // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещерюка). Кишинев, 1999.

Киранов С. Борьба приходского священника с предрассудками и суевериями прихожан-болгар // Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1875, № 21–22.

Курогло С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX вв. Кишинев, 1980.

Съсметливата Н. Български народни приказки от Бесарабия и Таврия. Съст. Е. и И. Стоянови. София, 1994.

Малай К. Приход Чок-Майдан Бендерского уезда // Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1878, № 6.

Манов А. И. Потеклото на гагаузите и техните обичаи и нрави. В две части. Варна, 1938.

Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи. Второ фототипно изд. София, 1994.

Маруневич М. В. Некоторые обряды и поверья гагаузов, связанные с жилищем // Известия АН МССР, серия общ. наук. Кишинев, 1975, № 3.

Мифы народов мира: Энциклопедия. Под ред. С. А. Токарева. Т. 2. М., 1992.

Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). II. Родины и крестины // Этнографическое обозрение. Кн. XLIV. М., 1900, № 1.

Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). VIII. Верования. IX. Воззрения на природу. X. Великаны // Этнографическое обозрение. Кн. LI. М., 1901, № 4.

Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). XI. Смерть, представление о загробной жизни и похоронные обычаи. XII. Талысым. XIII. Народный календарь // Этнографическое обозрение. Кн. LIV. М., 1902, № 3.

Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В. Радловым. Часть X. Наречия бессарабских гагаузов. Тексты собраны и переведены В. Мошковым (с двумя прибавлениями). СПб., 1904.

Папцова (Келеш) А. Некоторые архаические черты религиозности гагаузов в конце XIX – начале XX веков // Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 7-й годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. II. Культура и искусство. Комрат, 2003.

Плотникова А. Южнославянская народная демонология в балканском контексте // Studia mythologia Slavica. Knj. 2. Ljubljana, 1998.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1893–1911. Т. II.

Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. М., 1972.

Степанов В. Очерки болгарской демонологии и народных знаний (экспедиционные материалы) // Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинев, 2006.

Стойков Н. Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии со времени их основания до настоящего времени // Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1910, № 36-38, № 41-42; 1911, № 1, 2, 4. Idem. Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества: Вып. VI. Кишинев, 1911.

Сырф В. И. Гагаузская мифология и ее турецко-туркмено-азербайджанские параллели // Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice, AŞM. Vol. IV. Chişinău, 2003.

Сырф В. И. Южнославянская мифология и ее гагаузские параллели // Славянские чтения: Мат-лы науч.-теорет. конф. Славян. ун-т РМ. Вып. 2. Кишинев, 2004.

Танасоглу Д. Ана дили: Окумак хем грамматика 4-жу класс ичин. Кишинев, 1992.

Чакир Д. Историко-статистическое описание церкви и прихода селения Исерлии, Аккерманского уезда // Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1891, № 20-23.

Rezumat

În articol se analizează unele aspecte ale perpetuării şi păstrării imaginilor mitologice şi personajelor de origine păgână în cultura tradiţională a bulgarilor şi găgăuzilor din Basarabia, în baza materialului etnofolcloric expediţional şi a datelor din literatură. O atenţie deosebită se acordă personajelor şi imaginilor puţin studiate cum ar fi

Kadân, Talasâm, Ciuma.

Cuvinte-cheie: personaj mitologic, păgânism, concept despre lume, Basarabia, bulgari, găgăuzi.

Резюме

В статье рассматриваются некоторые вопросы бытования и сохранения мифологических образов и персонажей языческого происхождения в традиционной культуре бессарабских болгар и гагаузов как на основе этнофольклорных материалов, собранных во время научных экспедиций, так и на базе литературных данных. Особое внимание уделено таким малоизученным образам и персонажам, как *Кадын*, *Талясым*, *Чума*.

Ключевые слова: мифологические персонажи, язычество, мировоззрение, Бессарабия, болгары, гагаузы.

Summary

The article considers some of the issues concerning the existence and preservation of mythological images and characters of pagan origin in the traditional culture of Bessarabian Bulgarians and Gagauz on the basis of ethno-folkloric material collected during expeditions as well as published data. Special attention is paid to such little known images and characters as *Kadyn, Talasym, Chuma*.

Key words: mythological image, paganism, worldview, Bessarabia, Bulgarians, Gagauz.

Наталья КАЛАШНИКОВА

ОБ ОДНОЙ БОЛГАРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ СОБРАНИЯ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Свыше полумиллиона экспонатов, архивных и фотоматериалов хранится в Российском этнографическом музее (РЭМ), где собраны коллекции, рассказывающие о культуре и быте более 150 народов России. В фондах музея представлены все географические регионы Российской империи: европейская часть территории, районы Поволжья и Приуралья, Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана, Кавказа, а также сопредельных стран (Российский, 2001, 224-233)[1].

Самыми значительными по численности являются в музейном собрании славянские коллекции. Исторически сложилось так, что кроме восточных славян (русские, украинцы, белорусы – всего около 150 тысяч экспонатов), достойное место в фондах занимает небольшое, но достаточно представительное собрание по этнографии западных (поляки, чехи, словаки) и южных (болгары, словенцы, черногорцы, сербы, хорваты, македонцы) славян, насчитывающее около 6 тысяч предметов.

Несомненный интерес представляют и этнографические коллекции переселенцев, в частности, болгар Крыма. Нужно отметить, что этнография Крыма интересна синтезом культуры населения берегов Черного и Средиземного морей, кочевого населения степей Евразии и собственно крымских прибрежных территорий, представляя собой также интересную и богатую часть истории культуры народов Восточной Европы и Черноморского бассейна. Серьезные изменения в этническом составе полуострова принесло присоединение в XVIII веке Крыма, Приазовья и Тамани к Российской империи, открывшее путь массовой колонизации Крыма восточнославянским народам (русскими, украинцами, белорусами) и переселенцам из Центральной и Восточной Европы: этническим группам болгар, немцев, сербов, армян, евреев и др. (Народы Крыма, 2014, 12-24).

Так, например, болгары, как и греки, спасаясь от турецкого ига в годы войн последней четверти XVIII в., переселялись на Крымский полуостров. На рубеже XVIII и XIX вв., в результате нескольких переселенческих волн, они расселились в Феодосийском и Симферопольском уездах (в селах Андреевка, Кабурчак, Кишлав, Коктебель, Сарабуз Болгар, Старокрымское и др.), сохранив при этом свое национальное самосознание, разговорный язык, материальную и духовную культуру, обряды, обычаи и традиционную пищу. Вместе с ними в Крыму оказались переселенцы-гагаузы – представители единственного в Восточной Европе тюркоязычного православного народа. Болгары стали заниматься хлебопашеством и огородничеством, отчасти виноделием и овцеводством. Именно болгары завезли на полуостров казанлыкскую розу, и впоследствии Крым стал ведущим в России производителем розового масла.

Необходимо отметить, что Петербург с момента основания его научных учреждений яв-

лялся центром отечественного востоковедения, что и отразилось на исследованиях, которые проводились, в том числе и в Крыму. Это наследие с трудом сохранялось в бурном XX веке, тем более значимы для нас те памятники культуры, которые стали предметом изучения в музейных собраниях. Так, например, в начале XX века были приобретены музейными сотрудниками петербургского Этнографического отдела Русского музея (ныне – Российский этнографический музей – РЭМ) предметы быта и черно-белые фотографии, характеризующие традиционную культуру как старожильческого населения Крыма XIX–XX вв. (греков, крымских татар, крымчаков, караимов, цыган), так и этносов, прибывших на эти земли в результате колонизации края, в частности, болгар (Народы Крыма, 2014, 3).

Собрание по болгарам-переселенцам в коллекции Российского этнографического музея не является обширным, но оно представляет сборы 1910–1930 гг. музея с редчайшими экспонатами, отражающими быт и культуру болгар этого региона в середине XIX – начале XX вв. Подобные предметы, характеризующие бытовую культурную традицию болгар, практически не сохранились в музеях Крыма, что делает коллекцию петербургского музея уникальной.

В данной статье будет рассмотрен состав первой коллекции по болгарам Крыма, поступившей в 1905 г. из Таврической губернии, Феодосийского уезда, города Старый Крым и деревни Коктебель. Её собирателем был хранитель Этнографического отдела Русского Музея – Константин Александрович Иностранцев, известный русский историк-востоковед и этнограф, один из авторов первой «Программы сбора этнографических материалов», изданной музеем в 1904 г. (Программа, 1904, 3-4). В результате крымской экспедиции, проведенной К. М. Иностранцевым, в фонд № 15 музея поступило 32 предмета[2], среди которых была традиционная одежда, предметы убранства интерьера (ковры, салфетки), а также деревянная утварь и другие предметы бытовой культуры болгар. Зарегистрирована эта коллекция была сотрудником музея А. Рогозиной 17 апреля 1906 г.

Следует напомнить о том, что если поселение Старый Крым возникло в результате первой переселенческой волны на полуостров (1803–1812 гг.), то заселение деревни Коктебель датируется 1874 г. (Носкова, 2009, 107-111).

Анализируя состав этой коллекции, следует отметить, что наиболее ценными являются предметы народной одежды, в частности, свадебный наряд невесты, представляющий собой полный сукманный комплекс из традиционных элементов, основными частями которого были домотканая рубаха (риза), платье без рукавов (сукман), черный шерстяной пояс с затканными концами, верхняя кофта (хабичка), декорированная красной гарусной тесьмой и полосами черного бумажного бархата, передник (престилка) с цветной каймой на подоле и обувь (терлик) из черной шерстяной толстой ткани. Важнейшим составным элементом свадебного комплекса невесты был сложный головной убор, состоящий из верхнего головного платка из белого тюля *(мрежи*), обшитого по краю красной шелковой нитью, на трёх углах которого были укреплены кисточки из разноцветных бус, и нижнего головного платка *(булу)* из шерсти красного цвета фабричного производства, декорированного печатными цветами, ткаными полосами и бахромой.

Обязательным дополнением к такому убору были украшения в виде красных и белых цветов *(китки)* из ткани, а также трех листиков с голубыми пёрышками, укреплявшиеся у виска. В свадебный комплекс входили и шейно-нагрудные украшения из девяти ниток разноцветного дутого стекла (синци) и полоса, низанная бисером *(герданче*). Следует отметить, что отношение к свадебной одежде было особенное, недаром в народных поверьях, записанных в Коктебеле, сохранился завет: „Храни своё свадебное платье на случай смерти" (Шапошников, 2009, 201).

При этом весь комплекс был изготовлен из текстильных материалов животного или растительного происхождения – шерсти, конопли, льна, произведенных в домашних условиях в собственном хозяйстве. Особую роль играли шерстяные ткани, что было связано как с привезенной из Болгарии этнической традицией, так и с тем, что овцеводство продолжало оставаться в то время одним из основных занятий болгар.

О том, что в деревне Коктебель распространение получил мужской чернодрешный комплекс (одежда черного цвета), свидетельствует костюм болгарина, приобретенный К. М. Иностранцевым, который состоял из домотканых рубахи, штанов и пояса, а также наплечной куртки, головного убора и обуви. Своеобразной «легендой» этого костюма является характеристика, зафиксированная в музейной описи[3], которая содержит местное название, а также информацию о материале изделия, его конструкции и декоративных особенностях. Так, о рубахе (риза) из белой ткани домашнего производства сказано, что она имеет рукава на манжете и воротник-стойку с застёжкой на три пуговки и воздушные петли. Мужские штаны

(гашти), выполненные из шерстяной домотканины черного цвета, застёгиваются на крючок и петлю и имеют прорезной карман. Шерстяной домотканый пояс *(опас)* темно-коричневого цвета с полосами и бахромой на концах – обязательный элемент мужского костюма крымских болгар, которым оборачивали тело несколько раз, а поверх него иногда надевали кожаный пояс. В комплект входила и куртка *(хабичка)* из шерстяной домотканины черного цвета, стоячий воротник и полы которой были обшиты черным шнурком, а застегивалась она на крючки и петли. В качестве головного убора использовали шапку (гугла) круглой формы из овчины черного цвета на подкладке из красного ситца. Обувью служили постолы из белого войлока *(царвули)*, обшитые черным гарусным шнурком.

В коллекции зарегистрированы и отдельные элементы одежды: два рукава – часть свадебной женской рубахи; мужские штаны из белой ткани с прорезными карманами, украшенные гарусным шнуром; мужские сапоги из войлока белого цвета, обшитые черным шнуром.

Среди других предметов коллекции № 860 из города Старый Крым и деревни Коктебель следует отметить приобретенные собирателем две фляги *(чотра)* для воды или вина, выточенные из дерева и украшенные концентрическими кругами, с верёвочной петлей, укрепленной у горлышка, для ношения на руке.

Несомненный интерес представляют текстильные изделия из льна, конопли, шерсти, хлопковой и шелковой нитей: домотканые полотенца, салфетки *(месал)* и полосатые ковровые дорожки *(писано, трепече)*. Наибольший спектр функций выполняли полотенца, в том числе – утилитарную, ритуальную, декоративную, значимость которых в рамках традиционной культуры обуславливалась их полифункциональностью: в убранстве жилища полотенце было декоративным, в быту – утилитарным, в семейной обрядности реализовывало семантический смысл.

Таким образом, анализ предметов из коллекции Российского этнографического музея № 860, характеризующих некоторые аспекты материальной культуры крымских болгар, свидетельствует о сохранении этносом на новой территории традиционных характеристик народной культуры, запечатленных как в материалах для изготовления различных изделий, так и в терминологии элементов костюма и предметов быта.

Примечания

[1] Российский этнографический музей является непосредственным преемником Этнографического отдела Русского музея императора Александра Ш, созданного 13 апреля 1895 года указом императора Николая II. Датой основания этнографической части музея принято считать 10(23) января 1902 г., когда было утверждено штатное расписание Этнографического отдела и началось финансирование его работ. В 1934 г. он был преобразован в самостоятельный научно-исследовательский и культурный центр – Государственный музей этнографии. В 1948 г., после передачи ему из Москвы коллекций Государственного музея народов СССР, он получил название Государственного музея этнографии народов СССР. В 1991 г. на основании Указа Президента РФ музей был включен в Государственный свод особо ценных объектов национального достояния России и с 1992 г. переименован в Российский этнографический музей (РЭМ).

[2] Коллекции Российского этнографического музея (описи) № 860.

[3] Там же.

Литература

Народы Крыма. Науч. ред. В. М. Грусман. Санкт-Петербург, 2014.

Носкова И. Формирование крымской группы болгар в XIX в. // Българите в Крим. София, 2009.

Программа для собирания этнографических предметов. Издание III-е Этнографического отдела Русского музея имп. Александра III. Санкт-Петербург, 1904.

Российский этнографический музей. 1902–2002. Альбом. Санкт-Петербург, 2001.

Шапошников А. К. Коктебель – болгарское село // Българите в Крим. София, 2009.

Rezumat

În articol sunt descrise obiectele primei colecții muzeale a bulgarilor din Crimeea. Ele au fost aduse la Muzeul Rus de Etnografie în 1905 din gubernia Taurida, județul Teodosia, orașul Starîi Krîm și satul Koktebel.

Cuvinte-cheie: colecție bulgară, Crimeea, colecții de muzeu, costumul tradițional.

Резюме

В статье описываются предметы первой музейной коллекции крымских болгар. Они поступили в Музей этнографии России в 1905 г. из Таврической губернии, Феодосийского уезда, города Старый Крым и села Коктебель.

Ключевые слова: болгарская коллекция, Крым, музейная коллекция, традиционный костюм.

Summary

The article regard the objects from the first collection on the Crimean Bulgarian. It came into the Russian museum of Ethnography in 1905 in the Taurida Governorate, Theodosia Uezd, city Stary Krim, village Koktebel.

Key words: the colonist Bulgarian, Crimea, museum collection, traditional costume.

ETNOISTORIE

ЭТНОИСТОРИЯ

Александр ГАНЧЕВ, Владимир МИЛЬЧЕВ, Александр ПРИГАРИН

СПЕЦИФИКА МИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА «СЪРНЕНА СРЕДНА ГОРА» НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВВ. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ БОЛГАРСКОЙ ОБЩИНЫ «ТУКАНЦЕВ» В ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ

Болгарская диаспора в современной Украине, являющаяся крупнейшей из диаспор вне Болгарии, представляет собой многоуровневую общность. В ее среде переплелись сложные территориальные и этнографические, исторические и социальные страты. Одной из них являются т.н. «туканцы» – самые ранние из болгарских поселенцев Буджака (Бессарабии, юго-западных районов Одесской области, Дунайско-Днестровского междуречья).

Данный микроэтноним, или субэтноним, не является избранным представителями самой группы в качестве самоназвания. При этом он активно используется представителями соседних болгарских субэтнических групп (Добрев, 2009, 7-8, 46, 53), а также других этносов. Например, их называют «туканлар» гагаузы и албанцы; кроме собственных полевых материалов опираемся на сведения исследователей Е. Н. Квилинковой (Кишинев) и Д. С. Ермолина (Санкт-Петербург).

Форма является исходной от пространственной локализации – «тукашни» (здешние), указывающей на первенствующую роль представителей группы в процессе болгарской (балканской вообще) колонизации Буджака. Употребление термина «тукан» (туканци, туканар, туканлар) в качестве группонима и ойконима, по отношению к субэтнической группе в целом и части жителей того или иного населенного пункта, фиксируется исследователями в таких городах и селах Буджака, как Болград, Каменка, Кирсово, Комрат (Балкански-Кондов, 2012, 79-81, 97). «Тукан» или «туканячка» – имя Болгарии или болгар в целом, на гагаузском и румынском языках (Дрон, Курогло, 1989, 85; Дрон, 1993, 104, 142, 146; Балкански, Кондов, 2012, 157-158).

Первыми, собственно «туканскими», поселениями в Буджаке следует считать Таш-Бунар, Импуциту и Карагач, заселение которых выходцами из Караджа-дага (болг. Сърнена Средна Гора) следует отнести к периоду до 1807 г. (год занятия края российской армией). Уже после присоединения Бессарабии к Российской империи ими населяется старейшая часть Болграда, а также Тараклия (Червенков, Думиника, 2013, 46, 48-49) и Бановка. Кроме того, по данным диалектологов, представители данного субэтноса были среди болгарских первопоселенцев Анадолки, Джурджулешт, Сатунова, Кайраклии, Вайсала (ныне – Васильевка), Кубея (Червоноармейское), Чийшии (Городнее) и т. д. Впоследствии туканские старожилы были ассимилированы более многочисленными группами болгар, переселившимися в период 1810–1830-х гг. При этом специфические черты говора туканцев все же повлияли на язык новых жителей. Более того, «туканский след» отчетливо прослеживается в говоре болгарского села Парканы, географически расположенного уже не в Бессарабии, но на территории «Очаковской степи» и заселенного болгарами в 1804 г. (Атлас, 1958, 38).

Процессы перераспределения болгарского населения Буджака, которые имели место после присоединения края к Молдавскому княжеству, а именно, в 1860–1863 гг. способствовали возникновению новых туканских сел. Собственно в Бессарабии, по российскую строну границы, в это время возникает село Кальчево, основанное жителями отдельного квартала (Туканской махалы) Болграда, а частично – из Таш-Бунара и др. туканских сел (Топалова, 2009, 7-8).

Массовое переселение бессарабских болгар в Таврию в 1861–1863 гг. повлекли за собой основание туканцами новых сел в Северном Приазовье. Переселенцы из Карагача на новом месте основывают целых три села – Анновку, Петровку и Перво-Николаевку. Выходцы из Таш-Бунара дают жизнь Преславу и Инзовке. Болгары из Импуциты основали Мануйловку и Зеленовку, а бановцы, соответственно, Бановку и Мариновку. Болградские туканцы поселились вместе с чушмелийцами (жители Чешма-Варуиты) в Степановке-Второй (Бернштейн, Чешко, 1952, 100-101). Туканцы из Кубея и Таш-Бунара – в Райновке (Бунина, 1950, 251-252). Кроме того, «туканский» говор фикси-

руется в языке таких болгарских сел Северного Приазовья, как Андровка, Гюневка, Луначарское, Коларовка и Вячеславовка (Атлас, 1958, 9-16).

Таким образом, туканцы составляют не только многочисленную, но и вполне выразительную группу болгарской диаспоры на юге Украины и Молдовы. В то же время, проблема их происхождения долгое время оставалась неразрешенной.

Один из наиболее ранних исследователей, А. А. Скальковский, характеризует самые старые туканские села Буджака – Таш-Бунар, Импуциту, Карагач – как населенные «болгарами из Македонии» (Скальковский, 1848, 62, 67, 69). Показателен здесь не столько факт сопоставления субэтнической группы с упомянутым регионом (под «Македонией» тогда часто подразумевали всю южную, забалканскую часть болгарских земель вообще, а не только историко-географический или этнографический регион), а фактическое отмежевание населения указанных сел от прочих.

И действительно, болгары-туканцы обладали, да и сейчас еще обладают только им присущими особенностями говора, фольклора, обрядности и т. п. В результате научных изысканий характерные особенности их говоров были в середине XX в. описаны советскими и болгарскими исследователями-филологами. Вследствие этого они были объединены в единую группу – так называемых «чийшийских» диалектов (которые, впрочем, правильнее было бы именовать «туканскими») (Атлас, 1958, 32-42).

Локализация места выхода носителей говоров из метрополии, сделанная тогда же, была не вполне корректной. В частности, указывалась территория Северо-Восточной Болгарии, район города Шумена. Отметим, что данная локализация была осуществлена механически, без сопоставления с диалектной картиной указанного региона: в качестве оправдания этому декларировалась не изученность данных говоров в самой Болгарии. За основу бралась арена действия российской армии во времена русско-турецкой войны 1806–1812 гг., когда, якобы, произошел массовый исход предков туканцев на север (Бернштейн, 1952, 17-18).

Подобная точка зрения довольно быстро стала господствующей и была перенесена из плоскости болгарской диалектологии даже в сферу исторических исследований. Нередко даже признанные корифеи болгаристики находились в плену подобных заблуждений. Так, например, указывая на происхождение из некоего села «Бабека» таких лиц, как Колю Вицеларю, Терзи Вильчу, Коле Гугун, Коле Варбан и др. (подчеркиванием обращаем внимание на родовые прозвища, от которых происходят две самые распространенные фамилии нынешнего таврического с. Преслав, происходящие от «старых ташбунарцев» – Гогунские и Варбанские, причем, встречающиеся только в нем), исследователь далее замечает, что «название этого села, вероятно, дано в искаженной форме. По нашему мнению, это либо село Бабук, что в Силистринской околии, либо село Бабово из Русенской околии». То есть, Южная Болгария заведомо не рассматривается в качестве возможного места выхода «бабекцев», поскольку «во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. русская армия не заходила так глубоко на территорию Болгарии» (Грек, 2010, 306).

Вместе с тем, еще в конце XIX – в начале XX вв. среди потомков болгарских первопоселенцев Буджака и Таврии сохранялась память о том, из каких именно районов Болгарии пришли их предки: уроженец туканского Преслава, д-р. И. Тодоров упоминал пловдивские села Хамзаларе и Чобу (Български, 1903, 3); выходец из туканской махалы Болграда, д-р. Й. Титоров указывал на село Бабек, расположенное поблизости, и на другие села Фракии (Титоров, 1903, 104, 106). Упомянутые села располагались в историко-географическом регионе Караджа-даг (болг. Сърнена Средна Гора).

Так, ведя речь об известном в истории Болграда семействе Камбуровых, происходящем из туканской махалы, Титоров прямо указывает, что «те са от туканите, сиречь от онези българи в Бесарабия, кои са се заселили там в края на XVIII или в началото на XIX столетие». Тут же акцентировалось их фракийское, южно-болгарское происхождение (Титоров, 1903, 21, 104).

Правомерен вопрос о том, как сформировалась оппозиция, в которой одну из сторон стали называть «местными». Рискнем предположить, что ответ находится в среде все тех же бывших балканских жителей. Источники первой трети XIX в. нередко отмечают «старых» болгар и т. н. «беженар» (беженцев). Например, П. Свиньин писал: «Особливо во время прошедшей войны [1806–1812 гг.] вышло <…> до 4 000 тысяч семейств в Бессарабию, кои большею частию поселились в домах, оставленных татарами. Для отличения от прежде поселившихся здесь болгар, называют их «беженарами» (Свиньин, 1867, 226). Таким образом отличались «коренные» болгары (поселившиеся еще в Молдо-Валашский период) от вновь пришедших (Российский).

Дело в том, что территория Бессарабии в начале XIX в. все еще находится в Османской империи. Какая-то группа болгар поселяется в этом регионе, предпочитая жить на окраине, где нацио-

нальные, духовные и экономические притеснения слабее, чем на территории Болгарии. До русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в Буджаке проживало уже около 8000 болгар. Известно, что после военной компании 1787–1791 гг. более 200 болгарских семейств поселились в Буджаке. Избрали они себе земли между Прутом и Ялпугом. Такой ареал определялся правовым казусом: эти земли, входящие в состав зависимого от Османской империи Молдавского княжества, управлялись не султанской администрацией, а господарями.

Переселившись на территорию Буджака, туканцы поселились, прежде всего, в городах Рени и Измаил, а также существовавших на тот момент молдавских селах Сатуново, Анадол, Джурджулещи, Барта. Архивные материалы указывают, что в село Барта болгары пришли в 1790 г.[1] В 1800 году средногорцы осели на месте ногайского поселения Таш-Бунар[2]. В 1803 г. переселенцы поселились в селении Импуцита[3], в 1804 г. были основаны села Карагач и Кубей[4]. В Кубее туканский субстрат на сегодняшний день практически отсутствует. Вероятнее всего туканцами были заселены и Табаки, но впоследствии большая часть из них переселилась в г. Болград, после его основания в 1821 г.

Кроме того, значительная часть выходцев из Караджа-дага находилась в молдавских селениях Томаровского и Гречанского цынутов – Орак, Кугурлуй, Томай, Минжир, Малешты, Джигалбай, Пеленей Булгар, Пеленей, Молдован, Гаджикиой, Гречан, Алуат, Казаяклия, Мусаит, Чадыр – на землях молдавских бояр (наиболее крупным землевладельцем был И. Балш), не только до занятия региона русскими войсками (1807) и даже вхождения его в состав Российской империи (1812), но и вплоть до обретения болгарами колонистских прав (1819) и их дальнейшего массового исхода на земли новооснованных колонистских округов (1819–1821) (Грек, 2010, 293).

С приходом российских войск в 1807 г. туканцы поселились на землях селения Долукиой. Вполне возможно, что в это же время началось заселение села Чийшия. В 1809 г. туканцы поселились в Курчи[5], а в 1811 г. вместе с албанцами основали село Каракурт, а вместе с молдаванами – Ердек-Бурну.

Несколько забегая вперед, отметим, что в 1820 году «городских» болгар наделили землей. Группа туканцев во главе с «дядо Бано» выселилась из Измаила и основала в 1821 г. село Бановка. В 1857 г. было основано село Кальчева, которое в 1861 г. значительно пополнилось за счет переселенцев из туканской махалы г. Болграда.

Желая внести ясность в дискуссионный вопрос о происхождении данной субэтнической группы, авторы данной статьи (двое из них имеющие родовые корни, происходящие из туканских сел Буджака и Таврии – Владычени (Импуциты) и Преслава (Таш-Бунара)), взяли за основу версию о ее генетических связях с населением Караджадага. В мае 2012-го, и в мае же 2013 г., ими, при участии Ивана Петровича Ганчева, были проведены две полевые экспедиции на территории общины Брезово Пловдивской области – город Брезово и села Свежен, Бабек, Чоба, Зелениково, Ро-

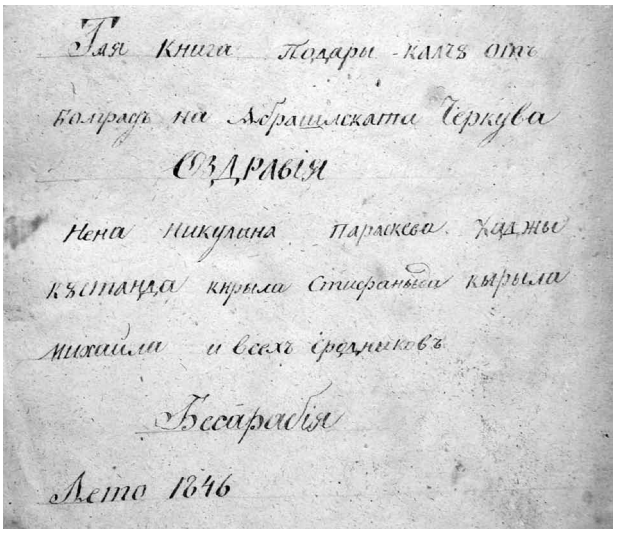

Тая книга подари - калъ отъ
болградъ на Абрашилската черкова
Оздравія
Нена Никулина парахева хаджы
къстанда кирыла Стефаныеи кирыла
Михаила и всичъ ерониковъ
Бесарабія
Лето 1846

Рис. 1. Дарственная надпись на книге Деяния Святых апостолов. Церковь Св. Димитра в г. Брезово Пловдивской области.

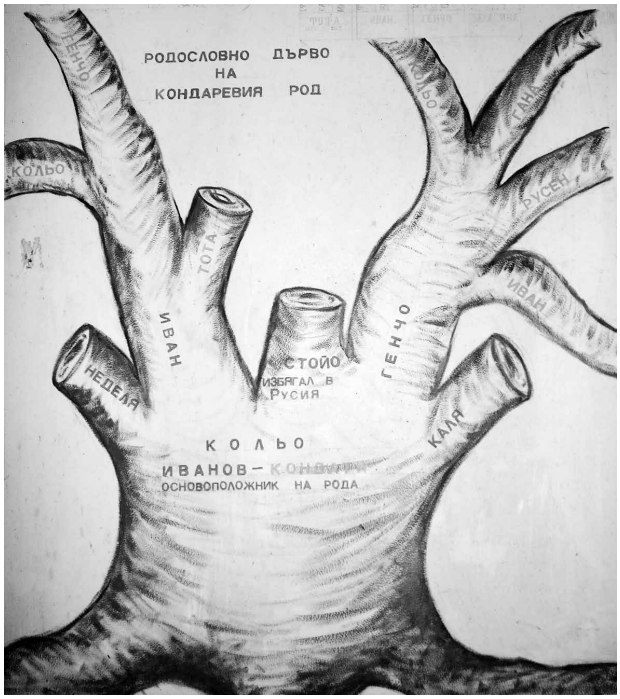


Рис. 2. Изображение родового дерева семьи Кондаревых. Музей в с. Верен общины Братя Даскалови Старозагорской области.

зовец, Чехларе (все в 2012 г.), Златосел, Дрангово, Тюркмен и Стрелци (в 2013 г.) – и общины Братя Даскалови Старозагорской области – села Братя Даскалови, Верен, Марково, Православ и Медово (все в 2012 г.).

В процессе проведения экспедиций были обследованы местные церкви, библиотеки, музеи, поточные архивы местных сельсоветов, проведены опросы местных жителей, в том числе – краеведов-любителей. Наиболее ценную информацию в наше распоряжение предоставил житель г. Брезово Иван Муевский, за что высказываем ему искреннюю благодарность.

В результате были обнаружены наглядные свидетельства в пользу версии об происхождении «туканцев» из региона «Сърнена Средна Гора» (тур. Караджа-даг).

Так, в церкви «Св. Димитър» г. Брезово была выявлена подборка церковных книг киевской и московской печати, подаренных храму родного села Абрашларе (старое название Брезово) бессарабскими колонистами. Учитывая ценность данного корпуса источников, публикуем полностью дарственные надписи на них:

1) «Тая кныга Подары Калчу отъ / Болградъ на Абрашларската Черкува / ОЗДРАВІЕ / Нена Никулина Параскева Хаджы / Кустанда Кирыла Стифаныда Кырыла / Михайла и всехъ сродниковъ / Бесарабія / Лето 1846» (Деяния Святых апостолов, Киево-Печерская Лавра; 1832);

2) «сию книгу подарилъ / Хаджи Феодоръ Дончовъ / Оздравіе / Параскеви, Ивана, Феодора, Манойла Нес / тора, Михаила, Параскеви, Мариі Параскеви Леонтия / За упокой / Данила, Гина, Тодора Давида / Димитра Аксения, ивсехъ Сродниковъ / Бесарабія / на 1846е лето Колонія Болградъ / [другим почерком]: Феодоръ Параскеви Ивана Феодора / Феодоръ J Параскеви М» [еще одно свидетельство продолжения общения – перенесение части людей из раздела «здравия» в «упокой»; обратим внимание, что «за упокой» формы болгарские (например: «Тодоръ»), а вот за здравие – «Феодоръ»] (Пентикостарион (Пятидесятница, Триод Цветная), Москва, Синодальная типография; 1841);

3) «Сию книгу подарылъ Тодоръ / Топаленку, даспоминувати оздравіє, / Феодора, Марія, Димитрія, Николая, Алексія, / Георгія, Николая, Феодора, Алексія, Стояна / Марія Пена Аксенія Илена Марія Боика / заупокой а вел / Миту Митка Велика Михаила Злата Михаила / Велика Михайла / Злата Михаила / Андрея Гену Гана Андрея Братанъ ВЕЛА, / и всехъ сродниковъ Феодора Мары яд / Андрея Бесарабія Об Арашлари / на 1846е лето Колонія Болград / Господинъ» («Триод, сиесть Трипеснец»; Москва, Синодальная типография, 1841).

4) «Сію Книгу подарыл Калчу или / Кирило Манковъ / Оздравіе / Кирила Стойка Димитрія Николая / Банна Аликсея Симеона / Бесарабія Болградъ лето 1846» (Минея Сентябрь-Октябрь (в одном переплете), Киево-Печерская Лавра; 1839);

5) «Тая кныга подары калчу отъ Болградъ / на Абрашларската Черкува / ОЗДРАВІЕ / Калча Стойка Димитрія Ныколая Бана / Алексея Симеонъ умря сентабря на 20 ден / Бесарабія Лето 1846 / [другим почерком]: Асъ Эмманоілъ / Петровъ» [характерна приписка о смерти некого Симеона свидетельствует о продолжении общения после подарка] (Минея Ноябрь-Декабрь (в одном переплете), Киево-Печерская Лавра; 1839);

6) «Тая Книга Подары калчу отъ Болградъ / На Абрашларската Черкува / Заупокой / Минка Нена стояна Ивана Николая / Константына Кини Тодора Кира Дона / Марія Матвея Симеонъ / Бесарабія / Лето 1846» (Минея Январь-Февраль (в одном переплете), Киево-Печерская Лавра; 1839);

7) «Тазы Книга Подары калчу отъ Болградъ / на Абрашларската Черкува / Оздравіе / Калча Стойка Димитрія Николая Бана / Алексея Симеона пена костанда нена Никулина / Кирила Кирыла Михайла Стифаніда / Бесарабія Лето 1846» «Тази Книга Подари Калчу Болградъ / Болградъ Въ Болградъ Калчю» (Минея Июль-Август (в одном переплете), Киево-Печерская Лавра; 1839)[6].

Очевидна прямая забота болградских жителей о снабжении некогда родного храма богослужебной литературой. Скорее всего, подарен был полный круг «Миней» (4 месяца, или 2 книги до нас, увы, не дошли). Учитывая цену подобной книги, которая равнялась примерно цене коровы, можно утверждать, что это был значительный вклад. В этом же храме хранится значительное количество икон киевского и московского письма, возможно, также переданных туканскими жителями Бессарабии. О подобном факте косвенно свидетельствует серебряное блюдо с именем дарителя «Антонъ Василиевъ отъ Болградъ» (дискос)[7].

Следует отметить, что в отдельных случаях память о родственниках, выселившихся в Бессарабию именно из данного региона, сохранялась на протяжении полутора столетий. Так, выходцы из рамалийских родов Бачуровых (в Бессарабии фамилия трансформировалась в «Бачурских») и Цветанских, проживающие в бессарабском Карагаче и Импуците, а также в дочерних таврических селах – Анновке, Петровке, Перво-Николаевке, указывали на Рамалий как на зону выхода их предков не только в конце XIX в., но даже и в середине

XX в. (Кюркчиев, 1985, 46). А представители хамзаларского рода Вапировых до сих пор помнят об ушедшем в Бессарабию Краю Вапирове (1783 – ?), который стал родоначальником «таш-бунарской» ветви рода Вапировых, проживающего и поныне в таврической Инзовке (Цветков, 2007, 199).

Тема выселения на север нашла отображение в генеалогических росписях сел региона. Например, одна из стен краеведческого музея в с. Верен украшена изображением родового дерева Кондаревых. Ниже имени одного из сыновей основателя рода Кольо Иванова – Стойо – находится надпись – «избягал в Русия». Символична и форма рисунка – спиленный сук дерева[8].

Жители соседнего села Чехларе, когда в 1850-х гг. им понадобились средства для постройки новой церкви в селе, отправили в Бессарабию трех ходоков во главе с Моню Доковым. Эти ходоки пробыли в России два года, причем жили все это время в Болграде, в доме у профессора Дмитрия Агуры, родители которого были выселенцами из соседнего с. Бабек, а сам он, очевидно, был связан с чехларцами какими-то родственными отношениями (Чунтов, 2001, 15, 17).

Еще один характерный пример. Известный уроженец Брезово (Абрашларе) художник Минчо Кацаров, занимаясь исследованием собственной генеалогии, в 1939 г. в письме к своей старшей сестре спрашивал, что ей известно о предках по линии деда Стою, который был попом: «Неговият баща Стоян, наш прадядо, какво е работил в Русия, та са е върнал богат?» (Валявичарска, 1992, 164).

В данном случае, очевидно, имеем дело со случаем реэмиграции выселенцев, которые получили колонистский земельный надел в Бессарабии, продали его и вернулись на родину. Нужно сказать, что практика эта была не столь уж редкой. Прямым ее отображением является довольно распространенная в регионе Средней горы фамилия «Молдовански» (зафиксирована в Бабеке, Брезово, Чобе), которой наделяли местные жители подобных репатриантов[9].

Многочисленные подтверждения версии об южно-болгарском происхождении туканцев были выявлены нами и в результате ознакомления с наработками местных историков-краеведов, представленными рядом научно-популярных очерков по истории города Брезово (Сукарев, 1992) и сел Тюркмен (Байчев, 2010), Братя Даскалови (Живи, 2007; Желев-Манолова), Верен (Кратка, 1990; Минчев, 2004), Медово (Дойчинов, 2009), Свежен (Николов, 2002), Върбен (Пенчев, 2008), Чоба (Попов, 2008), Зелениково (Цветков, 2007), Чехларе (Чунтов, 2011). Сюжет выхода в Бессарабию обязательно присутствует в этих изданиях, но, правда, как лапидарное упоминание о выселении, без деталей и подробностей.

Косвенное подтверждение своей гипотезе мы нашли в регистрах населения (аналогичных похозяйственным книгам). Из этих современных списков были взяты антропонимичные материалы (фамилии). Их сравнение с аналогичными диаспорными выявило совпадения в достаточно редких формах (например, Каназирски, Матански, Кацарски, Гогунски, Гогов и т. д.).

Еще одной группой материалов являются этнографические данные. Пока это пилотные сведения, но уже они показывают сходство в ряде типологических моментов. Например, и в Бессарабии, и в регионе Средней Горы сохранялась специфика надгробных памятников в зависимости от пола (крест – мужской и антропоморфная «кукла» – женский). Таковым признаком можно также считать обычай «курбана» – жертвенного ягненка. В обеих группах сел его готовят с кашей (булгур), а не тушением просто мяса. Общность в материальной культуре вряд ли может выступать серьезным аргументом – ее комплексы скорей представляют собой результаты модернизации и урбанизации последних полутора столетий. Но лексика, обозначающая основные элементы хозяйства и быта, безусловно, совпадает в значительной степени.

Актуализированные документальные, нарративные, фольклорные, графические и др. виды источников, вкупе с представительной историографической базой, позволили подтвердить гипотезу о южно-болгарском происхождении туканцев. Основные положения данной исследовательской проблемы неоднократно представлялись авторами широкой научной общественности в течение 2010–2014 гг. на международных научных конференциях и симпозиумах в Украине и Болгарии.

Попутно был поднят еще один важный вопрос – какими были причины выселения предков болгар-туканцев из региона Караджа-даг? Всестороннее изучение вопроса позволяет утверждать, что наиглавнейшим из факторов стала фактическая утрата контроля со стороны центрального османского правительства за управлением территорий, конкретизировавшаяся усилением налогового гнета со стороны мятежных феодалов.

Применительно к изучаемому времени и региону, ситуация выглядела следующим образом. Земли в бассейне реки Гюль-дере, вдоль течения которой расположена основная масса интересующих нас сел, на протяжении всего XVIII века принадлежали представителям одного бейского рода Бекирли: Мисселим-бею, его сыну Бекир-бею и

внукам – Кюсели, Садык, Бекир, Сулейман, Адем и Челеби-беям. Соответственно, их владения именовались: Миселим (Православ), Садыклий (Верен), Челеби (Медово). Часть земель была отдана Бекиром (Первым) в держание тюркам-кочевникам (тюркменам), в районе с. Тюркмен, откуда и его название (Байчев, 2010, 23-25).

Приблизительно в 1780 г. управителем нахии Караджа-даг был назначен представитель рода Бекирли – Мустафа-паша (также известен как Кара-Мустафа Филибели (Пловдивский) (Мутафчиева, 1993, 254). В начале 1790-х годов, на общей волне феодальной анархии, воцарившейся в европейских владениях Османской империи, он, подобно многим, отложился от центрального правительства и объявил себя независимым властителем края. Свою резиденцию (конак) Мустафа-паша имел в Чобе и хорошо укрепил ее. Около 10 лет продолжалось его самовольное правление – вплоть до конца июля 1801 г., в котором его вооруженный отряд был разгромлен султанскими войсками под предводительством Хак-паши. Мустафа спасся бегством в Видин, где присоединился к Осману Павсант-оглу (Попов, 2008, 6-7).

После этого представители восстановленной центральной власти пожелали получить с жителей нахии подати за десятилетний период. Естественно, что местные райя не пришли в восторг от таких требований, поскольку налоги платились ими Мустафе Бекирли и просто не передавались им в султанскую казну. По сути, караджадагцы попали под пресс двойного налогообложения. В таких условиях часть из них предпочла наипростейший из возможных выходов – бегство. Инициатором переселения стал житель Чобы, некий «дядо Бано». Он и его родня составили, очевидно, ядро переселенцев. Также к ним присоединились жители Хамзаларе (Зелениково), откуда родом была его жена, а также находящегося между ними Абрашларе (Брезово) и др. (Попов, 2008, 30-31). Следует отметить, что сам Бано прожил еще не менее 25 лет после переселения, поскольку бессарабская Бановка, названная в его честь, была основана в 1821 г., а сам он, за особые заслуги перед односельчанами, похоронен в церковном приделе (Титоров, 1903, 79).

Точное количество переселенцев не сохранилось в народной памяти, но думаем, что оно не могло быть особо большим – несколько десятков семей, быть может, до сотни, но не более, иначе турецкие власти предприняли бы меры к задержанию самовольных выселенцев. Маршрут следования беженцев был направлен на север. По пути к «бановцам» присоединялись отдельные семьи из сел, лежащих по другую сторону Средней Горы. Об этом красноречиво говорят происходящие от соответствующих топонимов фамилии жителей туканских сел в Бессарабии и Таврии: Туриец (от с. Турия; встречается у таш-бунарцев, причем у жителей таврического Преслава сохранилась в первоначальной форме, а в самом Таш-Бунаре (Каменке) впоследствии румынизировалась и превратилась в «Турицу», утратив первоначальную ясность своего происхождения), Суфларский (от старого названия с. Павел Баня – Суфлар-Тепеси (от могил двух дервишей-суфиев, находящихся в турецкой части села), Казанлыкли (от г. Казанлык) и т. п.

Скорее всего, продвижение Бано и его сподвижников в Бессарабию происходило поэтапно. Вероятно, первую зиму они провели уже за Дунаем, на территории Валашского княжества, однако уже летом 1802 г. были вынуждены двинуться далее, поскольку именно в это время Павсант-оглу, одержав ряд побед над правительственными войсками, переносит военные действия на север, разграбив Валахию вплоть до Бухареста (Мутафчиева, 1993, 279-280).

Еще одним из проявлений феодальной анархии в Османской империи в последней четверти XVIII – первой декаде XIX вв. стало т. н. «кърджалийско време» – бесчинства отрядов мятежных феодалов и просто неприкрытый террор со стороны обычных шаек разбойников и дезертиров в отношении христианского населения.

Учитывая данный фактор, мы можем утверждать, что переселение караджа-дагцев в 1801 г. не было вызвано исключительно фискальным давлением восстановленной султанской администрации. Также, скорее всего, не было оно и самым первым из череды выселений жителей региона. Несколькими годами ранее, а именно, летом 1797 г., села края подверглись опустошительным нападениям разбойничьих шаек Кара-Фейзи, одного из наиболее активных кырджалийских предводителей (Мутафчиева, 1993, 161-163, 222-223). Не исключено, что уже тогда первые беженцы покидают родные селения и ищут спасения в уходе на север, в Буджак. Впрочем, возможно, что это происходит даже несколько ранее.

Набеги кырджалийских банд, происходившие на рубеже XVIII – XIX веков, указываются в качестве основной причины, заставившей караджадагцев покидать родные села. Те же рамалийцы в поисках более спокойных мест переселялись не только в далекий Буджак, но и то ли основали, то ли заселили уже существующие два села в окрестностях Карнобата (Кюркчиев, 1985, 45).

Будет уместно сделать предположение, что они могли в дальнейшем выступать в качестве своеобразных промежуточных пунктов эмиграции/реэмиграции между Буджаком и Сърненой Средней Горой.

Насилие, претерпеваемое со стороны всевозможных разбойных ватаг «смутного времени», заставила двинуться на север «в Россию» и часть жителей Садыклии (нынешнего с. Верен) (Кратка, 1990, 33, 35).

Следующим из факторов, подтолкнувших предков туканцев к переселению в Буджак, могла быть сложная эпидемиологическая ситуация в регионе – вспышки чумы, холеры и других болезней.

Народная память болгар Буджака сохранила воспоминания о чуме 1795 г. (Първата Чума) как о причине переселения на север (Балкански, Кондов, 2012, 177). На эпидемии как на фактор переселенческой активности указывали авторам данного исследования и старожилы среднегорских сел Бабек и Розовец (Рамалий): на протяжении конца XVIII – начала XIX вв. население этих сел несколько раз то поднималось выше в горы, то спускалось на южные склоны Караджа-дага, пытаясь уберечься от вездесущей заразы[10].

В целом, приток эмигрантов с Балкан, происходящий, к тому же, в сложной эпидемиологической обстановке, подтверждается и поточной документацией российских таможенных учреждений указанного периода. Так, рапорты и донесения начальника Дубоссарского карантина, располагавшегося на Днестре, на границе с турецкими владениями в Бессарабии, указывают на прибытие переселенцев, которые выдерживали сорокадневный (и более) карантин со всеми предосторожностями, ввиду высокого уровня зараженности территорий, с которых они прибыли[11].

Нельзя не отметить довольно высокий уровень мобильности жителей Средней Горы, вследствие традиционных занятий отходным пастушеским промыслом. Отметим, что население сел в верхнем и нижнем течении Гюль-дере было неоднородным: если большинство упомянутых сел находилось в феодальном владении, отдельные из них – те, что располагались на южных склонах Караджа-дага – Рамалий, Бабек, Чехларе – были дерменджийскими поселениями. Например, жителям Рамалии вменялась в обязанность охрана перевала и поддержание в удовлетворительном состоянии дороги от их села к селу Турия, расположенном на северных склонах указанного горного массива (Кюркчиев, 1985, 45).

Вместе с тем, и райя, и дерменджии региона, несмотря на отличия в социальном статусе, занимались, по большей части, отгонным скотоводством, отдавая ему предпочтение перед собственно земледелием. Так, большая часть жителей с. Рамалий, расположенного на малоплодородных горных землях, вынуждена была постоянно отлучаться на заработки. Многие мужчины нанимались чабанами даже в Анатолию (Рахманлий, Розовец) (Кюркчиев, 1985, 48-49).

Показателен в этом отношении и песенный фольклор туканцев. В частности, мы обратились к наиболее старому его пласту, зафиксированному от стариков еще в конце XIX – начале XX вв. А.Ф. Варбанским в его родном Преславе и в соседних туканских селах, населенных выходцами из бессарабских Карагача, Импуциты и Бановки. В песнях, посвященных занятиям отгонным овцеводством вообще и пастушеским промыслом, в частности, «Стоян-кехайя» и «Момче-загорче», упомянуты названия регионов, с которыми связано население Средней Горы. Так, фигурирует «Каравлашко». Главный герой первой из песен, Стоян, не только собирается туда ехать пасти стада, но и умеет говорить и писать по-валашски: «Стоян мами си думаше: / Викат ма, мамо, викат ма / В Бегликя, в Кара-Влашкото, / На три сюрии кехая. / Че зная влашки да пиша / И зная влашки да думам» (Песните, 1910, 384-386). Это, бесспорно, указывает на неоднократный, не разовый характер подобных сезонных уходов.

Тема пастушеского промысла и Валахии повторяется и во второй из упомянутых песен: «Слязло е момче-загорче. Карало й влашки говеда, карало й да ги продава» (Песните, 1910, 151). Стада валашских коров, которые гонит на продажу пастух, очевидно, являются плодом его издольного заработка – части приплода, появившегося за время его работы по найму (традиционная форма расчета с наемными пастухами того времени).

Как видим, география мест, в которые отлучались среднегорцы для занятий наемным пастушеством, была довольно широка – от Анатолии до Нижнего Подунавья. Вероятнее всего, была им известна и территория Бессарабии, в том числе южной ее части – Буджака,

Решающим фактором, повлиявшим на продвижение караджа-дагцев в Буджак и фактического превращения их в самых старых (в Новое Время) болгарских поселенцев края – туканцев, стало наличие в последнем значительного количества незаселенных земель.

Следует согласиться с точкой зрения молдавского исследователя Д. Хайдарлы, согласно которому вся территория Молдавского княжества, а не только ее южных цынутов (уездов) становится

относительно безопасной со стороны ногайского Буджака лишь после окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и подписания Кючук-Кайнарджийского мира, который ликвидировал даннические отношения Молдавии по отношению к Крымскому ханству и положил конец череде нескончаемых набегов на внутренние области княжества (Хайдарлы, 2005, 299).

Упомянутая демаркационная линия между владениями молдавских господарей и крымских ханов в Южной Бессарабии, в западной ее части, проходила по течению р. Ялпуг и берегу одноименного озера, каковым образом западный его берег находился уже на территории Молдавского княжества (Хайдарлы, 2005, 250). Более чем столетний срок введения этой границы (примерно с 1666 г.) создавал определённую атмосферу безопасности (часто, впрочем, нарушаемую ногайцами) для христианского населения, живущего за ней (Хайдарлы, 2009, 102, 107).

По мнению того же Д. Хайдарлы, относительная разреженность ногайских аулов южнее линии Халил-паши и, в целом, комплементарное отношение их жителей к новым поселенцам, позволило болгарским мигрантам вести традиционное хозяйствование параллельно с ними, не дожидаясь массового исхода ногайцев (Хайдарлы, 2009, 102, 107).

***

Таким образом, в результате проведенной архивной, музейной и пр. эвристики было установлено, что зоной выхода т. н. «туканцев» являлся регион «Сърнена Средна Гора» в Южной Болгарии.

Основными причинами выселения в указанное время стали:

1) феодальная анархия в Османской империи в последней четверти XVIII – первой декаде XIX вв. («кърджалийско време»), повлекшая террор в отношении христианского населения;

2) фактическая утрата контроля со стороны центрального османского правительства за управлением территорий, конкретизировавшаяся усилением налогового гнета со стороны мятежных феодалов;

3) сложная эпидемиологическая ситуация в регионе;

4) высокий уровень мобильности населения, вследствие традиционных занятий отходным пастушеским промыслом;

5) наличие в Буджаке пригодных для заселения земель.

Совокупность указанных факторов поспособствовала тому, что именно жители подбалканского региона «Сърнена Средна Гора», невзирая на значительную географическую удаленность, стали первыми болгарскими поселенцами Южной Бессарабии.

Примечания

[1] Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Фонд 5, опись 2, дело 439, лист 398.

[2] НАРМ. Ф. 5, оп. 2, д. 439, л. 169 об.

[3] НАРМ. Ф. 205, оп.1 . д. 2069, л. 1об.

[4] НАРМ. Ф. 5, оп. 2, д.439, лл. 382, 453.

[5] НАРМ. Ф. 205, оп. 1. д. 2069. л. 480.

[6] Экспедиционный архив авторов (ЭАА), 2012.

[7] ЭАА, 2012.

[8] ЭАА, 2012.

[9] ЭАА, 2012–2013.

[10] ЭАА, 2012.

[11] Государственный архив Херсонской области. Ф. 14, оп. 1, д. 276, лл. 168-170.

Литература

Атлас болгарских говоров в СССР, под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1958.

Байчев С. Из миналото на село Тюркмен. Пловдив, 2010.

Балкански Т., Кондов В. Бесарабски бележник. Велико Търново, 2012.

Бернштейн С. Б. Болгарские говоры Буджака // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 2. М., 1952.

Бернштейн С. Б., Чешко Е. В. Отчет о диалектологической экспедиции в болгарские села Запорожской области УССР в августе 1950 года // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 2. М., 1952.

Бунина И.К. Из истории вайсальских говоров // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 2. Москва–Ленинград, 1950.

Български народни песни, събрани в с. Преслав и с. Строгановка, Русия. Отъ Ив. С. Тодоров. Ловеч, 1903.

Валявичарска (Кацарова) В. Минчо Кацаров. София, 1992.

Грек И. Ф. Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII – начало XIX вв.) // Stratum plus. Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест, 2010, № 6.

Добрев В. Чушмелий. Мелитополь-Велико Тырново, 2009.

Дойчинов Д. Медово. Разбуненият кошер. Пловдив, 2009.

Дрон И. Гагаузские географические названия. Кишинев, 1993.

Дрон И. В., Курогло С. С. Современная гагаузская топонимия и антропонимия. Кишинев, 1989.

Желев М., Манолова М. Село Братя Даскалови. Принос към историята на селото, Стара Загора, БД.

Живи страници. Документална книга за появата и развитието на селата в община Братя Даскалови. Шумен, 2007.

Журавлев В. К. Ташбунарский говор // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 4. М., 1953.

Кратка история на село Верен. София, 1990.

Кюркчиев М. Розовец. Кратък исторически очерк. Пловдив, 1985.

Минчев Ф. История на село Верен (Чирпанско) окръг Старозагорски. Част втора. Велико Търново, 2004.

Мутафчиева В. Кърджалийско време. София, 1993.

Николов Х. Свежен. Краеведчески очерк. Пловдив, 2002.

Пенчев А. Село Върбен. Исторически очерк. Пловдив, 2008.

Песните на Бердянските българи. Събрал А. Варбански. Ногайск, 1910.

Попов Хр. История на село Чоба. Пловдив, 2008.

Свиньин П. Описание Бессарабской области. 1816 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VI. Одесса, 1867.

Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848.

Сукарев С. Книга за Брезово. Пловдив, 1992.

Титоров И. Българите в Бессарабия. София, 1903.

Топалова С. Говорът на село Калчево Болградско, Бессарабия. Речник / Българските говорите в Украйна. Вип. 5. Одеса, 2009.

Хайдарлы Д. И. Молдавия и Крымское ханство (1718–1774) // Stratum plus. Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест, 2005, № 6.

Хайдарлы Д. И. Население Северо-Западного Причерноморья в XVIII в. (исторические аспекты) // Stratum plus, № 6 (2005–2009), Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест, 2009.

Цветков Ц. Наше село Зелениково. София, 2007.

Червенков Н., Думиника И. Тараклии – 200 лет: Том I (1813–1940). Кишинев, 2013.

Чунтов М. Чехларе – родолюбивото и борческо село. София, 2011.

Rezumat

Cei mai vechi colonişti din sudul Basarabiei (Bugeac) sunt aşa-numiţii „tucani". Problema originii lor a rămas nerezolvată multă vreme. Ca rezultat al cercetării cuprinzătoare efectuate de autori, s-a dovedit că zona de proveniență a acestora este regiunea „Srnena Sredna Gora" din sudul Bulgariei.

Cuvinte-cheie: bulgarii-tucani, Bugeac, emigrare, Srnena Sredna Gora.

Резюме

Самыми ранними из болгарских поселенцев южной степной части Бессарабии – Буджака – стали так называемые «туканцы». Проблема их происхождения долгое время оставалась неразрешенной. В результате комплексных исследований, проведенных авторами, было доказано, что зоной выхода их предков являлся регион «Сърнена Средна Гора» в Южной Болгарии.

Ключевые слова: болгары-туканцы, Буджак, переселение, Сърнена Средна Гора.

Summary

The earliest Bulgarian settlers of the southern steppes of Bessarabia – Budjak become so-called „tukantsy". The problem of their origin has remained unsolved for a long time. As a result of comprehensive research conducted by the authors, it was proved that zone his migration is a region of „Srnena Sredna Gora" in Southern Bulgaria.

Key words: Bulgarian-tukantsy, Budjak, emigration, Sarnena Sredna Gora.

Dinu POȘTARENCU

COLONIȘTII TRANSDANUBIENI DIN BASARABIA ÎN PRIMA JUMĂTATE A SECOLULUI AL XIX-LEA

Pe parcursul celor două războaie ruso-turce din a doua jumătate a secolului al XVIII-lea (din anii 1768–1774 și 1787–1791) s-au desfășurat acțiuni militare inclusiv și pe teritoriul actual al Bulgariei, aflat sub dominație otomană. În aceste circumstanțe de război s-au produs emigrări ale locuitorilor sud-dunăreni. Protejați de forțele armate rusești, bulgarii emigrați s-au așezat în guberniile Herson (aici, bunăoară, ei au întemeiat colonia Parcani, situată pe malul stâng al Nistrului), și Taurida ale Imperiului Rus, dar și în Țara Românească și Moldova, unde, având statut de bejenari străini, au beneficiat de unele privilegii acordate de către domnii acestor două principate românești.

Emigrarea populației bulgare și găgăuze spre nord de Dunăre a luat amploare în decursul războiului ruso-turc din 1806–1812. Prin memoriul din 15 noiembrie 1811, Anton Koronelli, tutorele principal al coloniștilor transdanubieni din Moldova, Țara Românească și Basarabia[1], i-a comunicat comandantului-șef al armatei ruse de la Dunăre, feldmareșalul Mihail Kutuzov: „Când armata rusă, în această campanie

împotriva turcilor, a trecut de partea dreaptă a răului Nistru, unii bulgari și creștini de alte naționalități, dorind să profite de ocrotirea rușilor, și-au părăsit patria și, trecând de partea stângă a Dunării, s-au stabilit în Valahia și Moldova" (История, 1957, 22).

Interesate în strămutarea transdanubienilor s-au arătat a fi însăși oficialitățile ruse, care, precum aflăm din același memoriu adresat de Koronelli lui Kutuzov, „și-au propus să-i strămute de partea stângă a Dunării pe toți bulgarii și celelalte popoare de confesiune creștină", promițându-le că nu vor depinde de Divanurile Moldovei și Țarii Românești și, „fiind liberi de a constitui o comunitate aparte de coloniști, vor fi așezați pe pământuri libere" (История, 1957, 22). Atrași de aceste asigurări, mulți locuitori, lăsându-și gospodăriile, s-au mutat la nord de Dunăre (История, 1957, 22). Pe deasupra, în 1809, comandamentul rus a manifestat intenția de a-i „strămuta în gubernia Herson pe toți locuitorii creștini trecuți din partea dreaptă în cea stângă a Dunării" (История, 1957, 2).

La 18 iunie 1810, Divanul Moldovei l-a pus la curent pe senatorul V. I. Krasno-Milașevici, președinte al Divanurilor Moldovei și Țării Românești, că a primit ordinul acestuia privind familiile de bulgari care „s-au adus de peste Dunăre de către oștile împărătești și să află așăzați prin olaturile Basarabiei". Raportându-i despre executarea ordinului, Divanul i-a mai transmis senatorului că deosebit s-a poruncit „ca și din partea dregătorilor pământești să se facă cuviincioase îndemnări bulgarilor acestora de a merge în Rosia, să lăcuiască în gubernia Hersonului" (Bulat, 1931, 219). Dar tentativa de a-i muta pe imigranții transdunăreni în ținutul Novorosia a eșuat, din motivul că aceștia au refuzat să plece încolo (История, 1957, 8-9).

Comandamentul armatei ruse de la Dunăre avea însă temeri că transdanubienii se vor înapoia în dreapta Dunării. La 21 octombrie 1810, Divanul Moldovei i-a adus la cunoștință aceluiași senator că i s-a adus un nou ordin privitor la familiile de bulgari aduse de peste Dunăre și se află așezate unele în Valahia, iar altele în Moldova, „între Galați și între Reni". Existând îngrijorări că bulgarii așezați în apropiere de malul Dunării „pot să facă chip să se ridice și să treacă iarăși peste Dunăre, să se ducă înapoi, la locuința lor cea dintâi", comandantul-șef al armatei ruse de la Dunăre, generalul N. M. Kamenski, a voit „ca pe toți acei bulgari să se ridice de pre la locurile acele și să se mute la vreun ținut mai cu depărtare de Dunăre". Părerea Divanului a fost „ca mutarea acestor familii de bulgari să se facă la ținuturile Orhei, Soroca și Hotin" (Bulat, 1931, 220-221).

Cu toate acestea, rușii nu au renunțat la proiectul de a-i strămuta pe locuitorii sud-dunăreni în interiorul Rusiei. La începutul anului 1811, generalul N. M. Kamenski împreună cu senatorul V. I. Krasno-Milașevici au dispus „ca toți bulgarii veniți, în 1809, de peste Dunăre pe malul stâng al acestui râu să fie strămutați, contrar voinței lor, în gubernia Herson" (История, 1957, 2-3).

Curând intervin schimbări în conducerea comandamentului armatei ruse de la Dunăre, în locul generalului N. M. Kamenski fiind desemnat feldmareșalul M. I. Kutuzov, care contramandează dispoziția predecesorului său cu privire la strămutarea transdanubienilor în gubernia Herson, motivând în raportul din 27 mai 1811, expediat autorității superioare a Rusiei, că a renunțat la proiectul „de a-i strămuta forțat pe bulgari în ținutul Novorosia" pentru a nu provoca suspiciuni în rândul lor și a nu-i speria pe cei care continuau să sosească din dreapta Dunării. Nu a renunțat însă totalmente. Cu timpul, considera noul comandant-șef, când va fi necesar, se vor lua măsurile cuvenite pentru a-i strămuta din partea stângă a Dunării în Rusia.

Concomitent, M. I. Kutuzov a continuat să promoveze interesul autocrației țariste de a-i determina și pe alți transdanubieni să se mute pe teritoriul Moldovei și ale Țării Românești, unde își exercita autoritatea administrația militară rusă de ocupație. În acest scop, la 26 aprilie 1811, feldmareșalul a emis o declarație prin care a înștiințat că el, în virtutea împuternicirilor atribuite lui de către împăratul Rusiei, îi scutește de toate impozitele și prestațiile, pe un termen de trei ani, pe toți locuitorii creștini care trec benevol din partea dreaptă în cea stingă a Dunării, din momentul stabilirii lor la nord de Dunăre, în locurile pe care ei înșiși aveau să le aleagă pentru trai și unde urma să le fie repartizate terenuri libere, termen care, „ulterior, se prea poate, va fi prelungit încă pentru câțiva ani" (История, 1957, 1).

Persoanele emigrate s-au confruntat cu o serie de dificultăți, fapt despre care A. I. Koronelli a consemnat în memoriul la care ne-am referit mai sus: „Coloniștii transdunăreni, cărora până acum nu le-au fost repartizate terenuri libere pentru trai permanent, sunt risipiți prin Valahia, Moldova și Basarabia. Pentru a se hrăni, cei care posedă vreo avere sunt constrânși să locuiască temporar pe pământurile boierești, mănăstirești și ale domeniului statului, fiind obligați să plătească proprietarilor și concesionarilor acestor pământuri diferite dări împovărătoare. Alți coloniști, fiind săraci, duc într-un fel o viață de nomad, mutându-se din loc în loc pentru a-și găsi hrană" (История, 1957, 23).

În luna octombrie 1811, administrația militară rusă instaurată în Moldova și Țara Românească a realizat un recensământ al coloniștilor transdanubieni stabiliți în zona de sud a întinderii dintre Prut și Nistru, în urma căruia au fost înregistrate 2 525 de fa-

milii (1 641 în ținuturile Tomarova, Ismail și Bender și 884 în ținuturile Greceni, Codru și Hotărniceni)[2].

Pentru a îmbunătăți situația precară a coloniștilor transdanubieni și a le acorda avantajele promise, A. Koronelli i-a propus lui M. Kutuzov, prin același memoriu din 15 noiembrie 1811, ca acestora să le fie repartizate terenuri în perimetrul Bugeacului – spațiu declarat de împăratul Alexandru I proprietate a statului rus (История, 1957, 23). Recunoscând în dispoziția dată lui Krasno-Milașevici, la 16 februarie 1812, că administrația militară rusă din Moldova și Țara Românească nu a respectat mai multe angajamente luate față de coloniștii veniți de peste Dunăre, Kutuzov i-a ordonat acestuia să examineze propunerea lui Koronelli.

Peste scurtă vreme, la 12 aprilie 1812, Kutuzov i-a poruncit tutorelui principal al coloniștilor transdanubieni: „Pe toți oamenii cuceriți de armata rusă, de orice lege și stare socială ar fi, și, în genere, pe toți bulgarii și sârbii care vor dori să se așeze în Basarabia, Vă ordon să-i instalați urgent pe pământul de stat din Basarabia". Acestora urma să li se acorde toate privilegiile de care se bucurau bulgarii stabiliți în ținutul Novorosia (История, 1957, 39).

Transferarea în Basarabia a coloniștilor veniți de peste Dunăre s-a dovedit a fi dificilă. La 17 iunie 1812, generalul S. I. Repniski i-a raportat din Ismail noului comandant-șef al armatei ruse de la Dunăre, amiralul P. V. Ciceagov, însărcinat de acesta să se ocupe de strămutarea în Basarabia a transdanubienilor aflați în Țara Românească și Moldova, că a luat măsuri în vederea realizării acestei misiuni, care s-a dovedit a fi nu atât de simplă, întrucât transdanubienii nu se lăsau atrași de propunerea respectivă. Apelând la câțiva preoți bulgari și oameni simpli de încredere de aceeași etnie, el s-a folosit în secret de ajutorul lor pentru a-i ademeni pe transdanubienii așezați în valea Siretului să treacă cu traiul în stânga Prutului (История, 1957, 69).

Sarcina de a-i aduce în Basarabia pe transdanubienii stabiliți în localitatea Călărași din Țara Românească, situată pe malul stâng al Dunării, unde aceștia constituiau circa 3 000 de familii, o avea și porucicul D. P. Vatikioti (История, 1957, 70)[3].

Tentativa de a-i convinge pe imigranții transdunăreni să se strămute de partea stângă a Prutului a eșuat odată cu retragerea, până la data de 1 octombrie 1812, a trupelor rusești din Principatul Moldovei și Țara Românească și fixarea noului hotar al Imperiului Rus de-a lungul Prutului, în conformitate cu prevederile Tratatului de pace de la București.

Potrivit afirmației lui I. I. Meșceriuc, pe durata Războiului ruso-turc din 1806–1812 a avut loc primul val de emigrare în masă a bulgarilor și găgăuzilor de peste Dunăre în Basarabia (Мещерюк, 1953, 70-71).

Prin adresarea din 14 mai 1812, marele vistiernic din Principatul Moldovei, Iordache Ruset-Roznovanu, i-a răspuns senatorului V. I. Krasno-Milașevici, președinte al Divanurilor Moldovei și Țării Românești, în legătură cu porunca dată de acesta din urmă de a-i pune la dispoziție informații despre numărul ținuturilor și al satelor, veniturile Moldovei, contribuția acordată armatei ruse de ocupație (Bulat, 1929, 64-66)[4]. Ruset-Roznovanu a anexat la adresă o statistică a Moldovei din 1808, cu titlul „Extract de numere țănuturilor Moldovei și a Basarabiei, de târgurile ce sănt prin acele țănuturi, și de satele toate, și de numărul împreunat a lăcuitorilor birnici, a mazililor, a ruptașilor, a jădovilor ce plătesc dajdie, și a negustorilor hrisovulți, și slujitori, afară de boieri, streini și preoți care nu se cuprind". Totodată, el l-a atenționat pe demnitarul rus că în extras nu sunt „trecuți sârbii[5] sau bulgarii veniți de peste Dunăre", care, stabiliți în Basarabia, erau subordonați lui A. Koronelli, tutorele principal al coloniștilor transdanubieni din Țara Românească, Moldova și Basarabia. De aceea, în nota explicativă din extrasul prezentat a menționat că în cele „trei isprăvnicii a Basarabiei" (Bender, Tomarova și Ismail) „să mai află bejănari sârbi de peste Dunăre, care nu sânt supt ocărmuire divanului și care după știința ce este sânt peste 4 mii" (Bulat, 1929, 67) (de familii, evident). Pe când un document, întocmit anterior datei de 23 mai 1812 și semnat de A. Koronelli, indică 2 624 de familii de imigranți sud-dunăreni (10 933 de persoane) instalați în Basarabia (Bugeac) și împrejurimile ei (Bulat, 1929, 64). Iar potrivit lui A. Skalkovski, după trasarea frontierei pe Prut, în Basarabia (adică pe tot spațiul pruto-nistrean) locuiau peste 3 000 de familii de colonești transdunăreni, dintre care nu mai puțin de 2 800 de familii își aveau domiciliul în Bugeac (Скальковский, 1848, 13-14; Скальковский, 1850, 237).

Pentru a-i menține pe imigranții sud-dunăreni la locurile noi de trai, primul guvernator civil al Basarabiei, Scarlat Sturza, a luat unele măsuri preventive, despre care i-a raportat, la 14 octombrie 1812, amiralului P. V. Ciceagov, căruia i se subordona: „Prin articolul 7 al tratatului de pace încheiat între Rusia și Poarta Otomană s-a acordat popoarelor venite de peste Dunăre dreptul de a reveni, dacă doresc, la căminele de odinioară. În Basarabia propriu-zisă sunt până la 2 700 de familii originare din dreapta Dunării, care ușor pot să se înapoieze peste Dunăre. Pentru a evita plata impozitelor percepute de către persoanele care au luat în concesiune veniturile Basarabiei în baza contractului încheiat cu Divanul Moldovei pe un termen de 3 ani, până la 20 aprilie 1814, suma acestor impozite pentru anul curent – câte 12 lei de la fiecare

familie – fiind nu atât de mare față de folosul adus acestui teritoriu puțin populat, am considerat necesar, cu scopul de a reține aceste 2 700 de familii, de a le scuti de plata acestor impozite, care, trecându-le pe contul Guvernului, să fie scăzute din suma vărsată anual în vistierie de către persoanele care țin în concesiune veniturile Basarabiei"[6].

După cum constatăm, dispunem de patru cifre referitoare la numărul transdanubienilor domiciliați, la 1812, în zona de sud a Basarabiei, cu unele diferențe între ele. Pe lângă aceasta, cifrele indică doar numărul de familii, cu excepția informației statistice din documentul semnat de A. Koronelli, în care figurează și numărul persoanelor de ambele sexe. Mai aproape unul de altul sunt indicii din actele semnate de A. Koronelli (2 624 de familii) și Scarlat Sturza (2 700 de familii), inclusiv cel calculat de A. Skalkovski (nu mai puțin de 2 800 de familii). Cel de-al doilea indice lansat de A. Skalkovski (peste 3 000 de familii), deși este aproximativ, poate fi valabil în cazul indicării numărului total al transdanubienilor prezenți pe întregul teritoriu al Basarabiei.

La 22 iunie 1813, general-maiorul I. M. Harting, în calitatea sa de guvernator civil interimar al Basarabiei, i-a ordonat moșierului Sechiraș să ceară de la Departamentul al II-lea al Guvernului Regional al Basarabiei lista localităților unde viețuiesc coloniștii transdanubieni, să meargă în aceste localități și „să le insufle că trebuie să se folosească de avantajele puse la dispoziție prin drepturile acordate locuitorilor acestei regiuni câștigată recent de către Rusia"[7], să-i încredințeze despre grija pe care le o poartă guvernul local. Să-i anunțe că, deși contractul cu privire la darea în concesiune a veniturilor Basarabiei se extinde și asupra lor, ei sunt scutiți de plata pentru această concesiune, întrucât statul a luat asupra sa plata respectivă. De asemenea să le declare că ei sunt scutiți și de plata pentru concesiunea goștinii[8].

Imigranții transdunăreni au continuat să vină în Basarabia și după actul de anexiune din 1812. La 26 septembrie 1813, I. M. Harting i-a scris cneazului Kurakin în privința următoarei informații parvenite de la Aleksandr Pini, consulul rus de la Iași: „De la un timp încoace au început să vină la el bulgari cu tot cu familii și averi, care, emigrând din posesiunile turcești, doresc să locuiască în Basarabia. Întrucât speră că migrarea bulgarilor spre Basarabia va continua, îmi cere, cu scopul de a le acorda ajutor, să dispun străjii de la hotar să permită trecerea bulgarilor în Basarabia, în baza pașapoartelor eliberate de el". După cum l-a mai anunțat pe Kurakin, Harting îi comunicase consulului să-i îndrepte pe bulgari numai spre Sculeni, pentru a trece hotarul[9].

Coloniștii sud-dunăreni, așezați în ținuturile Codru și Greceni, nu beneficiau de scutiri. Ei plăteau dări proprietarilor pe ale căror moșii locuiau și, în plus, dispuneau de pământ puțin, din care motive tindeau să se mute și ei pe întinderile Bugeacului. O asemenea năzuință au exprimat-o locuitorii bulgari din satele Șamalia, Baimaclia, Jitmana și Enichioi, ținutul Codru, în cererea înaintată guvernatorului civil interimar al Basarabiei, I. M. Harting, care, la 22 martie 1814, a poruncit Departamentului al II-lea al Guvernului Regional al Basarabiei să examineze rugămintea acestor solicitanți (История, 1957, 75).

Aspirația de a trece pe pământurile din stepa Bugeacului o aveau și alți mulți transdanubieni aflați în diferite locuri ale Basarabiei, dar autoritățile locale nu le permiteau. Se împotriveau, în special, proprietarii de moșii, care se alegeau cu o scădere la venit din cauza plecării lor.

În cele din urmă, noul diriguitor al provinciei răpite, cu titulatura de rezident plenipotențiar al Basarabiei, A. N. Bahmetev, a emis, la 14 martie 1817, o circulară prin care a obligat isprăvniciile ținuturilor Ismail, Greceni, Codru și Iași și Comitetul Provizoriu al Basarabiei să permită coloniștilor veniți de peste Dunăre să treacă cu traiul în Bugeac, exceptându-i pe cei stabiliți până la declanșarea războiului ruso-turc din 1806–1812 (История, 1957, 362-363).

Într-o listă de localități din ținuturile Bender, Codru, Greceni și Tomarova, întocmită în noiembrie 1816, este notat că în așezările enumerate locuiesc 5 049 de familii de transdanubieni[10].

Manifestând în continuare grijă față de coloniștii transdanubieni din Basarabia, guvernanții de la Sankt Petersburg atrag o atenție sporită asupra organizării traiului lor. În primul rând, pentru o mai bună administrare a acestor imigranți, prin decretul imperial din 22 martie 1818, este instituit Comitetul tutelar al coloniștilor din sudul Rusiei, cu sediul în orașul Ekaterinoslav[11], căruia i-au fost subordonate administrațiile coloniștilor străini din cele trei gubernii ale ținutului Novorosia – Herson, Taurida și Ekaterinoslav, precum și din Basarabia (Полное, 1830, 154-158). În fruntea Comitetului, încă la 8 februarie 1818, a fost numit generalul I. N. Inzov[12] (1777–1845). Iar prin decretul emis de împărat la 29 decembrie 1819, coloniștilor transdanubieni din Basarabia le-au fost oferite o seamă de privilegii, de care aceștia s-au bucurat până în 1871. Citim în decret: „Având dorința să îmbunătățim soarta bulgarilor și a altor colonești transdanubieni din Basarabia, conform legilor adoptate în imperiul nostru pentru toți străinii plasați în zonele agricole, am ordonat tutorelui principal al coloniștilor din această regiune, general-locotenentului Inzov, să acumuleze informații despre acești colonești transdanubieni și să ni le aducă la cunoștință odată cu

părerea sa privind așezarea lor temeinică. General-locotenentul Inzov ne-a prezentat un raport detaliat despre acești coloniști, împreună cu propunerile pentru o mai bună organizare a lor. Luând cunoștință de ele și confruntându-le cu legile existente referitoare la coloniștii din Rusia și cu drepturile de care se bucură locuitorii Basarabiei, am dispus: 1. Coloniștilor transdanubieni, adică bulgarilor și altor străini de aceeași credință cu noi, care s-au stabilit deja ori urmează să se stabilească în Basarabia, le sunt dăruite toate drepturile și privilegiile acordate străinilor, declarați coloniști, așezați în guberniile Novorosia și în Basarabia. 2. Pentru ca acești coloniști să-și cunoască drepturile și privilegiile dăruite, Ministerul Afacerilor Interne le va pune la dispoziție acest act. 3. Coloniștii transdanubieni, emigrați pe timpul dominației turcești și care locuiesc în diferite locuri ale Basarabiei, iar în prezent s-au strămutat pe domeniul statului, vor fi scutiți, pe un termen de trei ani, de impozitele către stat și prestații. 4. Coloniștii transdanubieni, emigrați în timpul ultimului război[13] și după încheierea acestuia, vor beneficia de aceeași scutire pe un termen de șapte ani. 5. Coloniștilor așezați mai înainte pe domeniul statului, la fel și locuitorilor băștinași domiciliați printre ei nu li se acordă o asemenea scutire. 6. Permisiunea de a trece cu traiul pe pământurile de stat, atribuite acestor coloniști, se acordă acelora dintre ei care, locuind în orașe și pe pământurile moșierești, au manifestat dorință în acest sens. O asemenea strămutare va fi înfăptuită doar cu știrea conducerii regionale și coloniale. 7. Coloniștilor de pe pământurile numite Icagaat și Musait, care s-au așezat aici înainte ca acestea să fie date în proprietate privată și de unde se strămută pe domeniul statului, li se va acorda dreptul să-și mute sau să vândă gospodăriile sale, construcțiile și celelalte lucruri, ca proprietăți ce le aparțin pe drept. 8. Coloniștii stabiliți în perioada dominației turcești pe pământurile moșierești, supuse cârmuirii și legilor Moldovei, sunt obligați, atunci când se strămută pe pământurile de stat, să lase proprietarului casele, în cazul dacă se va dovedi că ele au fost ridicate pe socoteala moșierului. 9. După expirarea înlesnirilor fiscale, coloniștii cărora li s-au acordat aceste înlesniri în puterea articolelor 3 și 4, iar ceilalți, inclusiv locuitorii băștinași care locuiesc printre ei, începând cu anul 1820 vor fi obligați să plătească anual câte 70 de lei pentru fiecare familie, așa cum sunt impozitați coloniștii germani după expirarea termenului de plată al impozitului funciar și al altor impozite, acești bani urmând să fie folosiți pentru îndeplinirea prestațiilor, la care sunt supuși locuitorii regiunii Basarabia. [...] 12. Teritoriul ocupat de coloniști și care aparține statului va fi împărțit în patru districte, conform listei prezentate de general-locotenentul Inzov; localitatea principală Tabac, la dorința coloniștilor, să fie numită Bolgrad. 13. Locuitorii vechi sau băștinașii, aflați în limitele districtelor respective, să fie incluși în componența acestora, atât din motivul că viețuiesc în aceste locuri din cele mai vechi timpuri, cât și prin faptul că locuiesc împreună cu bulgarii, extinzând și asupra lor drepturile coloniale. 14. Administrația acestor coloniști să fie instituită în baza regulamentului general al administrației coloniale, subordonându-i Oficiului Coloniștilor Străini din Basarabia. [...]

Lista districtelor instituite în regiunea Basarabia pentru stabilirea în cadrul lor a bulgarilor și altor coloniști transdanubieni

I. Districtul Prut. Satele: Colibaș, Brânza, Văleni, Slobozia, Boboiești sau Surăieni, Câșlița, Vadul Boului, Giurgiulești, Mândrești, Anadolca, Frecăței, Bojorca, Cișmichioi, Vulcănești. Acest district este situat între râul Prut, Valul lui Traian de Jos, râul și lacul Cahul și Dunăre.

II. Districtul Cahul. Satele: Cartal, Satul Nou, Barta, Caragaci, Bugeac, Necrasovț, Etulia, Hagi, Abdula, Curciu, Împuțita, Bulboaca. Districtul respectiv este situat între lacurile Ialpug și Cahul, râul Cahul, Valul lui Traian de Jos și Dunăre.

III. Districtul Ismail. Satele: Taraclia, Tatar-Copceac, Cubei, Satâlâc-Hagi, Cairaclia, Bolgrad (Tabac), Cara-Curt, Cișme Văruită, Babele, Dulitioi, Taj-Bunar, Cișia, Erdec-Burnu împreună cu cătunele, Șichirli-Chitai. Hotarele acestui district: lacul Ialpug, râul Ialpug, până la vărsarea în el a râului Lunga, râul Lunga, până mai sus de satul Taraclia, de la care continuă pe linie dreaptă, cât va fi necesar, până la râul Catlabug, apoi de-a lungul acestui râu până la vărsarea lui în lacul cu același nume.

IV. Districtul Bugeac. Satele: Traian, Valea Perjei, Cot-Chitai, Lunga, Gaidar, Tomai, Baurci, Cazaiaclia, Beș-Alșa, Congaz, Cioc-Maidan, Chirsova, Bez-Ghioi, Comrat, Gioltai, Avdarma, Chiriet, Dezghingea, Enichioi. Hotarul acestui district începe de la vărsarea râului Lunga în Ialpug, trece de-a lungul acestuia până după satul Dezghingea, de la care, cât va fi nevoie, duce spre partea superioară a râului Lunga și până la hotarul coloniilor germane, urmând până la izvorul pârâului Tașlâc, apoi pe cursul acestuia și, ocolind satul Enichioi, peste lacul Chitai până la lacul Catlabuga, paralel cu Valul lui Traian. În acest district, cu pământuri nelocuite, se pot strămuta coloniștii transdanubieni de pe pământurile moșierești, din orașe și, parțial, din districtele Prut și Cahul, în care, fiind mai mare numărul populației, nu este suficient pământ" (Полное, 1830, 517-520).

Acordând privilegii coloniștilor și dezavantajând astfel populația băștinașă, țarismul urmărea, desigur, anumite scopuri. Din punctul de vedere al lui

I. I. Meşceriuc, „grija de a organiza traiul coloniştilor transdanubieni pe pământurile din sudul Basarabiei, anexată la Rusia, trebuie privită nu ca un scop trasat de autocraţie cu intenţia de a satisface interesele vitale ale bulgarilor şi găgăuzilor, ci ca un mijloc de a-şi atinge absolut alte scopuri, şi anume: de a cuceri noi teritorii situate la hotarele sale de sud-vest, care, în primul rând, să cuprindă Bosforul şi Dardanelele, să domolească contradicţiile din ţară şi, în sfârşit, să obţină câştiguri materiale substanţiale în urma colonizării pământurilor nelocuite, acestea, în realitate, fiind populate" (Мещерюк, 1950, 74). De bună seamă, consemnează în continuare I. I. Meşceriuc, transdanubienii aşezaţi în Basarabia nici nu bănuiau care erau scopurile urmărite de ţarism în sfera politicii orientale, deşi în cercurile iniţiate se ştia foarte bine că, în prima jumătate a secolului al XIX-lea, diplomaţia rusă şi forţele militare ale Imperiului Rus erau utilizate pentru a pune stăpânire pe strâmtorile Bosfor şi Dardanele, pe care autocraţia le considera „chei de la propria casă" (Мещерюк, 1950, 74).

În privinţa scopurilor urmărite de către ţarism prin promovarea în Basarabia a politicii de colonizare şi-au expus punctul de vedere şi alcătuitorii culegerii de documente referitoare la coloniştii transdanubieni din care am citat mai sus. Conform opiniei lor, obiectivele pe care puterea monarhică de pe Neva tindea să le atingă erau următoarele: „În primul rând, aspira să valorifice stepele pustii din sudul Basarabiei şi să-şi creeze un suport social constituit din coloniştii străini bogaţi, iar în al doilea rând, năzuia să transforme Basarabia, printr-o colonizare masivă, într-o regiune prosperă, care, în aşa fel, să servească scopurilor politice externe ale ţarismului: să atragă simpatiile popoarelor creştine din peninsula Balcanică, cucerite de Poarta Otomană" (История, 1957, VI).

Prin colonizarea părţii de sud a Basarabiei cu „elemente străine", susţinea într-un articol de revistă unul dintre reprezentanţii istoriografiei sovietice moldoveneşti, A. Lazarev, s-a comis o neechitate socială. Subliniind faptul că din zona de sud a teritoriului dintre Prut şi Nistru, ce aparţinuse odinioară Moldovei, turcii şi tătarii au izgonit spre nord populaţia băştinaşă, era „cu dreptate ca după 1812, pământurile sudice, eliberate de sub turci şi tătari, să nu fie socotite *pământuri pustii*, să nu fie trecute în fondul statului şi să nu fie date în folosinţă coloniştilor străini, ţăranilor de stat şi imigranţilor din guberniile Rusiei, ci să fie restituite stăpânilor lor legitimi de altădată sau moştenitorilor acestora, care îndurau foamea de pământ în judeţele centrale şi nordice ale Basarabiei. În plus, şi tratatele ruso-turce impuneau Turciei obligaţia de a restitui Moldovei aceste pământuri" (Lazarev, 1988, 61).

Autocraţia ţaristă a promovat în continuare politica de colonizare a sudului Basarabiei. După încheierea războiului ruso-turc din 1828–1829, împreună cu armata rusă au emigrat de peste Dunăre un număr impunător de locuitori. La 16 august 1830, Ivan Inzov i-a comunicat din colonia Bolgrad guvernatorului civil al Basarabiei, A. I. Sorokunski, că în coloniile din sudul Basarabiei locuiesc până la 7 000 de familii de colonişti transdanubieni, la acestea urmând să se alăture, după cum îl informase şeful postului de carantină din Satul Nou, încă aproximativ 1 000 de familii de transdanubieni, care curând aveau să sosească. Deoarece în sudul provinciei nu mai erau suficiente terenuri libere pentru a-i repartiza pe noii veniţi, Inzov a propus ca aceştia să fie cazaţi în judeţele Bender şi Orhei[14].

Numărul persoanelor venite în 1830 de peste Dunăre în Basarabia nu este dat cu exactitate în actele oficiale ale autorităţilor ruse. La 21 septembrie 1830, guvernatorul general al Novorosiei şi Basarabiei, M. S. Voronţov, l-a informat pe împăratul Nikolai I că în Basarabia au sosit 51 150 de emigranţi transdanubieni. Dintr-un alt document semnat de M. S. Voronţov, Cârmuirea Regională a Basarabiei afla că în acest an au venit de peste Dunăre circa 50 000 de suflete (Мещерюк, 1965, 95). Iar la 10 septembrie 1830, Administraţia Financiară a Basarabiei înştiinţa Cârmuirea Regională a Basarabiei că, în conformitate cu datele furnizate de acelaşi Voronţov, „numărul locuitorilor din Rumelia şi Bulgaria, care au emigrat în Rusia, se ridică până la 50 000 de persoane"[15]. Precum constatăm în temeiul informaţiei din adresa Ministrului Afacerilor Interne al Rusiei, expediată, la 4 aprilie 1832, lui I.N. Inzov, numărul total al coloniştilor transdanubieni stabiliţi în sudul Basarabiei era de 66 000[16].

Astfel, în urma războiului ruso-turc din 1828–1829, s-a produs ultimul val de emigrare în masă a locuitorilor de peste Dunăre în Basarabia.

La 4/16 iunie 1871, împăratul Rusiei Alexandru al II-lea a promulgat Regulamentul privind organizarea ţăranilor-proprietari (foşti colonişti), stabiliţi pe fondurile funciare ale statului din guberniile Sankt Petersburg, Novgorod, Samara, Saratov, Voronej, Cernigov, Poltava, Ekaterinoslav, Herson şi Taurida şi din regiunea Basarabia[17]. Prin legea respectivă au fost anulate privilegiile acordate coloniştilor, iar administraţia colonială – dizolvată. Din acest moment, foştii colonişti au fost trecuţi la categoria socială numită *ţărani-proprietari* şi puşi, sub aspect administrativ, în subordinea instituţiilor guberniale (regională, în cazul Basarabiei) şi judeţene pentru problemele ţăranilor.

Note

[1] Adică Basarabia propriu-zisă, numită şi Bugeac.

[2] Arhiva Naţională a Republicii Moldova (ANRM), F. 1, inv. 1, d. 3246, f. 194-257. Informaţii parţiale din acest

document de arhivă sunt publicate în (Ciobanu, 1993, 62-63; Poştarencu, 2001, 188-191).

[3] În adresa din 27 aprilie 1818, expediată secretarului de stat Ioan Capodistria, rezidentul plenipotenţiar al Basarabiei, A. N. Bahmetev, i-a scris în privinţa rotmistrului de stat major Vatikioti, care exercita funcţia de tutore al coloniştilor transdanubieni din Basarabia, că acesta, în 1807, s-a înrolat în armata rusă ca voluntar şi a format o armată din bulgari, care a activat până la încheierea Tratatului de pace de la Bucureşti din 1812, când a fost dizolvată. Ulterior, i s-a încredinţat misiunea de a fi tutore al bulgarilor stabiliţi în Basarabia, care, graţie „stăruinţei sale, au fost invitaţi să vină aici de peste Dunăre". Enumerând meritele lui Vatikioti faţă de Rusia, Bahmetev i-a solicitat lui Capodistria să intervină pe lângă împărat pentru a-i acorda o recompensă lui Vatikioti, şi anume: să i se distribuie 1 000 de desetine de pământ nepopulat din Basarabia (ANRM, F. 17, inv. 1, d. 119, f. 645v.).

[4] Varianta în ruseşte a adresei: ANRM, F. 1, inv. 1, d. 3639, f. 3-4.

[5] Sub numele generic de sârbi erau cunoscuţi imigranţii sud-dunăreni.

[6] ANRM, F. 2, inv. 1, d. 10, f. 23-24.

[7] În ruseşte: „… сей новоприобретенной к Росии области".

[8] ANRM, F. 2, inv. 1, d. 80, f. 1150.

[9] ANRM, F. 5, inv. 1, d. 1, f. 926.

[10] ANRM, F. 2, inv. 1, d. 214, f. 8-9.

[11] Din 1820, sediul acestui comitet s-a aflat la Chişinău, de unde, în 1833, a fost transferat la Odesa.

[12] ANRM, F. 17, inv. 1, d. 70, f. 79.

[13] Războiul ruso-otoman din 1806-1812.

[14] ANRM, F. 2, inv. 1, d. 1485, f. 44.

[15] ANRM, F. 6, inv. 2, d. 350, f. 1.

[16] ANRM, F. 305, inv. 1, d. 331, f. 1.

[17] ANRM, F. 8, inv. 1, d. 624, f. 35. Titlul regulamentului în ruseşte: Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и в Бессарабской области (publicat în: Полное, 1874, 813-819).

Literatura

Bulat T. G. O statistică a Moldovei din 1809 // Arhivele Basarabiei. Chişinău, 1929, nr. 1.

Bulat T. G. Ştiri nouă cu privire la bulgarii din Basarabia // Arhivele Basarabiei. Chişinău, 1931, nr. 4.

Ciobanu Şt. Basarabia. Chişinău, 1993.

Lazarev A. Să eliminăm „spaţiile albe" din istoria Moldovei // Orizontul. Chişinău, 1988, nr. 6.

Poştarencu D. Istoria satului Sadâc. Chişinău, 2001.

История Молдавии. Документы и материалы. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского. Т. II. Кишинев, 1957.

Мещерюк И. И. Болгарские и гагаузские поселения Бессарабии в 20-х гг. XIX столетия // Ученые записки Кишиневского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. II. Кишинев, 1950.

Мещерюк И. И. Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX века // Известия Молдавского филиала Академии Наук СССР. Кишинев, 1953, № 3-4.

Мещерюк И. И. Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828–1834 гг. Кишинев, 1965.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Том XXXVI. Санкт-Петербург, 1830.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Отделение первое. Том XLVI. Санкт-Петербург, 1874.

Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Санкт-Петербург, 1848.

Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края, часть I. Одесса, 1850.

Rezumat

În articol se menţionează despre emigrarea, în prima jumătate a secolului al XIX-lea, a unui număr însemnat de locuitori de peste Dunăre la nord de acest fluviu, o mare parte dintre care s-au stabilit în Basarabia. Primul val de emigrare în masă a bulgarilor şi găgăuzilor de peste Dunăre în Basarabia a avut loc pe parcursul războiului ruso-turc din 1806–1812, iar ultimul val de emigrare în masă a lor s-a produs în urma războiului ruso-turc din 1828–1829. Oficialităţile imperiale ruse au manifestat un viu interes de a-i strămuta pe teritoriul imperiului său.

Cuvinte-cheie: Războiului ruso-turc din 1806–1812, Dunăre, feldmareşalul M. I. Kutuzov, coloniştii transdanubieni.

Резюме

В статье затрагивается вопрос об эмиграции значительной части задунайских жителей к северу от Дуная в первой половине XIX в., большая часть из которых осела в Бессарабии. Первая волна эмиграции болгар и гагаузов из-за Дуная в Бессарабию относится к периоду русско-турецкой войны 1806–1812 гг., а последняя была вызвана русско-турецкой войной 1828–1829 гг. Русские официальные лица проявляли живой интерес к переселению болгар на территорию своей империи.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1806–1812 гг., Дунай, фельдмаршал М. И. Кутузов, задунайские переселенцы.

Summary

The article deals with the emigration of a large number of Transdanubian residents of the north of the Danube in the first half of the XIXth century, most of them settled in Bessarabia. The first mass emigration of Bulgarians and Gagauz to Bessarabia took place during the Russian-Turkish war of 1806-1812, the last one was the consequence of the Russian-Turkish war of 1828-1829. Russian officials expressed keen interest in relocating them on the territory of the Russian empire.

Key words: Russian-Turkish war of 1806–1812, Danube, Field Marshal M. Kutuzov, Transdanubian settlers.

Alexandru CERGA

LĂCAŞURILE SFINTE ALE BULGARILOR DIN SATELE CAIRACLIA ŞI CORTEN, RAIONUL TARACLIA

Viața bisericească a bulgarilor din Republica Moldova este un subiect care întotdeauna trezește interes în istoriografia națională. În această direcție s-au manifestat așa cercetători ca Saveli Novacov, Nicolai Gurgurov (Новаков, Гургуров, 2005), Ecaterina Celac (Челак, 2014), Nicolai Cervencov (Червенков, 2005) și Ivan Duminica (Думиника, 2012). În articolele speciale referitor la istoriografia despre dezvoltarea spirituală a bulgarilor basarabeni, Iv. Duminica a descris detaliat toate lucrările care au apărut la această temă (Duminica, 2012, Думиника, 2013, Думиника, 2014), de aceea nu ne vom opri la acest subiect.

În materialele ce vor urma propunem să facem cunoștință cititorului despre istoria lăcașurilor sfinte ale bulgarilor din satele Cairaclia și Corten ce fac parte din raionul Taraclia. Menționăm că materialul ce va urma este doar un fragment al unui proiect mai mare, care își pune ca scop generalizarea și sistematizarea informației despre toate bisericile din Republica Moldova. Primul rezultat al proiectului a fost apariția în 2013 al dicționarului enciclopedic „Bisericile Basarabiei", vol. I (Cerga, 2013). Fiecare material, în prima sa parte, conține informația despre poziția geografică și numărul de locuitori pentru fiecare localitate în care există biserică și prima mențiune documentară a localității respective. Urmează informații despre primele biserici atestate documentar. A doua parte importantă cuprinde informații despre preoții slujitori ai bisericilor respective, selectate din surse documentare. Informațiile despre preoți sunt structurate după un anumit algoritm: data nașterii, descendența, studiile, data hirotoniei, perioada aflării la biserica respectivă, transferurile de serviciu la alte parohii, funcția, data decesului. Sperăm că cercetările noastre în aceasta direcție vor fi de bun augur în ceea ce privește și istoria spirituală a comunității bulgare din Republica Moldova.

Satul Cairaclia este situat în partea de sud a raionului Taraclia, la o distanță de 22 km de centrul raional și 185 km sud de orașul Chișinău. Populația – 2124 locuitori (după recensământul din 2004), dintre care 1733 – bulgari. Conform cercetătorului Ion Chirtoagă, autorul monografiei „Din istoria Moldovei de Sud-Est până în anii '30 ai secolului al XIX-lea", primii imigranți transdunăreni s-au stabilit aici cu traiul în anul 1816 (Chirtoagă, 1999, 175). Din alte surse, satul a fost întemeiat în anul 1861 de către colonești bulgari veniți din fostul sat Cairaclia (azi, Loșcinovka) de lângă orașul Ismail (Манолов, 2009, 7).

În anul 1866 locuitorii de aici construiesc o mică biserică din lut și paie, acoperită cu stuf. În anul 1875 această biserică, nu se știe din ce cauză, a ars (Манолов, 2009, 7). Exact peste 10 ani, în 1885, a fost zidită de către enoriași biserica de piatră cu hramul „Acoperământul Maicii Domnului" (Anuarul Eparhiei, 1922, 65). Este o biserică înaltă, în formă de cruce, compartimentată în pridvor, pronaos, naos și altar. Corespunde stilului bisericilor din Basarabia, construite în perioada țaristă. Clopotnița, de formă pătrată, cu acoperișul piramidal, este amplasată deasupra pronaosului. Naosul este înalt, cu frontoane triunghiulare pe fațadele laterale. Are acoperiș în patru ape, iar deasupra se înalță turla octogonală cu cupola în formă de bulb. Altarul este poligonal, iar pe partea sudică se află o construcție mai recentă, ce servește drept pălămărie (diaconiconul). Exteriorul este decorat cu linii murale drepte și arcuite, nișe, brâie denticulate, pilaștri decorativi.

În perioada interbelică biserica dispunea de case pentru cler, 18 ha de teren arabil și 0,5 ha de viță-de-vie (Anuarul Episcopiei, 1936, 70). În anul 1944 a fost închisă și transformată în depozit de cereale al colhozului din localitate. Mai târziu aici a funcționat muzeul satului[1], care ulterior a fost transferat în fosta clădire a primăriei.

Preoți-slujitori:

1866–1872: **Andrei Dracinschi**.

1872 (august-noiembrie): **Gheorghe Fronea**.

1872–1884: **Feodosie Ioachim Rubanschi**. S-a născut în anul 1841 în localitatea Divizia, județul Akkerman, absolvent al Seminarului Teologic[2]. În noiembrie 1872 preotul Rubanschi de la parohia Tatar-Copceac, județul Akkerman, a fost transferat la casa de rugăciuni din satul Cairaclia, același județ[3].

1884–1888: **Nicolai Gheorghe Ceachir**. A fost hirotonit preot pentru biserica din Cairaclia în ziua de 19 februarie 1884 de către PS Augustin, Episcop de Akkerman, vicar al Arhiepiscopiei Chișinăului[4]. La 17 mai 1888 s-a transferat la parohia Camcic, județul Akkerman[5].

1888–1898: **Ioan Ioan Berov**. La 7 iunie 1888 a fost desemnat în funcție[6], iar la 30 august 1888 – hirotonit preot pentru biserica din Cairaclia, județul Akkerman[7]. A decedat la 10 octombrie 1898[8].

1898–1910: **Ioan Samsonov**, născut în anul 1868, absolvent al Seminarului Teologic din Chișinău, fiul dascălului Nicolae Samsonov din satul Șuri, județul Soroca (Лотоцкий, 1913, 92). A fost transferat aici la 27 noiembrie 1898 de la parohia Delacău, județul Bender. La 10 decembrie 1910 s-a transferat la biserica din satul Cornești, județul Bălți[9].

1910–1912: **Iacob Munteanu**. La biserica din Cairaclia a fost numit în funcție la 21 decembrie 1910[10]. La 28 iunie 1912 a fost transferat la biserica din localitatea Gălilești, județul Ismail, iar în locul lui vine preotul de acolo, Vasile Cernev (Anuarul Eparhiei, 1922, 65).

1912–1923: **Vasilii Stepan Cernev**. S-a născut în anul 1848 în satul Troianul Nou, județul Akkerman, fiu de țăran (Лотоцкий, 1913, 78), absolvent al Seminarului Teologic, în serviciu din 1883, pe loc din 1912 (Anuarul Eparhiei, 1922, 65). Până a veni la această parohie slujește la biserica din satul Gălilești, județul Ismail. În august 1923 preoții Vasile Cernev de la parohia Cairaclia, județul Cetatea Albă, și Ștefan Moleavin de la parohia Joltai, județul Tighina, au fost transferați, în interes de serviciu, unul în locul altuia[11].

1923–1932: **Ștefan Moleavin**, născut la 10 iulie 1896, absolvent al Seminarului Teologic din Chișinău. Aici slujește din august 1923, venit de la parohia Joltai, județul Tighina. La 15 ianuarie 1932 s-a transferat la parohia Baurci, județul Cahul (Anuarul Episcopiei, 1936, 69).

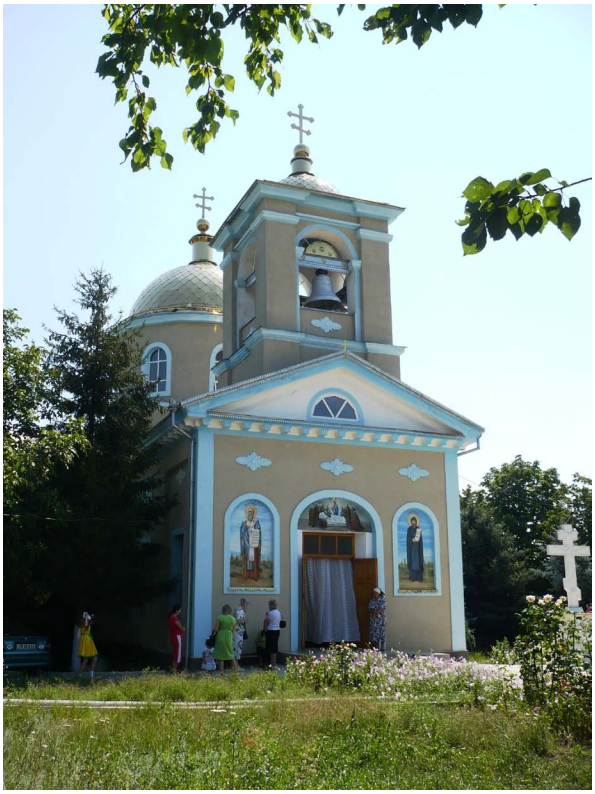
1932–1938: **Ioan Rufulea**. S-a născut la 24 februarie 1868, absolvent al Seminarului Teologic din Chișinău. Din aprilie 1932 era paroh al acestei biserici, venit din localitatea Șaba, județul Cetatea Albă (Anuarul Episcopiei, 1936, 70). La 1 aprilie 1938 a fost pensionat din oficiu pentru limita de vârstă. Se stinge din viață la 4 decembrie 1938[12].

1938–1942: **Gheorghe Vasile Jereghi**. S-a născut în anul 1886 în satul Trușeni, județul Chișinău, absolvent al Seminarului Teologic din Chișinău (1908) (Лотоцкий, 1913, 151). După absolvire a fost numit preot la biserica din satul Valea Rusului, județul Bălți, după care, în 1909, s-a transferat în satul Jevreni, județul Orhei. Din 1921 slujește la parohia Răscăieți, județul Cetatea Albă; în 1935 numit la parohia Cot-Chitai, iar la 1 mai 1938 – la parohia din satul Cairaclia. În ziua de 28 iulie 1942 demisionează din funcție, odată cu transferarea din Eparhia Cetății Albe – Ismail, la Eparhia Chișinăului. Din 1943 slujește la biserica din satul Parcani, județul Orhei, iar după război, la bisericile din Drăsliceni (1949–1950), Cuizăuca, raionul Chiperceni (1950–1951), Curleni (azi – Podgoreni), același raion (din 1951)[13].

În prezent, preot-paroh al bisericii din Cairaclia este protoiereul **Veaceslav Polizov**.

Satul Corten este situat în valea râulețului Lunguța, între localitățile Cazaclia și Ceadâr-Lunga, la 21 km nord-est de centrul raional Taraclia și 143 km sud de orașul Chișinău. Populația – 3407 locuitori (2004), în majoritate de etnie bulgară. În trecut s-a mai numit Chiriutnea. Conform Dicționarului statistic al Basarabiei (Chișinău, 1923, 624), satul Chiriutnea (Corten) a fost atestat în anul 1829 (Dicționarul, 1929, 624). Din alte surse, a fost întemeiat în anul 1830 de către 70 familii de bulgari veniți în Basarabia din localitatea cu aceeași denumire din partea de sud a Bulgariei, situată lângă orașul Nova-Zagora (Eremia, Răileanu, 2002, 634).

Biserica „Acoperământul Maicii Domnului”, s. Cairaclia.



Biserica „Adormirea Maicii Domnului” s. Corten.

La început locuitorii din Chiriutnea au făcut parte de parohia Cazaiaclia (Cazaclia). La începutul anului 1841 au înaintat o cerere către Arhiepiscopia Chişinăului şi Hotinului, unde cer permisiunea de a construi o biserică din piatră. După ce blagocinul A. Savițchii a cercetat locul amplasării viitoarei biserici, în raportul său către Consistoriul din Chişinău, a fost aprobat locul construcției. Proiectul a fost elaborat de arhitectul cu numele de familie Alexeev de la Departamentul Construcții Publice din Chişinău. Lucrările de construcție erau conduse de către inginerul G. Tabarovschi şi coordonate de preotul Ioan Liubov. În ziua de 15 august 1845 biserica a fost sfințită[14].

Este un edificiu de cult construit în formă de cruce, prevăzut pentru 300 de credincioşi. Deasupra naosului se înalță un tambur mare cilindric având cupola semisferică. Înălțimea totală, de la fundament până la cruci, este de 19,5 m. Clopotnița este amplasată deasupra pronaosului. Altarul, cu o suprafață de 43,2 m.p., are formă pătrată, cu fronton triunghiular în partea superioară. Frontoane triunghiulare se văd şi în partea superioară a pronaosului, precum şi în părțile laterale ale naosului. În partea de sus a pereților din exterior sunt sculptate compoziții decorative din frunze de stejar cu o cruciuliță în mijloc, iar sub acoperiş sunt marcate cornişe denticulare. Clopotele bisericii, cinci la număr, au fost procurate de la turnătoria din oraşul rus Tula, cel mai mare fiind de 800 kg, iar cel mai mic de 600 kg (Новаков, Гургуров, 2009).

Aici a fost înființată una din cele mai vechi şcoli parohiale şi prima a coloniştilor bulgari din regiunea Bugeacului. Şcoala a fost deschisă la 8 decembrie 1840. În perioada interbelică biserica avea case pentru preot şi cântăreț şi avea în posesie 30 ha de pământ arabil pentru folosința clerului. Pe atunci în sat erau 572 de gospodării (Anuarul Episcopiei, 1936, 31).

După o reparație capitală, în ziua de 15 august 1936 biserica din Chiriutnea a fost sfințită de un sobor de preoți, în frunte cu protopopul Matei Goian[15].

Biserica a fost închisă de către autoritățile comuniste în anul 1962. O parte din obiectele bisericeşti au fost duse la Ceadâr-Lunga pentru păstrare, iar altele au fost aruncate într-o fântână secată din câmp şi astupate (Новаков, Гургуров, 2009). A fost redeschisă în anul 1989, iar în perioada 1989–1991 a fost efectuată o reparație capitală.

Preoți slujitori:

Printre cei care au emigrat din satul bulgar Corten erau şi preoții **Piotr Todor Zlatev**, în vârstă de 30 de ani, preotul **Constantin (Kosta) Iliev**, de 45 de ani, şi preotul **Marco Dimitriev Malov**, de 40 de ani. Anume ei au fost primii slujitori din Chirutnea, cum s-a numit satul în trecut. Mai târziu, preotul Petru Zlatev este transferat la biserica „Adormirea Maicii Domnului" de la Comrat. Marco Dimitriev (Malo) va oficia slujbe alături de un alt preot în satul vecin, Cazaclia, iar Kosta Iliev se întoarce în satul natal din Bulgaria (Новаков, Гургуров, 2009).

1841–1862: **Ioan Ioan Liubov**, născut în anul 1809, fiu de dascăl, fără studii seminariale. La data de 7 ianuarie 1841 a fost hirotonit preot pentru biserica „Adormirea Maicii Domnului" din satul Chiriutnea, județul Bender, de către ÎPS Dimitrie, Arhiepiscopul Chişinăului şi Hotinului[16].

1862–1911: **Macarie Liubov**, fiul preotului Ioan Liubov de la Chiriutnea, născut în anul 1832, absolvent al Şcolii Județene de Teologie din Chişinău (1852). A fost hirotonit preot pentru această biserică, de către Arhiepiscopul Chişinăului şi Hotinului Antonie, la 10 iunie 1862[17]. Va fi parohul bisericii timp de 50 de ani, până în ziua pensionării, 30 martie 1911[18].

1911–1920: **Mihail Cuharschi**, născut în anul 1874, absolvent al Seminarului Teologic din Chişinău (1895). În ziua de 12 noiembrie 1895 a fost hirotonit preot pentru parohia Rotunda, județul Hotin, iar la 11 iulie 1911 a fost transferat la biserica din Chiriutnea[19]. În iulie 1920 s-a transferat la parohia Goianul Vechi de lângă Chişinău[20].

Prin ordinul Sfâtului Sinod de la 13 februarie 1913, nr. 2823, pentru satul Chiriutnea județul Bender, se adaogă funcția de preot secund[21].

1913–1925: **Dimitrie Sava Dimitriev**, de etnie bulgară, născut în anul 1858. A studiat 3 clase la Seminarul Teologic din Chişinău. Din data de 2 octombrie 1881 este cântăreț la biserica din localitatea Vulcăneşti, județul Ismail, iar la 18 februarie 1886 a fost transferat la Catedrala din oraşul Cahul. În ziua de 5 octombrie 1896 a fost hirotonit preot de către ÎPS Neofit, Arhiepiscopul Chişinăului şi Hotinului, pentru parohia Vadul-lui-Isac, județul Ismail. La 2 februarie 1913 a fost transferat la parohia Slobozia-Mare, acelaşi județ, iar la 4 iunie 1913 trece la biserica din Chiriutnea, în funcție de preot secund[22]. La 1 ianuarie 1925 s-a transferat la parohia Ciucur-Mingir, județul Tighina[23].

1920–1924: **Dimitrie Chipra**. S-a născut în anul 1869 în familia dascălului Dimitrie Chipra din satul Camcic, județul Akkerman, absolvent al Seminarului Teologic din Chişinău (1894). La 26 noiembrie 1896 a fost hirotonit preot de către Arhiepiscopul Neofit pentru biserica din localitatea Caragaci, județul Ismail. La 19 decembrie 1919 a fost transferat la parohia Goian, județul Chişinău, iar la Chiriutnea vine pe data de 15 iunie 1920. A decedat la 13 aprilie 1924[24].

1924–1925: **Alexandru Barbăroş**, născut la 7 august 1900, hirotonit preot pentru această biserică la 14 iunie 1924 (Anuarul Episcopiei, 1936, 20).

1925–1930: **Ioan Vârlan**, hirotonit preot pentru

biserica din Chiriutnea și numit în funcția de preot secund, la 1 ianuarie 1925[25]. La 1 octombrie 1930 a fost transferat la biserica din localitatea Hănăseni de Pădure, iar în locul lui vine preotul de acolo, Dumitru Mițulescu.

1930–1931: **Grigore Dehterenco**. S-a născut la 4 ianuarie 1898. La 1 mai 1931 preotul secund de la parohia Chiriutnea, județul Cahul, Grigore Dehterenco, și preotul de la parohia Enăcheşti, județul Cahul (cerc 3), Mihail Mihailovici, au fost transferați unul în locul altuia (Anuarul Episcopiei, 1936, 73). Probabil, preotul Mihailovici nu a mai slujit la această parohie, deoarece nu-l găsim în documentele clericale.

1930–1936: **Dumitru Mițulescu**, născut la 1 noiembrie 1891, venit de la parohia Hănăseni de Pădure, la 1 octimbrie 1930. La 1 august 1936 a fost transferat în postul de paroh la biserica din comuna Calcevo, județul Cahul[26].

1935–1940: **Nicolae Tomoilă**, născut la 1 noiembrie 1913, absolvent al Seminarului Teologic din Chișinău. A fost hirotonit preot pentru această parohie și numit în funcția de preot secund, la 9 februarie 1935 (Anuarul Episcopiei, 1936, 71). De la 1 august 1936 devine parohul bisericii[27]. La 1 aprilie 1940 a fost transferat în postul de paroh al bisericii din comuna Crihana, județul Cahul[28].

1936–1944: **Nicolae Popescu**, absolvent al Seminarului Teologic din București. A fost numit în funcția de preot secund la 16 august 1936[29], iar la 1 aprilie 1940 a fost numit paroh pentru această biserică[30].

Pe data de 1 aprilie 1940 preotul **Pavel Bandurovschi**, paroh la biserica din satul Sofiana, județul Ismail, a fost transferat, în mod disciplinar, în postul de preot secund la parohia Chiriutnea, județul Cahul[31].

În primii ani de după război satul nu a avut paroh, după care, în anii '50 oficiază slujbe ieromonahul **Averchie (Auxentie Dumitru Mereuță)**, ieromonahul **Visarion (Vasile Petru Corolevschi)**, preoții **Serafim Ilarion Sanduța**, **Maxim Serghei Pugaciov**. De la 23 iunie 1991 până în prezent, paroh al bisericii din satul Corten este protoiereul **Ioan Pavel Biiuc**.

Note

[1] Arhiva Națională a Republicii Moldova (în continuare – ANRM), F. 3046, inv. 1, d. 112, f. 210.

[2] ANRM, F. 208, inv. 10, d. 92, f. 35.

[3] Кишиневские Епархиальные Ведомости (în continuare – KEB), nr. 1/1873, p. 5.

[4] Ibidem, nr. 5/1884, p. 24.

[5] Ibidem, nr. 12/1888, p. 434.

[6] Ibidem, nr. 13/1888, p. 470.

[7] Ibidem, nr. 18/1888, p. 633.

[8] Ibidem, nr. 22/1898, p. 396.

[9] ANRM, F. 208, inv. 11, d. 91, f. 58.

[10] KEB, nr. 52/1910, p. 401.

[11] Luminătorul, nr. 22/1923, p. 2.

[12] Buletinul Episcopiei Cetății Albe–Ismail, nr. 2/1938, p. 31.

[13] ANRM, F. 3046, inv. 2, d. 179, f. 28.

[14] Думиника Иван. Духовная жизнь бессарабских болгар в начале XIX в (manuscris).

[15] Raza, nr. 316, 30 august/1936, p. 3.

[16] ANRM, F. 208, inv. 10, d. 15, f. 67.

[17] Ibidem, d. 24 , f. 74.

[18] KEB, nr. 14/1910, p. 109.

[19] ANRM, F. 208, inv. 10, d. 151, f. 91.

[20] Luminătorul, nr. 5/1920, p. 4.

[21] KEB, nr. 9/1913, p. 84.

[22] ANRM, F. 208, inv. 10, d. 158, f. 378.

[23] Luminătorul, nr. 2/1925, p. 1.

[24] Ibidem.

[25] Luminătorul, nr. 2/1925, p. 1.

[26] Buletinul Episcopiei Cetății Albe–Ismail, nr. 7-8/1936, p. 14.

[27] Buletinul Episcopiei Cetății Albe–Ismail, nr. 7-8/1936, p. 14.

[28] Ibidem, nr. 4/1940, p. 11.

[29] Ibidem, nr. 9-10/1936, p. 4.

[30] Ibidem, nr. 4/1940, p. 11.

[31] Ibidem.

Literatura

Anuarul Eparhiei Chișinăului și Hotinului (Basarabia). Chișinău, 1922.

Anuarul Episcopiei Cetății Albe – Ismail 1923–1936. Ismail, 1936.

Chirtoagă I. Din istoria Moldovei de Sud-Est până în anii 30 ai secolului al XIX-lea. Chișinău, 1999.

Dicționarul statistic al Basarabiei. Chișinău, 1929.

Duminica Iv. Considerații cu privire la metodologia studierii vieții spirituale a bulgarilor basarabeni // Interferențe universitare – integrare prin cercetare și inovare. Chișinău, 2012.

Duminica Iv. Fondurile arhivistice despre viața spirituală a bulgarilor basarabeni în prima jumătate a sec. al XIX-lea // Interferențe universitare – integrare prin cercetare și inovare. Chișinău, 2012.

Duminica Iv. Viața spirituală a bulgarilor din Basarabia în prima jum. a sec. al XIX-lea în istoriografie // Creșterea impactului cercetării și dezvoltarea capacității de inovare, conf. șt. (2011, Chișinău). Rezumatele comunicărilor. Chișinău, 2011.

Eremia A., Răileanu V. Localitățile Republicii Moldova. Vol. 4. Chișinău, 2002.

Думиника Ив. Българските преселници в Бесарабия в края на XVIII – първата половина на XIX век в историографията. Автореф. на дисертац. за присъжд. на научн. и образов. степенен „доктор". Велико Търново, 2014. 31 с.

Думиника Ив. Историография церковной жизни бессарабских болгар в первой половине XIX века // Biserica Ortodoxă din interfluviul pruto-nistrean (1813–2013). Simpozion științific internațional 14-15 octombrie 2013. Chișinău, 2013.

Думиника Ив. Храм Успения Божией Матери села

Кирсово. Исторические аспекты. Кишинэу, 2012.

Лотоцкий П. А. Список и краткие биографии окончивших полный курс Кишиневской духовной семинарии за сто лет ее существования (1813–1913). Кишинев, 1913.

Манолов И. Родословные древа села Кайраклия. Кишинев, 2009.

Новаков С. З., Гургуров Н. Н. Очерки истории кортенских храмов в Молдове и Болгарии. Кишинэу, 2005.

Новаков С. З., Гургуров Н. Н. Село Кортен. Времена и судьбы. Кишинев, 2009.

Челак Е. Православната църква и нейната културно-просветна роля сред българските преселници в Бесарабия през XIX век // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Челак Е. Църквата „Света Параскева" в село Твърдица (Република Молдова): основаване и дейност // България: метрополия и диаспора. Сборник по случай 65-годишнина на д.и.н. Николай Червенков. Кишинев, 2013.

Червенков Н. Создание церквей в болгарских колониях в Бессарабии в первой половине XIX в. // Православные храмы в болгарских и гагаузских селениях юга Украины и Молдовы. Болград, 2005.

Rezumat

Articolul de față, bazat pe surse publicate și de arhivă, consemnează date cu privire la dezvoltarea spirituală a bulgarilor din satele Cairaclia și Corten (Chiriutnea), raionul Taraclia. Materialul prezintă o informație despre lăcașurile sfinte, precum și despre preoții care au slujit în aceste parohii.

Cuvinte-cheie: biserică, preot, bulgari basarabeni, Corten, Cairaclia.

Резюме

В представленной статье на основе архивных и опубликованных источников приводятся новые данные о духовном развитии болгар жителей сел Кайраклия и Кортен (Кирютня) Тараклийского района. Представлена информация о церквах, а также священниках, которые служили в указанных приходах.

Ключевые слова: церковь, священник, бессарабские болгары, Кортен, Кайраклия.

Summary

The authors introduce new information based on archival and published sources on the spiritual development of the Bulgarians in the villages of Cairaclia and Corten (Chiriutnea), Taraclia district. Here one can find the information about churches and priests of these parishes.

Key words: church, priest, Bessarabian Bulgarians, Cairaclia, Corten.

Ivan DUMINICA

CU PRIVIRE LA BULGARII SUPUȘI STRĂINI ÎN BASARABIA (ANII 1821–1828)

Subiectul activității supușilor străini în Basarabia poate fi util în procesul de oglindire a unei părți mai puțin cunoscute a dezvoltării comercial-economice a teritoriului dintre Prut și Nistru, legată de activitatea aici a negustorilor, meseriașilor și grădinarilor bulgari supuși ai Imperiilor Otoman și Austriac.

Trebuie de menționat că o parte dintre bulgari au pătruns în Basarabia nu doar cu scopul de a se așeza în coloniile din sudul provinciei, dar și din motive negustorești, meșteșugărești și altele. După o anumită perioadă de activitate, aceștia, acumulând capital financiar, se întorceau în țările lor de origine. Pătrunderea negustorilor bulgari în Basarabia a fost cauzată în mare parte și de politica autorităților țariste, care urmăreau scopul dezvoltării social-economice cât mai rapide a regiunii. În acest sens, autoritățile atrăgeau în Basarabia negustori și meșteșugari străini, acordându-le diferite privilegii și înlesniri. În baza legii emise de către Senatul rus la 3 ianuarie 1807, negustorilor li se permitea să activeze primele 6 luni fără plata prestațiilor și taxelor, iar în următoarele 6 luni ei trebuiau să plătească o taxă anumită. După un an ei puteau să treacă în categoria negustorilor străini, să plătească taxe de stat și să îndeplinească prestațiile orășenești (Жуков, 1964, 174). Aceasta nu putea să nu-i atragă pe negustorii străini, care vedeau aici surse lesne de îmbogățire. Datele statistice arată că, numai în 1822, în orașul Chișinău comercializau 287 negustori, inclusiv 232 din Imperiul Austriac, Imperiul Otoman și parțial din Saxonia și Prusia (Tomuleț, 2012, 208). Trebuie de menționat că unii negustori și meșteșugari străini s-au refugiat în Basarabia și din anumite considerente politice, cum ar fi represiunile din partea otomanilor sau prăbușirea Răscoalei eteriștilor din 1821 (Poștarencu, 2013, 32-38).

Așadar, cei care veneau în Basarabia treceau prin

punctele vamale Noua Suliță, Sculeni, Fălești și Reni. Acolo erau verificați de către structurile de carantină, în vederea prevenirii diferitor maladii. În acest scop ei petreceau, de obicei, în punctele respective 16 zile, perioadă în care medicii supravegheau starea lor de sănătate, iar hainele acestora erau dezinfectate. Măsurile stricte ajutau la prevenirea răspândirii în Basarabia a ciumei, care în majoritatea cazurilor pătrundea prin mărfurile negustorilor. După termenul stabilit, oamenii primeau rescripte (*открытый лист*) de la isprăvniciile orașelor județene în raza cărora se aflau carantinele, ca de exemplu Hotin, Orhei sau Cahul. Cu aceste documente supușii străini apelau la Poliția orășenească din Chișinău, guvernatorul civil al Basarabiei sau Cârmuirea regiunii Basarabiei. Aceste instituții eliberau așa-numitele bilete/certificate (*билет*), care permiteau libera ședere în provincie și ofereau dreptul de a se ocupa cu comerțul pe o perioadă de până la 11 luni. Trebuie de menționat că unii negustori puteau să procure aceste bilete încă din afara Imperiului, de la consulatele și agențiile ruse de peste hotare. Biletele permiteau șederea liberă pe întreg teritoriul Basarabiei sau specificau o localitate anumită în raza căreia supusul străin avea dreptul să activeze. În baza acestui document străinii își alegeau locul de trai. După expirarea termenului de ședere, ei aveau dreptul să facă apel la organele abilitate, cu cererea de prelungire a șederii. În acest caz se depunea o adeverință din partea locuitorilor satului sau orașului de trai, în care se menționa că cel care pretindea la un bilet nou este un „om cuminte". În cazul orașelor mari, adeverința se emitea din partea isprăvniciei orășănești. În unele cazuri, în aceste documente se indica și domeniul în care activa supusul străin.

Biletele emise de guvernatorul civil al Basarabiei, Cârmuirea regiunii Basarabiei și Poliția orășenească din Chișinău arătau diferit. Documentul guvernatorului civil al Basarabiei arăta mai estetic, având pe el un șablon cu întrebări. Cel care îl completa trebuia să adauge numai datele personale: locul unde se stabilește cu traiul, vârsta, statura, culoarea părului, sprâncenelor, forma nasului, gurii și feței și semnele evidențiate pe piele sau anumite răni. Documentele Cârmuirii regiunii Basarabiei și Poliției orășenești din Chișinău arătau mai simplu și erau scrise, de obicei, de mână. Însă informația privind posesorul se repeta. Deosebirea se vedea în modalitatea de descriere a staturii: dacă în biletul Cârmuirii Regionale a Basarabiei descrierea persoanei se măsura în cuvinte precum înalt, mediu și mic, atunci în documentele Poliției orășenești statura se măsura cu sistemul de măsurare rusă (*arșini*[1] și *verșki*[2]). În anul 1826 procesul de emitere a biletelor a fost unificat, privilegiul pentru acesta revenind doar Cârmuirii Regionale a Basarabiei. Poliția oferea numai adeverințe în care se menționa că posesorul nu a comis fărădelegi.

Studierea biletelor emise în anii 1821–1828 arată că, de obicei, bulgarii supuși străini reprezentau diferite categorii sociale: negustori, meșteșugari, grădinari și lucrători care se angajau la muncă în gospodăriile private.

Negustorii bulgari nu se așezau în coloniile bulgare, ci își alegeau pentru activitate orașele mari, cum ar fi Chișinăul și Bălțiul, dar și satele apropiate din județul Orhei. Aici ei își deschideau prăvălii și dughene în care se vindeau produse importate din Europa[3]. Așa, de exemplu, supusul turc Velko Penovici activa în orașul Chișinău, în baza biletului emis la 17 noiembrie 1826. Din descrierea detaliată a posesorului său aflăm că Penovici avea vârsta de 35 de ani, statura înaltă, părul și sprâncenele negre, ochii căprui, nasul și gura mari, iar obrazul era ușor ciupit. Ultima descriere este o dovadă a faptului că a suferit cândva de variolă. Menționăm că, pe parcursul anilor, acesta a vizitat orașul de câteva ori, în scopuri comerciale. La 14 ianuarie 1828, isprăvnicia din Hotin i-a dat foaie deschisă, în care se indica faptul că el a sosit în Basarabia cu căruța proprie. Curios este că biletul stipula că Penovici putea să activeze liber numai în raza orașului Chișinău. În cazul în care nu ar fi îndeplinit regulile, autoritățile urmau să se comporte cu el ca și cu un vagabond. La 31 ianuarie 1828, acesta a cerut repetat permis de ședere pe un termen de 6 luni[4]. De asemenea, în Chișinău activa Tanas Dimitriev, care a venit aici în 1827, pentru o perioadă de două luni. Avea 26 de ani, fața grăsuță, ochii căprui, părul negru[5].

Supușii străini se ocupau și cu comercializarea băuturilor spirtoase (vin, bere și rachiu). Supusul turc Hristo Tanasii a venit în Basarabia în 1821, cu scopul de a se ocupa de vânzarea băuturilor spirtoase. Avea vârsta de 28 de ani, statura 2 arșini și 5 verșki, părul și sprâncenele– negre cu sur, ochii cafenii, nasul lunguieț, gura moderată[6]. Din septembrie 1825 Iani Hadji Dimitriev vindea vin roșu în provincie. Avea un capital în sumă de 500 de lei. Era tânăr, avea doar 26 de ani, statura medie, părul și sprâncenele negre, mustățile negre cu sur, ochii căprui, nasul lunguieț, își rădea barba[7]. Panait Nicolau a venit în Basarabia în 1821, prin carantina de la Sculeni. Se ocupa de comercializarea rachiului (*горячее вино*) și vinului de la Roma. Dobânda sa se estima la 400 de lei. Avea vârsta de 34 de ani, statura mică, părul negru, ochii căprui, nasul și gură moderate, barba îndoită. La 5 august 1827 acestuia i-a fost emis încă un bilet de ședere[8]. Un alt bulgar, Gheorghii Constantinov, în 1827 cumpăra și vindea vin din struguri. Capitalul lui era de 2 000 de lei. Avea drept liber de circulație prin

provincie[9]. În Chişinău Petr Coci producea ţuică. El a sosit aici împreună cu soţia sa, Neda, în 1821. Aici s-a născut fetiţa lor Ecaterina. La 27 august 1827 au primit bilet nou de şedere pe un termen de patru luni. Din document aflăm că Petr avea 27 de ani, statura 2 arşini şi 5 verşki, părul şi sprâncenele de culoare neagră cu maro, ochii căprui, gura şi nasul moderate, faţa puţin ciupită de vărsat[10]. La rândul său, Todor Ivan cu soţia Maria şi Nastasii Nedelcu, din 1821, se ocupau cu vânzarea vinului de la Roma[11]. Capitalul ultimului era estimat la 350 lei[12].

Comercializarea băuturilor spirtoase avea loc pe întreg teritoriul provinciei. Supusul turc Ivan Ivanov, din 1821, vindea vin în satul Cobâlnea, jud. Orhei. În acelaşi timp, Ivan Vemo în 1826 comercializa vin în satul Vatici, jud. Orhei[13].

În unele cazuri, negustorii veneau în Basarabia fiind însoţiţi de familiile lor. În 1821, prin carantina din Sculeni, în provincie a sosit Todor Cantarjiu cu soţia sa. La acel moment bărbatul avea 35 de ani, statura 2 arşini şi 3 verşki, părul şi sprâncenele negre, ochii căprui, gura – moderată, faţa smolită, ochiul stâng era cu defect. După expirarea termenului de aflare aici, ei îşi prelungeau şederea. În unele dintre documentele lor găsim că la 19 aprilie 1827 ei au primit biletul care le permitea locuirea liberă în întreaga Basarabie pe o perioadă de 7 luni. Se menţiona că, după expirarea termenului acestuia, el trebuie să fie prezentat Cârmuirii Regionale a Basarabiei, în caz contrar familia putea fi amendată, iar în cazul în care T. Cantarjiu ar fi avut intenţia să plece în alte oraşe ruseşti sau în afara ţării, biletul trebuia să fie adus personal în Cancelaria guvernatorului civil, pentru a primi de acolo permis de plecare[14].

Dimitrii Ivanov s-a stabilit în Chişinău împreună cu mama sa, Costanda, şi surorile Alexandra şi Chiriaca. Au trecut carantina din Reni în 1821. Termenul de şedere a fost stabilit de şase luni, însă ei au rămas aici pe o perioadă mai lungă. În 1828 familia a plecat în oraşul Balta, gubernia Podolia[15].

În alte cazuri, bulgarii veneau în Basarabia pentru a se angaja **temporar în gospodăriile private**. În istoriografia bulgară acest fenomen este cunoscut cu termenul *gurbetciistvo*. Cauza lui reieşea din caracterul extensiv al agriculturii din Imperiul Otoman, tirania şi violenţa din partea reprezentanţilor turci în satele bulgăreşti, lipsa de teren arabil suficient. Toate aceastea i-au determinat pe ţărani să-şi găsească condiţii adecvate şi favorabile pentru utilizarea muncii lor. Conform estimărilor cercetătorilor, numărul ţăranilor care plecau la muncă era de circa 80–100000 (Маждракова-Чавдарова, 1981, 88). Preferinţa acestora pentru Basarabia era determinată de apropierea de pământurile bulgăreşti, condiţiile climatice ş.a. Din surse aflăm că în 1821, prin carantina Noua Suliţă, a trecut supusul turc Vasilii Kostea. Pe parcursul a 11 luni, acesta a lucrat în gospodăria lui Vasilii Bolgar din satul Ruseşti, judeţul Orhei. Însă el nu intra în supuşenie rusă şi de aceea, după expirarea termenului de şedere, a apelat la Cârmuirea Regională a Basarabiei pentru un nou permis de şedere. În acest sens el a prezentat adeverinţa din partea locuitorilor satului, în care se menţiona: „Kostea are un comportament bun". În unul dintre bilete, emis la 31 ianuarie 1826, el era descris în următorul mod: „vârsta de 24 de ani, statura medie, părul şi sprâncenele de culoare maro, ochii cafenii, nasul coroiat, gura moderată, faţa curată"[16].

Tot aici, din 1821 activau doi fraţi – Anton şi Andrei Nicolau. La 21 octombrie 1827 au primit un nou bilet de liberă şedere pe un termen de patru luni. Documentul atestă că Anton avea vârsta de 24 ani, statura 2 arşini şi 6 verşki, părul şi sprâncenele de culoare maro, gura şi nasul moderate, lângă ambele urechi – mici semne. Andrei avea 21 de ani, statura 2 arşini şi 7 verşki, ochii galbeni cu căprui[17].

Gheorghii şi Iani Arnaut lucrau pe moşia lui Ianuţa Dimir. Despre ei aflăm că au venit în 1821, prin carantina din Naua Suliţă, şi trăiau în satul Bujor, judeţul Orhei. La 18 iunie 1824, din partea guvernatorului civil al Basarabiei C. A. Catacazi au primit bilete de şedere pe o perioadă de 11 luni. Iani avea vârsta de 50 de ani. Foarte probabil că era tatăl lui Gheorghii. Aceasta reiese din faptul că Gheorghii avea la moment 22 de ani. La 22 februarie 1828, ambii cereau să le fie emis un nou bilet de şedere pe un termen de şase luni. În acelaşi timp, ei refuzau să intre în supuşenia rusă[18].

Prezintă interes şi cazul supusului turc Petar Şumliac. Avea cu sine paşaportul viceconsulului austriac din Galaţi, eliberat în 1825, dar a venit în Basarabia în 1826, prin carantina din Reni. Lucra la negustorul Stamatii Popovici. Aflăm că Şumliac era dator stăpânului său cu 300 de lei, pe care nu putea să-i întoarcă. În 1828, din cauza expirării termenului de valabilitate a documentului, el a fost nevoit să se întoarcă acasă. Din această cauză s-a adresat la Cârmuirea Regională a Basarabiei cu cererea de a i se emite un bilet nou pentru câteva luni. În această perioadă el promitea să rezolve toate problemele. La cerere erau anexate biletul expirat şi biletul consulatului austriac. Petar Şumliac a primit răspuns că solicitarea lui nu poate fi acceptată. Totuşi, se preciza că, dacă doreşte să trăiască în continuare aici, trebuie să depună jurământul de fidelitate Imperiului Rus[19].

Printre cei care veneau în Basarabia erau şi **grădinari**. Ei se ocupau cu creşterea şi vânzarea legumelor. În acest sens ei arendau pământuri în văile râurilor mari. În Chişinău activitatea lor era con-

centrată în preajma râului Bâc. În 1828 în acest oraș erau atestați 750 de grădinari. Despre rolul însemnat al bulgarilor în creșterea legumelor vorbește faptul că o parte a orașului vechi a fost numită Bulgărie[20], care în 1834 era împărțită oficial în două: mahalaua Ogorodnaia și strada Bolgarscaia (Duminica 2012, 58). Documentele ne permit să aflăm numele acestor grădinari. Așa, de exemplu, în Chișinău, din 1821 cu grădinăritul se ocupa și Lazari Diacovici. Împreună cu soția sa, Roha, avea doi fii, Gheorghii și Nicolai, și o fiică, Rada. În biletul emis la 29 ianuarie 1827 se menționa că el avea 45 de ani, statura medie, părul negru cu roșcat, ochii căprui[21].

Printre supușii străini erau și **meșteșugari**. Produsele muncii lor erau comercializate pe piața internă. Centrul de activitate al meșteșugarilor a fost orașul Chișinău. Din 1821, în câteva mari vopsitorii din această localitate a lucrat supusul turc bulgarul Semion Panciu. Din biletul emis la 30 aprilie 1827 aflăm că el avea vârsta de 67 de ani, statura 2 arșini și 6 verșki, părul și sprâncenele suri și negri-surii, avea chelie, ochii căprui, gura și nasul moderate, fața curată, cu riduri[22].

La 5 iulie 1825, supusul turc Dimo Constantinov împreună cu soția sa, Maria, și fiica Costanda a primit dreptul să se stabilească în satul Cașcalia, județul Bender. El avea 34 de ani, statura medie, părul și sprâncenele negre, ochii căprui, fața curată. În Basarabia, Constantinov se ocupa cu meșteșugăritul. Probabil că a trecut sub supușenie rusă, pentru că la 9 februarie 1827, din cauza bolii negre, el cerea Cârmuirii Regionale a Basarabiei să-i fie eliberat bilet și pașaport străin, ca să viziteze biserica Adormirii Maicii Domnului de la mănăstirea Neamțu din Principatul Moldovei, ca să se roage pentru însănătoșire[23].

La 28 iulie 1826, având bilet, Tanciul Nedelea s-a stabilit în satul Bobulești, județul Orhei. Documentul era valabil în decursul a patru luni. Bărbatul avea 30 de ani, statura 2 arșini și 7 verșki, părul și sprâncenele negre, nasul și gura moderate, ochii căprui, fața curată, pe mâna dreaptă avea o cicatrice.

În satul Gârlea, județul Orhei, din 28 martie 1827 a activat supusul turc Voiku Dimu. Avea 41 de ani, statura 2 arșini și 7 verșki, părul negru și sur, sprâncenele, mustățile și barba albe cu sur, nasul moderat, ochii cafenii, fața curată, lunguiață[24].

În vara anului 1827, bulgarul Diordii Panait și-a ales loc de trai pe moșia Nișcani, județul Orhei[25] (Anexa 1). La 16 iunie 1822, în satul Ghidighici s-a stabilit Panait Constantinov, care avea 25 de ani, statura medie, părul, sprâncenele și mustățile negre, ochii căprui, pe ochiul drept avea albugo.

Dimitrii Constantinov a sosit în Basarabia la 9 septembrie 1827. Avea 24 de ani, statura 2 arșini și 6 verșki, ochii și sprâncenele de culoare neagră cu maro, ochii căprui, nasul lunguieț, gura moderată, fața ciupită de vărsat[26].

Atestăm și cazuri când bulgarii înstăriți erau însoțiți de slujitorii lor. De exemplu, aflăm că din 1821 până în 1827 Dmitrii Constantinov a activat împreună cu lucrătorul său Nicolai[27].

Depistăm și bulgari care au obținut bilete în consulatele ruse din străinătate. Supusului turc Rado Dimitriev un asemenea document i-a fost emis de către Agenția imperială rusă din Haliția (purta semnătura agentului Agropulo) la 15 noiembrie 1827. Actul acorda dreptul să activeze oriunde și-ar dori în decurs de 11 luni. În Basarabia a pătruns prin carantina din portul Reni, la 3 decembrie. Aflăm că Dimitriev avea 36 de ani, statura medie, ochii cafenii, părul negru cu sur[28].

În 1820 supusul moldovean, bulgarul Hristo Damianovici a venit la Chișinău prin carantina din Sculeni. El avea cu sine pașaportul eliberat de către consulul de la Iași. Avea dreptul de ședere aici timp de 11 luni. De atunci a trăit în Chișinău permanent. Se ocupa cu vopsitul articolelor de lână și mătase. Venitul lui anual se estima la 400 de lei. Documentele atestă că în iulie 1827 el trăia în a doua parte a orașului.

La 3 decembrie 1827, supusul austriac Stepan Hristov a primit pașaportul de ședere liberă de la consulul rus de la Iași, care îi permitea să treacă prin carantina din Sculeni și timp de 11 luni să se afle în Basarabia și Herson. În carantină s-a aflat 16 zile, timp în care au fost curățate toate hainele sale (Anexele 2, 3). La 28 februarie 1828 el s-a adresat Cârmuirii Regionale a Basarabiei cu cererea de a-i fi emis un bilet de liberă ședere în Basarabia. Drept urmare, i-a fost permis să trăiască aici în decurs de opt luni[29].

Din cele menționate mai sus ajungem la concluzia că în anii 20 ai sec. XIX în Basarabia se atestă prezența masivă a supușilor străini de origine bulgară. Aceasta se explică prin faptul că aici, folosindu-se de înlesnirile comerciale ale Imperiului Rus, ei puteau să comercializeze liber mărfuri și băuturi spirtoase. În același timp, existența posesorilor mari de moșii oferea unor bulgari posibilitatea să se angajeze la lucru. Terenurile extinse favorizau activitatea în Basarabia și a grădinarilor bulgari, care de obicei cultivau zarzavaturi.

Note

[1] Arșin – unitate de măsură a lungimii, de proveniență rusă, egală cu 71,12 cm.

[2] Verșok – unitate de măsură egală cu 44,45 mm.

[3] Toate mărfurile din Imperiul Otoman erau importate în Basarabia prin vămile de la Sculeni sau Reni, iar din Imperiul Austriac și din alte state – prin vama de la Noua Suliță. În cazul în care mărfurile erau predestinate

pentru piața internă a provinciei, ele erau supuse taxei vamale conform tarifului și Statutului comercial (Tomuleț V. Basarabia în sistemul economic și politic al Imperiului Rus (1812–1868). Studii. Chișinău, 2012, p. 206).

[4] ANRM. F. 5, inv. 1, d. 352, f. 12.

[5] Ibidem, f. 145.

[6] Ibidem, f. 67.

[7] Ibidem, f. 134.

[8] Ibidem, f. 153.

[9] Ibidem, f. 229.

[10] Ibidem, f. 282.

[11] Ibidem, f. 317.

[12] Ibidem, f. 231.

[13] Ibidem, f. 346.

[14] Ibidem, f. 21.

[15] Ibidem, f. 158.

[16] Ibidem, f. 2.

[17] Ibidem, ff. 257, 279.

[18] Ibidem, f. 270.

[19] Ibidem, f. 233.

[20] Cuvântul semnifică o grădină sau un teren cultivat cu zarzavaturi.

[21] ANRM. F. 5, inv. 1, d. 352,, f. 299.

[22] Ibidem, f. 45. În contextul dat menționăm că printre străini erau și sârbi. Așa, de exemplu, documentele atestă că supusul Moldovei sârbul Hristo Raicovici a venit în Basarabia în 1821. El a trecut carantina din Fălești. La 23 martie 1826 a primit dreptul de a se stabili în s. Hoginești, județul Orhei. Raicovici a venit cu soția Elena, copiii Nicolai și Nastasia. Sârbul era grădinar, însă în Hoginești se ocupa cu cizmăritul (Ibidem, f. 54)

[23] Ibidem, f. 81.

[24] Ibidem, f. 41.

[25] Ibidem, f. 95.

[26] Ibidem, f. 245.

[27] Ibidem, f. 211.

[28] Ibidem, f. 241.

[29] Ibidem, f. 342.

[30] Cațaveică – sacou scurt.

[31] Zwanziger – monedă de argint austriacă, 1 zwanziger valora 20 de copeici de argint.

[32] Partea de sus a documentului este deteriorată.

Literatura

Duminica I. Strada Bulgară – parte componentă a Chișinăului istoric // Identitățile Chișinăului. Chișinău, 2012.

Poștarencu D. De teama represaliilor otomane, 40000 de oameni din Principatul Moldovei se refugiază în Basarabia // Historia. București, 2013, nr. 133.

Tomuleț V. Basarabia în epoca modernă (1812–1918), (Instituții, Regulamente, Termeni). Chișinău, 2014.

Tomuleț V. Basarabia în sistemul economic și politic al Imperiului Rus (1812–1868). Studii. Chișinău, 2012.

Жуков В. И. Города Бессарабии (1812–1861). Очерки социально-экономического развития. Кишинев, 1964.

Маждракова-Чавдарова О. Към историята на българската стопанска емиграция и гурбетчийството след Кримската война // Известия на Народната библиотека „Кирил и Методий". Том XVI (XXII). София, 1981.

Anexa 1

1827 iulie 16. Biletul Poliției orășenești din Chișinău emis pentru supusul turc Diordii Panait pentru liberă ședere în Basarabia timp de 11 luni.

БИЛЕТ

Предъявителю его турецкоподанному Диордию Панаиту прибывшему сюда по открытому листу Хотинского земского исправничества с № 12061. Следующему по Бессарабской области благоволено было в следовании и прожитии в течении четырехмесячного срока препятствия не чинить. Приметами от лет 27, росту 2 ар, 4 вер, волосы и брови тёмно-русые, глаза карие, нос и рот умеренный, лицом чист. Для чего ему из Кишиневской градской полиции за подписом и печатью дано июля 16 дня 1827 года.

Semnătura: Полковник Раличичь
Писмоводитель Ружинский
Колежский регистратор Тихонов.
Ștampilă

(Sursa: ANRM. F. 5, inv. 1, d. 352, f. 95).

Anexa 2.

1827 decembrie 3. Pașaportul de trecere în Basarabia și Herson, acordat supusului austriac Stepan Hristov, emis de către consulatul rus în Moldova.

По указу его величества
Государя императора Николая Павловича
Самодержца Всероссийского
и прочая и прочая и прочая
Надворный Советник и Консул в Молдавии

Объявляю через сие всем и Каждому Кому о том ведать надлежит, Что показатель сего Австрийский подданый Степан Христов следует от сель чрез Скулянский карантин в Бессарабскую область и Херсонскую губернию сроком на одиннадцать месяцев и обратно. То прошу чинить Оному Свободный и без препятственный пропуск, а в нужном случае и всякое пособие: Во уверение чего дан сей Пашпорт за подписанием руки моей и с приложением казенной поста моего печати. Яссы, Декабря 3 Дня 1827 года.

Semnătura: Консул Лейле
Драгоман Красников
Ștampilă

(Sursa: ANRM. F. 5, inv. 1, d. 352, f. 343).

Anexa 3.

1828 ianuarie 1. Certificatul carantinei din Sculeni, care atestă că supusul austriac Stepan Hristov și hainele sale au trecut verificarea în vederea prevenirii maladiilor.

Значимся в сем паспорте Степан Христов, поступил из заграницы в Скулянский карантин 16 числа прошлого Декабря месяца, выдержал в оном пред-

писанный 16 дневный карантинный термин благополучно, а одеяния и вещи при нем имеющиеся: рубах 6, шароваров разных 7, туфьян 1, подушка 1, кацавейек[30] 3, шуб 6, утиральников 2, платков 3, сапогов 2 пары, антереев 4, елин 1, поясов 2, чулок 3 пары, полушубок 1, чемодан 1, гапка 1, картузов 5, книга 1, сундук 1, тетрадь 1, простыня 1, свита 1, торба 1, писем 36, замок 1, кошелек 1, и денег: цванцигеров[31] 31, рублев 2, юзлуков[32] 2; по правилам карантинным очищены. В том Карантинная Контора подписом присутствующих ея и приложением Казенной печати Свидетельствует, с удостоверением, что в сей помете подчистен прибавен и переправен в словах – никаких не имеется. Приметами оный Христов, росту высокого, волосы на голове и усах русые, бровях черные, глаза каштановые, лицо продолговатое, чистое, полное, нос и рот умеренные, подбородок круглый, лет 25, на щеке и бороде с левой стороны имеются две бородавки.

Января 1-го числа 1828 года
За Начальника Товарищ [semnătura indescifrabilă]
За Товарища [semnătura indescifrabilă]
Секретарь [semnătura indescifrabilă]
Ştampilă

(Sursa: ANRM. F. 5, inv. 1, d. 352, f. 343v).

Rezumat

În articolul „Cu privire la bulgarii străini supuşi în Basarabia (anii 1821–1828)", autorul, în baza materialului de arhivă, evidenţiază patru domenii în care s-au manifestat aceştia: comerţul, meşteşugul, grădinăritul şi lucrul în gospodăriile particulare. Cercetătorul ajunge la concluzia că, de regulă, aceştia nu se stabileau în colonii, ci îşi alegeau loc de trai în oraşe cum ar fi Chişinăul, dar şi în satele moldoveneşti din judeţul Orhei. După un timp anumit, supuşii străini, acumulând capital financiar, părăseau Basarabia şi se întorceau în Imperiile Otoman şi Austriac.

Cuvinte-cheie: supuşi străini, bulgarii, Basarabia, bilet, comerţ, meşteşuguri.

Резюме

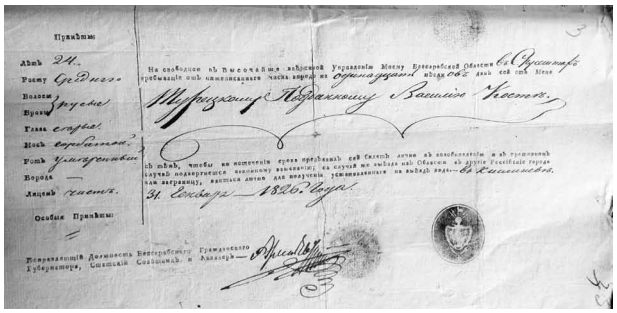
В статье „К вопросу об иностранных подданных болгарах в Бессарабии (1821–1828)" на основе архивных источников выделяются четыре области деятельности, в которых они были заняты: торговля, ремесло, огородничество и, кроме того, – наемная работа в частных хозяйствах. Исследователь приходит к выводу, что, как правило, эти болгары не селились в колониях, а выбирали место для проживания в таких городах, как, например, Кишинев, а также в молдавских селениях Оргеевского уезда. По истечении определенного количества времени иностранные подданные, накопив капитал, покидали Бессарабию и возвращались в Османскую и Австрийскую империи.

Ключевые слова: иностранные подданные, болгары, Бессарабия, билет, торговля, ремесло.

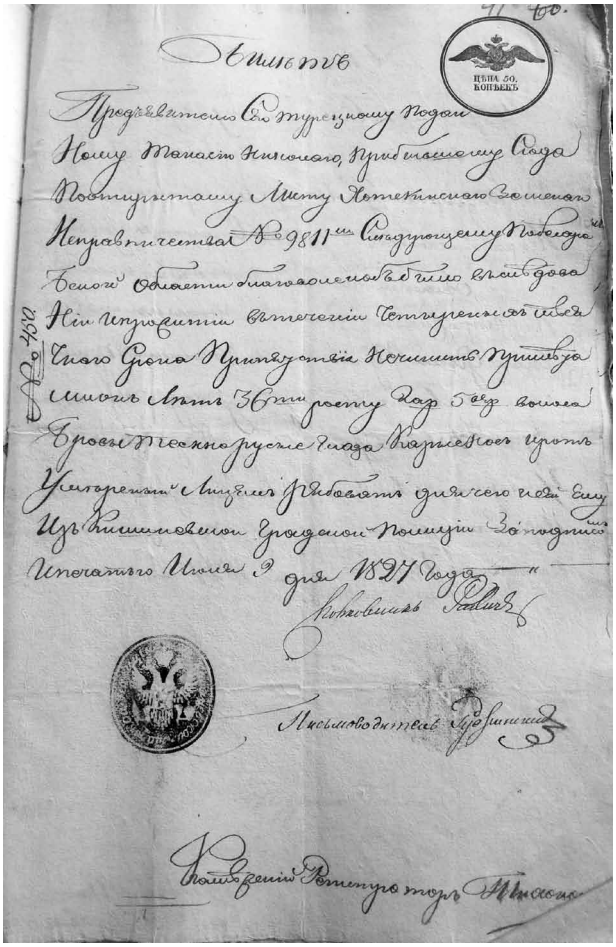
Summary

In the article „Foreign nationals Bulgarians in Bessarabia (1821–1828)" on the basis of archival sources, there are identified four areas of activity in which they were involved: trade, craft, horticulture and hired work in private households. The researcher concludes that, as a rule, these Bulgarians did not settle in the colonies, and choose to live in urban areas such as Chisinau, as well as in Moldovan villages of Orhei district. After a certain time foreign nationals, accumulated capital, left Bessarabia and returned to the Ottoman and Austrian empires.

Key words: foreign nationals, Bulgarians, Bessarabia, ticket, trade, craft.



Biletul emis de Cancelaria Guvernatorului civil al Basarabiei.



Certificatul emis de la Poliţia orăşenească din Chişinău (ANRM. F. 5, inv. 1, d. 352, ff. 3, 41).

Мария НИКОЛОВА, Татьяна КАРАИВАНОВА

ГЕОРГИЙ РАКОВСКИЙ И САВВА РАДУЛОВ О СОЗДАНИИ И РАЗВИТИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО УЧИЛИЩА В БОЛГРАДЕ (1858–1864)

В первой половине января 1858 г. в городе Яссы, в кабинете главы Княжества Молдовы – князя Николае Богориди случайно встретились активист Болгарского возрождения и основатель идеологии и организатор национально-освободительного движения Георгий Раковский и делегаты болгарских переселенцев из Бессарабии – Панайот Греков (Момчиоглу) и Георгий Минчев, которые принесли прошение, подписанное жителями 39 болгарских сел, относящихся к административному центру – городу Болград. В соответствии с Парижским мирным договором 1856 года эта территория, находящаяся под юрисдикцией России, была передана вассальному княжеству Турции – Молдове (Титоров, 1903, 39). Прошение, адресованное князю Молдовы, известное в истории как Мирский приговор болгар, относится к вопросу об открытии в центре болгарской колонии Болгарской средней школы в городе Болград (Челак, 1999, 52).

В период 1858–1864 гг. была открыта и начала свое развитие первая болгарская средняя школа – Болградская гимназия. В Архиве деятеля болгарского Возрождения Георгия Раковского найдены опубликованные документы и письма, которые раскрывают его заботу об образовании болгар, эмигрировавших в Валахию и Россию. В данной статье дан анализ переписки между деятелями болгарского Возрождения, где речь идет о создании и развитии первой в то время болгарской средней школы – Болградской гимназии, а также о создании и эксплуатации типографии при той же школе.

Находясь в Яссах, представители бессарабских болгар Греков и Минчев после знакомства с Раковским, оценив его опыт, знания и авторитет, предлагают ему возглавить первую созданную болгарскую школу в качестве директора. Этому предложению двух бессарабских представителей способствовал тот факт, что в ходе встречи с князем Николаем Богориди был затронут вопрос о том, чтобы „... определить управляющего. Они (Греков и Минчев – прим. авт.) решили, что к настоящему будет удобней определить странного (т.е. чужого – постороннего, не из местных бесарабских болгар – прим. авт.), пока не откорректируются некоторые недостатки". Поэтому Панайот Греков и Георгий Минчев решили пригласить „странного" – Георгия Раковского на должность директора школы, а не кого-то из местных бессарабских болгар. Об этой просьбе в своем автобиографическом письме, в марте 1858 года отправленном Ивану Иванову, Раковский пишет: „Они, довольные мною, попросили меня, чтобы я прибыл в Болград и оказал им содействие, чтобы быстрее привести в действие это общеболгарское полезное дело. Я с удовольствием принял это и прекратил свои дела, из-за которых приехал, то есть закончил их другим способом, в соответствии с нынешними условиями ..." (Архив, 1952, 494).

Георгий Раковский был очень счастлив и взволнован быстрым решением вопроса об открытии Болградской гимназии. Свою радость он выражает в письме, отправленном Василию Добровичу, написанном в городе Яссы 3 февраля 1858 г. Письмо не дошло до нас, но из ответа Добровича Раковскому видно, что эти вести волнуют и Добровича: „Последнее Ваше дружеское письмо от 3 текущего (февраль 1858 г. – прим. авт.) получил и понял все, что Вы мне писали, и очень обрадовался вашим вестям ... Пусть даст Господь хороших успехов в просвещении нашего народа" (Архив, 1957, 273). Открытие и деятельность Болградской гимназии, на самом деле, являются важным событием как для болгар в Бессарабии, так и для тех, что находятся за пределами Дуная.

После завершения своей миссии в городе Яссы делегация из двух бессарабских болгар вернулась с административным решением о создании болгарской средней школы. В ходе переговоров с князем Богориди последний обещал им отправить прошение болгарских колонистов в Министерство просвещения Молдовы, вскоре после этого, по словам Раковского, „... им был предоставлен документ об открытии в Болграде гимназии реальной, независимой от Министерства просвещения, болгарский язык в которой должен быть основным" (Архив, 1952, 294). Это свидетельство очень интересно и важно. Оказывается, что задолго до получения указа, известного как Крисовул о создании школы, 10 (22) июня 1858 г. обоим представителям бессарабских болгар был вручен приказ князя Богориди об открытии средней школы. Об этом письменном разрешении князя, полученном в январе 1858 г., нет другой информации.

Связь Георгия Раковского с общественностью и просветительскими деятелями из Бессарабии имеет большое общественное значение для развития Болградской гимназии в первые годы ее существования. Где бы он ни находился, чем бы он ни занимался, всегда находил время для решения проблем первой болгарской средней школы. Это видно из его переписки: он пишет школьному совету в Болграде, отдельным членам Попечительского комитета (Панайоту Грекову), первому директору, а затем и сам Раковский дает им ценный совет – отнестись серьезно к выбору учителей – и рекомендует более талантливых учителей отправлять на специализацию за границу, чтобы они могли повысить свою научную и педагогическую квалификацию (Атанасов, 1964, 154).

Как программный документ о создании Болградской гимназии мы можем определить письмо Георгия Раковского, относящееся к началу апреля 1858 г. Оно адресовано болградским руководителям – Панайоту Грекову, Дочо Христову, Николае Парушеву и другим: „…обстоятельства неожиданно помешали мне приехать в ваш город и содействовать, по возможности, со своей стороны, открытию в Болграде общеполезной средней болгарской школы. После прибытия в Одессу был я уведомлен, что вы собрались и единогласно, без разногласий выбрали попечителей для управления общенародным делом, которое не только вашим переселенцам обеспечит светлое свое будущее и достойное человека благоденствие, но еще и вся Болгария будет пользоваться этим, и ваш город будет знаменитым и славным между целым болгарским народом!

Несказанны воистину моя ревность и душевное наслаждение, которые я чувствовал в отношении благополучного вашего первого поступка! Прошу вас от всего сердца и в будущем так же миролюбиво и в согласии следовать вашему святому поприщу, через которое только благополучно получите желаемые успехи! Поскольку я имел честь узнать от ваших горожан, говорю вам без притворства, что в самом деле видел среди них болгар-родолюбцев, в сердцах которых возродилось благородное чувство и стремление к просвещению народа нашего. Но ревность эта только тогда станет известной и оценится, когда будет приложена к действию. Мне знакомы ваши материальные средства, и всем вам дано облегчение со стороны молдавского правительства, и из-за этого дерзаю свободно вам сказать: не теряйте это драгоценное, благое время, которое не всегда есть, но спешите скорее открыть и привести в изрядность среднюю гимназию в Болграде, то есть найти образованных учителей-болгар на первое время, чтобы начали преподавать. Знайте, что политические обстоятельства являются непостоянными и могут измениться! Вы на самом деле нуждаетесь во многом, но не бойтесь: только начните действовать, и все устроится и уляжется.

Постоянство с усердием в каждую работу приносит совершенство. Действуйте сообразно с сегодняшними обстоятельствами и старайтесь еще в начале заложить хорошую основу. Так как каждую работу, какую основу положит человек в начале, такой и конец ее ожидает; а больше всего – если это общественная работа. Обозревайте будущее с проницательностью, планируйте будущее, потому что эта работа не временная, а вечная, которую в будущем потомки будут обсуждать и оценят ваши дела достойно. Какую другую более бессмертную пользу имеет человек в этом временном мире, кроме того, чтобы заслужить похвальное имя и надолго остаться в памяти потомства" (Архив, 1952, 143).

В письме Георгия Раковского к лидерам города Болграда говорится о попытке арестовать его на территории Молдовы – случай, который не дает ему внести свой вклад в развитие болгарской школы в Болграде в соответствии с его знаниями, опытом и силой. Он рад тому, что совместными усилиями был избран руководящий орган средней школы – Попечительский комитет. Первым трем членам этого общественного органа был определен трехлетний мандат правления. В него были избраны в начале апреля 1858 г. видные болгары, которых он лично знает – Панайот Греков, Никола Парушев и Дочо Христов (Миславский, 1994, 207). Эти школьные попечители являются „на самом деле болгарскими родолюбцами", он советует им поспешить с открытием и укреплением болгарской школы и предсказывает, что эта средняя школа будет играть важную роль в формировании будущего болгарской нации: „…целая Болгария еще долго будет пользоваться результатами этого дела…", а „…политические обстоятельства являются непостоянными и могут измениться". Поэтому Георги Раковски призывает болградчан: „вы делаете не временную работу, а вечную" (Архив, 1952, 143).

В письме к Панайоту Грекову, написанном в Одессе 11 апреля 1858 г., Георгий Раковский снова выражает свое сожаление об упущенной возможности внести свой вклад в начало развития первой болгарской школы: „Плохая моя судьба, помешала моему желанию прийти и оказать посильную помощь в общем деле" (Архив, 1952, 148).

Он приветствует Панайота Грекова в связи

с его избранием на пост попечителя в Попечительский комитет и выражает свое сожаление, что другой его друг, Георги Минков, с которым он встречался в Яссах, не избран на эту должность. Раковский имеет „... большие надежды, что он будет содействовать больше всех для общего блага в этом общеполезном деле ..." (Архив, 1952, 148). В тот же день он пишет письмо бессарабскому общественнику и просветителю Савве Радулову, в котором еще раз отмечает упущенную возможность работать на создание и укрепление Болградской гимназии: „... Но что я могу сделать? Эти обстоятельства имеют такие последствия. Видно, злой враг из ада противостоит мне с давних времен ..." (Архив, 1952, 144).

Во второй половине апреля 1858 г. Георгий Раковский пишет „Болгарскому в Болграде попечительству училища и прочим болгарам" (Архив, 1952, 340) очень важное письмо. С первых строк ясно, что Раковский говорил в Одессе с болгарином из Бессарабии Георгием Родионовым, от которого узнал, что обещания правительства Молдовы не выполняются. В письме обсуждается, как категорически защитить права бессарабских болгар, которые живут на территории Молдовы.

Георгий Раковский получает два письма, почти одно за другим. Первое, написанное 3 мая 1858 г. Саввой Радуловым, является ответом на письмо Раковского от 11 апреля 1858 г., в котором Радулов выразил пессимизм по поводу открытия болгарской гимназии в Болграде. Он пишет: „Ваша встреча с двумя жителями Болграда не достаточна, чтобы передать вам мнение всех болградчан ...". Автор критикует болградских колонистов, которые быстро теряют свой энтузиазм, а также „…изо дня в день возникают неожиданные дела..." (Архив, 1957, 300), такие как визит госсекретаря Димитра Кантакузина. Последний настаивал на предоставлении правительству ценных бумаг муниципального фонда, которые находятся в Одесском коммерческом банке. Болгарские колонисты категорически отказывают Кантакузину в предоставлении своих средств молдавскому правительству, и в этом Савва Радулов видит причину блокирования окончательного решения об открытии болгарской школы в Болграде. Он пишет: „Мы отправили устав и программу будущей центральной школы в Одессу господину Н. Х. Палаузову, чтобы он рассмотрел и вернул нам его обратно со своими примечаниями. Надеюсь, что Вы также его увидели" (Архив, 1957, 301).

Днем позже, после письма Радулова от 4 мая 1858 г., письмо Раковскому пишет и Панайот Греков, в письме он сообщает: „Очень сожалеем о несчастье, которое нас разделило и лишило нас Вашей помощи для нашей работы" (Архив, 1957, 305). Греков сообщает о выборе попечителей и о том, что Георгий Минков также содействует открытию школы. Автор второго письма не ссылается на какие-либо проблемы в открытии Болгарской средней школы. В своем послесловии Панайот Греков пишет: „Программу и устав школы, которую мы отправили Вам, если Вы их уже рассмотрели, просим вернуть лично господину Скачкову, который принес Вам это письмо" (Архив, 1957, 305).

Из писем Радулова и Грекова видно, что бессарабские болгары направили свой проект устава и программы будущей Болградской гимназии в Одессу – Николаю Хр. Палаузову, а в письме Грекова указано, что устав и программа были предоставлены лично и Георгию Раковскому, так как болградские болгары считают его идейным вдохновителем и наиболее компетентным в вопросе создания школы. Поэтому он просит Раковского, после того как тот рассмотрит устав и программу и сделает соответствующие замечания и предложения, вручить их лично Скачкову, который вернет их быстро и надежно в Болград.

Еще одно письмо Саввы Радулова, от 17 июня 1858 г., показывает, что Георгий Раковский представил свои замечания и предложения по уставу и программе о Болградской гимназии. Но при выдаче Указа (Хрисовула) о создании первой болгарской школы 10 (22) июня 1858 г., подписанном князем Николой Богориди, Георгий Раковский видит, что его замечания и предложения игнорируются, поэтому он пишет гневное письмо Савве Радулову. Это письмо не найдено, но о его гневности мы судим по ответу. В своем от 17 июня 1858 г. Радулов пишет: „Вы осуждаете меня в эгоизме. Не сержусь ... Но позвольте мне сказать Вам, что Ваша честь не должны ни на кого нападать, тем более когда вы не знаете человека. Что относится к вопросу устава Центральной школы, теперь уже не страдает ни Ваше, ни мое самолюбие. Его профессора Академии города Яссы полностью изменили. А программа осталась в тумане" (Архив, 1957, 325).

Из письма Радулова видно, что возникает спор между Иваном Ивановым (Каляндж) и Николаем Хр. Палаузовым, с одной стороны, и Георгием Раковским – с другой, который основан на различии их мнений по вопросу Устава школы. По этому вопросу Савва Радулов пишет: „Я слышу со стороны, что вы обвиняете меня за то, что я написал от имени общества г-ну Каляндж и Палаузову и попросил их совет по поводу шко-

лы. Это мы сделали по политическим причинам, а ждали и совета, будь он хорошим или плохим. От нас зависело, принять его или нет. Но они хотят, чтобы все было в соответствии с их мнением, и поэтому возник спор между ними и вами" (Архив, 1957, 326).

Савва Радулов 15 марта 1859 г. в своем письме, адресованном Раковскому, объясняет, что никогда не стремился к должности директора школы, даже со ссылкой на другое письмо, отправленное Попечительскому комитету, в котором разъясняет, что он будет работать в качестве директора школы временно, пока найдут подходящего человека. А что касается преимуществ, Радулов никогда не стремился и не будет искать их. Он пишет, что члены Попечительского комитета „...обратились со своим предложением по этим делам к некоторым нашим болгарам, которых они знали и которые были бы достойными этой службы, но со всех сторон получили отказ. Наконец, чтобы не оказалось это дело мертвым и не осталось только на бумаге, решили возложить на меня эту тяготу, пока не найдут другого, более достойного, кто бы взялся за эту работу. Чувствуя, что я слаб для такой высокой должности, я сам, в свою очередь, буду готов уступить свой пост другому, более достойному, когда таковой появится из нашего народа, но и сам буду пытаться искать такого человека. В основном потому, что эта служба отнимает мою заслуженную честь как перед моей совестью, так и перед всеми моими родолюбивыми соотечественниками, которые могут подумать, что все мои устремления в общее всенародное дело не были чисто благородными и бескорыстными, но были исполнены низкими корыстолюбивыми и эгоистичными намерениями" (Архив, 1957, 420). Радулов пишет Раковскому еще, что „…Министерство смотрит на мою кандидатуру с недоверием, и почему? Потому что я стою за права нашего народного языка, потому что не допустил румынских учителей преподавать науки на языке, на котором они хотели, я указал им прямую дорогу" (Архив, 1957, 420-421).

По истечении времени мы можем сказать, что позиция Саввы Радулова в поставленных задачах была правильной. Перед нами разкрывается образ истинно самоотверженного болгарского возрожденца. В переписке, которая ведется между Раковским и Радуловым, есть темы, касающиеся распространения газеты „Дунавски лебед" среди болгар в Бессарабии. В письме, адресованном Георгию Раковскому от 17 января 1861 г., Савва Радулов дает список абонентов газеты „Дунавски лебед" в Болграде и под номером восемь среди абонентов указывает: „Центральная в Болграде школа. Для этих абонентов будут вам отправлены деньги за шесть месяцев предоплаты ..." (Архив, 1966, 80). Вероятно, этот абонемент относится к библиотеке Болградской гимназии.

Весной 1864 г. Георги Раковский печатает в Бухаресте газеты „Бъдъщност" (будущее) и „Бранител" (защитник), но из-за различных препятствий и финансовых трудностей он перестает издавать эти газеты (Трайков, 1974, 299). В архивах Раковского сохранено его письмо с предложением нанять типографию в Болграде, в этом предложении он развивает ценные идеи. Идею об открытии типографии в гимназии Раковский дает еще в 1858 г. – в начале основания Болградской гимназии (Дончев, 1993, 56). После того как власть остановила выдачу его газеты „Бранител" (август 1864 г.), он нуждается в типографии и намерен переехать в Болград. Он отправляет Попечительскому комитету письменное предложение, в котором дает свое „Предложение об аренде болгарской типографии в Болграде", письмо содержит и устав о работе типографии (Архив, 1952, 422-423). В своем „Предложении..." Георгий Раковский высказывает следующие идеи: „Эту типографию надо предоставить одному человеку, который хорошо разбирается в таких предприятиях", привлечь „болгарских писателей и книгопродавцев" с тем, чтобы типография печатала „одну газету еженедельно на болгарском языке" (Архив, 1952, 422). Условия Георгия Раковского о типографии заключаются в следующем: „Обеспечить ее машиной из новых технологий, а не только с ручными прессами, ... инвестировать капитал из 1 000 франков. и срок аренды чтоб был 6 лет" (Архив, 1952, 422-423).

При таких условиях Георгий Раковский обязуется: печатать и предоставлять бесплатные учебники „... столько экземпляров, сколько требуется для учеников колонии, а остальные ... будет их продавать там, где найдет" (Архив, 1952, 423). Капитал из 1 000 франков должен выплачиваться с начала четвертого года и до конца шестого должен быть погашен. По истечении шести лет типография должна быть предоставлена арендатором в исправном виде.

Из этих предложений Раковского видно, что он знает, как должна работать типография, его предложения являются правильными и соблюдают баланс между интересами арендатора и сохранением собственности и технической исправности типографских машин. Попечительский комитет не принимает просьбу Георгия Раковского по неизвестным нам причинам (Трайков, 1990, 273).

После 1861 г. Георгий Раковский в основном занимается организацией освободительной борь-

бы болгарского народа, он продолжает интересоваться проблемами Болградской гимназии. С 1858 по 1878 гг. гимназия выросла не только как первая болгарская общеобразовательная средняя школа, а превратилась в национальный образовательный центр, в культурный очаг возрождающегося болгарского народа. Отвечая потребностям болгарского Возрожденческого общества, в Болградской гимназии осуществляется огромная воспитательная и образовательная деятельность по формированию национальной интеллигенции. И это самый главный результат, потому что более 200 выпускников гимназии стали строителями свободной Болгарии.

В заключение следует подчеркнуть роль и значение деятелей болгарского Возрождения в создании и развитии гимназии в городе Болграде. Неоценима помощь Георгия Раковского в создании болгарской школы и его ходатайство перед князем Молдовы для осуществления этого. Авторитет Раковского среди бессарабских болгар исключительно высок, даже Савва Радулов написал: „... Ваши слова проповедуются как слова святые по всему Болграду" (Архив, 1957, 419). И в последующие годы, когда Раковский проезжал через Бессарабию и Болград, в своем прямом общении с людьми или через переписку он реально интересовался состоянием, проблемами и успехами Болградской гимназии. Но период с 1858 по 1864 г. был основным в его работе по созданию первой болгарской гимназии. С тех пор она формируется как Центральная болгарская школа и становится ведущим учреждением болгарского просвещения эпохи Возрождения.

Литература

Архив на Георги С. Раковски. Писма до Раковски 1841–1860. Т. II. София, 1957.

Архив на Георги С. Раковски. Писма до Раковски 1861. Т. III. София, 1966.

Архив на Георги С. Раковски. Писма и ръкописи на Раковски. Т. I. София, 1952.

Атанасов Ж. Георги Раковски и просветното дело // Георги Стойков Раковски. Възгледи, дейност и живот. Т. 1. София, 1964.

Дончев Д. Болградската гимназия през 1858–1878 г. // Болградската гимназия. Сборник по случай 135 години от основаването й. София, 1993.

Миславский К. Исторически очерк на гимназията „Император Александър III" в Болград. Болград, 1903. Фототипно издание. София, 1994.

Титоров Й. Българите в Бесарабия. София, 1903.

Трайков В. Георги Стойков Раковски. Биография. София, 1974.

Трайков В. Георги Стойков Раковски. Документална летопис 1821–1867. София, 1990.

Челак Е. Училищното дело и културно-просветния живот на българските преселници в Бесарабия (1856–1878). София, 1999.

Rezumat

În perioada 1858–1864 a fost deschisă și și-a început dezvoltarea prima școală bulgară – Gimnaziul din Bolgrad. În arhiva patriotului bulgar din perioada Renașterii, George Rakovski, au fost găsite documente și scrisori care dezvăluie preocuparea lui pentru educarea bulgarilor emigranți în Valahia și Rusia. Acest articol include o analiză a corespondenței între liderii bulgari în perioada Renașterii naționale pentru crearea și dezvoltarea școlii bulgare – Gimnaziul din Bolgrad, precum și o propunere pentru înființarea și funcționarea tipografiei școlare.

Cuvinte-cheie: Gimnaziul din Bolgrad, Gheorghie Stoikov Rakovski, Sava Radulov, bibliotecă școlară, tipografia școlară, Renașterea bulgară.

Резюме

В период 1858–1864 гг. была открыта и начала свое развитие первая болгарская школа – Болградская гимназия. В архиве деятеля болгарского Возрождения – Георгия Раковского – были найдены опубликованные документы и письма, которые раскрывают его заботу об образовании болгар, эмигрировавших в Валахию и Россию. В данной статье проводится анализ переписки между деятелями болгарского Возрождения, связанной с созданием и развитием первой в то время болгарской средней школы – Болградской гимназии, как и предложение этого деятеля о создании и эксплуатации школьной типографии.

Ключевые слова: Болградская гимназия, Георгий Стойков Раковский, Савва Радулов, школьная библиотека, школьная типография, болгарское Возрождение.

Summary

In the period of 1858–1864 the first Bulgarian high school, Bolgrad gymnasium, was opened and began its development. In the archive of George Rakovsky, a bright personality of the Bulgarian Renaissance, there were found published documents and letters showing his concern for the education of Bulgarians who migrated to Wallachia and Russia. This article includes the analysis of correspondence between the representatives of Bulgarian Revival concerning the establishment and development of the first Bulgarian high school - Bolgrad gymnasium, as well as the proposal for the establishment and operation of printing.

Key words: gymnasium in Bolgrad, Georgy Stoikov Rakovsky, Sava Radulov, school library, school printing, Bulgarian National Revival.

Никола КАРАИВАНОВ

БЕССАРАБСКИЕ БОЛГАРЫ – ВОСПИТАННИКИ НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ОДЕССЕ (1865–1878)

Новороссийский университет в г. Одесса открыт 1 мая 1865 г. на базе Ришельевского лицея, основанного в 1817 г. Вначале университет состоял из трех факультетов: историко-филологического, физико-математического и юридического, а с 1900 г. открывается и медицинский факультет. В 1920 г. властью большевиков Новороссийский университет раздроблен на отдельные организации (части). Это продолжается до 1933 г., когда он восстановлен как Одесский государственный университет. В 1945 г. учебному заведению присваивается имя известного ученого и преподавателя университета И. И. Мечникова, а в 2002 г. оно получает новый статус – Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова. Такова вкратце история одесской альма-матер.

Профессор Новороссийского университета А. Маркевич, который пишет очерк об истории этого учебного заведения, отмечает его политическое значение, предлагая с момента создания сделать из него „… высшее учебное заведение для лиц, рожденных в славянских и вообще в христианских землях Балканского полуострова" (Маркевич, 1880, 27-28).

Бессарабия в этот период является территорией двух государств: Болград и 39 болгарских сел входят в состав Румынии, а остальная часть болгарских селений относятся к России. От основания университета в 1865 г. до Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в период 13-ти учебных лет в нем, по нашим сведениям, учатся, как уже упоминалось, 17 болгар, рожденных в Бессарабии и России. Мы останавливаемся на периоде до 1878 г., потому что это год, когда Болгария воскресает на политической карте Европы после очередной и последней Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и заканчивается эпоха болгарского национального Возрождения. Также в статье прослеживается судьба всех бессарабских болгарских студентов, имена которых представлены здесь в соответствии с хронологией их поступления в университет. В 1865 г., с открытием Новороссийского университета в Одессе, в первый же учебный год, студентами становятся двое болгар: Константин Палаузов и Порфирий Стаматов.

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ПАЛАУЗОВ родился в городе Одесса в 1816 г. в семье известного возрожденческого деятеля и соратника Васила Априлова в деле открытия первого новоболгарского учебного заведения в городе Габрово – Николая Стоева Палаузова (Българска, 1988, 491). Константин Палаузов учится и заканчивает Ришельевский лицей. При основании болгарского настоятельства в Одессе он совершает дарение крупной суммы денег в размере 1700 рублей, в последующие годы также являясь активным членом и щедрым дарителем Настоятельства (Българска, 1988, 491). Он входит в число исполнителей завещания Васила Априлова. С открытием Новороссийского университета в 1865 г. Константин Палаузов становится студентом юридического факультета и успешно его заканчивает. Умирает он в 1888 г. в Одессе (Начов, 1929, 609).

ПОРФИРИЙ ХРИСТОФОРОВИЧ СТАМАТОВ рожден 26 февраля 1840 г. в городе Аккерман, сегодня Белгород–Днестровский (Българска, 1988, 608). Заканчивает Первую гимназию в городе Кишиневе в 1863 г. и со следующего, 1864 г. изучает юридические дисциплины в Петербургском университете. В 1865 г. Порфирий Стаматов переводится на юридический факультет в открывшийся Новороссийский университет в городе Одесса, где в 1868 г. защищает работу на степень „Кандидат юридических наук" (Димов, 1992, 146). В Новороссийском университете обучается на средства нескольких богатых бессарабских болгар (Калчев, 2001, 61). По завершении высшего образования Стаматов становится судьей в Одесском окружном суде.

После освобождения Болгарии в 1878 г. Порфирий Стаматов – член и председатель Верховного кассационного суда в Софии (Енциклопедия, 1988, 359). Он же становится министром юстиции Княжества Болгария в правительстве, которое возглавлял премьер – русский генерал Казимир Эрнрот (с 27 апреля 1881 г. до 1 июля 1881 г.). Затем Стаматов снова назначен председателем Верховного кассационного суда до 1886 г., после чего он уволен и возвращается в Россию (Ташев, 1999, 419).

В России до 1911 г. Стаматов работает членом судебных палат в городах Тифлис, Саратов и Одесса. Является председателем Второго городского департамента в Одессе с 1911 г. до 1920 г., членом петербургской и саратовской юридических ассоциаций. В 1920 г. Стаматов снова возвращается в Болгарию к сыну, Георгию П. Стаматову, ставше-

му классиком болгарской литературы. Порфирий Стаматов является и членом Болгарской академии наук (Сто години, 1969, 657). Умирает в Софии 11 июля 1925 г. (Калчев, 2001, 167).

ИВАН МАВРОВ родился в Болграде. В 1867 г. Заканчивает Болградскую гимназию, (Миславски, 1994, 218), после чего поступает на юридический факультет Новороссийского университета как стипендиат Болградской гимназии и успешно дипломируется. После освобождения Болгарии от турецкого рабства в 1878 г. переселяется на родину предков и работает адвокатом, судьей, окружным главой, директором гимназии в г. Лом. Является депутатом болгарского парламента – Народного собрания. Когда и где умер – неизвестно (Българска, 1988, 401).

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ПАЛАУЗОВ родился 12 мая 1851 г. в городе Одесса. Он сын Николая Христова Палаузова (Българска, 1988, 490). В 1868 г. заканчивает Ришельевский лицей и становится студентом юридического факультета Новороссийского университета в Одессе как стипендиат российского императора Александра II. В студенческие годы Палаузов является сотрудником газеты „Македония" (Стоянов, 1957, 227). В 1872 г. завершает высшее образование защитой диссертации, за которую ему была присуждена научная степень „Кандидат юридических наук" (Българска, 1988, 490). Он остается работать на юридическом факультете университета на кафедре уголовного права. В 1876 г. Палаузов защищает диссертацию на степень магистра по теме „К вопросу о форме участия народного элемента в уголовной юстиции". В 1876 г. Владимир Палаузов переводит с немецкого на русский язык книгу проф. Константина Иречека „История болгар" и издает ее в Одессе.

После освобождения Болгарии в 1878 г. Палаузов возвращается на родину предков и вносит свой вклад в строительство нового болгарского государства. В 1879 г. он избирается депутатом первого болгарского парламента – Учредительного собрания в г. Велико Тырново, участвует в создании первой болгарской – Тырновской конституции.

В 1880 г. Владимир Палаузов возвращается в Одессу и становится доцентом по уголовному праву на юридическом факультете, с 1881 до 1883 гг. проходит специализацию в Мюнхене и Париже. (Българска, 1988, 491). В 1885 г. защищает докторскую диссертацию и становится профессором в Новороссийском университете. С 1899 г. по 1920 г. – активный член Одесского болгарского настоятельства (Сто години, 1969, 516). С 1884 г. Владимир Палаузов является действительным членом Болгарского книжного дружества (Българска академия на науките, 1989, 27). Умирает 30 января 1920 г. в Одессе.

МИХАИЛ ПАНИЧЕРСКИЙ родился в г. Болград (Българска, 1988, 497). Воспитанник Болградской гимназии, которую заканчивает в 1869 г. (Миславски, 1994, 219). С 1870 г. до 1875 г. учится на юридическом факультете Новороссийского университета в Одессе как стипендиат Одесского болгарского настоятельства (Сюпюр, 1982, 172).
С 1875 до 1877 г. работает учителем в Болградской гимназии (Българска, 1988, 497). Паничерский поддерживает тесные контакты с многими видными представителями революционной эмиграции, такими как Христо Ботев, Любен Каравелов, Кирияк Цанков и, особенно, с бессарабским болгарином Олимпием Пановым (Минев, 1938, 12). Будучи учителем в Болграде, Паничерский является душой возрожденческого театра, проявляет себя как актер и режиссер и ставит ряд болгарских пьес (Каракостов, 1973, 508). Первого апреля 1877 г. в Болграде организуется филиал Болгарского центрального благотворительного общества в Бухаресте (последняя организация болгарской эмиграции), и Михаил Паничерский становится ее секретарем (Калчев, 2001, 96). После Освобождения Болгарии в 1878 г. он поселяется в Варне, где практикует адвокатскую деятельность и также на известный период времени является начальником полиции в городе. Когда умер – неизвестно.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ПАЛАУЗОВ родился в г. Одесса в 1850 г. в семье видного одесского торговца Николая Хр. Палаузова (Българска възрожденска интелигенция, 1988, 491). В 1850 г. поступает на юридический факультет Новороссийского университета, который заканчивает в 1874 г. Затем Николай Палаузов работает следователем в Одесском судебном округе и является мировым судьей в г. Николаев. Умирает в 1913 г. (Начов, 1929, 610).

ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ ВАСИЛЕВ родился 10 октября 1849 г. в г. Болград. В 1871 г. заканчивает Болградскую гимназию (Миславски, 1994, 220). Как стипендиат гимназии продолжает свое образование на физико-математическом факультете Новороссийского университета в Одессе (Миславски, 1994, 165). Во время всего обучения В. Василева его материально поддерживает Одесское болгарское настоятельство (Поглубко, 1976, 150). Будучи студентом, он собирает средства для болгар, пострадавших во время Апрельского восстания 1876 г. (Българска, 1988, 103). С осени 1876 г. до 1878 г. В. Василев работает учителем математики в

Болградской гимназии (Титоров, 1903, 141).

В конце 1878 г. Василий Василев переселяется вначале в Пловдив, где работает служащим в городском управлении, а в следующем, 1879 г. – в Софию, где 29 лет работает преподавателем физики и математики в Военном училище. Василий Василев является действительным членом Болгарского книжного дружества с 1902 г., которое переросло с 1911 г. в Болгарскую академию наук (Сто години, 1969, 115). В 1898 г. становится одним из основателей Физико-математического дружества в Болгарии, автором учебников по математике и физике (Калчев, 2001, 288). Васил Василев умирает 23 мая 1923 г. в г. Казанлык (Марков, 1924, 138-139).

НИКОЛАЙ УЗУНОВ родился в г. Болград. В 1872 г. заканчивает Болградскую гимназию (Миславски, 1994, 210). В 1872 г. поступает и успешно заканчивает юридический факультет Новороссийского университета. После 1878 г. переселяется в Болгарию, где служит в различных ведомствах. Других сведений о нем нет, где и когда умер в Болгарии – неизвестно (Миславски, 1994, 688).

ДМИТРИЙ ДИМИТРОВ родился в с. Чийшия (сегодня с. Городнее, Болградский район). Благодаря материальной помощи своего дяди, священника отца Дмитрия, он учится и заканчивает семинарию в г. Кишиневе (Червенков, 2005, 218). В 1873 г. поступает на историко-филологический факультет Новороссийского университета, который заканчивает в 1878 г. защитой кандидатской диссертации по теме „Остатки в простом народе язычества – демонологии и теогонии" и получает научную степень „Кандидат славяно-русской филологии". После окончания университета более 25 лет Дмитрий Димитров работает учителем в одной из гимназий Кишинева. Является автором двух учебников по географии для епархиальных женских школ (Пархомович, 1914, 186-187). После 1903 г. о нем нет сведений.

ПЕТР ВУЛЬПЕ родился в Болграде и в 1873 г. заканчивает Болградскую гимназию (Миславски, 1994, 221). В 1873 г. становится студентом физико-математического факультета Новороссийского университета и обучается два года – до 1875 г. (Сюпюр, 1982, 136). Затем работает учителем в Болградской гимназии с 1875 по 1878 г. (Българска възрожденска интелигенция, 1988, 126). В 1878 г. Петр Вульпе переселяется в Варну и работает там учителем. Более подробные сведения о жизни Петра Вульпе – где и когда умер – отсутствуют.

ХРИСТО КАМБУРОВ родился в Болграде. В 1873 г. заканчивает Болградскую гимназию и в этом же году поступает на юридический факультет Новороссийского университета (Миславски, 1994, 221). После дипломирования в 1878 г. он переселяется в Болгарию, где работает адвокатом и судьей. Известно, что избирается депутатом в Народное собрание – болгарский парламент (Българска, 1988, 311). Другие сведения о Христо Камбурове отсутствуют.

ДАНИЕЛ СТАДНИКОВ родился в с. Конгаз, Бессарабия (ныне в Молдове). Заканчивает Болградскую гимназию в 1874 г. (Миславски, 1994, 222). В этом же году поступает на историко-филологический факультет Новороссийского университета. После его окончания в 1878 г. поселяется в г. Солун (тогда Турция, ныне Салоники, Греция). В этом городе Стадников долгие годы работает учителем в Болгарской гимназии „Св. Св. Кирилл и Мефодий" (Миславски, 1994, 222). Когда умер – неизвестно.

ПЕТР БОНДАРЕВ родился в 1857 г. в Болграде (Българска, 1988, 81). Учится и заканчивает Болградскую гимназию в 1875 г. (Миславски, 1994, 222). Стипендиатом Попечительного комитета Болградской гимназии становится осенью 1875 г., поступив на физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе (Миславский, 1994, 166). В 1877 г. переводится на медицинский факультет в Бухаресте, но через год продолжает изучать медицину в г. Монпелье, Франция, где успешно заканчивает обучение в 1882 г. (Сюпюр, 1982, 127).

Петр Бондарев поселяется в Болгарии и работает вначале ординатором в Александровской больнице в Софии, затем врачом хирургического отделения больницы г. Видин, в больницах Сливена и Пловдива, управляющим больницы в Варне. С 1903 г. до конца дней д-р Петр Бондарев работает врачом санитарной службы в Софии. Везде, где он работает, известен как добросовестный и активный общественник в среде горожан Видина, Сливена, Варны и Софии (Калчев, 2001, 273). Умирает 25 сентября 1914 г. в Софии (Доктор Петър Бондарев, 1914, 375).

АЛЕКСАНДР КАНАЗИРСКИЙ родился в Болграде. В 1876 г. заканчивает Болградскую гимназию и как стипендиат гимназии осенью 1876 г. становится студентом юридического факультета Новороссийского университета (Миславски, 1994, 165). Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. прерывает свое обучение и принимает участие в рядах Болгарского ополчения. После войны заканчивает юридический факультет Новороссийского университета. Поселяется в Болгарии, где работает юристом, достигает поста окружного начальника в городе Русе. Когда и где умер – неизвестно (Миславски, 1994, 223).

ВЕНЕДИКТ ПОПОВ родился в Болграде, заканчивает Болградскую гимназию в 1876 г. (Миславски, 1994, 223). Поступает на юридический факультет Новороссийского университета как стипендиат Болградской гимназии (Миславский, 1994, 165). После окончания университета поселяется в Болгарии, работает юристом, членом апелляционного суда, занимает пост окружного начальника в г. Варна. Неизвестно где и когда умер.

ИВАН МАВРОВ родился в Болграде (Българска, 1988, 384). В 1876 г. заканчивает Болградскую гимназию и поступает стипендиатом Попечительного комитета гимназии (Миславски, 1994, 223) на физико-математический факультет Новороссийского университета (Миславски, 1994, 165). Заканчивает его в 1880 г. и переселяется в Болгарию (Дякович, 1908, 156). Мавров долгие годы работает учителем гимназии (Доросиев, 1925, 176). Его дальнейшая судьба неизвестна.

ИВАН ЖЕЛЯЗКОВ родился в Болграде. В 1877 г. заканчивает Болградскую гимназию и осенью этого же года становится студентом юридического факультета Новороссийского университета (Миславски, 1994, 223). После окончания высшего заведения переселяется в Болгарию, где работает юристом и доходит до поста окружного начальника города Пловдив (Миславски, 1994, 223). Другие сведения о жизни Ивана Желязкова, где и когда умер, не известны.

Это вкратце биографические данные 17 бессарабских болгар, которые учились в Новороссийском университете в г. Одесса в период со времени его создания в 1865 г. и до 1878 г. По факультетам болгары, студенты Новороссийского университета, распределяются следующим образом: наибольшее число студентов обучается на юридическом факультете – всего 11 человек, причем все оканчивают его успешно: Константин Палаузов, Порфирий Стаматов, Владимир Палаузов (защитили кандидатские диссертации); Иван Маринов, Михаил Паничерский, Николай Палаузов, Николай Узунов, Христо Камбуров, Александр Каназирский, Венедикт Попов и Иван Желязков. Так что успеваемость бессарабских болгар юридического факультета является стопроцентной и успехи – блестящими.

На втором месте по количеству студентов – бессарабских болгар – находится физико-математический факультет Новороссийского университета. Их всего 4 человека, из которых двое оканчивают факультет на отлично: Василий Васильев и Иван Мавров. Петр Вульпе обучается два года на физико-математическом факультете, но не оканчивает его и возвращается учителем начальных классов в Болградскую гимназию. Петр Бондарев также начинает учебу в Новороссийском университете, но он изучает медицину и заканчивает обучение в университете г. Монпелье во Франции.

На историко-филологическом факультете учатся двое бессарабских болгар: Дмитрий Димитров, окончивший его с защитой кандидатской диссертации, и Даниел Стадников, который защищает диплом на «отлично».

Во время обучения в Новороссийском университете пятеро студентов являются стипендиатами Болградской гимназии: Иван Маринов, Василий Василев, Александр Каназирский, Венедикт Попов и Иван Мавров. Все пятеро – воспитанники Болградской гимназии, и поэтому Попечительный комитет назначает им стипендии (Миславски, 1994, 168). Стипендиатом Одесского болгарского настоятельства являлся Михаил Паничерский, а стипендию имени русского императора Александра II получал Владимир Палаузов.

Воспитанниками первого болгарского среднего учебного заведения – Болградской гимназии „Св. Св. Кирил и Методий" – являются 12 человек: Иван Маринов, Михаил Паничерский, Василий Василев, Никола Узунов, Петр Вульпе, Христо Камбуров, Даниел Стадников, Петр Бондарев, Александр Каназирский, Венедикт Попов, Иван Мавров и Иван Желязков. Будучи студентом, Владимир Палаузов является корреспондентом газеты „Македония", сотрудничает и с другой болгарской прессой, а также переводит с немецкого на русский книгу проф. Константина Иречека „История болгар", Одесса, 1876 г.

Вкратце остановимся и на вкладе воспитанников Новороссийского университета в процветание Болгарии, освобожденной в 1878 г. Из 17 представленных выпускников 10 после освобождения Болгарии в 1878 г. переселяются в отечество своих предков: Иван Маринов, Михаил Паничерский, Василий Василев, Николай Узунов, Петр Вульпе, Христо Камбуров, Петр Бондарев, Александр Каназирский, Венедикт Попов и Иван Мавров. О Даниеле Стадникове можно сказать, что он трудится во имя Болгарии – учитель в Болгарской гимназии в г. Солун, тогда в пределах Турции. Порфирий Стаматов и Владимир Палаузов также определенный период времени работают в Болгарии, но возвращаются в Одессу. В этом городе работают и двое других одесситов – Константин и Николай Палаузовы, а Дмитрий Димитров живет и работает в Кишиневе. В основном бессарабские болгары, воспитанники Новороссийского университета, в период 1865–1878 гг. живут и реализуют себя в освобожденной Болгарии.

Литература

Българска академия на науките. Академици и член-кореспонденти. 1869–1984. София, 1989.

Българска възрожденска интелигенция. Енциклопедия. София, 1988.

Димов Д. Политически водители на българския народ. София, 1992.

Доктор Петър Бондарев. Некролог // Летописи на Лекарския съюз в България. Кн. 7-8. София, 1914.

Дончев Д. Болградската гимназия през 1858–1878 // Известия на педагогическия институт. Том XIX. София, 1965.

Доросиев Л. Нашите класни, средни и специални училища преди Освобождението // Материали за изучаване учебното дело в България. Кн. 1. София, 1925.

Дякович Б. Петдесетгодишнината на една забравена българска гимназия // Училищен преглед. Кн. 10. София, 1908.

Енциклопедия България. Том IV. София, 1988.

Калчев К. Исторически календар за бесарабските българи. Велико Търново, 2001.

Каракостов С. Българският възрожденски театър на освободителната борба 1858–1878. София, 1973.

Маркевич А. Двадцатилетие императорского Новороссийского университета // Записки Новороссийского университета. Том 53. Одесса, 1890.

Марков С. Поменик за Васил Василев // Летопис на Българска академия на науките. Кн. VI. София, 1924.

Минев Д. Олимпий Панов. София, 1938.

Миславски К. Исторически очерк на гимназията „Император Александър III" в Болград. Фототипно издание. София, 1994.

Начов Н. Българската колония в Одеса // Училищен преглед. Кн. 5. София, 1929.

Пахомович И. Духовно-учебные заведения Кишиневской епархии // Труды Бессарабского историко-археологического общества. Вып. 9. Кишинев, 1914.

Поглубко К. За да бъдат полезни на народа си. София, 1976.

Сто години Българска академия на науките. Том 1. София, 1969.

Стоянов М. Българска възрожденска книжнина. Том I. София, 1957.

Сюпюр Е. Българската емигратска интелигенция в Румъния през XIX век. София, 1982.

Ташев Т. Министрите в България. Енциклопедичен сборник. София, 1999.

Титоров Й. Българите в Бесарабия. София, 1903.

Червенков Н. Церковь святых Петра и Павла в селении Чийшия // Православные храмы в болгарских и гагаузских селениях на юге Украины и Молдовы. Выпуск первый. Болград, 2005.

Rezumat

Sunt aproape 150 de ani de când a fost inaugurată în orașul Odesa, Universitatea Novorossiysk (actualmente Universitatea Națională Ilia Mechnikov din Odesa), care atrage mulți bulgari basarabeni din România și Rusia. Am examinat perioada de la înființarea universității în mai 1865 până în anul 1878, când avea ca studenți doar 17 bulgari basarabeni. Articolul prezintă instruirea lor în Universitatea Novorossiysk și implementarea ulterioară a cunoștințelor acestora.

Cuvinte-cheie: Universitatea Novorossiysk, studenți, bulgari basarabeni.

Резюме

Новороссийский университет, открывшийся 150 лет назад в городе Одесса (сегодня – Одесский национальный университет им. Ильи Мечникова), привлекает многих бессарабских болгар Румынии и России. Исследуется период, когда в университете обучаются 17 бессарабских болгар (от создания университета в мае 1865 г. до 1878 г.). В статье представлен каждый из этих 17 человек, их обучение в Новороссийском университете и последующая личная реализация каждого.

Ключевые слова: Новороссийский университет, студенты, бессарабские болгары.

Summary

Opened 150 years ago in Odessa, Novorossiysk University (nowadays Ilya Mechnikov Odessa National University.) attracts many Bessarabian Bulgarians from Romania and Russia. We consider the period from the establishment of the university in May 1865 until 1878, when it had only seventeen Bessarabian Bulgarians. The article presents each of these seventeen people, their studies in Novorossiysk University and their destiny after graduation.

Key words: Imperial Novorossiysk University, students, Bessarabian Bulgarians.

Elena HADJINIKOLOVA

OLIMPI PANOV AND THE FIGURES OF THE APRIL UPRISING IN THE POLICY OF THE „YOUNG" IN THE BULGARIAN CENTRAL CHARITY SOCIETY (1876)

The Bulgarian Central Charity Society (BCCS) was established on 10 July 1876 in Bucharest. During the Eastern Crisis (1875–1878) it got in contact with the Slavic Committees in Russia and led the Bulgarian volunteer movement in the Serbian-Turkish War (Бурмов, 1950, 153-162; Никитин, 1960, 330-340) On 7 August 1876, the „young" (a revolutionary democratic and liberal reformist section) in the Bulgarian national liberation movement took up the leadership of the Society (Косев, Дойнов, 1988, 135) the „Young" took charge of arming the volunteers and preparing an uprising during the Serbian-Turkish war. The centre of this activity was the Serbian town Kladovo where a Bulgarian Committee (otbor – team) was formed (Бурмов, 1950, 154; Никитин, 1960, 332). The opinion that the Bulgarians only got weapons from the Slavic Committees in Russia and that was why they couldn't realise their plans is found in the literature (Генов, 1986, 122-160; Никитин, 1960, 332-343; Стоянов, 1992, 22-33). The role of the Bulgarian Committee (otbor) in Kladovo is reduced to helping the work of the Russian colonel A. M. Miloradovich and General M. G. Chernaev. It is limited to the communication with the Chisinau Bulgarian Society and the Odessa Bulgarian Board of Trustees when weapons are procured for BCCS from the Slavic Committees in Russia.

Olimpi Panov was elected in the leadership of BCCS on 7 August 1876 (Хаджиниколова, 2014, 177-187). At that time the organisation was also joined by Stefan Stambolov, one of the leaders of the revolutionary and democratic movement and of the Guirgiu Central Committee who prepared the April Uprising in the Bulgarian lands in 1875–1876 (Косев, Жечев, Дойнов, 1976, 222-323). The actors of the April Uprising managed to inculcate their ideas in the policy of BCCS owing to the Rousse Committee that took part in the development of the „Political Programme" of BCCS (Христов, 1968, 47-48). At that time the revolutionary actors, who brought the matter of „recognising the April Uprising as popular undertaking" to the attention of Europe, united around St. Stambolov.

The Rousse Revolutionary Committee was set up in 1871 by Toma Kardjiev, Nikola Obretenov and Radi Ivanov. It immediately assigned T. Kardjiev the task to procure weapons for the future uprising to be supported by a big cheta (armed group) located in Stara Planina (the Balkan) (Жечев, 1956, 193-221). At the end of 1875, the Rousse Committee became subordinate to the Guirgiu Revolutionary Committee and collaborated on the closest terms with the Tarnovo Revolutionary Committee (St. Stambolov, Georgi Jivkov, among others). Dimitar Gorov – a big weapon trader in Guirgiu, now assisted T, Kardjiev who took care of the weapons for the uprising (Жечев, 1956, 193,208-213) It is believed that Kardjiev as the treasurer of the Rousse Committee also went to Guirgiu in April 1876 expecting for the cheta that was to support the prepared uprising to go to the Bulgarian lands. T. Kardjiev remained in Guirgiu in the summer and autumn of 1876, keeping in contact with St. Stambolov in BCCS.

After the unsuccessful April Uprising in the spring of 1876, T. Kardjiev maintained its regular contacts with the Tarnovo Revolutionary Committee. The two centres of the uprising (Tarnovo and Rousse) continued to look for weapons, receiving support from Napredak (Progress) Society in Vienna that sent the gun powder for the April Uprising (Косев, Жечев, Дойнов, 2001, 87-99; Хаджиниколова, 2013, 239).

Kladovo was the weapon storage centre during the Serbian-Ottoman War. It is accepted in the literature that the Bulgarian Committee (otbor) in Kladovo was set up as a result of negotiations between the Serbian Government, actors of the Tarnovo Revolutionary Committee and the voivode (war leader) Panayot Hitov (Косев, Жечев, Дойнов, 2006, 99, 140-146; Шарова, 1966, 305). Thus it is assumed that G. Jivkov (Tarnovo) requested officers and weapons from Serbia even for the April Uprising. On the other hand, there is a different hypothesis that G. Jivkov requested weapons for the Bulgarian uprising through the Tarnovo trader Georgi Kiselov – a member of the Napredak Society in Vienna (Хаджиниколова, 2013, 238-240). All those unproven statements lead to the conclusion that one can believe P. Hitov accorindg to whom the Serbians amassed 2000 rifles in Kladovo with which the Bulgarians wanted to send their chetas (armed groups) to Western Bulgaria (to Vidin) during the Serbian-Ottoman War (Косев, Жечев, Дойнов, 2006, 140, 146). Whose are, however, the weapons at the disposal of the Bulgarian

Committee (otbor) in Kladovo?

Even before getting on the leadership of BCCS in August 1876, Olimpi Panov also showed interest in the weapons kept by the Bulgarian Committee (otbor) in Kladovo. It should be pointed out that he was a member of that committee and took care of said weapons together with Petar Ikonomov, Petar Mishaikov and Todor Altanov (Хаджиниколова, 2014, 181-182). Of those actors, the one who worked the longest time in Kladovo was T. Altanov from Braila[1]. He knew the situation well as he remained in the city after the changes to the BCCS leadership in August. T. Altanov says in his memoires that Ol. Panov was among the first members of the Committee in Kladovo. He came to the city back in April 1876 when the weapons for the April Uprising were gathered in Guirgiu[2].

During the whole period of his work in BCCS, Ol. Panov signed as „… delegate of the Bulgarian Society in Bolgrad and member of the Central Society in Bucharest". As a chair of BCCS, from September 1876 until the dissolution of the society, he called for uprising on behalf of „…the actors of the April Uprising" (Хаджиниколова, 2014, 182). This evidence speaks not only of his contacts with the Bessarabia Bulgarians but also of his existing relations with the „actors of the April Uprising" who did not remain neutral to the Bulgarian Committee in Kladovo.

***

Up to 1875 Ol. Panov was closely connected with the Bulgarian revolutionary movement because he was the sub-chair of BRCC in Bucharest. On the other hand, in the whole period of the 1870ies – the time of the national revolutionary fighting till the Liberation – Ol. Panov did not break his ties with his compatriots in Bolgrad. He relied in particular on Dimitar Yambolski, Dimitar Radionov and Mihail Panicherski (Хаджиниколова, 2014, 180). Those emigrant circles gave the money for the 2000 rifles at the disposal of Hitov. According to Ol. Panov, Nikolay Minkov and Todor Baldurski from Bolgrad gave the money for the 2000 rifles of P. Hitov which were at the disposal of the voivode during the Serbian-Ottoman War and were stored in Kladovo (Хаджиниколова, 2014, 180). With those rifles the Bulgarians attempted an uprising in Western Bulgaria and later in Dobrudzha. Those rifles were not received from the Serbians or from the Slavic Committees in Russia (Генов, 1986, 123).

The weapons for the April Uprising (1876) were gathered in Giurgiu by the Guirgiu Revolutionary Committee. They were paid for mainly by the committee in Rousse through T. Kardjiev[3]. Nikola Obretenov was the direct assistant of T. Kardjiev in Rousse. Georgi Kiselov from Napredak Society in Vienna also engaged in procuring the weapons. It is known that the gunpowder for the uprising came from Vienna. That is why the ammunitions they had in Guirgiu in the spring of 1876 also came from that place[4]. There were Bulgarian weapons amassed in Guirgiu thanks not only to Napredak Society but also to D. Gorov. Money came again from T. Kardjiev[5]. However, mainly Napredak Society in Vienna was engaged with the procurement because on 6 June, at the eve of the Serbian-Ottoman War, G. Kiselov (Guirgiu) was requested to „promptly send the weapons to Kladovo"[6]. Then G. Jivkov also called Kardjiev in Kladovo on 17 June, at the eve of the Serbian-Ottoman War[7]. Thus the weapons intended for the April Uprising, went at the disposal of the Committee (otbor) in Kladovo which included Ol. Panov since April 1876.

On the other hand, the Bulgarian revolutionaries connected with the April Uprising knew about the existence of weapons in Guirgiu because Vratsa Revolutionary District and the Rousse Committee got rifles from Guirgiu[8]. The existing receipts issued by T. Kardjiev were for payment of the weapons received in Guirgiu in March – April 1876[9].

The weapons located in Giurgiu were later sent to Kladovo. This is true because St. Stambolov wrote in back in 1875 that the revolutionary actors connected with the Stara Zagora Uprising ordered weapons from Vienna. They expected those weapons but at that time said weapons could not come yet[10].

Immediately before the Botev's cheta went to the Vratsa region in May 1876, Georgi Apostolov wrote to Stoyan Zaimov that Hristo Botev was going to Kladovo (Serbia) with a cheta with whom he would take the weapons from Giurgiu to the city (Обретенов, 1942, 266-270). N. Obretenov explained that it was the only way for the Bulgarians to send to Kladovo their outfit for the Bulgarian chetas during the Serbian-Ottoman War.

Initially it was expected in Vratsa Revolutionary District that the cheta of Panayot Hitov would go to the district, but he refused to do that and went to Serbia (Бурмов, 1956, 71). Hristo Botev who was preparing to go to Kladovo together with Filip Totyu quickly went in support of N. Obretenov, G. Apostolov and St. Zaimov and set about organising „a revolt" in Vratsa District in the beginning of May. He did not give up the individual uprising.

However, Hr. Botev received 5000 Francs from Chisinau with which he had to go to Kladovo together with F. Totyu (Обретенов, 1942, 267). According to Ivan and Tsveta Undjievi, the cheta of Hr. Botev did not have „other's money" when coming to the

Bulgarian lands (Унджиев, Унджиева, 1975, 693)[11]. Therefore, Botev's cheta did not use the money of the Chisinau Bulgarian Society received from the Slavic Committees. Botev disposed of the weapons in Guirgiu but he used the Chisinau money for Totyu's cheta.

Totyu came to Kladovo in the beginning of May 1876 and immediately contacted Kardjiev asking him to keep secret their correspondence. Meanwhile Hr. Botev also sent weapons to Guirgiu[12]. Thus Botev again gave back the money from Chisinau.

In March 1876, negotiations were going on in Bucharest between the Serbian colonel Dragashic, K. Tsankov, L. Karavelov, P. Kaliandji and Ol. Panov and a decision to set up BCCS was taken (Дренски, 1994, 50). The Slavic Committees gave money for the BCCS. T. Kardjiev, Yanko Angelov and D. Gorov went on working and procuring weapons during the Serbian-Ottoman War (Монински, 1985, 84) Those actors had their own funds because D. Gorov was a rich weapond trader connected with Napredak Society in Vienna. T. Altanov continued to represent BCCS in Kladovo[13].

During the Serbian-Ottoman War, the Bulgarian Committee (otbor) in Kladovo did not interrupt its work. It was under the direct leadership of Petar Enchev – an outstanding BCCS actor educated in the South Slavic Boarding House in the city of Nikolaev. The Committee went under the leadership of BCCS in June 1876. It was also set up as a result of the negotiations in March of the same year in Bucharest[14]. The Committee (otbor) had its own „Charter of the Bulgarian Volunteer in Kladovo".

Similar to BCCS, the Bulgarian Committee (otbor) in Kladovo enabled the Bulgarian national liberation movement to manifest its autarchy. The Serbian government did not want to allow the existence of Bulgarian chetas. It set to scatter them among the individual Serbian military parts through 200 – 300 people therein[15]. On the other hand, T. Altanov says that the weapons of Mahachka were intended for setting up a separate Bulgarian detachment in Serbia. The weapons, however did not come until September 1876 when the Slavic Committees began to realise their plans (Стоянов, 1986, 58; Стоянов, 1987, 66-67; Стоянов, 1992, 48-55). Then the Bulgarian commission at the Moscow Slavic Committee called upon General Rostislav Fadeev to take the lead of the „Bulgarian uprising" and send a request to Colonel Miloradovic to go with a Bulgarian detachment to the Danube.

The Bulgarian chetas made their own attempt to take positions at Vidin in July – August 1876. In those months they were supported by the Kadaboaz detachment of Colonel Nikolay Kireev connected with the Herzegovina Commission of the Petersburg Committee. The battles of the cheta members in Northwest Bulgaria were coordinated also with T. Kardjiev and G. Jivkov who came to the Bulgarian Committee (otbor) in Kladovo (Генов, 1968, 77; Генов, 1977, 74; Генов, 1970, 116-117; Краев, 1904, 88-90; Христов, 1958, 43-46; Хаджиниколова, 1996, 8-202; Чолпанов, Христов, 1959, 18-19).

The plans of the Bulgarian cheta voivode was to enter Northwest Bulgaria with 2000 Bulgarians and take positions at Vidin which was also the plan of BRCC from 1 October 1875. According to the general committee meeting, it was expected that „… Filip Totyu will go with Stambolova and some other of their guys in the Bulgarian lands…" (Косев, Жечев, Дойнов, 1976, 223; Шарова, 1966, 179-260). In January 1876 Hitov addressed the Serbian Kniaz with a request „…to gather 2000 rifles in Kladovo and go with them in the Bulgarian lands"[16]. Unfortunately, Hitov included in the Bulgarian lands only the area between the Danube and Stara Planina (the Balkan Mountains).

The Slavic Committees were against the individual actions of the Bulgarian chetas in their lands (Генов, 1986, 123-125, 128, 147). They did not want an independent uprising governed by the Bulgarian interests and separate from the Chief Committee of the Bosnia Uprising and the Serbian Archbishop Mihail (Хаджиниколова, 1996, 78-79, 87-88).

Bulgarian weapons gathered in Giurgiu for the April Uprising was used in Kladovo till the beginning of September 1876. The rifles from Mahachka promised by BCCS came not until September 1876, when the Bulgarian volunteers in Serbia were already included in the membership of the Russian-Bulgarian Division (Стоянов, 1986, 58-67).

***

Ol. Panov was in Kladovo until September of the same year when the Slavic Committees withdrew him and included him in the leadership of BCCS in Bucharest. Among his compatriots in the organisation, Ol. Panov was on the side of the actors of the April Uprising. It is written about him that he and Dimitar P. Ivanov „will fly the flag of „Young Bulgaria"[17].

Note

[1] Национална библиотека „Св. св. Кирил и Методий". Български исторически архив (НБКМ/БИА). Ф. 778, а. е. 1., л. 2

[2] НБКМ/БИА. Ф. 778, а. е. 1., лл. 7-8

[3] НБКМ/БИА. IIB-254, 334, 1664/3 и др.

[4] НБКМ/БИА. IIB-268.

[5] НБКМ/БИА. IIB-265.

[6] НБКМ/БИА. IIB-328.

[7] НБКМ/БИА. IIB-334.

[8] НБКМ/БИА. IIB-212, 270.
[9] НБКМ/БИА. IIB-225, 245, 250,254, 270 и др.
[10] НБКМ/БИА. IIB-154.
[11] НБКМ/БИА. Ф. 5, а. ед. 7, лл. 18-19.
[12] НБКМ/БИА. IIB-278.
[13] НБКМ/БИА. IIB-1664/3, 7, 9.
[14] НБКМ/БИА. Ф. 232, а. ед. 31.
[15] НБКМ/БИА. Ф. 778, а. е. 1, л. 2.
[16] НБКМ/БИА. IIA-7349/4.
[17] НБКМ/БИА. Ф. 112, а ед. 147.

Literature

Бурмов Ал. Български Революционен Централен Комитет (1867–1877). София, 1950.

Бурмов Ал. Формиране на Ботевата чета // Исторически преглед. София, 1956, №4.

Генов Ц. Българската емиграция и национално-освободителното движение в навечерието на Руско-турската война 1877–1878 // Исторически преглед. София, 1968, №1.

Генов Ц. Българската общественост в навечерието на Освобождението // Освобождението на България (1878–1968). София, 1970.

Генов Ц. Българските доброволци в Сръбско-турскатка война 1876 г. Априлското въстание и Източната криза (1875–1878). София, 1977.

Генов Ц. Славянските комитети в Русия и българското освободително дело (1858–1878). София, 1986.

Дренски Ив. Олимпи Панов. София, 1994.

Жечев Н. Обществено-революционната дейност на Тома А. Кърджиев до Освобождението // Известия на института „Ботев-Левски". София, 1956, №2.

Косев К., Дойнов Ст. Освободителната война 1877–1878 и българската национална революция. София, 1988.

Косев К., Жечев Н., Дойнов Д. Априлското въстание в съдбата на българския народ. София, 2001.

Косев К., Жечев Н., Дойнов Д. История на Априлското въстание 1876. София, 1976.

Косев К., Жечев Н., Дойнов Д. История на Априлското въстание 1876. (Второ издание). София, 2006.

Краев, полк. Въстанията на българите за освобождение от турско иго (1396–1877). София, 1904.

Монински Хр. С тайното име „Твердо". София, 1985.

Никитин С. А. Славянские комитеты в России. М., 1960.

Обретенов Н. Спомени за българските въстания. Увод и ред. на проф. М. Арнаудов. София, 1942.

Стоянов Ив. Закупване и доставяне на оръжие за Българското Опълчение // Исторически преглед. София, 1987, №10.

Стоянов Ив. Планове за въстание в България, свързани със сръбско-турската война 1876 // Военно-исторически сборник. София, 1986, №4.

Стоянов Ив. Славянските комитети и българското освободително движение след Априлското въстание 1876. София, 1992.

Унджиев Ив., Унджиева Цв.. Христо Ботев. Живот и дело. София, 1975.

Хаджиниколова Ел. Българите в сръбско-турската война 1876. София, 1996.

Хаджиниколова Ел. Кишиневското общество за разпространение на грамотност, Търновският революционен комитет и българското националноосвободително движение през 1876 г. // България: метрополия и диаспора. Сборник по случай 65-годишнината на д.и.н. Николай Червенков. Кишинев, 2013.

Хаджиниколова Ел. Олимпи Панов, „младите" и Българското Централно Благотворително Общество (БЦБО) в Букурещ (1876) // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Христов Хр. Освобождението на България и политиката на западните държави (1876–1878). София, 1968.

Христов Хр. Руската общественост и българското национално-освободително движение в навечерието на руско-турската война 1877–1878 // Освобождението на България от турско иго. София, 1958.

Чолпанов Б., Христов Д. Участието на българите в борба на съседните народи. София, 1959.

Шарова Кр. Априлското въстание и борбата за освобождение на другите южнославянски народи // Априлското въстание 1876–1966. София, 1966.

Rezumat

Obiectivul principal al acestui articol este de a-l prezenta pe Ol. Panov ca membru al Societății revoluționarilor bulgari. Activând în cadrul Societății Centrale Bulgare de Caritate (SBCC), acesta a pledat pentru păstrarea independenței în procesul mișcării de eliberare națională a Bulgariei (1876).

Cuvinte-cheie: Olimpi Panov, SBCC, arme pentru SBCC.

Резюме

Основной целью настоящей статьи является описание деятельности О. Панова в качестве члена Общества болгарских революционеров. Руководя БЦБО, он выступал за сохранение самостоятельности Болгарского национально-освободительного движения (1876 г.).

Ключевые слова: Олимпи Панов, БЦБО, оружие для БЦБО.

Summary

The main purpose of this article is to show O. Panov as a member of the Society of the Bulgarian Revolutionaries. He tried to keep the independence of the Bulgarian National Movement as a leadership of BCCS (1876).

Key words: Olimpy Panov, BCCS, weapon for BCCS.

Елена ВОДИНЧАР

ПРИЧИНА И МОТИВАЦИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ БОЛГАР БЕССАРАБИИ В БРАЗИЛИЮ В 20-Е ГГ. XX ВЕКА В ПАМЯТИ ИХ СОПЛЕМЕННИКОВ

Во время очередной экспедиции в болгарские села Молдовы и Украины я совсем случайно наткнулась на две интересные, с точки зрения этнологии, фотографии. Видно было, что они семейные, так как на одной была изображена свадебная церемония (молодожены и их родственики), а на другой – те же люди, но в другом временном ракурсе (несколько лет после свадьбы). На оборотной стороне одной из них на болгарском диалекте была надпись: „На памят от Бразилия". Фотографии любопытны не только с точки зрения культурологического анализа[1]. За этой надписью, спускавшейся, как занавес, на лица с фотографии, скрывалась память о событиях 20-х годов XX века. В свое время известный русский этнограф Лев Яковлевич Штемберг писал: „Наблюдайте этнографические явления с такой же тщательностью, всесторонностью и объективностью, как натуралист изучает явления и объекты природы. Констатируйте все, что поддается наблюдению, не внося субъективного критерия в деление явлений или признаков явлений на значительные и незначительные, ибо часто то, что кажется незначительным или маловажным, может иметь очень важное значение в сравнительно-этнографическом отношении" (Штернберг, 1914, 212). Следуя указаниям знаменитого ученого, я подробно записала историю людей с фотокарточек, и не только – приобрела эти пожелтевшие отрывки памяти, обещая себе в один прекрасный день вернуться к ним.

В 2011 году я предприняла индивидуальное исследование на тему: „Трудовая миграция болгар из Бессарабии в Бразилию в 20-х годах XX века. Люди, судьбы, память". В целом данная тематика еще не разработана с точки зрения ее научного потенциала в отношении тех стран, чья история непосредсвенно касается вопроса миграции болгар в Бразилию[2]. В то же время надо отметить и исторические, и биографические сведения и оценки, уже опубликованные в общих исторических трудах, в монографиях краеведческого характера, в отдельных публикациях или в периодической печати[3]. Вся эта информация очень важна, но и не достаточна для того, чтобы рассмотреть процесс эмиграции в различных направлениях, выяснить причину его возникновения, заглянуть в мифологию выражения: „В Бразилии хлеб растет прямо на деревьях" и т.д.

Настоящая статья всего лишь попытка сделать еще один шаг к желанию пополнить исследовательское поле по этой теме, а именно: наметить ряд причин и мотивов, повлекших за собой массовый отток людей из Бессарабии в Бразилию. При сборе полевого материала исспользовались различные подходы: классическое интервью, этнографическое наблюдение, фотографирование, биографический метод. В ходе работы информантам показывались обе фотографии из Бразилии. Интересно, что визуальные образы с пожелтевших фото, совсем незнакомые моим собеседникам, вписывались в структуру их памяти и из „чужих" превращались в „свои". И в этот момент беседа начиналась со словами: „были такие люди", „и мой дядя поехал в Бразилию, женился на нашей" или „наши соседи все уехали". С интересом наблюдала я, как две старые фотографии будили в памяти людей забытую реальность, образы односельчан, факты и события прошлых лет. Фотографии превращались в настоящие места памяти[4], в документы, призванные хранить личную историю и ждать своего часа для рассказывания. И в этот же самый миг личная история перерастала в коллективную, принадлежащую целой болгарской общине, а фотографии из Бразилии всего лишь актуализировали память о ней.

Это было в румынское время…

Часто рассказы информантов о миграции болгар в Бразилию начинаются словами: „Это было при румынах…". Что кроет в себе данное выражение и какой конкретикой наполнено его содержание? С исторической точки зрения указанное определение относится к межвоенному или Первому румынскому периоду (1918–1940)[5] в развитии болгарской общины Бессарабии. В промежутке между двумя мировыми войнами на территории Бессарабии происходят события, непосредственно связанные с Октябрьской революцией в России в 1917 г. и политикой ряда европейских стран, основанной на итогах Первой мировой войны (Нягулов, 1992, 160-172). Но когда политики определяли судьбу Бессарабии, самих болгар интересовало только одно: земельная проблема и национальный вопрос.

Территориальный интерес к Бессарабии проявляет Румыния, которая, пользуясь событиями

в революционной России, прибегает к военным действиям и тем самым решает судьбу местного населения – присоединяет их земли к своей территории. Исследователи, изучающие этот период, характеризуют подобный акт как насильственное присоединение (Грек, Червенков, 1993, 162). Надо отметить, что аннексирование Бессарабии, как исторический момент, хорошо прослеживается и в памяти старожилов болгарской общины. Но интересны воспоминания по этому поводу Захария Куцарева из с. Новая Ивановка Болградского района Одесской области, Украина: „Я родился в старой России. Мне было четыре года. В восемнадцатом году пришли румыны, *тогда уже разразилась* революция в России. Вот тогда губернатор и отдал Бессарабию румынам. А после, в *1940-м году, и тут* поднялась революция, и румыны ушли. Мы были двадцать лет под румынской властью. Румыны все по своим законам делали, свою дисциплину вводили... Ой, как били хоро-ш-о-о! Если не слушаешься, они покажут тебе, *что надо делать...* Позовут, немного побьют, и в следующий раз больше так не будешь делать...".

О ситуации в Бессарабии того времени болгарский дипломат в гор. Одесса Дмитрий Влахов пишет: „Болгары Бессарабии ничего не предприняли, а и не в состоянии что-либо предпринять для своего освобождения. Они дрожат от мысли, что Бессарабия может остаться под румынской властью, так как отлично знают, что румынский режим – это не только бесправие и угнетение, но и денационализация (Калчев, 2014, 212-221). Может быть, попытки „освободиться" и не были столь результативными, но то, что они были – факт. Не надо забывать, например, о Татарбунарском восстании (Пенчиков, 1994, 215-228) или же о проведении конгресса болгар в с. Ивановка Болгарская, на котором рассматривалась румынская политика насильственной ассимиляции (Нягулов, 1994, 229-242). И снова обращаясь к народной памяти о жизни тех времен, мы понимаем и то, что кроме видимых, революцинных настроений были и другие формы протеста. Вот, например: „В школу пошел при румынах. Дело было так: один учитель на все село, и чуть что – сидишь в углу на коленях! Тогда парты были длинными, писали чернилами. Я один раз случайно сделал кляксу, за что хорошенько получил. Пошел домой и жалуюсь деду. А он мне: „Туда больше ни ногой! Я с ними разберусь". А дед мой румынам вино продавал. И за то, что учитель меня побил, дед им стал вино водой разбавлять и так продавать. Ну, а меня больше в школу не пустил. На этом и закончилось мое учение"[6]. Примеров сопротивления очень много, но в целом, как верно отмечает молдавский ученый Иван Грек, „...этнокультурная идентичность болгар Гюлмяна, несмотря на ассимиляторские усилия румынских властей по отношению к наци-

Фото болгарской семьи из села Гасан-Батыр (Виноградное), Украина (20-е гг. XX в.).

ональным меньшинствам, сохранилась в полном объеме" (Грек, 2006, 125).

Большие потрясения наступают скорее в экономической жизни болгар, нежели в духовной. В течение нескольких лет румынского присутствия болгарское сельское население значительно обеднело, снизилась урожайность сельскохозяйственной продукции, все чаще поземельные участки отдаются в аренду за бесценок, растет процент безработицы и население начинает динамично искать работу за пределами родного села.

Земли не хватало…

По словам респондентов, одним из ведущих мотивов в принятии решения уехать на заработки за пределы родного дома (села, района) был именно земельный. Вообще, когда речь идет о характеристике болгар Бессарабии как самостоятельной этнической группы, о выделении каких-то основных национальных черт, то всегда указывается на трудолюбие. Об этом говорят соседние народы, на это обращают внимание и сами болгары, рассказывая в доказательство всем известную притчу: „Когда Господь делил землю между народами, сказал, что каждый получит столько, сколько пробежит за один день. Болгарин бежал, бежал и, наконец, в изнеможении упал, бросил шапку и прокричал: «А это для перца!»". Любовь к земле и сельскому хозяйству является одной из основных и ведущих характеристик духовности и бытия болгар Бессарабии. И как они сами отмечают: „Болгарин без земли – как птица без крыльев, рыба без плавников и крот без ногтей" (Митев, 1996, 24). Не случайно, под впечатлением от увиденного в болгарских колониях, Аполлон Скальковский начинает свое исследование „Болгарские колонии в Бессарабии и Новоросийском края" словами: „В Новоросийских губерниях и Бессарабской области в течение прошедшего полустолетия водворилась и счастливо живет довольно многочисленная семья болгарского народа, занявшая при переходе своем сюда самые пустынные степи и урочища и обратившая их в продолжение этого времени в самые цветущие и прочные земледельческие усадьбы" (Скальковский, 1848, 1).

Производство зерна, виноградарство, садоводство – все эти отрасли сельского хозяйства развиты в Бессарабии благодаря болгарскому рвению и усердию. Более того, до начала XX в. упомянутые выше аграрные профили являются основными в болгарских колониях, что указывает на устойчивость традиции, передаваемой из поколения в поколение, как, впрочем, и сама земля. По этому поводу следует отметить, что при устройстве задунайских переселенцев в Бессарабии каждая эмигрантская семья получает определенные привилегии, одной из которых является надел земли в размере 60 десятин. В конце XIX в. с увеличением населения в болгарских колониях эта поземельная собственность резко сократилась (Державин, 1914, 60).

Новое столетие болгарская община встретила известием о Русско-японской войне и всеобщей мобилизации (1905), бурным ростом бедноты и увеличением числа крупных землевладельцев путем скупки земельных участков за бесценок, постоянным оттоком людей, в частности, из более бедных семей, в поисках работы и свободной земли. Так, в конце XIX в. и начале XX в. десятки болгарских семей переселяются на свободные территории внутри Бессарабии, тем самым образуя новые поселения (Новая Тараклия, Новый Чумлекьой, Стояновка, Викторовка, Колибабовка и др.) или же поселяются в маленьких молдавских хутора (Балабан, Московей, Алуат и др.) (Куртев, 2006; Кула, 2004, 325-329). В других случаях, воспользовавшись столыпинской реформой, много болгар уехало за пределы общины в Тургайские степи (сегодня Севереный Казахстан), Амурскую и Приморскую области (Дальний Восток, Россия) (Червенков, Думиника, 2013, 235-250). Народная память все еще хранит дух тех лет, когда явление „уехать из села" приобрело огромные размеры, а в результате – образование новых дочерних сел на десятки километров от родных мест: „Мои прадеды из села Чийший – большие села Чийший и Трояны. Там только болгары живут. Оттуда мои родители – мама из Троян, а отец из Чийший. Маме было 28 лет, когда она умерла. Я осталась сиротой в три года, и бабушка меня вырастила. Почему переехали сюда? На заработки или, как говорят болгары, «на мушия» Ну, чтобы земля у них была. Там, в родном селе, было очень много народу и земли не хватало. Вот они и переехали сюда – здесь было мало народу, но много земли. Они сначала взяли землю в аренду, это было в с. Лапацика. Там же и построили себе домик. А после и землю купили. Это мои родители. А бабушка с дедушкой остались там, в Чийшии и Троянах"[7].

Вышеуказанные факторы являются основными в социально-экономическом кризисе, который начался в конце XIX в. и продолжил усугубляться в первое десятилетие нового века. Румынская власть, зная о всех бедах крестьян, приняла решение продемонстрировать заинтересованность, и одним из первых вопросов, которыми занялась, был земельный. Так, в течение нескольких лет (1918–1924) предпринимается ряд действий, направленных на обеспечение земельных участков

для бедных слоев общества. Однако, земля полученная согласно новой аграрной реформе, облагается большим налогом, что не в пользу крестьян, а государства – невыполненное условие приводит к изъятию земельных участков (Грек, Червенков, 1993, 168).

Кроме земельного налога были введены и дополнительные налоговые обязательства – на продажу различных сельскохозяйственных продуктов, на владение домашними животными и птицей и т. д., усложняющие значительно экономическое положение населения на всей территории Бессарабии. Все чаще крупные (многодетные) болгарские семьи остаются без земли и инвентаря, что заставляет их наниматься на работу к более богатым соседям – немцам: „Мой отец пас их овец, а мама помогала при молотьбе зерна. Раньше все вручную делали, не было комбайнов. Запрягали лошадей и специальной молотилкой, называется диканя, делали и мякину, и солому… Как и почему работали, они были наемники (аргати – болг.)… У отца было 5 гектаров земли, но он ее отдал немцам в аренду, сам не мог обрабатывать. А что, он пас их овец и получал за это деньги… и за землю денег не платил. А тогда, попробуй, не заплати налог за землю – отберут или придут и возьмут сундук с вещами… Вот так вот было при румынах… Немцы были богаче и много наших из Купорана ходили к ним работать…”[8].

Поиск работы или свободной земли не ограничивался богатыми соседями или односельчанами. Все чаще люди стали уезжать в промышленные города Румынии, России или еще дальше – в далекие экзотические места. И это были страны Латинской Америки: „Когда сюда пришла Румыния, когда захватила Бессарабию во время революции, моего отца заставили платить налог „бащиния”. Не помню, сколько он платил и как рассердился… и тут они – записывают в Бразилию, Южная Америка. Хорошо, что он не наделал глупостей, не продал отцовский дом! Заколотил окна и двери, землю отдал в аренду и уехал туда, в Бразилию…” (Арх. 779-III, 10).

Почти в каждой личной истории такие выражения как „румынская власть, налоги, нехватки земли, поиск работы” являются основными акцентами при определении мотивов миграции в Бразилию. И еще один пример: „**В 1918 г. Бесарабия и мы, болгары, попали под власть румын… Мой дед не мог наделить землей семерых своих сыновей и двух дочерей. По традиции земля оставалась наследнику. Остальным сыновьям – по полю, а дочерям – по винограднику. Вот почему сыну Ивану купили землю в с. Стояновка, внуку Моско – в с. Казанджик, а сыновья Танас и Недко с семьями приготовились уехать в Бразилию**” (Барбарова, 1996, 175).

О хлебе на деревьях…

Согласно сведениям Союза бессарабских болгар (София), в 1928 г. в Бразилию уехало около 10000 болгарских семей из Бессарабии (Пенаков, 1925, 34). Данная статистика подтверждается и самими респондентами, которые отмечают, что из одного села мигрировало около 40–70 семей по 4–6 человек на семью: „Почему мы уехали в Бразилию? Я вам скажу, почему. Мы жили в Румынии. Пришел вербовщик прямо из Бразилии. Собрал много народу. Из нашего села только семьдесят семей. В округе тоже: из Карамарина, Пандаклии, Александровки, Задунаевки, Шикирлика, Кирничках... из всех сел в районе...” (Арх. 639-III, 69).

Большой процент уехавших говорит как о наличии факторов, способствующих к выталкиванию огромных масс людей из одной территории в другую, так и о хорошо организованной пропаганде.

Информационная кампания по эмиграции в Южную Америку начинается среди болгар Бессарабии только в 1925 году, хотя этот процесс в целом по Румынии стартовал еще в 1919 г. На эту дату указал болгарский историк Иван Стефанов Пенаков, опубликовавший в софийском журнале „Отец Паисий” материал о массовой миграции болгар Бессарабии в Бразилию, и этим самым проблематизировал перед болгарской общественностью „страницу большой трагедии южнобессарабцев” (Пенаков, 1928, 33). В статье анализируется весь эмиграционный поток людей из румынских областей Трансильвании и Бессарабии. Примечательно то, что эти районы населены в основном венграми, немцами, болгарами, гагаузами, евреями, русскими, украинцами – теми этническиеми группами, которые, попадая в состав Румынии, приобретали румынское гражданство и классификацию „меньшинства”. Более того, среди этих общин некоторые румынские законы не соблюдаются, причём сознательно, целенаправленно. Речь идет о пропаганде эмиграции – деятельность, преследуемая румынскими законами того времени. На практике, официальное Румынское правительство поощряет такие действия, но только в тех случаях, когда они проводятся в районах с компактным этническим населением. Этот факт д-р Пенаков объясняет политикой Румынии, направленной на освобождение новых областей от вышеупомянутых меньшинств, „чтобы открыть новые территории для поселения румынских элементов” (Пенаков, 1928, 34).

Пропаганда к эмиграции проводилась непосредственно среди болгарского населения. Но как? И снова память тех лет повествует: „В начале 1925 года в селе появился какой-то человек. Тогда здесь была румынская власть. И как объявление сообщает: „Кто хочет уехать на работу, переселиться в Бразилию?. Кто первым пошел? Сначала уехали те, кто не имел ни земли, ничего, а в семье много детей. И начали записываться. Первый набор уехал, но для этого было условие: если у вас есть дети, то, по крайней мере, одному из них чтоб было не меньше 12 лет, чтобы были здоровыми и с хорошим зрением. Я знаю женщину, которую вернули. В то время ей было 15 лет. Но она не могла хорошо видеть, и все, ее не взяли. Ее отец, мать, брат уехали, а она осталась, вернули. И второе условие – едут все, кроме молдаван и румын"[9]. Стоит отметить, что ознакомление людей с идеей „Бразилия" начинается с появления „какого-то" человека, что усиливает эмоциональную сторону вещей, облекает их в некую мифологию, фольклор. По словам информантов, это так называемые вербовщики – люди, специально посещающие болгарские деревни с целью агитации ехать на работу в Бразилию.

Одна из легенд, которая повсеместно рассказывается вербовщиками, гласит, что жизнь в Бразилии легка, земли хватает – сколько душа пожелает, а хлеб растет прямо на деревьях. Миф о „хлебе на деревьях" распространяется не только через повествование и убеждения, но и при помощи визуальных доказательств. Так, в центре каждой деревни расклеиваются различные плакаты с фрагментами беззаботной жизни в Бразилии. Информационно-коммуникативная функция посредников оказывается ключевой в решающем судьбоносном выборе потенциальных иммигрантов. И первая задача вербовщиков – создать у болгар образ далекой территории как „райской" земли, с возможностями для лучшей жизни. На самом деле действует определенная схема главного гаранта: бразильские штаты, которые в 1886 году в городе Сан-Паулу создают специальную структуру – Ассоциацию для вербовки иммигрантов из Европы. В своем исследовании Жорж Косиков отмечает, что в миграционной политике Бразилии большое внимание уделяется рекламной кампании, проводимой агентами (в основном еврейского происхождения) за большие деньги (Косиков, 2014, 110-119).

О разочарованиях от увиденного в Бразилии информанты вспоминают: „Посмотрите карту и увидите Бразилию – на том конце света. Я туда ездила, два года жила и вернулась… Приехали, нас погрузили, мы ничего не знаем. Нас ведут, а куда ведут, что с нами будут делать – не знаем. Выгрузили нас в каком-то лесу, двенадцать семей из Сан-Батыра… шесть из них только мамины родственники… Все испугались, кругом лес, мгла, ничего не видно… Папа пошел посмотреть, как устроились его родственники. Сказал, что они уже работают – высекают лес… Семьдесят гектаров какого-то хозяина. А кто он, кто его видел… Сколько поработали на кофейных плантациях… не платили… наши решили бежать. Убежали в какой-то городок… и все двенадцать семей на одной квартире… такие квартиры назывались бараками… Там моя мама умерла… Появился страшный тиф…" (Арх. 639 – III: 69-71). И еще: „Их обманули, что будут давать по 60 гектаров земли… Скандал, восстание и суд! Суд в Сан Пауло решил так – дайте людям, которые хотят вернуться, работу, чтобы могли оплатить обратную дорогу домой… Есть фотография, на которой отец работает на одной скале, ломает камни, строит железную дорогу с другими нашими из Бессарабии. Через год папа вернулся, а его жена и ребенок умерли там. Он вернулся и женился на моей маме…" (Арх. 779-III, 10).

Голод, нищета, болезни и невероятный культурный шок – все печальные сюжеты, о которых вспоминают участники большого путешествия в Бразилию и с иронией добавляют: „И хлебом на деревьях оказались обыкновенные бананы!".

В отдельных воспоминаниях информантов наблюдается общая тенденция в характеристике румынского присутствия в Бессарабии. Более того, содержание устных описаний подтверждается письменными историческими данными, что, в свою очередь, создает единый сюжет периода между двумя мировыми войнами. Значимым является то, что, реконструируя прошлые события, факты, образы, коллектив объединяется вокруг них, и, следовательно, идентифицируется ими. Так память о массовой миграции в Южную Америку (Бразилия, Уругвай, Аргентина) приобретает измерения идентичности.

Примечания

[1] В этом отношении интерес представляет статья одесского исследователя А. Пригарина, где ясно очерчен круг вопросов и даны любопытные рассуждения в этом направлении (Пригарин, 2011, 84-92).

[2] Стоит отметить монографию бразильского исследователя Жоржа Косикова и отдать должное его стараниям сохранить память об эмиграции болгар и гагаузов в Бразилию как всеобщее достояние. Сам автор – болгарского происхождения, его родители эмигранты, родом из Бессарабии. Подробнее об авторе и его труде см. во вводной статье научного консультанта данного труда Николая Червенкова „Жизнеописа-

ние болгар в Бразилии" (Червенков, 2014, 9-19), а также в рецензии Ивана Думиники (Думиника, 2014, 3).

[3] По данному вопросу см.: Грек, Червенков, 1993, 161-200; Пеливан, 2007, 95-102; Караулан, 2009, 48-58; Червенков, Думиника, 2013, 288-303; в-к „Роден край, 2012, 9.

[4] В современной гуманитарной науке вопрос о „местах памяти" поставлен французским историком Пьером Нора. См.: Нора, 1999, 17-50.

[5] Второй румынский период совпадает со временем Второй мировой войны (1941–1944). См.: Хатлас, 2013, 107-114.

[6] Иванов Д., род. 1928 г., с. Ровное, Тарутинский район, Одесская область, Украина.

[7] Иванчогло Тана (в девичестве Газибар), род. 1931 г., с. Албота де Жос, Тараклийский район, Республика Молдова.

[8] Пена, род. 1931 г., с. Ровное, Тарутинский район, Одесская область, Украина.

[9] Бахов Ив., с. Кортен, Тараклийский район, Республика Молдова.

Литература

Арх. 639-III. С. Хасанбатър, Одеска област, Украйна. Обичаи и обреди от жизнения цикъл. Песенен фолклор. Житейски разкази. Записал и предал в архив Института етнологии и фолклористики с Музеем этнографии при Болгарской академии наук (ИЕФЕМ-БАН) Галин Георгиев. 2006.

Арх. 779-III. С. Ново-Ивановка, Одеска област, Украйна. Теренни записи. Записал и предал в ИЕФЕМ-БАН Валентин Лазаров. 2006.

Барбарова А. Песните бяха май все тъжни // Бесарабските българи за себе си. (Съст. П.-Е. Митев, Н. Червенков). София, 1996.

Державин Н. С. Болгарские колонии в России. София, 1914.

Газета „Роден край, бр. 13-31 март, 2012.

Грек И. Гюлмян – Дюльмен – Яровое. Кишинев, 2006.

Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще. София, 1993.

Думиника Ив. Наши болгары и гагаузы в Бразилии (рецензия на книгу: Косиков Ж. Имиграцията в Бразилия: бесарабски българи и гагаузи. София: ДАБЧ, 2014. 320 с.) // Свет. Тараклия, 2014. 4 декабря.

Калчев К. Началото на присъединяването на Бесарабия към Румъния (1918) през погледа на един български дипломат // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Караулан Д. Село Кулевча. Прошлое и настоящее. Одесса, 2009.

Косиков Ж. Имиграцията в Бразилия. Бесарабски българи и гагаузи. София, 2014.

Кула О. Забравените села на Бесарабия // Алманах „Родолюбец". София, 2004, бр. VI.

Куртев Н. Селища с българско население в Северозападния Буджак. Велико Търново, 2006.

Митев П.-Е. Социологическо измерение // Бесарабските българи за себе си. (Съст. П.-Е. Митев, Н. Червенков). София, 1996.

Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция – память. Санкт-Петербург, 1999.

Нягулов Б. Бесарабските българи във „Велика Румъния" // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. I. Велико Търново, 1992.

Нягулов Б. Прояви на организирано малцинствено движение сред българите в Бесарабия (1929–1930) // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. III. Велико Търново, 1994.

Пеливан К. Краткая история села Главаны. Арциз, 2007.

Пенаков И. С. Южнобесарабски българи в Бразилия // Отец Паисий. Год. I. София, 1928, бр. 2.

Пенчиков К. Международен отзвук на Татарбунарското въстание през 1924 г. // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. III. Велико Търново, 1994.

Пригарин А. Фотография в культуре и культура в фотографиях: о своеобразии этнографического типа источников // Revista de Etnologie şi Culturologie. Vol. IX–X. Chişinău, 2011.

Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новоросийском крае. Статистический очерк. Одесса, 1848.

Хатлас Е. Съдбата на българите в Буджака в междувоенния период и през втората световна война // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. XII. Одеса–Велико Търново, 2013.

Червенков Н. Жизнеописание болгар в Бразилии // Косиков Ж. Имиграцията в Бразилия. Бесарабски българи и гагаузи. София, 2014.

Червенков Н., Думиника Ив. Тараклии – 200 лет. Том I (1813–1940). Кишинев, 2013.

Штернберг Л. Я. Краткая программа по этнографии (применительно к быту северных инородцев) // Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь. Санкт-Петербург, 1914.

Rezumat

Acest articol este o tentativă de a identifica o serie de cauze şi motive ce au influenţat o mulţime de oameni să plece din Basarabia în Brazilia. O atenţie deosebită se acordă poziţiei în special a reprezentanţilor comunităţii bulgare şi a celor care direct sau indirect au asistat la evenimentele de atunci.

Cuvinte-cheie: emigrare, Brazilia, Basarabia, bulgari, perioada interbelică.

Резюме

Настоящая статья всего лишь попытка определить ряд причин и мотивов, повлекших за собой массовый отток людей из Бессарабии (в 20-е годы XX века) в Бразилию. Особое внимание уделяется позиции/мнению представителей болгарской общности и тех, кто был непосредственным или косвенным свидетелем событий того времени.

Ключевые слова: эмиграция, Бразилия, Бессарабия, болгары, межвоенный период.

Summary

This article is an attempt to outline a number of reasons and motives that led to the mass exodus of people from Bessarabia to Brazil. Particular attention is paid to the position/opinion of the representatives of Bulgarian community and those who directly or indirectly witnessed the events of that time.

Key words: emigration, Brazil, Bessarabia, Bulgarians, interwar period.

Sergiu BACALOV

CARTOGRAFIE ETNOISTORICĂ A BUGEACULUI. BULGARII ÎN BASARABIA DE SUD, CONFORM RECENSĂMÂNTULUI DIN 1930

Bugeacul este cea mai diversă din punct de vedere etnic regiune a Basarabiei, deci constituie un teren propice pentru investigații etnologice și etnografice. Totodată, cercetarea prin prismă etnoistorică a zonelor geografice multinaționale permite evidențierea formelor de convieţuire și influență cultural-antropologică între etnii. Rezultatele științifice obținute în domeniul respectiv pot servi pentru elaborarea și implementarea unor politici etnoculturale echilibrate, dar și pentru prevenirea unor eventuale tensiuni interetnice.

În continuare vom aborda, ca studiu de caz, răspândirea bulgarilor în Basarabia de Sud, conform *Recensământului general al populației României din 1930*[1]. Materialele cartografice pe care le publicăm cu acest prilej constituie începutul unei serii de hărți etnioistorice și etnodemografice consacrate Bugeacului. Subliniem faptul că aceste hărți au fost concepute ca instrument de lucru pentru cercetătorii interesați de etnoistoria și etnografia Bugeacului. Drept urmare, am lăsat datele statistice fără analiză științifică. Am început seria de hărți (referitoare la cele mai numeroase comunități etnice), în ordine alfabetică, prin evidențierea bulgarilor.

Hărțile etnice[2] permit precizarea răspândirii teritoriale a bulgarilor în Bugeac, gradul lor de convieţuire cu alte etnii în localități, concentrarea numerică a populației bulgărești etc.

Reamintim că situația etnodemografică contemporană a Bugeacului s-a constituit în două etape majore: a) după 1812, prin chemarea coloniștilor varșovineni (în majoritate germani), transdanubieni (bulgari[3], găgăuzi, români dobrogeni și albanezi) și a reprezentanților popoarelor slave răsăritene (ucraineni și ruși); b) după 1940, ca urmare a „repatrierii" germanilor și a repopulării satelor nemțești rămase pustii, cu bulgari, ucraineni, ruși, moldoveni etc.

În cazul bulgarilor, în prima etapă s-au constituit coloniile-mamă. Cartografic, ele erau, în anul 1930, cele mai mari și mai omogene, din punct de vedere etnic, localități bulgărești din Bugeac, fiind concentrate la hotarul a patru județe: Cetatea-Albă, Cahul, Ismail și Tighina.

Creșterea demografică a cauzat, în a doua jumătate a secolului al XIX-lea, criza funciară în coloniile bulgare, ceea ce, din punct de vedere teritorial, a determinat migrații interne, soldate cu apariția coloniilor-fiică. În general, aceste localități, amplasate relativ departe de coloniile-mamă, se caracterizau, în 1930, prin numărul mic de locuitori (vezi, de exemplu, satele Alexandrenii Noi și Constantinești, fondate pe moșia Gangura din ținutul Tighina, proprietatea dvorenilor Alexandru și Constantin Krupenski) și prin structură polietnică, ele ne fiind în exclusivitate sate bulgărești (vezi, de exemplu, cele de pe Ceaga, în plasa Tarutino, județul Cetatea Albă, cele din sudul județului Cahul, sau cazul satului Antonești, de lângă Leova etc.).

Am elaborat hărțile respective în baza datelor din 1930 referitoare la apartenența de neam (etnie). Datele privind limbă maternă le-am utilizat într-un singur caz, anume cel al satului Vaisal, județul Ismail, ai cărui locuitori, în majoritate, s-au declarat de etnie română, însă ca limbă maternă au indicat limba bulgară. Categoria în cauză am evidențiat-o cartografic în grupul bulgarofonilor.

Metoda de cartografiere diagramică, aplicată cu această ocazie, nu permite evidențierea în cadrul localităților a comunităților puțin numeroase. De aceea, hărțile reflectă doar grupurile de bulgari care alcătuiau, în 1930, nu mai puțin de un procent din populația orașelor și satelor Basarabiei de Sud. Același procedeu l-am urmat și la alcătuirea tabelelor. Ele conțin date referitoare la numărul total de locuitori, numărul bulgarilor și procentul bulgarilor în cadrul localităților.

Am alcătuit cinci hărți: patru detaliate, separat pentru județele Cetatea Albă, Cahul, Ismail și Tighina; și o hartă generală, a Basarabiei de Sud. Hărțile păstrează toponimia și împărțirea teritorial-administrativă din anul 1930.

Note

[1] Recensământul general al populației României din 29 decembrie 1930, publicat de dr. Sabin Manuilă, vol. II: neam, limbă maternă, religie, București, 1938, p. 124-129 (județul Cetatea Albă), p. 102-105 (județul Cahul), p. 264-266 (județul Ismail), p. 462-466 (județul Tighina).

[2] Mai multe hărți etnice referitoare la Basarabia, inclusiv Bugeacul, au fost realizate la începutul secolului al XX-lea (vezi, de exemplu, Basarabia. Harta etnografică. Întocmită de Alexis Nour, București, 1916; Этнографическая карта селькаго населения Бессарабии, по данным 1907 года. Составитель Л. С. Берг, Петроград, 1918). Din hărțile bazate pe recensământul din 1930 a populației României remarcăm ediția electronică realizată la Viena de Wilfried Krallert. Din aparițiile etnocartografice recente, menționăm harta Structura și conștiința etnică a populației din Moldova, elaborată de Dorin Lozovanu și Thede Kahl, Viena, 2009.

[3] Despre etapele colonizării bulgarilor în Bugeac vezi detalii la: Мещерюк, 1965; Грек, Червенков, 1993; Реулец, Кышлалы, 2013, 92-106; Шабашов, 2013, 107-117; Tomuleț, 2013, 118-130; Istoriografia problemei vezi la: Думиника, 2014.

Literatura

Tomuleț V. Etapele și specificul colonizării regiunilor de sud ale Basarabiei și Ucrainei cu coloniști transdanubieni în secolul al XIX-lea // България: метрополия и диаспора. Сборник по случай 65-годишнината на д.и.н. Николай Червенков, Кишинев, 2013.

Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще. София, 1993.

Думиника Ив. Българските переселеници в Бессарабия в края на XVIII – първата половина на XIX век в историографията. Автореферат на дисертация за присъждане на образователна и научна степен „доктор". Велико Търново, 2014.

Мещерюк И. Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828–1834 гг. Кишинев, 1965.

Реулец Л., Кышлалы Г. Первая перепись задунайских переселенцев в Бессарабии как исторический источник // България: метрополия и диаспора. Сборник по случай 65-годишнината на д.и.н. Николай Червенков, Кишинев, 2013.

Шабашов А. К вопросу о переселении болгар и гагаузов в Российскую империю и Бессарабию // България: метрополия и диаспора. Сборник по случай 65-годишнината на д.и.н. Николай Червенков, Кишинев, 2013.

Rezumat

Autorul a elaborat, în conformitate cu rezultatele *Recensământului general al populației României din 1930,* cinci hărți etnice privind bulgarii din Basarabia de Sud. Hărțile etnice permit precizarea mai multor aspecte referitoare la răspândirea teritorială a bulgarilor basarabeni.

Cuvinte-cheie: Cartografie etnoistorică, Basarabia, Bugeac, bulgari.

Резюме

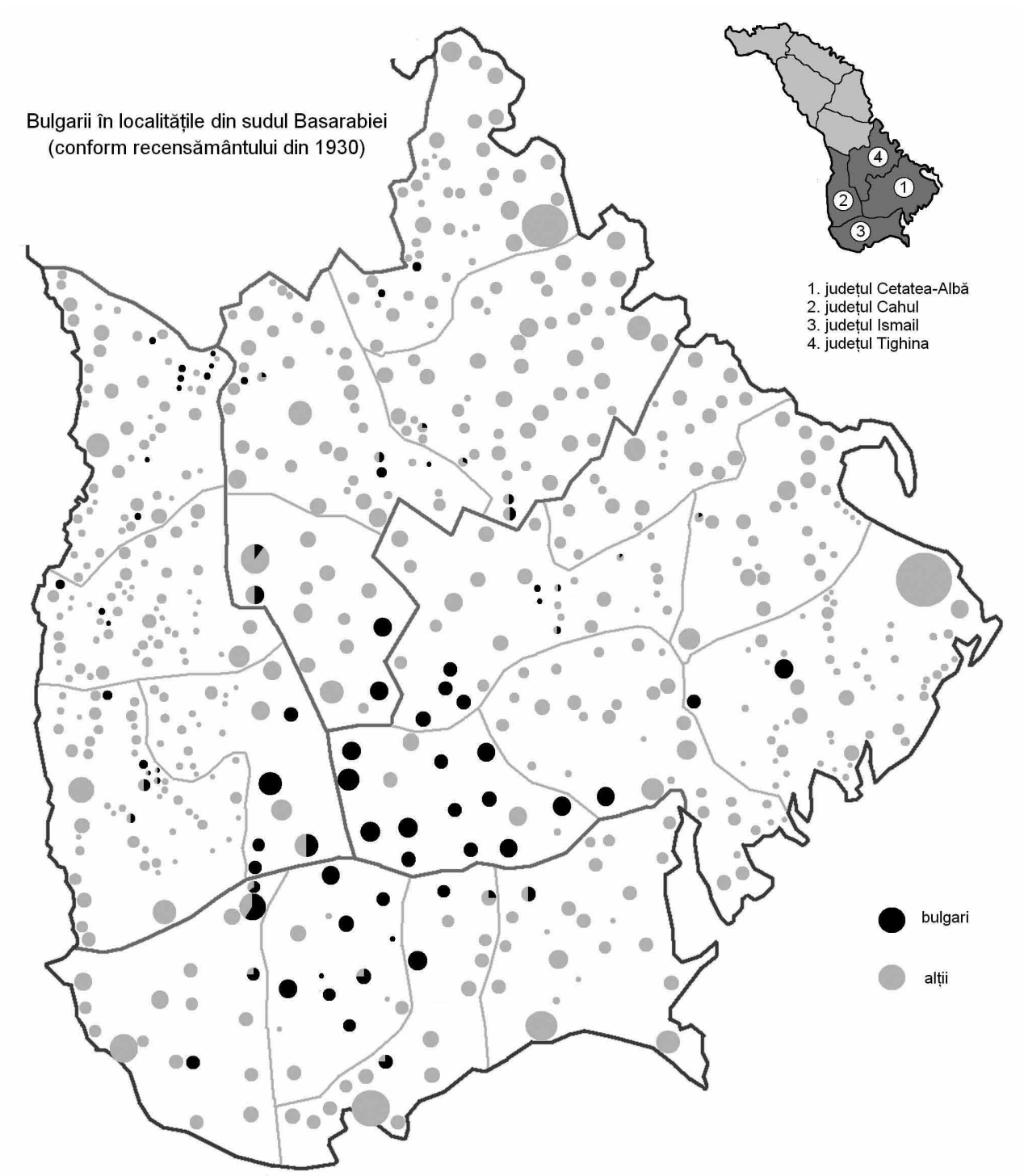
Автор, основываясь на результатах *Генеральной переписи населения Румынии 1930 года*, разработал пять карт этнического состава населения, отражающих расселение болгар в южной Бессарабии. Этнические карты позволяют уточнить различные вопросы, касающиеся территории расселения бессарабских болгар.

Ключевые слова: Этноисторическая картография, Бессарабия, Буджак, болгары.

Summary

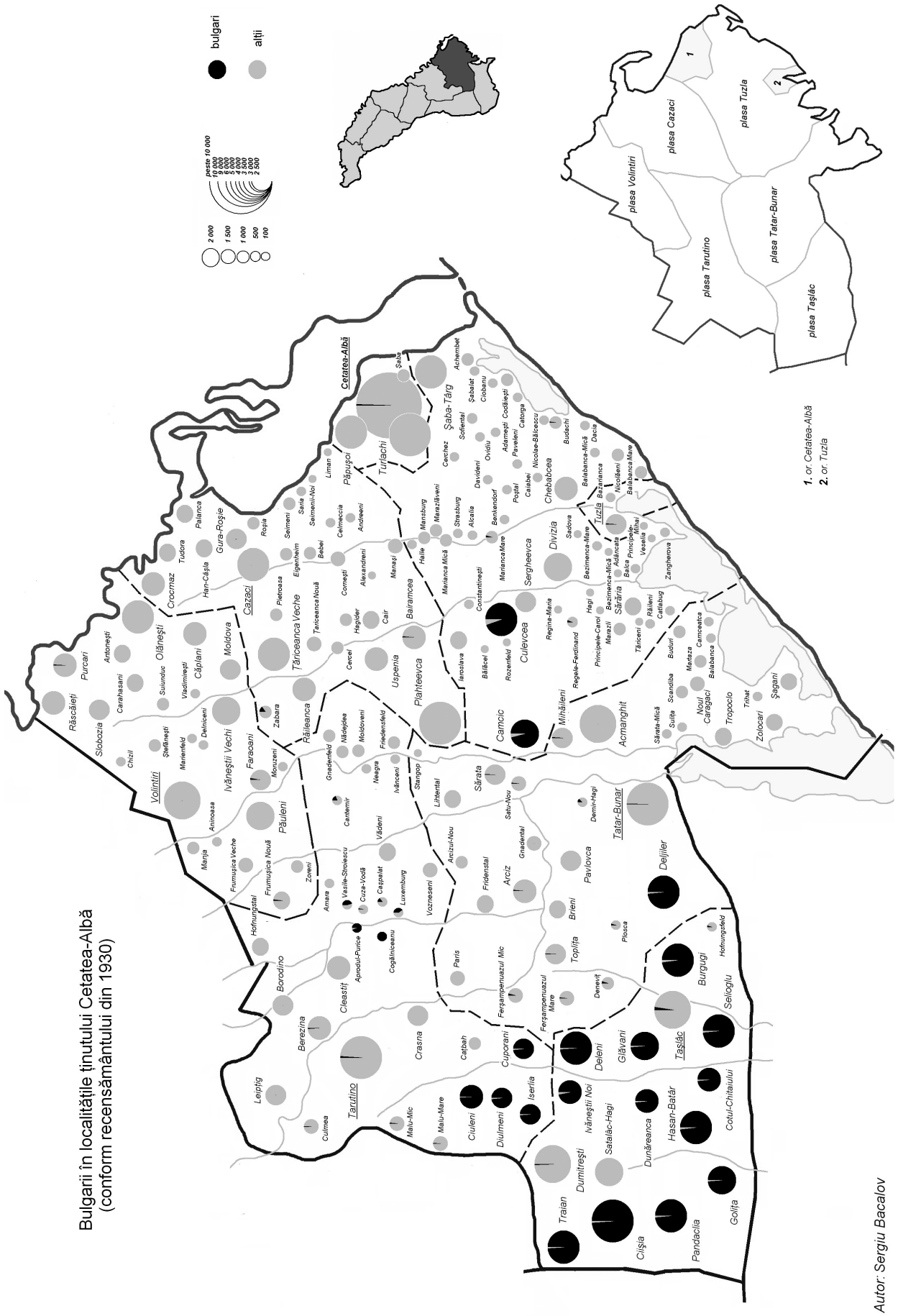
On the basis of the results of the *General Census of Romania in 1930* the author created five maps showing the spread of the Bulgarians in southern Bessarabia. Ethnic maps allow clarifying various issues related to the spatial spread of Bessarabian Bulgarians.

Key words: ethnohistorical cartography, Bessarabia, Budjak, Bulgarians.



Autor: Sergiu Bacalov

Nr.	ţinutul, plasa, localitatea	total	bulgari	procente
	judeţul Cetatea-Albă	341176	71227	20,9
	oraşul Cetatea-Albă, cu suburbiile Păpuşoi, Şaba şi Turlachi	34485	439	1
	oraşul Tuzla, cu suburbia Bazarianca	3146	27	1
	plasa Cazaci	49144	182	0,4
	plasa Tarutino	46162	11371	24,6
	plasa Taşlâc	61042	46740	76,6
	plasa Tatar-Bunar	58502	4659	8,0
	plasa Tuzla	44605	7610	17,1
	plasa Volintiri	44090	199	0,5
	plasa Cazaci			
1	Zăbara	648	96	13
2	Bairamcea	2784	56	2
	plasa Tarutino			
1	Cogălniceanu	474	473	100
2	Ciuleni	2769	2734	99
3	Cuporani	2305	2253	98
4	Diulmeni	2351	2294	98
5	Iserlia	2580	2529	98
6	Aprodul Purice	438	417	95
7	Vasile Stroescu	296	136	46
8	Luxemburg	304	129	42
9	Cantemir	450	90	20
10	Caşpalat	288	37	13
11	Cuza-Vodă	164	7	4
12	Malu-Mic	1569	24	2
13	Tarutino	5795	125	2
14	Berezina	2788	28	1
15	Culmea	1587	20	1
16	Malu-Mare	1512	16	1
	plasa Taşlâc			
1	Ciişia	6222	6090	98
2	Goliţa	3388	3319	98
3	Pandaclia	4365	4273	98
4	Selioglu	4330	4263	98
5	Traian	4754	4668	98
6	Cotul-Chitaiului	3113	3020	97
7	Deleni	4046	3943	97
8	Dunăreanca	2857	2769	97
9	Glăvani	3385	3297	97
10	Hasan Batâr	4185	4039	97
11	Burgugi	4235	4077	96
12	Ivăneştii Noi	2908	2799	96
13	Hofsnugsfeld	355	19	5
14	Taşlâc	4885	131	3
15	Dumitreşti	4801	25	1
	plasa Tatar Bunar			
1	Deljiler	4397	4281	97
2	Demir-Hagi	189	26	14
3	Deneviţ	709	25	4
4	Ferşampenuazul-Mic	906	32	4
5	Plosca	411	18	4
6	Decebal	310	5	2
7	Arciz	2951	40	1
8	Ferşampenuazul-Mare	1410	15	1
9	Mihăileni	2379	17	1
10	Satu-Nou	2457	17	1
11	Sărata	2661	38	1
12	Tatar Bunar	7628	68	1

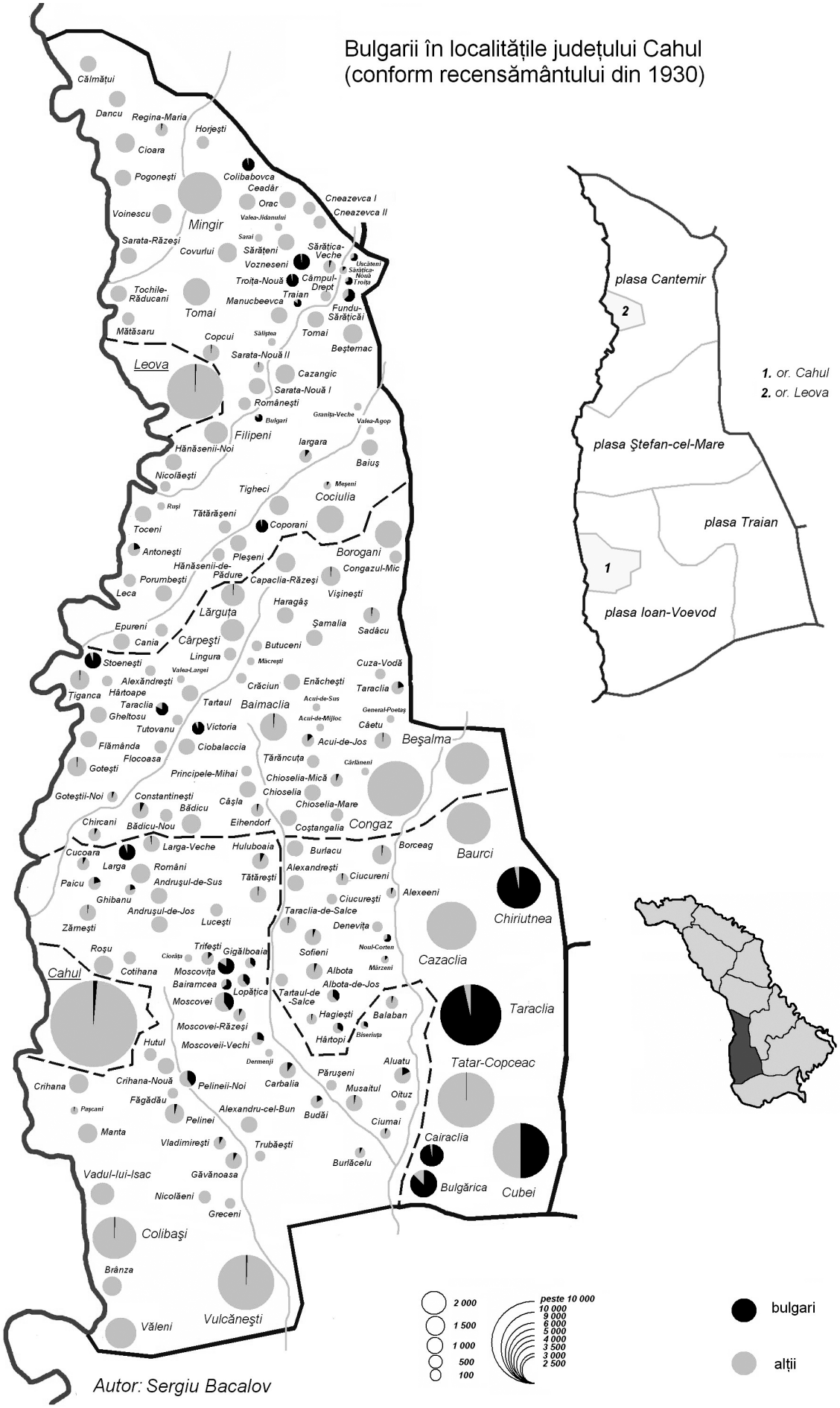


Bulgarii în localităţile ţinutului Cetatea-Albă
(conform recensământului din 1930)

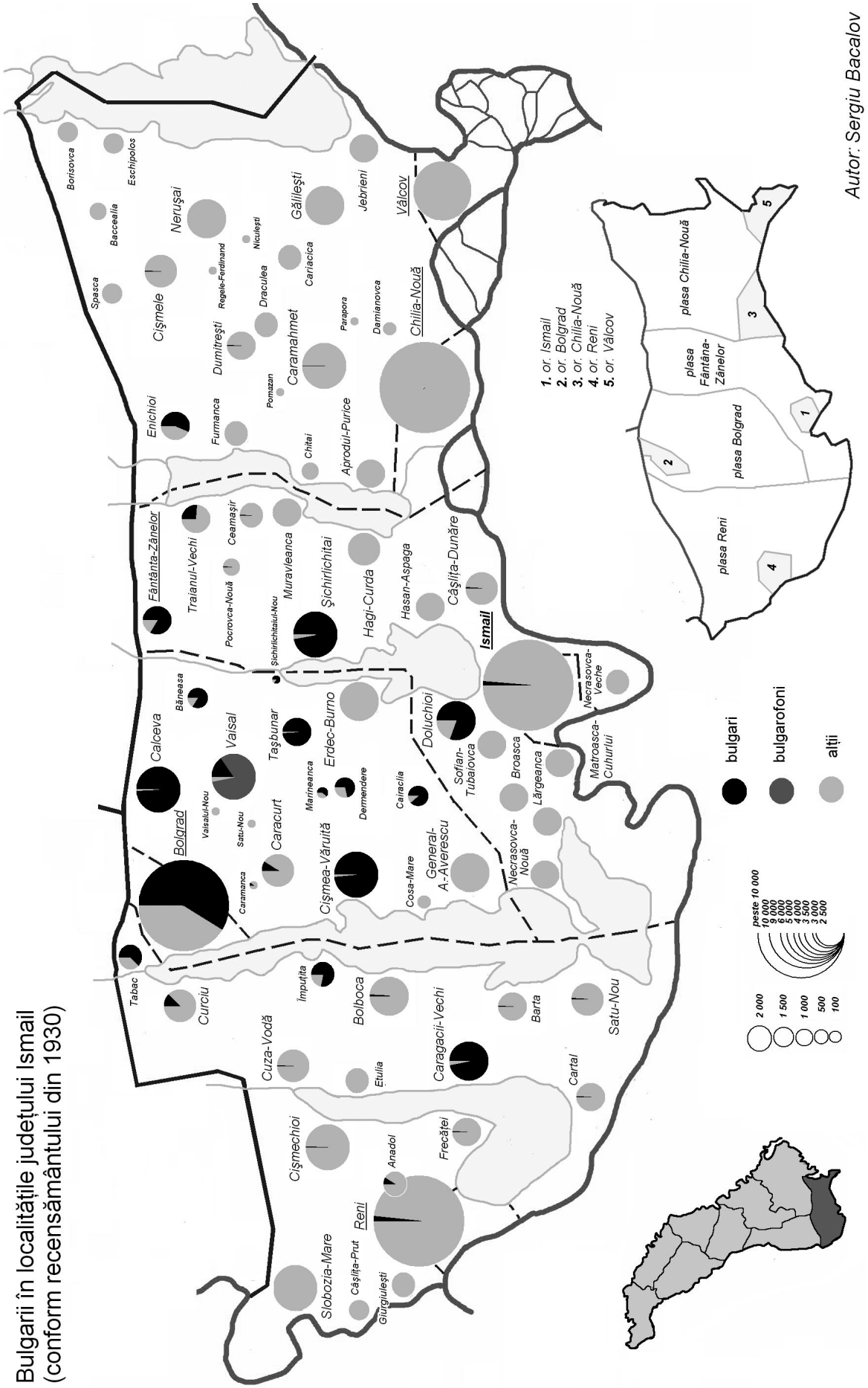
Autor: Sergiu Bacalov

Nr.	ţinutul, plasa, localitatea	total	bulgari	procente
	judeţul Cahul	196693	28565	14,5
	oraşul Cahul	11370	178	2
	oraşul Leova	6539	51	1
	plasa Cantemir	42146	2650	6,8
	plasa Ioan Voevod	46271	3945	8,5
	plasa Ştefan-cel-Mare	43442	1913	4,4
	plasa Traian	46925	19828	42,3
	plasa Cantemir			
1	Vosneseni	563	549	98
2	Colibabovca	476	461	97
3	Coporani	293	283	97
4	Troiţa-Nouă	458	446	97
5	Traian	136	118	87
6	Bulgari	113	88	78
7	Troiţa	170	124	73
8	Usăteni	115	76	66
9	Fundul Sărăţicăi	400	231	58
10	Antoneşti	372	87	23
11	Tomai (Sărăţeni) sau Sărăţica-Nouă	143	24	17
12	Iargara	613	65	11
13	Meşeni	106	13	11
14	Sărăţica-Veche	397	15	4
15	Regina-Maria	459	11	2
16	Copcui	1023	12	1
17	Sărata-Nouă I	621	9	1
	plasa Ioan-Voevod			
1	Larga	661	632	96
2	Moscoviţa	744	625	84
3	Bairamcea	228	145	64
4	Moscovei	1134	479	42
5	Pelinei-Noi	812	338	42
6	Lopăţica	569	236	41
7	Ghigălboaia	147	55	37
8	Bisericuţa	148	46	31
9	Moscoveii-Vechi	332	100	30
10	Paicu	417	95	23
11	Aluatu	1013	208	21
12	Ghibanu	269	55	20
13	Budăi	623	110	18
14	Carbalia	746	88	12
15	Trifeşti	596	71	12
16	Vladimireşti	469	52	11
17	Huluboaia	822	85	10
18	Moscovei-Răzeşi	424	42	10
19	Burlăcelu	237	18	8
20	Cucoara	518	36	7
21	Găvănoasa	860	46	5
22	Paşcani	169	8	5
23	Pelinei	1361	52	4
24	Ciumai	268	10	4
25	Balaban	322	11	3
26	Larga-Veche	641	12	2
27	Musaitu	855	21	2
28	Vulcăneşti	6538	109	2
29	Colibaşi	3896	33	1
30	Tătăreşti	1005	12	1
31	Zărneşti	953	12	1

plasa Ştefan-cel-Mare				
1	Victoria	504	479	95
2	Stoeneşti	706	664	94
3	Taraclia (Goteşti)	337	296	81
4	Taraclia (Baimaclia)	274	60	22
5	Acui-de-Jos	241	31	13
6	Constantineşti	774	73	9
7	Goteştii-Noi	215	12	6
8	Chircani	405	25	6
9	Chioselia-Mică	421	22	5
10	Eihendorf	555	20	4
11	Baimaclia	2639	74	3
12	Goteşti	1224	24	2
13	Sadâcu	1012	20	2
14	Câetu	554	8	1
15	Lărguţa şi Popovca	1992	17	1
16	Ţiganca	1406	10	1
17	Vişineşti	1347	13	1
plasa Traian				
1	Cairaclia	2019	1965	97
2	Chiriutnea	3861	3738	97
3	Taraclia	8507	8157	96
4	Bulgărica	2404	2119	88
5	Noul-Corten	79	46	58
6	Cubei	6567	3303	50
7	Albota-de-Jos	400	157	39
8	Hârtopi	221	74	33
9	Mârzeni	169	17	10
10	Alexeeni	292	17	6
11	Albota	886	47	5
12	Hăgieşti	227	9	4
13	Sofieni	810	31	4
14	Ciucureni	303	10	3
15	Tartaul-de-Salcie	485	14	3
16	Borceag	1273	25	2
17	Tatar-Copceac	5901	55	1

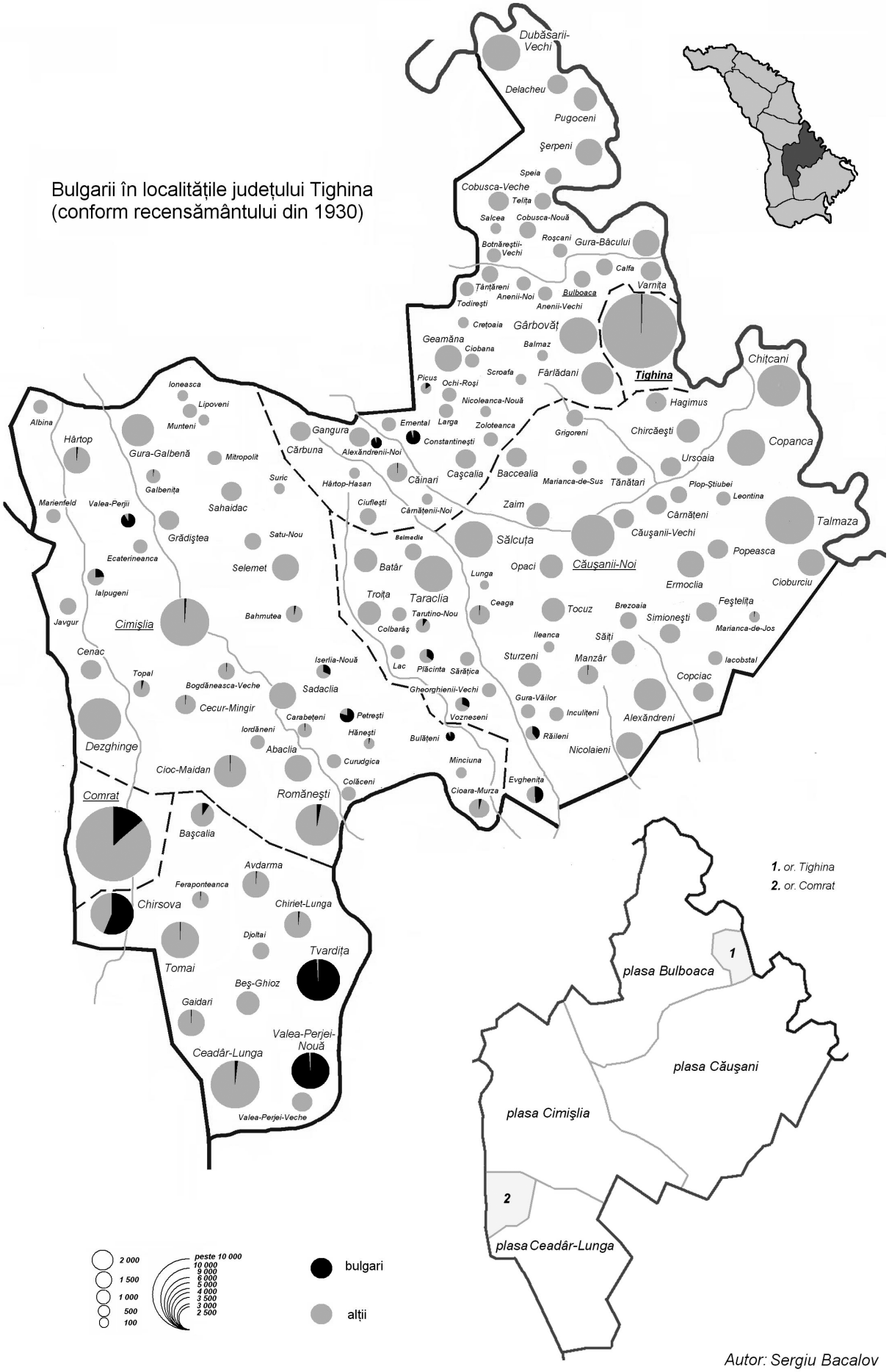

Bulgarii în localitățile județului Cahul
(conform recensământului din 1930)
plasa Cantemir
plasa Ştefan-cel-Mare
plasa Traian
plasa Ioan-Voevod
1. or. Cahul
2. or. Leova
Călmăţui
Dancu
Regina-Maria
Horjeşti
Cioara
Pogoneşti
Colibabovca
Ceadâr
Orac
Cneazevca I
Cneazevca II
Voinescu
Mingir
Sarata-Răzeşi
Covurlui
Sărăţeni
Sărăţica-Veche
Vozneseni
Troiţa-Nouă
Câmpul-Drept
Tochile-Răducani
Tomai
Manucbeevca
Traian
Fundu-Sărăţicăi
Mătăsaru
Copcui
Tomai
Beştemac
Leova
Sarata-Nouă II
Cazangic
Sarata-Nouă I
Româneşti
Filipeni
Hănăsenii-Noi
Iargara
Baiuş
Nicolăeşti
Tigheci
Cociulia
Ruşi
Tătărăşeni
Coporani
Toceni
Antoneşti
Pleşeni
Borogani
Hănăsenii-de-Pădure
Capaclia-Răzeşi
Congazul-Mic
Porumbeşti
Leca
Vişineşti
Lărguţa
Haragâş
Şamalia
Sadâcu
Epureni
Cania
Cârpeşti
Butuceni
Stoneşti
Lingura
Cuza-Vodă
Alexăndreşti
Crăciun
Enăcheşti
Taraclia
Ţiganca
Hârtoape
Taraclia
Tartaul
Baimaclia
Gheltosu
Tutovanu
Victoria
Câetu
Beşalma
Flămânda
Ciobalaccia
Acui-de-Jos
Flocoasa
Ţărăncuţa
Goteşti
Principele-Mihai
Chioselia-Mică
Goteştii-Noi
Constantineşti
Câşla
Chioselia
Bădicu
Chioselia-Mare
Chircani
Bădicu-Nou
Eihendorf
Coştangalia
Congaz
Baurci
Cucoara
Larga-Veche
Huluboaia
Burlacu
Borceag
Larga
Români
Alexandreşti
Paicu
Andruşul-de-Sus
Tătăreşti
Ciucureni
Ghibanu
Ciucureşti
Alexeeni
Andruşul-de-Jos
Taraclia-de-Salce
Chiriutnea
Zărneşti
Luceşti
Deneviţa
Roşu
Trifeşti
Gigălboaia
Sofieni
Cazaclia
Cahul
Cotihana
Moscoviţa
Albota
Bairamcea
Lopăţica
Tartaul-de-Salce
Albota-de-Jos
Moscovei
Taraclia
Hagieşti
Balaban
Moscovei-Răzeşi
Hârtopi
Hutul
Moscoveii-Vechi
Tatar-Copceac
Aluatu
Crihana
Crihana-Nouă
Pelineii-Noi
Carbalia
Păruşeni
Musaitul
Oituz
Făgădău
Alexandru-cel-Bun
Budăi
Pelinei
Ciumai
Manta
Vladimireşti
Trubăeşti
Cairaclia
Burlăcelu
Vadul-lui-Isac
Găvănoasa
Bulgărica
Cubei
Nicolăeni
Greceni
Colibaşi
Brânza
Vulcăneşti
Văleni
2 000
1 500
1 000
500
100
peste 10 000
10 000
9 000
6 000
5 000
4 000
3 500
3 000
2 500
bulgari
alții
Autor: Sergiu Bacalov

Nr.	ţinutul, plasa, localitatea	total	bulgari	procent
	judeţul Ismail	225509	43375	19,2
	oraşul Ismail	24998	674	3
	oraşul Bolgrad	14280	8268	58
	oraşul Reni	11923	376	3
	plasa Bolgrad	29776	15612	52,4
	plasa Chilia-Nouă	37150	1625	4,4
	plasa Fântâna-Zânelor	39519	9875	25,0
	plasa Reni	43204	6844	15,8
	plasa Bolgrad			
1	Calceva	3944	3882	98
2	Cişmeaua-Văruită	4531	4404	97
3	Taşbunar	2415	2333	97
4	Cairaclia	1427	1286	90
5	Băneasa	1507	1231	82
6	Şichirlichitai-Noi	190	153	81
7	Dermendere	1472	1071	73
8	Marineanca	299	188	63
9	Satu-Nou	79	28	35
10	Caramanca	148	17	11
11	Caracurt	2812	273	10
12	Vaisal	3923	741	19
	vorbitorii de limbă bulgară în Vaisal		3789	97
	plasa Chilia-Nouă			
1	Enichioi	2640	1484	56
2	Caramahmet	4261	33	1
3	Cişmele	2706	28	1
4	Dumitreşti	2524	15	1
	plasa Fântâna-Zânelor			
1	Şichirlichitai	4267	4095	96
2	Fântâna-Zânelor	2564	2122	83
3	Doluchioi	3554	2821	79
4	Traianu-Vechi	2591	702	27
5	Câşliţa-Dunăre	3059	42	1
6	Ceamăşir	2030	14	1
7	Pocrovca-Nouă	985	13	1
	plasa Reni			
1	Caragacii-Vechi	3448	3290	95
2	Împuţita	1892	1444	76
3	Tabacu	1908	1191	62
4	Curciu	3329	434	13
5	Anadol	1935	199	10
6	Bolboca	3250	67	2
7	Satu Nou	2933	62	2
8	Barta	2437	18	1
9	Cartal	2584	23	1
10	Cişmechioi	4261	42	1
11	Cuza-Vodă	2894	27	1
12	Frecăţei	2632	19	1



Bulgarii în localităţile judeţului Ismail
(conform recensământului din 1930)

Nr.	ţinutul, plasa, localitatea	total	bulgari	procent
	judeţul Tighina	306592	19599	6,4
	oraşul Tighina	31384	170	1
	oraşul Comrat	12331	1759	14
	plasa Bulboaca	57280	1509	2,6
	plasa Căuşani	99161	1769	1,8
	plasa Ceadâr-Lunga	41415	11607	28,0
	plasa Cimişlia	65020	2785	4,3
	plasa Bulboaca			
1	Alexăndrenii-Noi	545	525	96
2	Constantineşti	859	823	96
3	Picus	460	86	19
4	Căinari	1915	12	1
	plasa Căuşani			
1	Evgheniţa	1448	705	49
2	Răileni	875	361	41
3	Plăcinta	655	228	35
4	Vozneseni	922	279	30
5	Tarutino-Nou	670	70	10
6	Marianca-de-Jos	585	11	2
7	Manzâr	2017	17	1
8	Ceaga	1915	14	1
	plasa Ceadâr-Lunga			
1	Tvardiţa	5144	5023	98
2	Valea-Perjei-Nouă	3370	3306	98
3	Chirsova	4794	2709	57
4	Başcalia	2272	205	9
5	Ceadâr-Lunga	7365	250	3
6	Avdarma	2908	30	1
7	Chiriet-Lunga	2606	31	1
8	Feraponteanca	1621	9	1
9	Gaidari	2645	14	1
10	Tomai	4001	22	1
	plasa Cimişlia			
1	Bulaţeni	144	137	95
2	Valea-Perjii	548	510	93
3	Petreşti	990	800	81
4	Iserlia-Nouă	962	280	29
5	Ialpugeni	1485	360	24
6	Bahmutea	2146	67	3
7	Cioara-Murza	1712	43	3
8	Hăneşti	358	9	3
9	Româneşti	4696	156	3
10	Topal	1139	34	3
11	Cimişlia	6562	152	2
12	Hârtop	2440	42	2
13	Bogdăneasa-Veche	1542	18	1
14	Carabeţeni	822	10	1
15	Cecur-Menjir	1816	12	1
16	Cioc-Maidan	3636	33	1
17	Galbeniţa	662	9	1



Autor: Sergiu Bacalov

Jerzy *HATŁAS*

BULGARIANS IN TARACLIA DISTRICT AND ON THE TERRITORY OF GAGAUZIAN AUTONOMY AND ITS OFFICIAL POSITION IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

On the territory of the Republic of Moldova both Bulgarians and Gagauz live mostly in the southern part of the country[1]. They all have the citizenship of the same state, but in some details their legal situation is different (sometimes even to a considerable degree). After many protests and the declaration of secession in 1990 the Gagauz gained quite a favourable position (Кендигелян, 2009). On December 23, 1994, there was established the Autonomous Territorial Unit of Gagauzia (*Gagauz Yeri*) in the places most densely populated by Gagauz. The Gagauzian Autonomy has its own leader in the name of *baskan*, its own local parliament and also its government. Nevertheless Gagauzia does not create any consisting territory (Żyromski, Hatłas, 2008). It is divided into four parts. However, the thorough presentation of Gagauzian autonomy within the Republic of Moldova is not in scope of this article.

The law situation concerning the Bulgarians in the Republic of Moldova is quite a different matter. After some attempts of creating the one autonomous region together with Gagauz (which failed), Bulgarians did not get any significant concessions from the central authorities in Chisinău. They are treated simply in such a way as many other national and ethnic minorities on the territory of the Republic of Moldova. On March 30, 1992, the President of the Republic of Moldova Mircea Snegur signed the law „on some measures connected with the development of Bulgarian national culture" (В лабиринтах, 2003, 85-86). This document embraced great help by the government and also some concessions for Bulgarian minority. The emphasis was put on the education of Bulgarian children and young people in their native language and on the cooperation with Bulgaria in this task. On the grounds of the development of Bulgarian culture there was a declaration of help to the already existed organization of „Revival" and to some other Bulgarian organizations active in culture and education. There were also some recommendations for the government to create a separate administrative – territorial unit in the place of consistent Bulgarian settlement.

On June 23, 1992, in response to this law Valeriu Muravski, the prime minister of the Republic of Moldova at that time, signed government declaration № 428 „On the development of national culture of Bulgarians in the Republic of Moldova" (В лабиринтах, 2003, 87-90). In this document some authorities – for instance, some ministers (beginning with the ministry of education), Academy of Sciences, mass media and so on – were obliged to create good conditions for the unlimited development of Bulgarian culture on the territory of the Republic of Moldova, in some places of dense Bulgarian settlement (the southern part of the country and the capital of Chisinau). This declaration comprised 12 points. Point 10 even recommended the cease of taxes for some Bulgarian cultural educational organizations by local administration for the period of five years. However, already on November 16, 1992, such a point was cancelled.

At first sight the introduction of the above mentioned law acts creating favorable conditions for the development of Bulgarian culture in Moldova and for the teaching of Bulgarian language (and also for the education of Bulgarian children and youth in their native language) seems to be a great achievement. It seems that Bulgarians gained even better status than members of other national and ethnic minorities on the territory of Moldova. Nevertheless, similar laws had already been adopted for other national minorities in this state. In the case of Ukrainians it took place in 1991 (still during the existence of Moldavian SSR) (В лабиринтах, 2003, 74-77), in case of Russians – in the summer of 1991 (В лабиринтах, 2003, 77-80), and Jews – in the same 1991 (В лабиринтах, 2003, 80-85). So, Bulgarians only took the fourth place in the chronology of obtaining minority rights in the Republic of Moldova. The only achievement of Bulgarians in Moldova consists in the fact that in place of their dense population they founded one administrative unit.

Taraclia district is an administrative territorial unit situated in the south of the Republic of Moldova. The characteristic feature of this area (area of 674 km^2) is that it is the second region of Moldova after the Autonomous Territorial Unit of Gagauzia dominated by other population than Moldavians. However, Gagauzia is mostly populated by Gagauz, while Taraclia district – mainly by Bulgarians. Bulgarians form more than half (66%) of the population here. This region was created as a result of the administrative reform of 2003, when the country was divided into administrative units (called regions) similarly to the situation in Soviet times.

No.	***Community***	***Settlements embraced by each community***
1.	Albota de Jos (Долна Албота; Нижняя Албота)	a) Hagichioi (Хаджикьой, Хаджикёй)
		b) Hârtop (Хыртоп)
2.	Albota de Sus (Горна Албота, Верхняя Албота)	a) Roşiţa (Рошица)
		b) Sofievca (Софиевка)
3.	Aluatu (Алуату, Алуату)	
4.	Balabanu (Балабану, Балабану)	
5.	Budăi (Будей, Будэй)	a) Dermengi (Дерменджи, Дерменджи)
6.	Cairaclia (Кайраклия, Кайраклия)	
7.	Cealâc (Чалик, Чалык)	a) Samurza (Самурза, Самурза)
		b) Cortenul Nou (Нови Кортен, Новый Кортен)
8.	Corten (Кортен, Кортен)	
9.	Musaitu (Мусайту, Мусаиту)	
10.	Novosiolovca (Новоселовка, Новосёловка)	
11.	Tvardiţa (Твърдица, Твардица)	
12.	Valea Perjei (Валя Пержей, Валя Пержей)	
13.	Vinogradovca (Виноградовка, Виноградовка)	a) Chirilovca (Кириловка, Кириловка)
		b) Ciumai (Чумай, Чумай)
		c) Mirnoe (Мирное, Мирное)
14.	Salcia (Салчия, Салчия)	Orehovca (Ореховка, Ореховка)

Table 1. Some settlements (rural in character) in Taraclia district

Taraclia district does not create consistent area. It embraced some territory in the vicinity of the town of Taraclia and the enclave near Tvarditsa. The „capital" of this district is the town of Taraclia. Taraclia district borders on Kagul region, Gagauzian Autonomy, in the south and south-east the district border is tantamount to the modern state's border between the Republic of Moldova and Ukraine. There are 26 settlements in Taraclia district. Nevertheless, only two of them (Taraclia and Tvarditsa since March 28, 2013) have the status of town. The rest 24 have the official position of village. However, we have to bear in mind that many localities in Budjak have a lot of inhabitants, sometimes even several thousand people. There are some villages in Taraclia district (listed below); some localities, rural in character, create a community of one or more localities. The table below presents some localities of villages, which belong to Taraclia district.

The town of Taraclia as the administrative center of Taraclia district has about 15 thousand inhabitants, three quarters of them are Bulgarians (Неделчев, 1998). However, in some other localities of this area Bulgarians are not regularly distibuted. Bulgarians form the majority of population in such localities as Albota de Jos, Albota de Sus, Cairaclia, Corten, Cortenul Nou, Novosiolovca, Tvarditsa and Valea Perjei. So Bulgarians form the majority only in

9 of 26 localities of Taraclia district. Bulgarians also live in other settlements of this administrative unit, but their number is not so significant. In Taraclia district, besides Bulgarians, there are also Moldavians, Ukrainians, Russians and Gagauz[2]. Gagauz form the most numerous ethnic group in four villages (Cealâc, Mirnoe, Salcia and Sofievca).

In some localities belonging to Taraclia district both children and youth of Bulgarian origin have some classes in their native language. There is Taraclian State University in Taraclia itself (*de facto* Bulgarian university). Pedagogical College „Saints Cyril and Methodius" doesn't exist any longer (Дериволков, 2002). There is high school „Ivan Vazow", three secondary schools (№. 1, 2 and 3); House for children activities; Bulgarian secondary school and Musical College „Stefan Neaga" in Tvarditsa. There are also some schools with Bulgarian language in Albota de Sus, Cairaclia and Corten. Moreoveor, there are secondary schools in Albota de Jos and Tvarditsa.

On December 6, 2008 in Taraclia there was established Bulgarian Association „Rodoljubec". On January 22, 2009 this association was officially registered and began its activity. The main aim of this organization is to create the best conditions for the revival, development and propagation of Bulgarian spiritual, linguistic, historical and cultural values. This organization also tries to establish the best connections with the country of the forefathers – Bulgaria. On the territory of Taraclia district Bulgarians have their library in the town of Taraclia (*Narodno čitalishte „Olimpij Panov"*).

Both in Taraclia and in Tvarditsa messes in Christian Orthodox churches are also in Bulgarian language. Local Bulgarians are using a local dialect of Bulgarian language. Thanks to personal observation made by the author of this article, we can say that the language of forefathers functions a little better in Tvarditsa than in Taraclia. In towns, especially in the streets, amongst young generation, the most popular language is Russian, Bulgarian is mostly used at homes[3].

As it seems, Bulgarians living in Taraclia district can feel calm. But it is not so. There is a high level of unemployment in this region, so a lot of people migrated abroad in order to get a job. Besides, there is a very low birth rate, so the number of the population in this district sistematically (but slowly) diminishes. Moreover, members of central authories in Chisinău try to introduce so-called „optimization". In Taraclia district they worry about the liquidation of some schools with Bulgarian language.

We can observe radicalisation of the population in southern part of the Republic of Moldova, which can be illustrated, for instance, by the outcome of 2011 elections in the town of Taraclia. Sergey Filipov (Communist Party of the Republic of Moldova) gained about 65% of votes and became the *primar*. In the district's council his political party got 19 of 27 posts and 18 of 23 posts in the town's council.

Moreover, in the Taraclia district there are some attempts to unification with Gagauzia. At first this idea emerged amongst the inhabitants of Tvarditsa. The author of this article during his stay in this locality in 2010 heard of such an option. An older woman pointed out that there is no sense in travelling to an office or to the doctor about 40 km to Taraclia, when the distance to Chadyr-Lunga is only about 12 km.[4] Nowadays in the Republic of Moldova the idea of administrative disivion into administrative districts which existed in 1999–2002 attained renown. In this situation Taraclia district could cease to exist and become a part of Kagul administrative district. And so, there is nothing strange in the fact that the former head of Taraclia district Kiril Darmanchev does not exlude the unification with the Autonomous Territorial Unit of Gagauzia. Central authorities in Cişinău are accused of steadily demolishing Taraclia district. Some important offices and public services are transferred to the town of Kagul, such as, for instance, the labor inspection and also the emergency[5].

On May 24, 2012 (the day of Cyril and Methodius, the feast of Slavic literature) in Taraclia district there took place the discussion on Bulgarian language classes, first of all, concerning children from some localities where there is no dense Bulgarian population, although there are such regions nearby. In such localities children have classes in Moldavian (Romanian) or Russian languages at secondary schools[6].

Nevertheless, Bulgarians in the Republic of Moldova have never had any radical complaints. They did not try to create any political party which could represent their ethnic interests. On the other hand, Gagauzians act in the opposite way. In February, 2011 there was spread the information that the social movement „Eni Gagauzya" could change into the political party „New Budjak". Two main objectives of this political party would be the defence of Gagauzian and Bulgarian interests in Moldova and the position of the official language for Russian in the Republic of Moldova[7].

Bulgarians also live on the territory of the Autonomous Territorial Unit of Gagauzia. However, amongst 32 settlements belonging to *Gagauz Yeri* only in one locality Bulgarians form a slight majority. There is a village of Kirsovo situated to the south of Komrat ethnically dominated by Bulgarians and

Gagauzians almost at rate 1:1. There are also some Bulgarians living in the districts of Kagul and Kantemirov in the southern part of Moldova.

In the capital of Gagauzia local Bulgarians formed the organization known as „Community of Bulgarians in the Autonomous Territorial Unit of Gagauzia" (*Obŝina na b'lgarite v ATO Gagauzija*). This organization functions in Komrat. It emerged in 1994, but was officially registered in 2009. The head of the community is Tatjana Rakovchena. The organization collects and provides access to literature in Bulgarian language as well as organizes competitions and excursions to Bulgaria[8]. In the southern part of Gagauzia there is the Social Unity of Bulgarians in Vulkaneşti Region 'Revival'.

In some localities on the territory of ATU Gagauzia there is a possibility to learn Bulgarian language in high schools. Moreover, at the State University in Komrat Bulgarian philology functioned for quite a long time. Unfortunately, there has been no big interest in the Humanities recently. When the university was established in Taraclia (Bulgarian in fact), the interest for Bulgarian philology in Komrat diminished sharply. Nowadays the process of closing it is under way.

To sum up, we can say that Bulgarians living in Taraclia district and in Gagauzia (about 5% of the population of the autonomy) form the main part of this *ethnos* in the Republic of Moldova. There are some territorial units that form a part of the stable Bulgarian-Gagauzian settlement in Budjak. The rest is in Ukraine. On the other hand, in Chişinău there are boards of Bulgarian organizations functioning on the whole territory of Moldova[9]. As was already mentioned, Bulgarians have no more rights than members of other ethnic minorities who live on the territory of the Republic of Moldova. There is one exception: Gagauz, who have a kind of substitute of their own state in the form of autonomy.

Notes

[1] As a result of great migrations of population that took place in the first half of the 19th century on the territory of Bessarabia (mainly in the south in Budjak), there were settled many colonists from the Balkan Peninsula. The greatest group formed so-called „Bulgarian colonists". There was mixed population, which comprised two *ethnoses*: Bulgarians and Gagauz. Their descendants even today live in two countries that emerged after the collapse of the Soviet Union: the Republic of Moldova and Ukraine. Nowadays there is dense Bulgarian-Gagauz settlement in southern Moldova and in the western part of Odessa *oblast* in Ukraine. This is the result of division of Besarabia by Soviet authorities between Moldavian and Ukrainian SSR. Some territories in the north (the town of Hotin with its vicinities) and all the southern part of Bessarabia were included in Ukraine. Such a border between two Soviet republics was made in spite of consistent Bulgarian-Gagauz settlement; this border not only divided some villages, but even some houses, gardens, fields and, first of all, native population (even some families). In this situation most Bulgarians were in Ukraine, and most Gagauz – in southern Moldova. Nevertheless, in the time of the Soviet Union such a border only served administrative purposes. But after the collapse of the Soviet Union and creation of independent states (such as the Republic of Moldova and Ukraine) this border became the state's border. Bulgarians are concentrated in such places as Taraclia district, Chişinău and Parkany (on the territory of the unrecognized PMR – *Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika*) (Грек, Червенков, 1993; Калчев, 2009; Червенков, Думиника, 2013; Думиника, 2014).

[2] And also insignificant number of representatives of other nationalities.

[3] In 2010 the author of this article intentionally asked the inhabitants of the town of Taraclia some questions in Bulgarian in order to identify the level of understanding of the Bulgarian language. But no one answered in this language! Everyone asked for the same question, but in Russian. In spite of the university, the only person who used Bulgarian language quite well was the local beer bibber near the bus station. At Taraclia University some scientists (even in their personal contacts) used Russian language, which was very strange for the author of this article. Nevertheless, a little longer visit in June 2012 helped verify earlier observations. Namely, a significant part of inhabitants of Taraclia understands the native language of their forefathers and can speak this language fluently (of course, the local variant), but in public places rather use Russian language.

[4] As an argument in favor of such a solution she also pointed out that Bulgarians have very good relations with Gagauz, and so they could join the ATO Gagauzia very easily.

[5] „Вести Гагаузии". No. 15-16 (7887-7888) of 24.02.2012.

[6] „Вести Гагаузии". No. 19-20 (7891-7892) of 07.03.2012.

[7] „Вести Гагаузии". No. 13-14 (7785-7786) of 18.02.2011.

[8] The author obtained basic information on this organization from Tatiana Rakovchena on 10.06.2010.

[9] More on this problem (Hatłas, 2014).

Literature

В лабиринтах самоопределения. Т. 1. Этническая мобилизация национальных меньшинств. Ред. Е. М. Губогло. М., 2003.

Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова. Милало и настояще. София, 1993.

Дериволков Р. Педагогически колеж „Св. св. Кирил и Методий" гр. Тараклия, Република Молдова // Алманах „Родолюбец", София, 2002, бр. 5.

Думиника Ив. Българските преселници в Бесарабия в края на XVIII – първата половина на XIX век в историографията. Автореф. на дисертац. за присъжд. на научн. и образов. степенен „доктор". Велико Търново, 2014.

Думиника Ив. Храм Успения Божией Матери села

Кирсово. Исторические аспекты. Кишинэу, 2012.

Калчев К. Българската етническа общност в Бесарабия (XIX–XX в.). Възникване, развитие, принос в общонационалните процеси. Велико Търново, 2009.

Кендигелян М., Гагаузская Республика. Борьба гагаузов за национальное самоопределене. 1989–1995. Воспоминания. Документы. Комрат, 2009.

Неделчев Н. Бесарабските българи в Тараклия. Велико Търново, 1998.

Червенков Н., Думиника Ив. Тараклии – 200 лет. Том I (1813–1940). Кишинев, 2013.

Hatlas J. Bułgarzy w Besarabii – 200 lat historii. Poznan, 2014.

Żyromski M., Hatłas J. Power, administration and etnic minorities. The case study of Gagauzian Autonomy. Poznań, 2008.

Rezumat

Pe teritoriul Republicii Moldova, bulgarii trăiesc în partea de sud a țării. La 30 martie 1992, Președintele Republicii Moldova, Mircea Snegur, a semnat Legea privind unele măsuri legate de dezvoltarea culturii naționale bulgare, întrucât bulgarii formează mai mult de jumătate (66%) din populația regiunii sudice. Centrele administrative asociate bulgarilor sunt raionul Taraclia și Găgăuzia ce este o regiune autonomă a Moldovei.

Cuvinte-cheie: Moldova, Găgăuzia, bulgari, Taraclia, Tvardița.

Резюме

На территории Республики Молдова болгары проживают уже два века. 30 марта 1992 г. Президент Молдовы Мирча Снегур подписал Указ о мерах по национально-культурному развитию болгар. Тараклийский район является административно-территориальным центром бессарабских болгар на юге страны, где они составляют более 66% населения. Гагаузия имеет автономный статус в Молдове. В статье показано положение и развитие болгар на юге Республики Молдова.

Ключевые слова: Молдова, Гагаузия, болгары, Тараклия, Твардица.

Summary

Bulgarians live mostly in the southern part of the Republic of Moldova. On March 30, 1992, the president of the Republic of Moldova, Mircea Snegur, signed the law „on some measures connected with the development of Bulgarian national culture". Taraclia District is an administrative-territorial unit situated in the south of the Republic of Moldova. Bulgarians form more than a half (66 percent) of the population of this region. Gagauzia is an autonomous region of Moldova. Bulgarians have no more rights than members of other ethnic minorities, who live on the territory of the Republic of Moldova.

Key words: Moldova, Gagauzia, Bulgarians, Taraclia, Tvarditsa.

STUDII ETNOPSIHOLOGICE, ETNOLINGVISTICE ȘI DE FOLCLOR

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Irina CAUNENCO

STUDIUL EMPIRIC AL AUTODETERMINĂRII ETNICE A TINERILOR BULGARI ÎNTR-O SOCIETATE ÎN TRANSFORMARE

Procesul de autodeterminare etnică la tineri decurge astăzi într-o situație de instabilitate socială îndelungată și poate lua forme de criză. Criza identității poate fi definită ca pierderea reprezentărilor pozitive despre grupul propriu (Андреева, 2000, 267).

Prin urmare, studierea procesului de identificare etnică la tineri este actuală atât din punct de vedere științific, cât și din punct de vedere practic. Procesul de autodeterminare etnică are loc în societatea tranzitivă caracterizată de următoarele fenomene:

- transformări sociale cardinale,
- globalizare, ducând la extinderea spațiului, inclusiv și cel al contactelor interpersonale,
- intensificarea incertitudinii sociale, asociată în primul rând cu transformările constante de valori, norme, standarde în lumea contemporană,
- extinderea spațiului informațional și intensificarea rolului acestuia în planul schimbului frecvent al legăturilor între generații (Марцинковская, 2013, 58).

În studiul nostru am reieșit din înțelegerea identității etnice ca rezultat al procesului cognitiv-emoțional de autodeterminare a individului în spațiul social în raport cu mai multe etnii, trăirea relației „Eu"-lui și mediul etnic – identificarea cu una sau mai multe comunități etnice și separarea de alții. *Identitatea etnică* a individului se formează în limita unei anumite *culturi* și în procesul de *interacțiune interetnică*, dar este independentă și de una și de alta (Стефаненко, 1999).

Studiind identitatea etnică, noi am reieșit din aceea că structura identității etnice este alcătuită din două componente de bază – *cognitivă* (autoidentificarea, conținutul auto- și heterostereotipurilor; reprezentările despre „distanța" dintre grupurile etnice propriu și relevant) și *afectivă* (sentimentul de apartenență la comunitatea etnică; exprimarea favoritismului intergrupal; orientarea stereotipurilor etnice).

Scopul studiului empiric este de a identifica dinamica orientării proceselor de autodeterminare etnică la tinerii bulgari.

Eșantionul a constituit 80 de respondenți cu vârsta cuprinsă între 18-25 ani, statutul social – studenți, din regiunea Taraclia. Perioada de cercetare – anii 2006 și 2013.

Instrumentarul metodic al cercetării: Pentru studierea stereotipurilor etnice a fost utilizat „Testul diagnostic al relațiilor" (TDR) (Солдатова, 1998). TDR permite măsurarea următorilor parametri ai stereotipurilor etnice: ambivalența, intensitatea și orientarea. Pentru studierea preferințelor etnice la respondenți a fost utilizat „Testul culorilor relațiilor" (Бороноев, Павленко, 1994).

Pentru compararea diferențelor parametrilor stereotipurilor etnice a fost utilizat criteriul Mann-Whitney. Prelucrarea datelor a fost efectuată cu ajutorul pachetelor statistice SPSS 12.0 și Excel.

Studierea stereotipurilor etnice prezintă în sine un interes deosebit, deoarece acestea alcătuiesc fundamentul conținutului identității etnice. La studierea stereotipurilor etnice am comparat:

- Imaginea „Eu" – lui și autostereotipul, pentru determinarea identificării cu grupul la nivel personal, adică semnificația componentei etnice în imaginea „Eu" – lui; (nivelul personal-ingrupal);
- Imaginea „Eu" – lui și heterostereotipul moldovenilor, rușilor, pentru *determinarea nivelului de diferențiere etnică sau identificarea cu autogrupul* (moldoveni, ruși) (nivelul personal-autogrupal);
- Autostereotipul tinerilor bulgari cu heterostereotipul moldovenilor, rușilor pentru determinarea apropierii grupurilor etnice (nivelul grupal-grupal).

Vom analiza rezultatele studiului empiric ale procesului de autodeterminare etnică la tinerii bulgari, efectuat în perioada anilor 2006 și 2013 (tab. 1,2).

În orientarea stereotipurilor etnice la tinerii bulgari s-au observat schimbări. În comparație cu eșantionul din 2006, la tinerii bulgari din 2013 a fost evidențiată importanța componentei etnice la nivel de personalitate, adică tendința către hiperidentitate. Apropierea de ruși la *nivel de grup* rămâne a fi stabilă.

A fost analizat conținutul stereotipurilor etnice la tinerii bulgari. Pentru aceasta s-a calculat valoarea medie a aprecierilor pentru toate 24 calități din me-

Tipul aprecierii	Găgăuzii			Moldovenii			Ruşii			Ucrainenii			Bulgarii		
	A	S	D	A	S	D	A	S	D	A	S	D	A	S	D
Autoaprecierea	0,60	0,25	0,21	0,63	0,25	0,20	0,64	0,24	0,20	0,63	0,25	0,21	0,57	0,29	0,25
Idealul	0,52	0,40	0,32	0,54	0,40	0,30	0,48	0,44	0,36	0,48	0,45	0,36	0,48	0,42	0,35
Autostereotipul	0,67	0,15	0,12	0,70	0,11	0,09	0,62	0,26	0,22	0,67	0,20	0,17	0,63	0,22	0,18
Heterostereotipul (moldovenilor)	0,70	-0,01	-0,01				0,73	-0,01	-0,01	0,72	0,05	0,05	0,71	0,04	0,03
Heterostereotipul (ruşilor)	0,67	0,21	0,17	0,71	0,09	0,08				0,66	0,20	0,17	0,63	0,22	0,17

Tab.1. Valorile medii ale coeficienților ambivalenței (A), intensității (S), orientării (D – coeficientul diagnostic) – studenți (2006)

Tipul aprecierii	Găgăuzii			Moldovenii			Ruşii			Ucrainenii			Bulgarii		
	A	S	D	A	S	D	A	S	D	A	S	D	A	S	D
Autoaprecierea	0.58	0.27	0.23	0.59	0.29	0.25	0.60	0.24	0.21	0.61	0.22	0.19	0.58	0.28	0.24
Idealul	0.49	0.45	0.37	0.50	0.42	0.33	0.49	0.43	0.34	0.49	0.43	0.34	0.47	0.46	0.37
Autostereotipul	0.66	0.22	0.18	0.67	0.06	0.05	0.67	0.20	0.17	0.65	0.17	0.15	0.62	0.23	0.19
Heterostereotipul (moldovenilor)	0.71	0.07	0.06				0.75	-0.02	-0.02	0.73	-0.03	-0.02	0.69	0.07	0.07
Heterostereotipul (ruşilor)	0.69	0.17	0.15	0.71	0.08	0.07				0.67	0.19	0.16	0.65	0.19	0.16

Tab.2. Valorile medii ale coeficienților ambivalenței (A), intensității (S), orientării (D – coeficientul diagnostic) – studenți (2013)

toda TDR. Calitățile care au obținut valorile cele mai înalte au fost analizate ca fiind conținutul stereotipului. Analiza calităților autostereotipurilor bulgarilor a permis descrierea imaginii tipice a tânărului bulgar: apreciază comunicarea, econom, insistent, descurcăreț, activ în diferite situații, la fel apreciază acuratețea.

Pentru determinarea legăturii dintre conținutul cognitiv al autostereotipurilor ambelor grupuri (2006 și 2013) a fost utilizat coeficientul de corelație Spearmen.

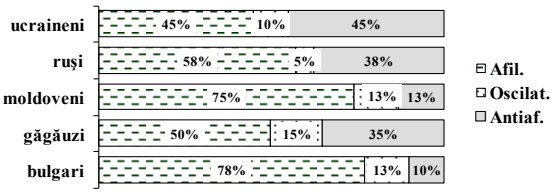
Conform rezultatelor obținute la analiza corelațională, conținutul cognitiv al autostereotipului tinerilor bulgari s-a dovedit a fi apropiat – bulgari (0,99). Acest fapt permite de a vorbi despre o relativă stabilitate a acestora.

S-a analizat frecvența autostereotipurilor etnice și heterostereotipurilor (moldoveni, ruși) cu scopul înțelegerii dinamicii transformărilor. Noi am efectuat compararea cu autostereotipurile eșantionului de tineri din 2006. În general, la bulgari prevalează imaginea pozitivă a propriului grup – 90% (2006), 95% (2013).

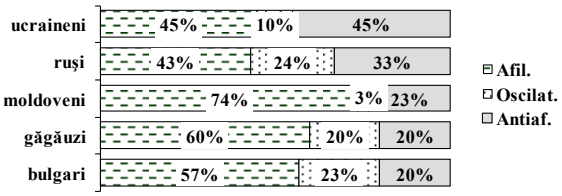
Analiza frecvenței heterostereotipurilor moldovenilor și rușilor la tinerii bulgari este pozitiv – 75% (moldoveni), 92% (ruși). Așadar, la tinerii bulgari (2013) s-a determinat importanța componentei etnice la nivel de personalitate, adică tendința către hiperidentitate. Stabilă rămâne a fi apropierea de ruși la nivel de grup.

Trecem la analiza motivelor de afiliere (tab. 1, 2). Deoarece cultura grupului etnic este colectivă, este logic de a presupune, că la respondenții noștri vor prevala tendințele de afiliere. Omul totdeauna are necesitatea de bază în incluziune și atașament către un grup social.

În studiul nostru au fost evidențiate trei grupuri de respondenți în fiecare grup etnic. *Primul grup* – la respondenții respectivi prevalează tendințele de afiliere etnică, adică de afiliere grupală; *al doilea grup* – prevalarea tendințelor antiafiliative, adică orienta-



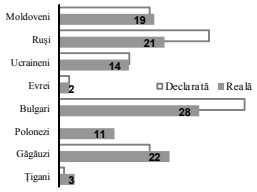
Des. 1. Tendințele de afiliere (studenții 2013)



Des. 2. Tendințele de afiliere (studenți 2006)

Grupul etnic	Reală		Declarată	
	suma alegerilor	rangul	suma alegerilor	rangul
Moldoveni	19	4	18	3.5
Ruşi	21	3	30	2
Ucraineni	14	5	14	5
Evrei	2	8	2	6
Bulgari	28	1	37	1
Polonezi	11	6	0	8
Găgăuzi	22	2	18	3.5
Ţigani	3	7	1	7

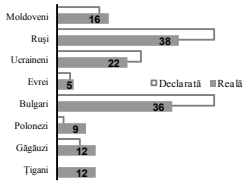
Coeficientul de corelare de rang Spearmen - 0,86



Des. 3. Ierarhia preferințelor etnice la tinerii bulgari (eşantionul din anul 2013)

Grupul etnic	Reală		Declarată	
	suma alegerilor	rangul	suma alegerilor	rangul
Moldoveni	16	4	13	4
Ruşi	38	1	49	1.5
Ucraineni	22	3	26	3
Evrei	5	8	4	6
Bulgari	36	2	49	1.5
Polonezi	9	7	2	7
Găgăuzi	12	5.5	7	5
Ţigani	12	5.5	0	8

Coeficientul de corelare de rang Spearmen - 0,857



Des. 4. Ierarhia preferințelor etnice la tinerii bulgari (eşantionul din anul 2006)

rea spre individualism și *al treilea grup* – a fost numit „oscilatori", ambele tendințe fiind exprimate egal.

La grupul tinerilor bulgari prevalează tendințele de afiliere. În comparație cu eșantionul din 2006 (57%), se observă intensificarea tendințelor de afiliere (78%). Se poate de afirmat că la bulgari s-au intensificat motivele de includere în grupul social (etnic), totodată micșorându-se semnificativ numărul de respondenți din grupul „oscilatorilor" și „cu tendințe antifiliative".

Așadar, compararea tendințelor de afiliere etnică la tinerii bulgari indică dinamicitatea proceselor relațiilor interetnice în societatea în transformare. Pentru studierea ierarhiei preferințelor etnice, adică a statutului subiectiv al grupurilor etnice am utilizat „Testul culorilor al relațiilor" (Бороноев, Павленко, 1994, 139-142).

Testul respectiv constă dintr-o procedură din trei etape de testare, oferind posibilitatea obținerii datelor la nivel intrapsihologic și practic exclude răspunsurile dorite. Datele empirice sunt prezentate în tab. 3, 4.

Studierea ierarhiei preferințelor etnice este de o importanță considerabilă pentru noi, deoarece relațiile interetnice sunt determinate nu numai de relațiile reale, dar și de determinația psihologică, mai exact – de procesele cognitive:

- categorizare („noi" – „ei");
- diferențiere (contrapunere, comparare);
- identificare socială.

La modul general, identitatea etnică este rezultatul procesului de comparare a grupului său cu alte comunități (grupuri) etnice.

De aceea, înțelegând cu cine se compară grupurile etnice, putem sesiza mai profund atât relațiile interetnice, cât și cele de identificare etnică.

La tinerii bulgari (2013), în comparație cu eșantionul din 2006, corespund preferințele etnice, atât la nivel declarativ, cât și la cel real. Acest fapt atestă o armonie a nivelelor conștient și subconștient ale identității etnice. Acesta este un aspect important în caracteristica procesului de identificare etnică și a vectorului său referitor la tinerii bulgari.

Dacă analizăm locul etniei titulare în ierarhia identificării etnice (eșantionul din 2013), atunci moldovenii ocupă locul trei, la fel și găgăuzii. Acest lucru este explicabil, deoarece cercetarea bulgarilor a fost efectuată în or. Taraclia, care se învecinează cu Gagauz-Yeri. Și regional, bulgarii și găgăuzii convieţuiesc alături o perioadă îndelungată, se cunosc bine și interacționează mai des. Este interesant faptul că pentru bulgari, găgăuzii ocupă un loc mai înalt în ierarhie, decât bulgarii pentru găgăuzi, ocupând locul cinci. În general, în ierarhia preferințelor etnice tinerii bulgari preferă propriul grup, ce relevă existența unei combinații armonioase dintre nivelul conștient și subconștient al grupului studiat.

Așadar, studiul identității etnice la tinerii bulgari a scos în evidență că, în general, la tineri este formată o identitate etnică pozitivă, precum și intensificarea tendințelor de afiliere, identitatea lor fiind determinată după tipul normei. De rezultatele studiului empiric trebuie de ținut cont la elaborarea programelor pentru tineri, atât în sfera de instruire, cât și în cea economică. Identitatea etnică pozitivă poate deveni fundamentul activismului economic al tinerilor din regiune.

Literatura

Андреева Г. М. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2000.

Бороноев А. О., Павленко В. Н. Этническая психология. Санкт-Петербург, 1994.

Марцинкосвкая Т. Д. Субкультура в транзитивном обществе // Вестник Московского государственного университета. Серия 14 - Психология. М., 2013, № 4.

Стефаненко Т. Г. Социальная психология этнической идентичности /Дисс…докт. психол. наук. М., 1999.

Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряжённости. М., 1998.

Rezumat

În articol este efectuată analiza datelor empirice privind procesul de autodeterminare etnică a tinerilor bulgari. S-au comparat datele empirice obținute privind identitatea etnică pe eșantioanele anilor 2006 și 2013. S-a determinat că la tinerii bulgari este formată o identitate etnică pozitivă: autoidentificarea pozitivă, intensificarea motivelor de afiliere. Calitățile importante ale imaginii propriului grup (autostereotipul) sunt: comunicativitatea, activismul, economia.

Cuvinte-cheie: identitatea etnică, motive de afiliere, autostereotipuri, heterostereotipuri.

Резюме

В статье анализируются эмпирические данные по процессу этнического самоопределения молодежи болгар Республики Молдова. Проводится сравнительное исследование соответствующих данных по этнической идентичности выборок 2006 г. и 2013 г. Установлено, что у молодежи болгар сформирована позитивная этническая идентичность: положительная самоидентификация, усилены аффилиативные мотивы. Значимыми качествами образа собственной группы (автостереотип) являются коммуникативность, активность, экономность.

Ключевые слова: этническая идентичность, аффилиативные мотивы, автостереотипы, гетеростереотипы.

Summary

The article deals with the empirical data on the process of ethnic self-determination of young Bulgarians, it is a comparative research of 2006 and 2013 samples. Positive ethnic identity of Bulgarians is stated: positive self-identification and strengthening of affiliation motives. Important features of the in-group (autostereotype) include sociability, activity and thrift.

Key words: ethnic identity, affiliation motives, autostereotypes, heterostereotypes.

Валентина КОЛЕСНИК, Яна ВОЛКОВА

ТУРЦИЗМЫ В ЧУШМЕЛИЙСКОМ ГОВОРЕ (БЕССАРАБИЯ)

Говор жителей села Криничное (Чешма-Варуита, Чушмелий) является наиболее экзотичным не только в Бессарабии, но и в Болгарии. Село основано болгарскими переселенцами из так называемых «сыртских» сел, поэтому и говор называют «сыртский». Речь идет о говорах 11 сел, расположенных в районе «Сърта» (Шуменского округа): Кюлевча, Каспичан, Марково, Косово, Снежина, Градинарово, Неново, Равна, Кривня, Черковна, Овчарово. Села находятся на территории между Шуменом, Преславом, Новым Пазаром и Провадией, т.е. там, где процветала в VII веке культура Первого болгарского государства.

Впервые на специфические особенности этого говора обратил внимание известный болгарский диалектолог Любомир Милетич (Милетич, 1902), затем – Беньо Цонев. Некоторые особенности сыртского говора были предметом научного спора между профессорами Л. Милетичем и Б. Цоневым. Последний утверждал, что носители этого говора переселились с юга, о чем свидетельствуют некоторые особенности южных болгарских говоров в чушмелийском диалекте. Любомир Милетич считал сыртские говоры наиболее архаичными (старинными) среди исконных мизийских.

Любомир Милетич определил и период миграции носителей говора с. Каспичан на север: «Болгарское население здесь значительно сократилось именно после 1812 г., когда после русско-турецкой войны отсюда ушло много болгарских семейств. Те, которые перешли через Дунай во Влахию, некоторое время жили около г. Калараш, а оттуда ушли в Бессарабию и осели в с. Чушмелий, другие обратно перешли Дунай и расселились в Силистренском округе, главным образом в с. Алмалой» (сейчас на территории Румынии). Из Шуменского округа почти целиком ушло населе-

ние четырех сел: Могилы (к югу от г. Нови Пазар), Равны, Кривны (к северу от Провадии), Новосела, Каспичан. В Бессарабии болгары поселились в четырех различных селах: Чешма-Варуита, Бабели, Анадол и Кубей. В 1860 г. часть населения переселилась в Таврическую губернию, в район северного Приазовья. Выходцы из Чешма-Варуиты в Приазовье основали с. Богдановку, небольшая часть чушмелийцев вместе с выходцами из Болграда поселилась в соседнем с. Степановке.

Жители Чешма-Варуиты очень консервативны в своем быту. Чрезвычайную архаичность быта жителей села отмечал еще Н. С. Державин: «Это село дало мне наиболее полный этнографический материал, настолько полный, что в других селах той же Бессарабской губернии я находил только осколки того быта, который мною был записан в этом именно селе. Причины такой этнографической устойчивости в данном случае я склонен видеть исключительно в языке. Чушмелийский говор, шуменский по происхождению, настолько резко отличается своими фонетическими, морфологическими и лексическими особенностями от всех окрестных болгарских говоров, что чушмелийцы у своих соседей постоянно служат мишенью насмешек» (Державин, 1914, 49).

Только в чушмелийском говоре шелковичный червь называется тишть (тишт'), маленькое полотенце – рута, сани – къзъки, къзачки (болг. лит. шейна), баница – зельник, дятел – желва (болг. лит. кълвач), мусор – писюрлюк (болг. лит. боклук), солонка – теля́р, тиля́рче (болг. лит. солница), носовой платок – тистиме́л'чи (болг. лит. носна кърпа), грязный – кирлиу (болг. лит. мръсен), изделия из теста – буки, лаланги, ешмерия, идет дождь – лити дъш (болг. лит. вали дъжд), наряжаться, одеваться – натрувя са (Натрув'а са анин'е. Ас са натрувиу и утидуу на школа. Аз на празнику са натрувиу).

Огромное значение для жителей села имеет огородничество, особенно выращивание семенного лука – арпаджика, поэтому жители окрестных сел называют его «луково село».

Сыртские говоры сохраняют много архаичных лексем, которые отсутствуют в литературном болгарском языке, не употребляются уже в других болгарских говорах, но имеют параллели в других славянских языках и в староболгарских текстах: жерка (воденица 'мельница'), кликам (викам 'звать'), зоре (утре 'завтра'), нине, анине (сега 'сейчас'), **в'ешти** (още) – 'еще', въся (от въс 'ус', болг. лит. мустак) болг. лит. гъсеница – 'гусеница', **гъна**(**вдигна**) – 'поднять', ягуда (черница) – 'шелковица', лици (бузи) – 'щеки' **и др.**

Материалы нашего исследования свидетельствуют и о том, что в чушмелийском говоре сохранились славянские по происхождению лексемы, вместо которых в других болгарских бессарабских говорах употребляются заимствования из турецкого, румынского или греческого. Это частоупотребительные лексемы: прозурц (от глагола прозирам – просвечивать) – 'окно' (в большинстве болгарских бессарабских говорах – джам, п'ен'дж'ур), гражд, граш (однокоренное со словами город, ограждать и др.) – 'загон для скота (овец) во дворе' (**в других бессарабских болгарских говорах** – хагъл, агъл, кошара, сайван, сая, дам, пирде), котел – 'медное ведро' (бакър), будил'ка (от глагола бода 'колоть, втыкать') – 'вилка' (**в других бессарабских болгарских говорах заимствование из румынского** – фъркулица), **убил** (от **въбел, в солунском говоре въмбел**) 'колодец' (в других бессарабских болгарских говорах – **гиран, бунар, кладенц, клаянц**), опас – 'пояс, колан', упашка – 'хвост' (**в других бессарабских болгарских говорах заимствование из турецкого** – куйрук) и др.

Как отмечают этнографы и лингвисты, жители с. Криничное однородны в этнографическом отношении и являются по происхождению шуменскими болгарами, отличающимися своеобразным диалектом, особой архаичностью быта и сильным тюркским субстратом (Журавльов, 1955, 18). В терминологии родства, например, это проявляется в наличии ряда тюркских терминов, вместо которых у болгар Украины и Молдовы употребляются славянские по происхождению термины: каинчу вместо шуряк (брат жены) – от тур. *kayinçe* 'по-млад шурей, девер' (БЕР, 1988–2002, 143).

Заимствований из турецкого языка в чушмелийском говоре действительно больше, чем в других бессарабских болгарских говорах, и сохранились они в той фонетической форме, которая ближе к турецкой (срв. шакъ от şaka 'шутка', болг. лит.*шега*), и их значение, как правило, совпадает со значением этой лексемы в турецком языке или в турецких говорах (срв. дувар' от тур. *duvar* 'стена').

Среди частоупотребительных это лексемы: айдутин, алтън, акъл, алкъ, аман, арман, арпаджик, атил, айат, бадж'анак, баир', байр'ак, бакър, барим, барут, басамак, батак, баур (бахур), башкъ, башчъ, б'ел', б'ел'ни, б'ел'ким, бириндж'ук, булгур, бустан', буйа, гага, гайдарджийа, г'ега, г'евр'ек, г'ол' (езеро), дангъ(петно),джоб, джум'ер'ки, дж'уна, д'ер'ек, дзимбил' (зюмбюл), дикан', дувар', душманин, ийнийа (яхния), ил'а са, имиш, имурук (юмрук), каба, кавърмъ, казан (кофа), каиш, каймъ (кисело зеле), калгъ (кавга), калпак, калтърмъ (юзда), калъп, камчийа (камшик) (ж.р.),

камъ (кама), късм'ет', катал'асам, катран', каър (кахър), кир'еч, копч'е, кудж'а (много), кудук, кумшийа, кундил', курбан, курдисан, кур'ем, кър, лаут', магари, мазийа (мазе), маймуна, макар, мандж'а, маскаръ, м'егдан', м'еджийа, мукайет', мустак, мусура (муцуна), муулъ (махала), надж'ак, падар', пазар', патладж'ан, пафти, писк'ул', пишкир', пишм'ан, ракийа, сайван, сакат, сапун', сармъ; сини, сууръ (софра), сулдърмъ, сурат, с'урийа, таван, таласъм, таман, тармък, тарпан, топ, т'ут'ун', ч'аршау, ч'атал, ч'аун', ч'енийа, чивътин (чефутин), чииз, чизми, чикил'ек, чикм'аджи (ж.р.)*, чикрък, чушми (чешма), чубан, цувал' (чувал), ч'укан', ч'умбър'а, ч'умб'ер', ч'урап, ч'урбъ, шакъ (шега), шамар'; шарапанъ, ширпанъ (шарпана); шил'е, шиши (шише), йав'ар' (хайвер), йанд'ек, йаралък* и др.

Многие из них употребляются и в современном турецком языке, иногда уже в другом значении: алтън (*altin* 'золото')*, акъл, акран, аман, арпаджик* (1. 'ячмень'; 2. 'ячмень в глазу')*, астар* (*astar* '1. подкладка; 2. грунт')*, бадж'анак, баир, байр'ак, барим, барут, басамак* (*basamak* 'ступенька')*, батак, башкъ, бахчъ, б'ел, б'ел'ким, бугъ* (*boğa* бык), булгур, буйа (*boya* 'краска')*, гага* (*gaga* 'клюв')*, гивеч* (*güveç* 'блюдо')*, г'евр'ек* (*gevrek, çörek* '1. хрупкий, ломкий; 2. г'ерг'ов (*gergef* 'пяльцы')*, г'ол'* (*gül* 'озеро')*, далга* (*dalga* 'волна'), джеб (*cep* 'карман')*, дзимбил'* (*sümbül* 'гиацинт')*, дувар'* (*duvar* 'стена')*, дулап* (*dolap* 'шкаф'), умрук (*yumruk* 'кулак')*, кабарджик* (*kabarcık* 'волдырь, пузырь')*, каиш* (*kayiş* 'ремень'), калабалък (*kalabalık* 'толпа')*, каймак* (*kaymak* 'сливки'), казан, калпак, калъп, киси (*kese* 'мешочек')*, късм'ет*, кумшийа, курбан, кор'ем, кър, макас, мандж'а (*manca* 'корм для кошек и собак')*, нал* (*nal* 'подкова'), нишан, ол'тичка (*olta* 'удочка'), пазар, панджар (*pancar* 'свекла'), памук (*pamuk* 'вата'), пармак (*parmak* 'палец')*, пишкир'* (*peşkir* 'полотенце'), ракийа, сагмал (*sağmal* 'дойная корова')*, сакат, салкъм* (*salkım* 'гроздь'), самун (somun 'буханка'), сапун (*sabun* 'мыло'), софра (*sofra*'стол обеденный')*, сидеу* (*sedef* 'перламутр'), сурат (*surat* 'морда, физиономия'), таван (*tavan* 'потолок'), тив'ак (*tüfek* 'ружье'), топ (*top* 'мяч')*, т'ут'ун, ч'аршаф* ('простыня')*, ч'атал* (çatal 'вилка')*, ч'енгел* (çengel 'крюк'), чизми (*cizme* 'сапоги'), чекмеджи, чешми (çeşme 'родник'), чубан, чувал, ч'урап, ч'урбъ, шакъ (şaka 'шутка')*, шамар* (şamar 'пощечина'), шише (şişe 'бутылка'), хайвер (*havyar* 'икра черная'), чурбъ (çorba 'суп') и др. Из них лексемы далга 'волна', ол'тичка 'удочка' и панджар 'свекла' в других болгарских бессарабских говорах нами не зафиксированы.

Молодое поколение уже не помнит значения слов: арнисам 'завършвам', асъ 'хасе, памучен плат', *астар' (хастар* 'подплата на дреха')*, г'ердел'* 'бъчва за сирене', г'етл'ук 'част на каруцата', гив'ач 'супник', дарак 'уред за влачене на вълна',*димийа* 'домашно изтъкан вълнен плат', *дингил'* 'дървена ос на волска кола', *дисаги, д'ус* 'много, силно', йентерийа 'яке от домашен плат', *зурлъ* 'муцуна', ийкиндийа 'надвечер, следобяд', *имурлук* 'ямурлук', *ишумик* 'извара', кабарджик 'мехур, пъпка', *кабардисвам* 'втасам', *калабалък* 'бъркотия', *калай* 'олово', *калайджийа* 'занаятчия, който калайдисва', *ким'ур'* 'въглище', *кил'еп*'кълбо на прежда', *кирлига* 'овчарска тояга', *кусур* 'кусур, недостатък', *ластар'* 'филиз', *макас* 'греда на покривна конструкция, която се слага от билото до стряхата', *масур'* 'за насукване на прежда при тъкане', *нишан* 'белег на ухото на овца', *пармак* 'спица', *п'етм'ас' (петмес* 'вид повидла из густого виноградного сока')*, самал* (сагмал – 'дойна овца')*, с'авдъ* 'обич, любов', *тараба* 'дървена ограда', *татула (татул* 'дурман')*, ч'апак* 'горна част на рокля', *ч'етула* 'лотария',*чинг'ел'* 'кука, с която изваждат ведра от кладенеца', *чифчийа* 'земеделец', *чумбъри* ,юзди', шик'ер' 'захар', *шк'емб'а* 'стомах на животно' и др. Нередко они употребляют заимствования из русского: кончавам (завършвам, арнисам), потклатка (астар'), тварок (ишумик), уголь (ким'ур'), сахар (шик'ер'), палка (кирлига), любов (с'авдъ) дурман и др.

Все реже употребляются лексемы:

абéр' м. 'вест, известие' болг. хабер 1. 'вест, известие'; 2. 'познание, понятие' (ар.-тур.) (РЧД, 1995, 711) [Кату виждаш пайак, ш'е имаш аб'ер'; Мама испруоди на т'ат'у аб'ер' да си дуод'а по скору];

адéт' м. 'обичай' болг. разг. адет 1. 'обичай, ред, установен като норма в дадена среда или колектив'; 2. 'навик, нрав на човек или животно' (ар.-тур.) (РЧД, 1995, 24), чрез тур. *adet* от арабски (БЕР, 1, 4). [Имаши такози ад'ет'];

адъм м. 'крачка' – от тур. *adem* също. *[Тий са м'аст'ат на идин адъм]*;

бой м. 'ръст' – произв. бойлия (пушка), бойлийка «дълга пушка» – от тур.воу (БЕР, 1, 64) [Ни ми са нрав'ат ора аз мънич'ук бой; Той има гул'ам бой];

гив'ез'ан прил. 'виолетов, лилав' – болг. диал. гевезен 'тъмновишнев' (Българи, Мичуринско) – от тур. *guvez*'виолетов, лилав' (БЕР, 1, 307) [Кандилката гив'ез'ана цафти кат кандилу];

г'ед'ук м. вдлъбнатина 'впадина' – вероятно от тур. *gedik* 'цепнатина, пукнатина' (БЕР,1988-1, 241) [Г'ед'ук – дупка на път'у]; г'ерд'ел м. дървена бъчва за сирене 'деревянная бочка для брынзы' –

неясного происхождения, зафиксирована в значении бадья (болг. чебър) в Сливене (БЕР, 1, 238) [Г'ерд'ел'у др'ав'ан за сир'ен'е, кис'ело грозд'е, на д'есит казана];

далгъ ж. вълна 'укр. хвиля' В'атро нагони многу далг'а (Софийско; Кюстендилско; СИ; ЮЗ) – от тур. *dalga* също (БЕР, 1, 314);

дангъ ж. дамга, петно 'пятно' Тъз дангъ ни съ испира. – от тур. *damga* също (БЕР, 1, 317);

зара́р ж. 'вреда, лошо' остар. разг. 'загуба, вреда, щета' – чрез тур. *zarar* от араб. (БЕР, 1, 607) [Да напраиш на тойа ч'ул'ак зарар];

кадъ́р, кадъ́рен прил. 'способен' болг. остар. 'годен, способен'- чрез тур. *kadır* 'могъщ, всесилен; способен' от араб. също; заето и в срхр., алб, арум. (БЕР, 2, 134) *[То мумич'а кадърно, хубуу, умну, зна сичкуту да направи. То такос кадърно можи синкуту да прай. Такозик кадра.]*;

кулай ч. резултат, возможность – от тур. *kolay* 'лек, лесен; способ, начин' (БЕР, 2, 546) [Васпитвам, васпитвам, н'ама никакуу кулай. Да има кулай, ша си ида хот' зор'а.];

пафтимн. 'пафта, украсена метална плочка за закачване на женски колан' *[Носи пафти син'кит'а знайат чи т'а й згуд'ена.];*

урсузлу́к м. 'злъст, злоба' болг. разг. урсузлук '1. проклетия, злоба, подлост; 2. постъпка от проклетия, злоба, подлост' (тур.) (РЧД, 1995, 676) [Имаш многу урсузлук].

Названия растений:

алтаньджи́к м. 'латинка', болг. алтънка произв. от тур. *altin* 'жълтица, златен' (БЕР, 1, 9) *[Алтан'джику цафт'е вътр'а градин'ката]*;

г'ул'матма ж. 'ружа' – вероятно от гюл (тур. *gül*)'роза' (БЕР, 1, 308) [Г'ул'матмата висока];

г'ен'г'ер' м. магарешки бодил 'татарник колючий' – от тур.диал. *ginger* камилски трън (БЕР, 1, 243).

Дискурсивные лексемы:

чу́н'ким предл. 'поради, по причина на' *[Ч'ун'ким си купи н'ашта и са вали. Ч'ун'ким завана дъш ни утидууми да купами];*

аджеба част. 'дано'болг. диал. 'дали, дали наистина'. – чрез тур. *acaba* от араб. (БЕР, 1, 4), 'за подчертаване на недоумение, съмнение, учудване: всъщност, наистина, чудно' (РЧД, 1995, 24). [Адж'еба да има пари];

анджéк част. 'точно, а именно' болг. диал. анджак 'за уточняване и подчертаване: именно, точно, тъкмо' (тур). (РЧД, 1995, 40) от тур. *ancak* 'само; при това, едва' (БЕР, 1, 12) [Той ш дойд'е андж'ек събута];

ала́ле́м нар. 'вероятно' болг. диал. 'като че ли, май, вероятно, изглежда' (ар.-тур.) [РЧД, 1995, 33]. [Алал'ем ас си забравиу титратката; Алал'ем н'еска ша л'ети дъш];

бар'ем, барим поне 'хотя бы' *[Бар'ем напиши ми. Барим дун'еси ми удъ]*;

б'езб'али изглежда, вероятно 'кажется' [Б'езб'али утиди на пазар'];

б'ел'а като че ли, изглежда'вроде бы, кажется' *[Б'ел'а ми каза];*

б'ел'ким дано, нима, макар 'пусть, только бы, хотя бы' от тур. *belki* 'може би, вероятно' (БЕР, 1, 41) [Б'ел'ким да доди];

б'ел'ни нима, дори 'даже если бы' [Б'ел'ни ми каза ас с'ейно забравиу];

г'ерч'ек нар. 'задължително'– тур. *gercek* 1.'правда' 2. съюз *gerci*. *[Г'ерч'ек тр'аба да свариш кучи утсв'еч'ара]*;

з'ер част. 'ами, разбира се' болг. разг., диал. зер, зере 'как не, нима'; зеря 'защото, понеже' *[З'ер н'ама доди]*;

з'ер'ем част. 'инак, защото', болг. диал. *зерем* 'защото; като че ли' (Кукуш) – чрез тур. *zira* от перс. (БЕР, 1, 636) [Ни плаши паткит'е, з'ер'ем тий ша фръкнат];

тамандан нар. 'таман, точно, тъкмо' болг. разг. таман 'тъкмо, точно' (ар.-тур.) (РЧД, 1995, 645) [Тамандан с'енуу].

К раритетным заимствованиям из турецкого следует отнести лексему *лала́нги* – от тур. *lalanga* 'вид тестен сладкиш' (БЕР, 3, 296). В болгарских говорах употребляется в значении 'вид тестено изделие – тиганици, палачинки; вид каша с яйца и брашно', в чушмелийском говоре – 'оладьи': Баба ж'ари лаланги ут т'асту аз дрожд'а на ч'аун'ч'а аз улой. Т'асту аз дрожд'а ж'ар'ам на ч'аун'ч'а аз улой и са пулуч'ават лаланги, пуд'ер' то ги пусипват ас сахарна пудра. Эта лексема известна и турецким говорам, а в Болгарии зафиксирована в Севлиевском округе в другом значении – 'вид каши с яйцом и мукой'.

Чаще в болгарских бессарабских говорах встречается название лепешек с брынзой или сыром *гизл'ами* 'вид тестено изделие', болг. диал. гьозлеме, гюзлюма 'вид тестено ядене' (Нова Надежда, Хасковско) – от тур. *gözleme* (БЕР, 1, 306) [Напр'ат' прайава гизл'ам'а, тий жар'ава са].

К раритетным следует отнести также название вида каши из муки *ешмерийа* 'вид каша отбрашно, масло и вода' *[Жари са мас саз брашну, налива са уда, с'етн'а са вари кат кашичка]* – возможно от тур. *esmer* 'възчервен, мургав', ешмерия каша зафиксирована в Момино, Варненско (БЕР, 1, 510).

Лексема *каймъ* в чушмелийском говоре имеет значение 'кислая (мелко нарезанная) капуста',

в этом значении она фиксируется в Жеравна, Градец, Котленско и восходит к глаголу *kiymak* ‘кълцам, меля’ (БЕР, 2, 145).

Лексема *мангър* также заимствована из турецкого языка, где имела значение ‘старинная мелкая медная монетка’, в Болгарии зафиксирована в Плевенском округе в значении ‘нищо’: мангър не разбира – нищо не разбира ‘ничего не понимает’. В этом же значении лексема употребляется и в чушмелийском говоре: ‘нищо (без значение)’ Кр’еси си лиц’ету дурд’е и алтън, кат станиш мангър и на б’ал Дунау да мииш’, н’ама да и умииш’. Примечательно, что лексема мангър заимствована из турецкого языка во все балканские языки (сербский, хорватский, греческий, румынский, албанский). Она образована от тур. *mangır* ‘название на старинна дребна медна монета’ (БЕР, 3, 641).

Турецкой по происхождению является и лексема *панджʼáр*’ – цвекло ‘свекла’, которая фиксируется в Болгарии не только в Шуменском и Варненском округе, но и в Софийском и Гоцеделчевском: ‘цвекло’ (Кюлевча, Шуменско), ‘червено цвекло’ (Горска Поляна, Шуменско; Момино, Варненско; ЮИ; Ореше, Гоцеделчевско; Софийско), ‘захарно цвекло’ (Ореше, Гоцеделчевско), ‘силно зачервяване на човек, засрамил се от постъпката си’ (Самоковско) – от тур. *pancar* също. – заето и в нгр. също (БЕР, 5, 42).

Лексема *сини* проникли в турецкий из персидского или арабского, в чушмелийском говоре употребляется в значении – кръгла ниска маса за ядене, софра ‘круглый низкий стол для еды’, хотя в настоящее время ее уже как стол не используют: На Колада пут синита тур’ет аршин’у сас пр’ежда, раш’ету сас слама, ч’енийе сас зимка. Лексема синѝ проникла в болгарский через тур. *sini* ‘голяма метална тава с поставка, която служи и за трапеза’ от перс.и араб. също, букв. ‘от Китай, китайски’. Заето и в срхр., рум., алб., арум., нгр. (БЕР, 6, 673). В Болгарии лексема зафиксирована в Шуменском округе и в Разградском, а в Бессарабии употребляется также в с. Суворово (Шикирли- Китай).

В Криничном фиксируется также редкая турецкая лексема *улюлю́га* – клада, огън на открито ‘костер’: Масл’аница са завашта посту за В’елидин – палим ул’ул’уги, ица лапат.

Чушмелийская лексема *възаки*, *възачки* имеет значене шейна ‘санки’, она встречается в Южной Болгарии (в Пловдивском, Хасковском округах – Първомай, Хасково; Нова Надежда, Хасковско) и в г. Чирпан, – от тур. *kizak kazak* също (БЕР, 2, 136).

В Страндже зафиксирована и редкая турецкая по происхождению лексема *патлак*, которая в Криничном употребляется в значении пуканки от царевица, царевица за пуканки ‘воздушная кукуруза’ – от тур. диал. *patlak* ‘царевица (за пуканки)’, от един произход с патлак 1. – остар. пищов (Самоков), ‘пистолет с барабан’ (Смолянско) – от тур *patla-mak* ‘пукам’, заето и в срхр. (БЕР, 5, 96).

К раритетным относим также лексемы:

гьолджук м. – призв. от тур. *göl* ‘локва, блато’ (СИ) (БЕР, 1, 306) [Пуд’ер даждо има многу г’ал’дж’ук’а];

кимбе́т’ ж. ‘лежанка напечка’ – от тур. kümbet (БЕР, 2, 366) [Ний спим на кимб’ет’у];

кирили́у прил. ‘мръсен’ болг. разг., произв. от тур. *kır* ‘нечистотия; мърсотия; нечистотия по тяло или долни дрехи от пот и прах’ (БЕР, 2, 378) [Н’аштата ти кирливи];

мамуди́я ж. ‘златна монета’ болг. остар. махмудия ‘стара турска жълтица от 25 гроша’ – чрез тур. *mahmudiye* от араб., заето и в срхр., рум., арум., дакорум., алб., гр. (БЕР, 3, 693)*[Мамудийа по-гул’ама ут алтън]*;

мундарлъ́к м. ‘пъпка’ болг. мурдарлък, мундарлък гнойни пъпки у бебета; (Казанлък, Самоковско, Шумен), кожно заболяване у новородено дете, вид пъпки, които излизат по лицето и главата у малки деца, гнойни мехурчета по кожата – от тур. *murdarlik* също. Заето и в срхр., арум. (БЕР, 4, 326-334)*[Дит’ету има мундарлък]*;

наджак м. ‘брадва’ (Асеновградско) – от тур. nacak ‘брадвичка’; заето и в срхр. (БЕР,4, 468);

писюрлюк м. ‘боклук’ – от тур. *pis* ‘мръсен, негоден’ (Родопите, Кукуш) (БЕР, 5, 257; РЧД, 1995, 508) *[Исфарли пис’урл’уку удвън]*;

тамазлък м. ‘привичка, навик’ болг. диал. дамазлък ‘домашни животни, лично отгледани и/или оставени за разплод’ (тур.) (РЧД, 1995, 123-645) [Тамазлъку му й такозик.Н’аубуу тамазлък имаш – да са караш на ората.];

сунгар’ м. 1. ‘ледена висулка’ 2. ‘сополи’ *[Вис’ат сунгар’ат’а му, н’ама кой да утрий]*.

Много турцизмов среди названий одежды. В Криничном еще до 80-ых гг. бытовала техника изготовления длинных домотканых полотенец из шелка (утбиринждук) и конопли, и только здесь бытует специфическая ткацкая терминология и названия одежды. **Только в Криничном встречаются напати кофти «вид зимней кофты».** Женское домотканое платье называется вистан’, а разновидность этого платья, которое женщины носят после Димитровдня – утул, женская плетеная шапочка в чушмелийском говоре называется в’ес, а детские пеленки – ута. В ЛСГ «Одежда» маркерами чушмелийского говора могут быть лексемы:

вистан’– женска горна дреха, като сукман, но от по-тънък плат; фустан ‘женское платье из тон-

кого полотна'– от фистан, фустан 'тънък сукман' (РЧД, 1995, 710);

тистимéл' м. – кърпа за глава, забрадка 'платок' [Мама ми изнеси идин тистим'ел'; Ти з'е ли си тистим'ел'а?] заемка от перс.-тур. също (РЧД, 1995, 654)

тистимéл'чи, тистимел'ча с. – носна кърпа 'носовой платочек' *[Ти з'е ли си тистим'ел'ч'ату?]*

синджоф – материя, с която беше подшита роклята // подгъв на рокля с плат 'материя, которой было подшито платье' // 'запас, подгиб'; от тур.диал. *sincaf* 'край на пола' *[Вистан'у путшит сас синдж'оф.]* (БЕР, 6, 665-667);

ута, утичка – престилка с шарки от груб плат или кожа; фута 'передник из грубой ткани или кожи'. *[Упаши си утата.Си скърп'уу красива утичка].* Гетероним фута имеет много фонетических вариантов: хута, вута, ута, футъ, фута от осман.тур. *futa/ fota* със същото значение (8, 637);

каплама – верхняя женская одежда 'подплатена скожа горна дреха; елек': Горн'у убл'акло за жин'а – каплами. Эта лексема встречается в Болгарии в Силистренском, Котленском, Казанлыкском округах, а также и в других балканских языках – новогреческом, арумынском, сербском, хорватском, румынском, и поэтому ее относят к лексическим балканизмам. В значении 'зимна дреха, подплатена с кожи' лексема зафиксирована в Малък Преславец, Тутраканско; Силистренско; Жеравна, Градец, Котленско; Енина, Казанлъшко. Образована от тур. *kaplama*, образованная от глагола *kapla-mak* 'покрывать; пришивать подкладку' (БЕР, 2, 221).

Лексема *вес/фес* в чушмелийском говоре имеет значение 'женска шапчица': В'ес нос'ът зимъта пут касинката да ни замръзни главътъ.В'ес имат с'ад'а жин'ат'а; Из гул'ама жара си пукриват главъта ас ф'ес; Ф'есу б'ал, ут т'енина мат'ерийа.

Лексема *чаршау* в чушмелийском говоре имеет значение 'килим', а в литературном болгарском - 'простыня' (перс.-тур.) (РЧД, 1995, 737) [Чаршау тур'а ли на стината].

Не регистрируются в словарях лексема *малагамба* – горна риза от вълнена тъкан 'верхняя рубашка из шерстяной ткани' (Д'аду носи малагамбапу долу ас каишъ) и лексема ешг'ел'м'а 'дълга риза, която обличат на умрял човек'.

Не зафиксированы нами в других бессарабских болгарских говорах и лексемы:

биринджýк м. – 'коприна' *[С'ад'а биринджʼук ни съ купува; Нашту с'елу имаши таквис ора, д'ет правива биринджʼук, варива т'ази коканки вътр'а ч'аун' аз удъ, с'етнинкана ас пръч'ки ист'егл'а кун'ец]*;

мускъ́ ж. – 'вид шарка' *[Вистан'у на муски].* Лексема муска зафиксирована в словаре в значении 'книжка с молитви или предмет, който се носи до тялото за предпазване от нещастие' (ар.-тур.) (РЧД, 1995, 427), в диалектах: 'украшение на махомеданка' (Родопите), 'вид украса на дреха' (Котленско), 'вид шарки на женски колан' (Бериево, Севлиевско), 'връхна женска дреха' (Марковча, Шуменско) и друго; мускъ 'талисман' – от тур. *muska* 'амулет, талисман' (БЕР, 4, 339);

кадъ́нска ж. – 'български национален танец' *[На Г'ерг'ууд'ен пал'ат ул'ул'уги, танцуват уро, лазара, кадънска, пуит разни п'асни]*; от кадъна ж. 'туркиня, ханъма, мохамеданка, жена, която не работи, а живее и се облича хубаво' – от тур. *kadin* 'жена, омъжена жена; дама, знатна дама'; заето и в рум., срхр., алб., арум. (БЕР, 2, 133);

кáвель ж. – 'подарък на сватба' *[Читвъртук сватуут'е дунас'ат кав'ел']*:кавел, кавул диал. 'съгласие, споразумение' (Преславско). – чрез тур. *kavl, kavil* 'дума, разговор; споразумение, уговаряне' от араб., заето и в срхр., алб, нгр. – сродно с каил (БЕР, 2, 127).

Специфической особенностью грамматической системы говора являются колебания в роде, несогласование существительных по роду в атрибутивных сочетаниях, что, на наш взгляд, также является результатом влияния тюркоязычной среды.

Так, к женскому роду относятся некоторые заимствования из турецкого, которые в других болгарских говорах относятся к мужскому – йорк'ап'а 'суслик' (в других бессарабских говорах –йорпик') и камчийа 'кнут', в других бессарабских говорах камчик: Тъс мръсната йорк'ап'а ни из'ади син'кит'а пул'уута; Ас камчийата гон'ат кон'у. **Лексема чекмедже в чушмелийском говоре также относится к женскому роду, а не к среднему, как в других болгарских говорах, и имеет окончание –и – чикм'еджи: Вътр'а инъта чикм'еджи имаши лъйц'а, вътр'а другата стув'аши л'абу.** Вариативные формы (ж. и ср.) имеют существительные шиши (красивата шиши), шкемби (гул'ама шк'емби), к'аши (правата к'аши).

Турцизмы, как правило, имеют субституты – заимствования из русского языка: вместо чеиз – придану, алтън – золото, кумшия – сосед, стомах – желудок, зюмбюл – гиацинт, буя – краска, боядисам – красявам, крася, лале – тюлпан, лю-ляк – сирень, пирон – гвоздь, джумерки – шкварки, имиш – сладусти, топче – мяч, хагъл – сарай, таван –паталок. В речи среднего поколения все чаще употребляются русизмы: адд'ел'ну(башка),краска (буйа), буханка (самун),

знак (нишан). Семантическое размежевание дублетных компонентов, семантическая дифференциация приводит к образованию смысловых, идеографических синонимов.

Огромное количество заимствований из турецкого языка в чушмелийском говоре свидетельствует не только об активных прямых языковых контактах в прошлом, но и об удивительной консервативности, стабильности и неизменности основного диалектного фонда. Это один из основных признаков болгарского этнического и субэтнического самосознания чушмелийцев. Многие из раритетных заимствований имеют ограниченное территориальное распространение, они разпространены в основном в Шуменском, Новозагорском, Разградском округах, но и в Казанлыкском, Чирпанском, некоторые в Хасковском, в Страндже и могут быть маркерами чушмелийского говора.

Литература

Александров А. Диалектоложки проучвания. Шумен, 1998.

Атлас болгарских говоров в СССР. Вступительные статьи. Комментарии к картам. Ч. 1. М., 1958.

Български етимологичен речник (БЕР). Т. 1–6. София, 1988–2002.

Державин Н. С. Болгарскія колоніи в Россіи (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губерніи). София, 1914.

Журавлев В. К. Говор села Криничное (Чешма-Варуита) // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 7. М., 1955.

Колесник В. Говорът на българите в с. Криничне (Чушмелий), Бесарабия. Речник // Българските говори в Украйна. Т. IV. Одеса, 2008.

Милетич Л. Старото българско население в Североизточна България. София, 1902.

Панайотов В. Още за българо-словашката лексикална близост // Littera scripta manet. Сборник в чест на 65-годишнината на проф., д.ф.н. Василка Радева. София, 2005.

Речник на чуждите думи в български с илюстрации и приложения (РЧД). Велико Търново, 1995.

Шека Ю. В. Русско-турецкий словарь. М., 2005.

Budziszewska W. Słownik bałkanizmów w dialektach Macedonii Egejskiej. Warszawa, 1983.

Rezumat

Articolul investighează împrumuturile rare din limba turcă în limbajul satului Crinincinoe (numele vechi – Cişmelia, Cişmelii), care se referă la aşa-numitul limbaj bulgăresc sirt (după numele regiunii Sirta din Bulgaria). Acesta este exotic pe fondul altor limbaje bulgăreşti din sudul Ucrainei. Unice sunt şi numele hainelor, ce nu sunt fixate în alte dialecte bulgăreşti din Basarabia. O parte semnificativă a împrumuturilor din limba turcă în cea bulgară s-au fixat deja în sistem, iar analogul turcesc al cuvintelor bulgăreşti de multe ori se transferă în vocabularul pasiv.

Cuvinte-cheie: diactologie bulgară, limbaj bulgar împrumutat, împrumuturile din turcă, turcisme.

Резюме

В статье исследуются раритетные заимствования из турецкого языка в говоре с. Криничное (старое название – Чушмелия, Чушмелий), который относится к так называемым сыртским болгарским говорам (по названию местности Сърта в Болгарии) и является экзотическим на фоне других болгарских переселенческих говоров юга Украины. Уникальны и названия одежды – они не зафиксированы в других болгарских диалектах Бессарабии. Значительная часть заимствований из турецкого в болгарском языке интегрирована и в болгарскую диалектную систему. Турецкий аналог болгарских слов чаще переходит в пассивную лексику.

Ключевые слова: болгарская диалектология, болгарские переселенческие говоры, заимствования из турецкого языка, тюркизмы.

Summary

The article is devoted to the old adoptions from the Turkish language in the dialect of the village Krinichnoe (previous name of the village is Chushmeliy), which belongs to the so-called "syrtsky" dialect (the name of its dialect comes from the name of the Bulgarian region Syrta). The aim of the article is to investigate the dialect of the village Krinichnoe and to define the Turkish loanwords in it. The names of the clothes are unique and not registered in any other Bulgarian dialects in Bessarabia, except the analyzed one. A significant part of the Turkish loanwords in Bulgarian are integrated into the Bulgarian dialect system. The Turkish component variant is usually driven to the passive word stock.

Key words: Bulgarian dialectology, Bulgarian transmigratory dialects, Turkish loanwords, turkisms.

Nadejda CARA

PARTICULARITĂȚILE PREZENȚEI ANTROPONIMELOR ÎN CÂNTECELE FOLCLORICE ALE BULGARILOR DIN MOLDOVA ȘI UCRAINA

Antroponimele, care predomină în diferite comunități de oameni (etnice, sociale, istorice, confesionale etc.), reflectă diferite aspecte ale vieții umane. În știință există multe abordări privind descrierea și analiza sistemelor antroponimice, inclusiv numele de persoane.

În ultimii ani se fac cercetări intensive în domeniul informației sociolingvistice, geografiei lingvistice și etnoculturale pe care o comportă numele. Totuși, așa cum menționează I. Ciursina, „în ciuda cercetării foarte intense a acestor probleme, rămâne insuficient dezvoltată problema identificării și studierii mecanismului general al interacțiunii factorilor lingvistici și socioculturali în evoluția antroponimelor ... rămâne o întrebare deschisă cum și în ce măsură forma reflectă valorile sociale și culturale ale unei anumite perioade" (Чурсина, 2002).

Mulți învățați în domeniul onomasticii și geografiei lingvistice (A. Superanskaia, T. Egorova, I. Ciursina) atrag atenția asupra importanței socioculturale a numelor de persoane. Prezența componentei semantico-culturale privind numele de persoane a fost remarcată de unul dintre specialiștii de frunte în domeniul geografiei lingvistice, G. D. Tomahin, care a menționat valoarea semantică și socioculturală a acestora în felul următor: „Atunci când nu există nici o mărturie despre cultură și mentalitatea poporului, numele proprii, de asemenea, vă permite să reconstruiască acele aspecte ale vieții umane …" (Томахин, 1984, 15).

Analiza proceselor de atribuire a numelor și legătura acestora cu informația semantico-culturală densă pe care o comportă antroponimele oferă posibilitatea de a explica de ce sistemele de atribuire a numelor, care s-au constituit la o anumită etapă de dezvoltare a etnosului, dezvăluie mentalitatea și viziunea sa asupra lumii. Din această perspectivă este importantă abordarea istorică și culturologică, deoarece aceasta demonstrează formarea și actualizarea pe etape, în texte și în viața cotidiană, a informației culturale de fundal din jurul numelui și conotația acestuia.

Conform celor menționate de T. Kondratieva, „numele propriu este cea mai concretă și în același timp cea mai abstractă categorie, care oferă posibilitatea de a urmări transformarea unui semn, care comportă un sens nominal concret, într-un simbol, imagine, concept comun în contextele lingvistice care fixează istoria poporului, istoria viziunii asupra lumii, istoria cuvântului" (Кондратьева, 1969, 3).

În textele folclorice numele de persoane sunt însoțite adeseori de o încărcătură conotativă (expresivă și axiologică). Aspectul respectiv al sensului este prezent în nume în mod asociativ la utilizarea lui în viața cotidiană, îmbogățindu-l. Este posibilă și situația inversă, când numele întrebuințat într-un text folcloric aduce cu sine propria sa conotație. Studierea numelor de persoane în textul folcloric este importantă pentru cercetarea ulterioară, privind funcționarea lor în viața reală. Este important să urmărim de asemenea funcția culturală a numelui în mediul popular, acesta având deja la bază conotația oferită de originea sa.

Obiectul cercetării noastre îl constituie particularitățile unităților antroponimice (nume de persoane) din cântecele populare bulgare. Antroponimele care circulau în mediul bulgarilor basarabeni au devenit obiectul atenției lingviștilor încă din a doua jumătate a secolului al. XX-lea. Descrierea și analiza acestei unități lingvistice din diferite perspective și în cadrul diferitor arealuri de stabilire a diasporei bulgare au constituit obiectul de studiu al cercetătorilor din Ucraina, Bulgaria și Moldova (V. Kolesnik, A. Mihina, N. Cara ș.a.). De remarcat că antroponimele (inclusiv numele de persoane) nu au fost studiate sub aspectul vorbirii, adică ca element al textului și în particular al celui folcloric. Numele de persoane întâlnite în cântecele folclorice ale bulgarilor din Basarabia prezintă interes din punct de vedere culturologic, istoric și lingvistic. Textele folclorice permit de a urmări istoria numelor în mediul popular și, în același timp, acele schimbări care se produc sub influența limbii și culturii popoarelor învecinate în catalogul de nume ale reprezentanților unei părți a etnosului.

Antroponimele (numele de persoane) din cântecele folclorice ale bulgarilor-migranți (secolele XIX–XX), pe care le abordăm în lucrarea de față, sânt extrase din suplimentul la cele două volume ale lui N. Kaufman „Народни песни на българите от Украинска и Молдавска ССР" – „Вещен и именен показалец", alcătuit de Stefca T. Konstantinova. La această etapă a analizei nu vom diferenția numele de persoane după întrebuințarea lor în cântecele de un anumit gen sau într-o localitate anume (la fel și conotația acestora), ceea ce își are, evident, explicația sa. Interesul nostru îl prezintă componența catalogului numelor de persoane din cântecele bulgarilor

din Moldova și Ucraina și compararea acestor nume cu cele identice din statul-metropolă (componență, frecvență, arii de răspândire), fiind evidențiate în același timp și unele particularități anume. Sistemul numelor de persoane în textele cercetate se remarcă prin diversitate. În cele două mii și jumătate de cântece se întâlnesc circa două sute cincizeci de nume diferite, fiecare dintre acestea fiind întrebuințate de la unu până la o sută de ori și mai mult. Pentru că numele utilizate în folclor pot fi corelate fără îndoială cu cele existente în lumea reală, apare posibilitatea identificării pe viitor a legăturii între frecvența întrebuințării numelor folclorice și prezența acestora în catalogul de nume al bulgarilor basarabeni, cel puțin într-o perioadă istorică anumită.

Pentru clasificarea numelor identificate ne-am folosit de informația lexicografică oferită de dicționarul antroponimic al lui Stefan Ilcev „Речник на личните и фамилните имена у българите" (Sofia, 2012). Informația despre fiecare nume se bazează pe selectările efectuate din respectivul dicționar. Între paranteze este indicat cu italice numărul de întrebuințări ale numelui în textele cântecelor. Diminutivele și alte variante ale numelui sunt prezentate prin virgulă, urmând forma de bază a acestuia, dacă ele nu au fost menționate separat în dicționarul lui St. Ilcev.

Vom prezenta mai jos nume de persoane masculine și feminine, selectate din textele cântecelor folclorice cercetate.

Acestea au fost clasificate în trei subgrupe: а) nume cel mai des întâlnite (mai mult de cinci utilizări) în cadrul textului; б) nume rar întâlnite (cinci utilizări și mai puțin de atât; в) nume întâlnite în textele folclorice cercetate, dar nemenționate în dicționarul lui St. Ilcev. În fiecare din aceste subgrupe este adusă informația despre:

- gradul de răspândire a numelui în statul-metropolă;
- arealul preponderent de răspândire în metropolă;
- originea numelui (creștină – păgână, slavă – neslavă, de bază – derivată), cu un posibil caracter exhaustiv.

Această informație, extrasă din dicționarul lui St.Ilcev, menționat mai sus, oferă posibilitatea de a urmări în continuare unele legături cultural-istorice ale bulgarilor-migranți cu statul-metropolă din perspectiva atitudinii față de nume ca element al codului cultural (păstrarea/conservarea în folclor și existența acestuia în lumea reală).

Nume masculine

1) ***Nume masculine întâlnite des în cântece***

а) Sunt menționate în dicționarul lui St. Ilcev ca având răspândire pe întreg teritoriul Bulgariei:

Богдан, Богданчо м – «даден от Бога», отговаря на гръцко Теодосий. ***(10 уп.);*** Велко, Вельо м – от старинно велий «голям, велик». ***(7 уп.);*** Вълко, Вълче, Вълчо м – от вълк – заклинателно име: да не му пакостят вълци (понеже сам той е вълк). ***(9 уп.);*** Георги (Герги, Геро – рядко име) ***м*** – гр. Георгиос «земеделец». Име на календарски светец. Едно от най-разпространените имена в цялата страна. ***(26 уп.)*** Дамян м – име на календарски светец, евр. «победител». ***(10 уп.);*** Иван м – от евангелско «Ioannos», старобългарско Иоан, от евр. «бог е милостив» или «божия благодат» – до неотдавна най-разпространеното мъжко име из цялата страна ***(95 уп.);*** Иванчо м – умалит. От Иван, в миналото било характерно за заможни хора *(входит в 95 уп. – см.: Иван);* Караджа м – от тур. *Karaca* 1. Възчерен, мургав; 2. Сърна. ***(10 уп.);*** Костадин м – от Константин… ***(13 уп.)*** Марко м – лат. Marcus. Име на един от четиримата евангелисти. ***(17 уп.);*** Мирчо м – умалит. от Миро, Мирьо или направо от Владимир, Любомир ***(8 уп.);*** Митьо м – съкрат. от Димитър, източно съответствие на Мито. **(8 уп.); Никола, Николчо** – съкрат. от Николай. Много разпространено из цялата страна**.** ***(29 уп.);*** Петър м – гр. Petros «камък, скала» – име на евангелски апостол, едно от най-разпространените из цялата страна. ***(17 уп.);*** Стоян м – от Стойо. Едно от най-разпространените из цялата страна народни имена, особено в песни. ***(119 уп.);*** Тодор, Тодорчо м – от гр. Teodoros «божи дар» – име на календарски светия. Доста разпространено из цялата страна ***(38*** уп.***).***

б) Nume masculine întâlnite preponderent în partea de est a Bulgariei. În folclor ele sunt frecvente ca nume caracteristice acelei părți a metropolei, de unde au venit bulgarii stabiliți în diaspora basarabeană.

Дан, Даньо м – съкратено от Йордан (или от Данаил). Главно ИзБ. ***(6 уп.);*** Димитър (разг. От Димитри), м (Димо – съкрат. от Димитър. Главно в СИзБ) ***(17 уп.);*** Димчо – умалително от Димитър. Гр. *Dimitrios* – посветен на богинята на плодородието. ***(18 уп.);*** Еньо м – от Яньо с преглас на я в е. Главно ИзБ. ***(8 уп.);*** Росен м – от раст. росен. Сравнително ново и рядко. Шумен, Нова Загора… ***(9 уп.);*** Яне, (Янко – умалит от Яне. Из цялата страна) м – гр. Iannes, съкрат. от Ioannos. Главно ЮЗБ. ***(7 уп.).***

Originea numelor masculine din grupa celor frecvente:

De origine creștină sunt mai mult de jumătate din numele prezentate în această subgrupă: Георги, Дамян, Димитър, Димчо, Еньо, Иван, Иванчо, Константин, Марко, Митьо, Никола, Николчо,

Петър, Яне.

Nume slave de origine păgână: *de urare* –Велко, Вельо, de descântare – Вълко, Вълче, Вълчо*; de protejare* – Богдан, Богданчо, Дан, Даню, Мирчо, Стоян, Тодор, Тодорчо.

Formă schimbată – la două nume – Еньо, Костадин. Un singur nume – Караджа – *de origine turcă*. Frecvența ultimului se explică prin aceea că acesta este *numele unui erou național bulgar.*

2) Nume masculine întâlnite rar

a) Un șir de nume menționate ca răspândite în întreaga Bulgarie:

Аврам, Аврамчо м – библейско име, евр. ***(4);*** Александър м – гр., *александрос,* «защитник на мъжете» – у нас разпространено главното през втората половина на XIX в., особено около освободителната война и наскоро след нея – покрай името на руския император Александър II… ***(1уп.);*** Алексий (în dicționarul lui St. Ilcev Алекси м – гр. «Алексиос» «който носи помощ, защита» – име на календарски преподобен… ***(1 уп.);*** Ангел м – гр. «Ангелос» – «вестител». Доста разпространено из цялата страна. ***(2 уп.);*** Андрейко, Андрейчо м – умалително от Андрей – гр. «мъжествен» – име на евангелски апостол… ***(2 уп.);*** Андон м – от Антон с новогръцко озвучаване на нт в нд… ***(4 уп.);*** Антон м лат. Antonius – име на стар римски род. ***(1 уп.);*** Милко м – умалит. от Мильо, Миле или направо от Михаил. На разни места из страната. ***(1 уп.);*** Павел ***м*** – гр. Paulos от лат Paulus «малък» – име на християнски апосотол. Из цялата страна. ***(2 уп.);***

б) În textele cercetate, în grupa numelor rar întrebuințate se întâlnesc și nume caracteristice doar pentru anumite regiuni ale metropolei, de cele mai multe ori acestea sunt zonele de hotar ale țării – estul Bulgariei (est, sud-est, nord-vest), de asemenea nordul Bulgariei, iar în cazuri aparte – vestul Bulgariei (vest, nord-vest, sud-vest). Dar, în special, aceste nume marchează zonele geografice de origine ale bulgarilor-migranți.

Бальо м **…** главно из СИзБ… ***(1 уп.);*** Богой м – разширено от Бого (съкрат. от Богдан)… ***(1 уп.);*** Брайно ***м*** – от брайно «брате мой»… ***(5 уп.);*** Велико м – разширено от Велик. ИзБ ***(1 уп.);*** Видул м – успоредна форма на Видол ***(2 уп.);*** Гаврал м – съкратено от Гавраил – библейско име. Евр. «крепост божия». Рядко. ***(1 уп.).*** **Ганьо** м – успоредна форма на Гано, главно ИзБ. Разширено от Ган, съкратеното от Драган. ***(1 уп.);*** Гоцьо (Гоцо) м – видоизменено от Георги. ЮЗБ. ***(1 уп.);*** Грозньо (возм. от Грозьо, умалително от Грозен м – от грозен – защитно име, схващано и като умалително от Гроздан). ***(1 уп.);*** Демир м – от тур. *Demir* «желязо, железен» (другаде е типично циганско име). ***(2 уп.)*** Драги (от Драгин) ***(1 уп.);*** Енчо м – умалит. От Еньо. Главно СИзБ. ***(1 уп.);*** Иремия м – вм. Еремия. Пещера.***(1 уп.);*** Койо м – а) далечно видоизменено Костадин; б) от Кольо… ***(1 уп.);*** Коста – гр. Kostas съкрат. на българска почва Костадин, Константин. Главно ИзБ. ***(1 уп.);*** Косьо – ***(1 уп.);*** Лалуш (Лалчо – рядко, Лалю) ***м*** – от Лало (видоизменено от Лазар). ***(1 уп.);*** Мавруд (в словаре Мавруди м – гр. производител на грозде и вино, Сливен) ***(1 уп.);*** Мартин м – лат. Martinus. По името на бог Mars, Martis – име на календарски светия… Сливенско… ***(1 уп.);*** Милен м – от Миле (съкратено от Михаил или от Милети), ЮЗБ. ***(3 уп.);*** Миленчо м – умалит. от Милен. Рядко. ***(1 уп.);*** Милуш м – от Мило. Рядко. ***(2 уп.);*** Мильо м – съкрат. от Михаил ***(1 уп.);*** Милян (от Милан, Мило) ***(1 уп.);*** Михо м – съкратено от Михаил. СИзБ. ***(1 уп.);*** Младин м – разновидност на Младен (Габрово) ***(1 уп.);*** Момчил м – от Момчо (от момче – у родители, които си нямат и жадуват мъжка рожба), Сливен… ***(1 уп.);*** Нанко, Начо м – умалит. форма от Наньо, Нано (видоизменено на Найден или Атанас)… ***(1 уп.);*** Паньо м – успоредна форма на Пано (съкрат. от Панайот, Пантелей или друго подобно име. Главно ЗБ. ***(1 уп.);*** Пенко м – умалит. от Пеньо, Пено (обособено от Петър, Петко или друго подобно име. Главно ИзБ. ***(1 уп.);*** Първан м – от Първи. Из разни места. Главно СЗБ. ***(5 уп.);*** Ради м – североизточна форма на Радьо. ***(5 уп.);*** Руман (от Румен - ? м – от румен – «с бяло-червено лице». В миналото рядко, от три-четири десетилетия насам много разпространено). Възможно от Роман – от лат. Romanus «римлянин» – име на календарски светия. На разни места. Главно в СБ. ***(1 уп.);*** Славчо м – умалително от Слав – съкратено от Радослав, Доброслав, Владислав или друго подобно име. Габрово, Сливен, Казанлък, Стара Загора… ***(1 уп.);*** Спиро м – съкратено от Спиридон ***(2 уп.);*** Танас (Атанас) м – съкрат. от Атанас – гр. Atanasios «безсмъртен» – име на календарски светия. Доста разпространено, особено в ИзБ. ***(1 уп.);*** Таню м – (Таньо – видоизменено от Атанас, Станьо Христиан или друго подобно име. Главно ЮИзБ. ***(1 уп.);*** Толю м – (Тольо – съкрат. от Анатолий… Габрово, Нова Загора…) ***(1 уп.);*** Чавдар м – Псевдоним на някогашен войвода – от пер.-тур. «големец, сановник»… ***(1 уп.);*** Яне, (Янко – умалит от Яне. Из цялата страна) м – гр. Iannes, съкрат. от Ioannos. Главно ЮЗБ. ***(7 уп.).***

Originea numelor masculine din grupa celor întrebuințate rar în cântece:

Nume *de origine creștină:* Гаврал, Гоцьо, Гоцо,

Енчьо, Иремия, Койо, Коста, Лалуш, Мартин, Мильо, Михо, Паньо, Пенко, Танас, Яне;

De origine păgână: de urare – Богой, Брайно, Велико, Видул, Ганьо, Драги, Милен, Миленче, Милуш, Момчил, Нанко, Начо, Първан, Ради, Руман, Славчо, Спиро); *de protejare* – Бальо Грозньо.

Nume necreștine împrumutate: Демир, Мавруд, Толю.

3) Nume masculine, neatestate de dicționarul lui St. Ilcev:

Numele întâlnite în textele cercetate, dar neânregistrate de dicționarul sus-amintit, pot fi reunite în baza următorilor parametri:

а*) cu formă modificată* (este posibil, ca și în alte cazuri, că forma modificată a numelui este de origine locală):

Захарко – nu este atestat în dicționar; sunt numele Захари и Захарий м – име на библейски пророк и други светии, евр. «бог си спомня». Главно ЗБ… ***(1 уп.);*** Йорги м – nu este atestat în dicționar. Йорго м – видоизменено от Георги… ***(1 уп.);*** Лаламбо – nu este atestat în dicționar (възможно Ламбо – съкрат. от Хараламби. Сливен) ***(1 уп.)***

б*) nume de origine turcă și de alte origini:*

Кардаш (nu este atestat în dicționar, dar: Кардашев ф – от тур. kardas «брат». Рядко, на разни места из страната) ***(1 уп.);*** Мендел *(евр.),* Мустафа – ***(1 уп.),*** Семьон *(рус.),* Сюлейман – ***(1 уп.);*** Чакър – в словаре не отмечено. Есть Чакъров ф – от диал. чакър «светлосив, със светлосиви очи» (тур. cakyr), Кюстендил, Троян. ***(3 уп.)***

в) *Nume cu origine neclară:*

Ведрьо – (возм. от Ведър ф – стар псевдоним, възприет като редовно фамилно име). ***(1 уп.);*** Дивдан (în dicționarul lui St. Ilcev nu este menționat, este Дивдена ж – според Вайганд «дива, палава мома»). ***(1 уп.);*** Ребрю – ***(1 уп.);*** Стрелю ***(1 уп.);*** **Харо** – în dicționar nu este menționat (dar apare ca poreclă – прякор Харов – от гр. Haro – «зъл, омразен старец») ***(1 уп.);*** Ямбро – ***(1 уп.)***

Nume femenine

1) ***Nume feminine des întâlnite:***

а) Sunt menționate în dicționarul lui St. Ilcev ca răspândite pe întreg teritoriul Bulgariei:

Бояна, Боянка ж – женска форма срещу Боян. (Примечание: Боян м – старинно име от прабългарски произход, тюркско bajan «богат»; от старобългарско време оцеляло като народно име и преосмислено по глаг. боя се «да се боят от него»… Из цялата страна). ***(8);*** Вида ж – женска форма срещу Виден. Нарядко из цялата страна. (Виден м – пожелателно име: да бъде виден, известен, почитан. Нарядко из ЗБ). ***(16);*** Дена ж – съкрат. от Младена или Магдена, Радена, Севдена или женска форма от Деньо, Дено. Самоков… ***(8);*** Дона, Донка ж – женска форма от Доно, Доньо. ***(65);*** Елена, Еленка ж – гр. Elene, сродно с Ele «слънчева светлина» – име на календарска светица. ***(37);*** Ирина, Иринка, ж – гр. Eirene «мир» – име на календарска светица. ***(21);*** Калина, Калинка ж – от дръвче калина заради хубавите му червени плодове. Нарядко из цялата страна ***(8);*** Мария, Марийка ж – Мара ж – съкратено от Мария… гр. Maria от евр. Мариам, чието значение едни смятат за неизяснено, другиго превеждат «твърда, постоянна» – евангелско име до неотдавна най-разпространеното име у нас. ***(28);*** Неда ж – съкрат. от Неделя ***(14);*** Пена, Пенка ж – съкрат. от Петкана, Петрана или друго подобно име. ***(18);*** Севда ж – от ар.-тур. «любов». Нарядко из страната. ***(11);*** Станка ж – умалит. от Стана. Широко разпространено, но вече се смята за остаряло ***(38)***; Тодора, Тодорка ж – женска форма срещу Тодор (гр. «божи дар» – име на календарски светия…). Из цялата страна ***(56);*** Яна, Янка ж *(*Янчица ж – numele nu este atestat în dicționar) – женска форма срещу Яне, Яньо… Из цялата страна ***(65)***.

б) Sunt menționate în dicționarul lui St. Ilcev drept nume răspândite cu preponderență în partea de est a Bulgariei. În folclor acestea sunt atestate ca nume cu o frecvență caracteristică pentru acea parte a metropolei, de unde au venit bulgarii stabiliți în diaspora basarabeană. Se întâlnesc de asemenea și nume răspândite în partea de vest a Bulgariei.

Драгана, Драганка ж – от Драга или женска форма от Драган. Главно ЗБ. ***(26);***

Маринка ж – умалит. от Марина или женска форма на Марин. Типично за Шумен… ***(40);*** Неделя, Недка ж – от седмичния ден неделя. Главно ИзБ. ***(5);*** Нена, Ненка ж – от Неда с друго окончание. Средногорието… ***(5);*** Рада, Радица ж – женска форма срещу рад. Сливен… ***(160);*** Руса, Руска ж – от руса «светлокоса». ИзБ. ***(12);*** Стана ж – женска форма срещу Станьо. Главно СзБ. ***(38);*** Стойна ж – от Стоян. Главно ЮЗБ ***(7)***.

Originea numelor femenine din grupa rar întâlnită în cântece:

De origine creștină sunt următoarele nume: Елена, Ирина, Иринка, Мария, Марийка, Пена, Пенка, Тодора, Тодорка, Яна, Янка;

Nume de origine păgână (în general – de urare): Бояна, Боянка, Вида, Дена, Дона, Донка, Неда, Севда, Станка, Драгана, Драганка, Маринка, Нена, Ненка, Рада, Радица, Руса, Руска, Стана, Стойна.

2) ***Nume feminine rar întâlnite***

а) Sunt menționate în dicționarul lui St. Ilcev ca

răspândite pe întreg teritoriul Bulgariei:

Ангелина, Ангелинка ***ж*** – съкрат. от Евангелина. Смятано като женска форма от Ангел. Доста разпространено ***(5);*** Вера ж – рус. Вера. От освобождението насам доста разпространено ***(1);*** Дамяна ж – женска форма от Дамян. Нарядко из цялата страна. ***(2);*** Мила ***ж*** – от мила… На разни места из страната. ***(2);*** Милка ***ж*** – умалително от Мила или направо от мила. На разни места из страната. ***(1);*** Райна ***ж*** – от Радка. Из цялата страна. ***(2);*** Славка ***ж*** – умалит. от Слава. Нарядко из цялата страна. ***(1);*** Стефанка ***ж*** – умалит. от Стефана. ***(1);*** Стоила ***ж*** – Женска форма от Стоил. На разни места. ***(1);*** Тинка ж – умалит. от Тина (съкрат. от Кристина, Христина … или друго подобно име). На разни места из страната. ***(2);*** Цвета ж – от цвете. Из цялата страна ***(2)***.

б***)*** Sunt menționate nume răspândite preponderent în partea estică a Bulgariei. În folclor sânt frecvente ca nume caracteristice acelei părți a metropolei, de unde au venit bulgarii stabiliți în diaspora basarabeană. Se întâlnesc și nume răspândite în partea de vest a Bulgariei. Sunt remarcate de asemenea localități aparte, aflate în diferite părți ale teritoriului Bulgariei, mai frecvent în cele din est.

Биса ж – съкратено от Бисера. Македония. ***(1);*** Вишана ж – женска форма от Вишан. Силистра, 1894 ***(1);*** Валя ж – съкратено от Валентина, Валерия или друго някое име. Ново. Рядко ***(1);*** Ваца ж – съкратено и умалит. от Иванка или от Василка. Ботевградско ***(1);*** Велика – ***(1);*** Вълкана ж – женска форма срещу Вълкан. Главно ЗБ. ***(1)*** Галя ж – а) женска форма срещу Гальо. Старо. б) рус. Галя, умалит. от Галина. ***(1);*** Гроздена ж – женска форма от Грозде. Софийско… ***(1уп.);*** Даша ж – съкратено от Йордана (или от Трендафила), успоредна форма на Дана, Даца, Дача. Ботевградско… ***(1);*** Ела ж – съкратено от Елена, Еглика или някое друго име. Софийско. ***(1);*** Зоя ж – Побългарена форма на Зой. Главно ЮИзБ и Македония. ***(1);*** Йонка ж – умалит. от Йона (съкрат. от Йована). ***(1);*** Койка ж – женска форма от Койо, Койко. Типично за Елена; Толбухинско. ***(1);*** Мавруда ж – женска форма от Мавруди (гр., Сливен). Пловдив. ***(1);*** Марга ж – съкратено от Маргарита … Свищов ***(2);*** Маргьола ***ж*** – от писмената форма на Мариола. Русе, Сомовит. ***(1);*** Маричка ж – умалит. от Мария или от Марица***…(1);*** Маруся ж – рус. Умалително о т Мария. Ново, рядко. ***(2);*** Махруда ж – от Мавруда (Н. Геров) ***(1);*** Маша ж – рус Маша, умалит. от Мария. Ново, рядко. ***(1);*** Мита ж – съкратено от Димитра. Рядко. ***(2);*** Мица ж – съкратено от Мария. Ботевградско… ***(1);*** Момяна ж – от Момена. Синод именник. ***(1);*** Нанка ж – умалит. от Нана. Ботевградско, Шумен… ***(1);*** Оля ж – рус. умалит. от Олга. ***(1);*** Петкана ж – от Петка. Старо. ***(2);*** Поля ж – съкрат. от Поликсена, Павлина или друго подобно име. Търново. ***(2);*** Роска ж – умалит. от Роса (съкрат. от Русана. ЮЗБ). Ново. Рядко ***(1);*** Стойка ж – женска форма срещу Стойко. Типично за Шумен и СИзБ. ***(1);*** Тана ж – женска форма срещу Тано, Таньо. Стара Загора… ***(1);*** Цена ж – съкрат от Цветана. Главно ЗБ. ***(1)***

Originea numelor feminine din grupa celor des întâlnite în cântece:

De origine creștină în această subgrupă sunt numele: Ваца, Ела, Елена, Ирина, Иринка, Йонка, Мария, Марийка, Маричка, Маруся, Маша, Мита, Мица, Пена, Пенка, Петкана, Тодора, Тодорка, Яна, Янка*;*

De origine păgână (în general cele de urare): Биса, Бояна, Боянка, Вида, Вишана, Велика, Вълкана, Гроздена, Дена, Дона, Донка, Драгана, Драганка, Зоя, Койка, Марга, Маринка, Момяна, Нанка, Неда, Нена, Ненка, Рада, Радица, Роска, Руса, Руска, Севда, Станка, Стана, Стойна, Тана, Цена

3) Nume proprii care lipsesc în dicționarul lui St. Ilcev:

Богданица ж – (възможно, жена на Богдан – Н.К.) ***(1);*** Бодина ж – (в словаре Бода – от Богда или съкратено от Свобода. София ***(1);*** Борянчица, Боянчица; Варя ж – (примечание: есть Вара ж – съкрат. от Варвара. Банско) ***(2);*** Ивгелина, Игиня, Иляна, Иринчица, Йорданчица ***(1);*** Кера ж – ***(6);*** Кубанка ***(1);*** Мургила, Маринчица, Мариша ***(1);*** Миляна ж – ***(2);*** Нянка ***(1);*** Селимана, Сермянка, Сифиринка ***(1);*** Тифтяна, Тодорчица ***(1);*** Яга ж – ***(1)***

Numele care se regăsesc în textele studiate, dar nu sunt atestate în dicționarul lui St. Ilcev, pot fi reunite după următoarele criterii:

а***)*** *cu formă schimbată* (posibil, ca și în celelalte cazuri, varianta schimbată este de origine locală): Богданица, Борянчица, Боянчица, Варя, Иляна, Иринчица, Йорданчица, Маринчица, Мариша, Миляна, Нянка, Тодорчица;

б) *de origine străină sau de origine neclară:* Кубанка, Мургила, Селимана, Сермянка, Сифиринка, Тифтяна, Яга.

Pentru numele evidențiate în textele noastre este caracteristică o mare variabilitate în formă de derivate (Ivanka, Ivanciţa, Rada, Radka, Stana, Stanka etc.). Printre numele din textele cântecelor folclorice ale bulgarilor din Moldova și Ucraina sunt evidențiate ca mai frecvente următoarele:

masculine – Георги (***26***); Иван (***95***); Стоян (***119***); Тодор (***38***);

feminine **– Рада *(160);*** Янка ***(65);*** Донка ***(65)*****;** Тодора ***(56);*** Маринка ***(40)*****;** Елена ***(37);*** Станка ***(38);*** Мария ***(28);*** Драгана ***(26)*****.**

Este atestat un număr aproximativ egal de nume masculine (*42*) și feminine (*39*), acestea regăsindu-se în anumite regiuni concrete ale Bulgariei (cu preponderență în partea de est).

În grupa atât a numelor masculine, cât și a celor feminine, numărul numelor de origine păgână prevalează în comparație cu cele de origine creștină.

Gradul de influență din partea etnosurilor vecine (slavii de est, românii) asupra numelor de persoane atestate în cântecele folclorice este minimă. Sunt rar întâlnite numele rusești și romanice (Валя, Галя, Оля, Поля, Семьон, Мирчо etc.). Aceasta demonstrează doar prezența unui înalt grad de rezistență a culturii tradiționale în raport cu influențele survenite în urma unor diverse contacte.

În general, analiza componentei antroponimice din textele cântecelor folclorice ale bulgarilor-migranți stabiliți în Moldova și Ucraina demonstrează bogăția și diversitatea tradițională a catalogului de nume, care reflectă relațiile omului cu lumea naturii înconjurătoare și spiritualitatea sa creștină.

Literatura

Илчев Ст. Речник на личните и фамилните имена у българите. София, 2012.

Кара Н. В. Из истории антропонимии бессарабских болгар середины XIX в. // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещерюка). Кишинев, 1999.

Кауфман Н. Народни песни на българите от Украинска и Молдавска ССР. София. Т. 1, 1982.; Т. 2, 1982.

Колесник В. А. Болгарская антропонимия юга Украины. Дисс. канд. филол. наук. Одесса, 2003.

Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967.

Михина А. Ф. Антропонимия болгар северного Приазовья // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. Кишинев, 1993.

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований. М., 2007.

Томахин Г. Д. Теоретические основы лингвострановедения. Дисс. докт. филол. наук. М.,1984.

Чурсина И. С. Развитие антропонимикона английского языка (морфонологический и этнокультурный аспекты). Дисс. канд. филол. наук. Тула, 2002.

Rezumat

Cântecele folclorice ale bulgarilor-migranți stabiliți în Moldova și Ucraina, care datează din secolului al XIX-lea, conțin un ansamblu bogat de antroponime (nume de persoane), ce reflectă valorile sociale și culturale ale etnosului într-o anumită perioadă. Aceasta se remarcă atât prin diversitatea catalogului de nume, cât și prin componența lui din perspectiva originii numelor incluse. Un indicator important îl reprezintă frecvența întrebuințării numelor de persoane, ținându-se cont de originea și apartenența lor la diferite regiuni ale teritoriului statului. În articol sunt menționate aceste particularități ale catalogului de nume prezente în cântecele folclorice ale bulgarilor din Moldova și Ucraina (semnificația, originea, frecvența numelor de persoane). Sunt scoase în evidență de asemenea numele care nu sunt atestate în dicționarul lui St. Ilcev și cele apărute în textele cântecelor sub influența mediului polietnic în care locuiesc bulgarii-migranți.

Cuvinte-cheie: cântece folclorice ale bulgarilor, antroponime, frecvență, Moldova, Ucraina, stat-metropolă.

Резюме

В статье показаны особенности именника песенного фольклора болгар Молдовы и Украины, восходящего к XIX веку. Представлен богатый репертуар антропонимов (личных имен), отражающих социальные и культурные ценности этноса в определенный период. Указано значение имен, происхождение, частотность. Отмечена связь частотности их употребления с происхождением и отнесенностью к определенным регионам на территории метрополии. Выявлены имена, не зафиксированные в «Словаре болгарских личных имен и фамилий» Ст. Илчева, а также выделена группа имен, привнесенных в тексты песен под влиянием полиэтничной среды бытования болгар-переселенцев.

Ключевые слова: песенный фольклор болгар, антропонимы, частотность, Молдова, Украина, метрополия.

Summary

Folk songs of Bulgarian settlers in Moldova and Ukraine, dating back to the XIXth century, contain a rich repertoire of anthroponyms (personal names), reflecting social and cultural values of the ethnic group in a given period. This is manifested in the variety of the list of names and in its composition in terms of names origin. The frequency of names use, according to their origin and attachment to specific regions on the metropolitan territory, is an important indicator. The article describes these peculiarities of names list in folk songs of the Bulgarians of Moldova and Ukraine (importance, origin, frequency of personal names). There were revealed the names missing in the dictionary of St. Ilchev as well as those brought to the lyrics under the influence of multi-ethnic environment of the Bulgarians-settlers.

Key words: Bulgarian folk songs, anthroponyms, frequency, Moldova, Ukraine, metropolis.

RECENZII

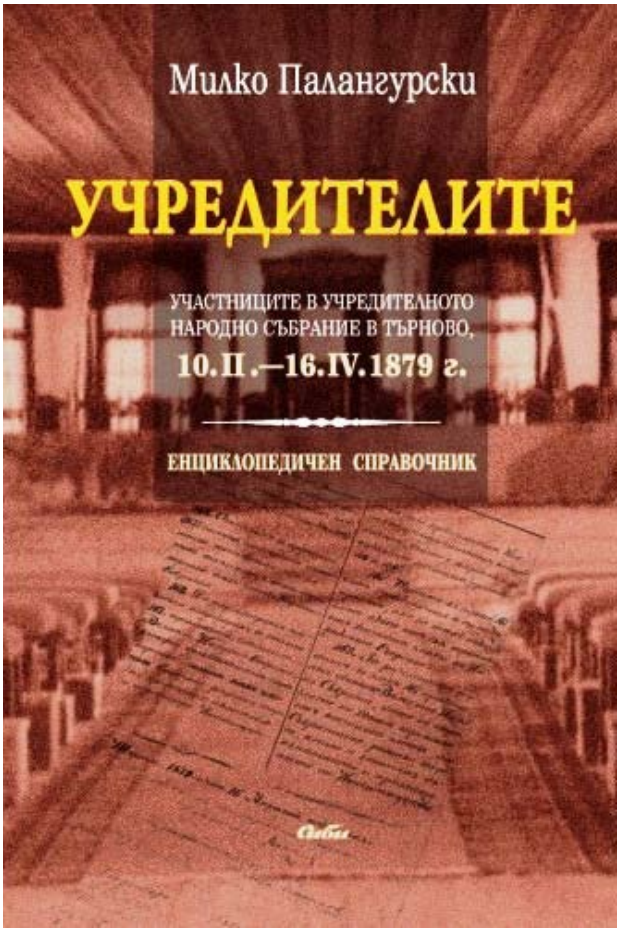
РЕЦЕНЗИИ

O ENCICLOPEDIE DESPRE CREATORII STRUCTURII POLITICE MODERNE A BULGARIEI

Recenzie la monografia lui Милко Палангурски „Учредителите. Участниците в Учредителното народно събрание в Търново, 10.II.–16.IV.1879. Енциклопедичен справочник" (София: Сиби, 2014. 327 с.)

Recent, în orașul Sofia a văzut lumina tiparului cartea „Учредителите. Участниците в Учредителното народно собрание в Търново, 10.II.–16.IV.1879. Енциклопедичен справочник" (Constituanții. Participanți în Adunarea Populară Constituantă din Târnovo, 10.II.–16.IV.1879. Îndrumător enciclopedic). Autorul acestui studiu este un renumit istoric bulgar, prof. dr. în șt. istorice Milko Palangurski. El își desfășoară activitatea pedagogică și cea de cercetare în cadrul Universității din orașul Veliko Târnovo „Sf. Chiril și Metodiu". Savantul este recunoscut datorită studiilor sale asupra istoriei diplomatice, sistemului politic și de partid, economic și cel al alegerilor în Bulgaria independentă (Палангурски, 2005; Палангурски, 2007; Палангурски, 2011; Палангурски, 2013).

Menționăm că encilopedia respectivă are 327 pagini. Ea începe cu un studiu introductiv din trei părți, cu titlul Constituanții – o elită neașteptată. În prima parte, M. Palangurski îți îndreaptă atenția asupra problemelor teoretice, explicând cititorului motivul care a generat interesul lui pentru această temă. Aflăm că, în opinia lui, sistemul constituțional în Bulgaria după creare era constant, deoarece nu putea fi nimicit nici de regimul autoritar, nici de conducerea totalitară. Cauzele acestui fenomen le vede în trecutul istoric al țării, anume în perioada când a fost creat acest sistem. Tot aici autorul reflectează asupra terminologiei ce este atribuită celor care au creat structura politică modernă a Bulgariei în anul 1879. După el, cel mai potrivit cuvânt ar fi Constituanți (Ucrediteli), pentru că în lucrare se menționează doar despre acei oameni care au făcut parte din Adunarea Constituantă și care au elaborat și votat baza constituțională a Bulgariei după eliberarea ei de sub dominația otomană (p. 9). Cercetătorul constată că această elită nu a apărut pe scena politică întâmplător. Potrivit lui M. Palangurski, elita bulgărească apare drept rezultat al luptei poporului bulgar pentru independența religioasă, dar și în urma proceselor în care bulgarii redobândesc identitatea națională, identificarea lingvistică și fac încercări de modernizare economică. Cercetătorul concluzionează că anume această elită a generat Criza Orientală (1875–1876) și războiul ruso-turc din anii 1877–1878. Ulterior, constituanții au devenit părinți ai constituției (p. 10). A doua parte reprezintă datele cercetătorului despre felul cum a fost discutată problema organizării statale a Bulgariei în perioadele de negociere și după semnarea Tratatelor de pace de la San Stefano și Berlin. Se menționează că marile puteri recunosc dreptul Principatului Bulgariei (care era vasal al Imperiul Otoman) la autoguvernare. To-



tuşi, aflăm că Rusia rămâne principala putere care continuă să joace aici un rol important. Nu întâmplător principalele concepţii de formare a sistemului politic al tânărului stat aparţin funcţionarilor ruşi. Unul dintre ei a fost contele N. Ignatiev, care a elaborat conceptul reprezentării elitelor în Adunarea Constituantă. În opinia lui M. Palangurski, drept exemplu contele a luat sistemul francez, în conformitate cu acesta, din Adunare trebuiau să facă parte oameni notabili (notables) – oamenii cei mai înstăriţi (p. 15). Altul – cneazul A. Dondukov-Korsakov – avea sarcina de a crea structuri de conducere centrală şi de a convoca adunarea oamenilor eminenţi, care erau aleşi de popor. Curios este faptul că alegerea trebuia să fie efectuată după modelul Regulamentului Organic al Ţărilor Române din 1831 (p. 16). Însă acest document nu a fost implementat, deoarece nu coincidea cu realităţile ce existau la moment în Bulgaria. Aici nu erau boieri, care ar fi putut să aleagă conducătorul statului. De asemenea, lipseau păturile sociale precum moşierii şi aristocraţia, care trebuiau să fie prezenţi în Parlament. M. Palangurski menţionează că cneazul Dondukov vedea ieşirea din situaţie prin asigurarea existenţei în Parlament a trei grupări: cei aleşi, cei după titlu şi oameni numiţi de către comisarul împărătesc (p. 18). În a treia parte a enciclopediei, cercetătorul abordează subiectul referitor la numărul celor care reprezentau poporul bulgar în Adunarea Constituantă. Analizând documentele de arhivă, el ajunge la concluzia că, datele anterioare referitoare la numărul deputaţilor nu corespund realităţii. Aceasta reiese din faptul că unii autori nu luau în consideraţie că existau deputaţi care erau aleşi concomitent în două districte, o parte dintre ei au fost numiţi mai târziu, tocmai după începerea activităţii Adunării, iar alţii au părăsit Adunarea în timpul desfăşurării acesteia (p. 27-28). Reieşind din cele menţionate, cercetătorul din Târnovo a constatat că numărul exact al constituanţilor este de 230 de persoane (89 sunt aleşi direct de către popor, 117 primesc mandatul pentru că sunt funcţionari în cadrul administraţiei provizorii sau sunt lideri religioşi, 19 sunt numiţi de către cneazul Dondukov-Korsakov şi 5 sunt reprezentanţii organizaţiilor naţionale) (p. 30). Dintre ei pentru Constituţia din Târnovo au semnat 211 persoane. Autorul încearcă să explice de ce până recent se credea că în total în Adunarea Constituantă erau 299 de deputaţi. În opinia lui, cercetătorii nu au luat în consideraţie faptul că mai târziu, după începerea lucrărilor Adunării Constituante din districtul Ruse, în Târnovo soseşte Kostake Marinovici, care nu a fost menţionat în lista celor prezenţi la şedinţele Adunării, în pofida faptului că semnătura lui figurează sub Constituţie. M. Palangurski adaugă că, probabil, K. Marinovici des părăsea Târnovo, din cauza că soţia acestuia era bolnavă (p. 31-32). Tot aici autorul încearcă să găsească explicaţia şi răspunsul la întrebarea: de ce nu toţi au semnat Constituţia. Potrivit cercetătorului, o parte dintre deputaţii bulgari participau la şedinţele Adunării Constituante, dar nu rămâneau la momentul solemn. Aceasta se explică prin faptul că ei erau nevoiţi să părăsească mai devreme Târnovo, având alte angajamente. Mai târziu, după ce a fost publicat textul Constituţiei, îi găsim menţionaţi printre semnatari. Alţii, probabil, nu erau de acord cu spiritul Constituţiei (p. 33).

La studiul introductiv este anexat un tabel care arată repartizarea mandatelor în Adunarea Populară Constituantă din Târnovo. Autorul a folosit două coloane pentru a compara listele celor care au luat parte la Adunare. Astfel, într-o coloană cercetătorul a inclus numele celor care figurează în lista comisarului împărătesc Dondukov-Korsakov, care a propus ca în Adunare să fie mandatate 242 de persoane, iar în a doua coloană sunt înscrise 230 de persoane, care în realitate au participat la acest proces istoric important. Pe lângă numele fiecăruia, în cinci coloane aparte se menţionează categoriile sociale şi districtele pe care le reprezentau aceşti oameni. În altă coloană se indică dacă persoana vizată a continuat activitatea sa sau a fost numit alt deputat, ori mandatul a rămas neocupat. Apoi se oferă informaţia referitoare la participarea mandatarului în lucrările de deschidere a Adunării, prezenţa în şedinţe şi semnarea Constituţiei (p. 37-52).

Cel mai voluminos capitol al îndrumătorului enciclopedic include scurte date biografice ale celor 230 de deputaţi care au elaborat şi votat Constituţia din Târnovo. Pentru a aduna informaţiile necesare, cercetătorul a studiat diferite materiale biografice, enciclopedice şi de istorie politică a Bulgariei. Este de înţeles că mai uşor îi era să lucreze asupra biografiilor acestor persoane, pe care le numim lideri naţionali. Datele despre viaţa şi activitatea lor sunt publicate în mai multe monografii biografice. Uneori despre biografiile lor se scrie cu scopul de a completa unele scăpări şi neajunsuri sau pentru a corecta greşeli. Însă despre o mare parte dintre deputaţi practic nu se cunoaşte nimic. Totuşi, aşa cum menţionează M. Palangurski, aceasta nu îi transformă în feţe fără trecut şi fără influenţă (p. 34). Lipsa de date concrete despre aceşti oameni l-a determinat pe autor să includă informaţii fragmentare despre ei, unele care nici nu pot fi verificate. Autorul prezintă informaţii despre participarea lor la nivel local în dezvoltarea deferitor sate, oraşe şi districte bulgăreşti. Anume aceste personalităţi deschid lăcaşuri sfinte, şcoli, universităţi, biblioteci, societăţi culturale şi ştiinţifice. Drept

consecință, biografiile diferă după volum, unor personalități le sunt acordate trei pagini, iar despre altele sunt doar două propoziții. Considerăm că acest fapt le oferă câmp liber cercetătorilor, pentru a continua completarea biografiilor celor care au pus baza constituționalismului bulgăresc.

Autorul prezintă date biografice bazându-se pe un standard unic. Astfel, în primul rând, se vorbește despre mediul familial – origine și moștenire, educație, activitatea profesională, participarea în viața obștească – educațională, spirituală, revoluționară, inițiativele economice, creație proprie, implicare în diferite organizații obștești. Apoi, informațiile sunt completate cu date despre activitatea lor parlamentară, rolul lor în adunări și viziunile lor politice.

Lucrarea respectivă este completată cu fotografiile deputaților bulgari. Ele se păstrează în Arhiva Centrală de Stat a Bulgariei. Subliniem că M. Palangurski a folosit fotografiile anume din perioada când a fost votată Constituția din Târnovo. Sub poze sunt menționate date referitoare la numele și prenumele deputaților, locul și anul unde s-au născut și unde s-au stins din viață, districtele din care erau mandatați.

Vom menționa că, pentru bulgarii din România, Republica Moldova și Ucraina, sunt utile și importante informațiile despre bulgarii care și-au găsit adăpost în spațiul românesc și care, ulterior, au revenit în Bulgaria și au contribuit la crearea sistemului politic în patria lor istorică. În acest context, voi preciza că aproape toți deputații au făcut studii și au avut burse în orașele mari ale Imperiului Rus: Moscova, Kiev și Odesa, și ale României: București, Iași, Galați. Cartea cuprinde și numele unor bulgari basarabeni care au participat la Adunarea Populară Constituantă din Târnovo. Printre ei se evidențiază Ivan Atanasov din Bolgrad. După absolvirea gimnaziului din orașul natal, în 1860 el a fost admis la Seminarul Teologic din Kiev. Revine în Bolgrad în 1874, unde devine membru al Comitetului de inspecție al gimnaziilor locale (p. 60). Printre basarabenii care au votat Constituția bulgară se numără și Chiril Vasiliev, care după absolvirea gimnaziului din Bolgrad studiază teologia și pedagogia la Seminarul din Ismail. Ajunge în Bulgaria cu trupele ruse, în perioada războiului de eliberare (p. 76). În context menționăm că perioada basarabeană a biografiei acestui bulgar ar putea fi completată cu datele pe care le oferă cercetătoarea română Elena Siupiur, în cartea sa *Intelectualitatea bulgară emigrată în România în sec. XIX*. Conform datelor acesteia, Vasiliev era învățător și preot în câteva colonii bulgare (Сюпюр, 1982, 134-135). Tot el publică o serie de cărți cu caracter religios, însă, potrivit autoarei, în Bulgaria el a devenit preot în orașul Plovdiv, pe când după M. Palangurski – el devine judecător în orașul Radomir (vestul Bulgariei), după ce în Sofia lucrează ca judecător și avocat (p. 76). Nu găsim numele lui Vasiliev în lista de absolvenți ai Școlii Centrale din Bolgrad, publicată în 1904 de către C. Mâslavski (Мыславский, 1904, 217-228). De asemenea, bolgradeanul Gheorghi Velcev, după absolvirea instituțiilor de învățământ din Bolgrad și București, devine profesor în orașul său natal (p. 79). În colonia bulgară Caragaci, ca profesor activează viitorul deputat Țani Gincev. El a fost un renumit cercetător de artă populară din Basarabia și Moldova (p. 90). În Bolgrad s-a născut și deputatul Dimităr Grekov, care în 1899, pe scurt timp (18 ianuarie–1 octombrie) va deveni prim-ministru al Bulgariei (p. 96). Din Basarabia provin și fețe duhovnicești de origine bulgară, în cazul nostru este vorba despre Grigorii, mitropolitul de Dorostol. Originar din orașul Soroca, el slujește în mănăstirea Neamț, de acolo este trimis în mănăstirea Hilendar, la Sfântul munte Athos (p. 97). În perioada 1864–1869, la Chișinău și în Mănăstirea Căpriana se află viitorul deputat și mitropolitul din Sofia Miletii din Zograf (p. 182). El este unul dintre cei care a luptat pentru autonomia bisericii bulgare în cadrul Imperiului Otoman. De asemenea, trebuie să-i menționăm pe Andrei Manolov și Vladimir Palauzov, care activau în orașul Odesa (p. 174-175; 199-200), Mihail Panicerski, Stefan Panov din Bolgrad (p. 200-202), Evgheni Stoianov din Chișinău (p. 250).

De asemenea, aflăm despre o pleiadă de bulgari, care, până a reveni în patria lor istorică, au activat în România. Unul dintre ei a fost Evstati Antonov, care în anii 1869–1871 era membru în Centrul comunitar din București „Bratska liubov" (Dragostea Frățească), după care, în 1871 a activat ca doctor-adjunct, în Buzău, iar apoi a fost membru al Crucii Roșii din România (1876). La începutul războiului ruso-turc 1877–1878 el participă în cadrul armatei române (p. 58-59). Alt bulgar, Nicola Balkanski, și-a început studiile la București, la vârsta de șase ani, apoi devine negustor, având în posesie moșia Sinești de pe lângă capitala României. Este cunoscut faptul că el era unul dintre finanțatorii celei de-a doua Revolte din Brăila (1842). Iar casa lui a devenit adăpost pentru revoluționarii bulgari, printre care și Gh. Rakovski. Acordă ajutor bisericii bulgare din București. Revine în patria istorică aproape sărac (p. 66). În orașele Craiova și Calafat a crescut Stefan Beron. După începerea Războiului din Crimeea, în 1854 a fost arestat de către turci și învinuit de spionaj în favoarea Rusiei. Însă a fost eliberat în curând după intervenția cneazului Ștefan Bogoridi. Era un mecenat cunoscut, a acordat 12 000 de franci pentru voluntarii bulgari; a oferit burse pentru tinerii bulgari; în Craiova deschide biblioteca „Zora" (Zori); înființează Centrul sani-

tar în orașul bulgar Lom. Se stinge din viață în Brăila, în anul 1898 (p. 67-68). Așadar, cititorul va găsi multe secvențe biografice ale altor bulgari care și-au început activitatea social-politică în România. Dintre ei îi vom numi doar pe deputații Miron Beșcov (p. 69-70), Dimităr Boșneakov (p. 72-73), Ianco Vankov (p. 75-76), Gheorghi Vălcianov din Ploești (p. 84), Ilia Ignatov (p. 129-130), Dimităr K. Ikonomov, Dimităr H. Ikonomov și Todor Ikonomov (p. 130-132; 134-136), Gaev Iordanov (p. 140-141), Vasil Drumev (cunoscut ca episcop din Branița Kliment) (p. 157-159), Dimităr Kristici (p. 166), Ivan Kărșovski (p. 169-171), Petăr Logofetov (p. 172), Petăr Manolov (p. 174), Grigor Nacovici (p. 190-192), Andrei Parușev (p. 204-205) Peșo și Hadji Petco Petcov (p. 206-209), Marin Poplukanov (p. 217), Stoil Popov (p. 225), Dimităr Pășkov (p. 229-230), Luka Radulov (p. 231), Hristo Stoianov (p. 250-251), Gheorghi Stranski (p. 252-253), Ivancio Săinov (p. 255), Hadji Ioncio Hadjistoianov (p. 273-274), Kiriak Țankov (p. 289) și Ivan Kasabov (p. 150-153). Ultimul este unul dintre fondatorii Comitetului Central Secret de la București. Tot el se numără printre cei care au semnat Actul de coalițiune sacră format de români și bulgari, cu scopul de a pregăti revolta în Bulgaria (mai 1866). Menționăm că în istoriografia română, despre această personalitate a scris istoricul C. Velichi (Velichi 1963, 843-867).

În pofida noutății sale științifice, în lucrare sunt și greșeli, în mare parte de ordin tehnic și factologic. De exemplu, pe pagina 11 este admisă o scăpare tehnică, precum că sfârșitul războiului ruso-turc ar fi avut loc în 1978, când de fapt anul corect este 1878 (p. 11). Nu se respectă ordinea în care sunt menționate numele personalităților. Uneori prenumele și patronimicul sunt schimbate cu locurile, de exemplu, Poplukanov Lilov Marin, Popov Dimităr Dragnev. În opinia noastră, aceste greșeli pot induce în eroare cercetătorii străini care nu sunt specialiști în bulgaristică. Autorul a scăpat și o greșeala de ordin factologic, referitoare la biografia deputatului Dimităr Kazanakli, care provine din colonia Tașbunar din Basarabia. Este menționat eronat că tatăl lui era preotul Simeon Orlov (p. 142). O greșeală analogică depistăm în lucrarea lui E. Siupiur (Сюпюр, 1982, 158) și în enciclopedia *Intelectualii bulgari în perioada Renașterii naționale* (Българска, 1988, 304). Aceasta reiese din interpretarea greșită a scrisorii fratelui lui Dimităr – Mihail, către revoluționarul bulgar Gh. Rakovski, unde menționează: multă sănătate vă trimite tatăl meu și părintele Simeon Orlov din Tașbunar (Много здраве ви пращат моя родител и отец Симеон Орлов). Analizând aceste rânduri, istoricul N. Karaivanov ajunge la concluzia că este vorba despre două persoane – tatăl lui Vasilie Kazanakli și părintele S. Orlov (Караиванов, 2014, 165).

Așadar, concluzionăm că enciclopedia respectivă încă o dată a confirmat faptul că România și Basarabia au fost un adăpost pentru activiștii bulgari care au construit Bulgaria modernă. Sperăm că biografiile vor fi completate de cercetători cu ajutorul datelor noi ale arhivelor din România, Ucraina, Rusia și Republica Moldova.

Literatura

Velichi C. Relațiile româno-turce în perioada februarie–iulie 1866. Înființarea Comitetului Central Secret Bulgar de la București și legăturile acestuia cu guvernul român // Studii. Revistă de istorie. Anul VI. București, 1963, № 4.

Българска възрожденска интелигенция. Учители, свещеници, монаси, висши духовници, художници, лекари, аптекари, писатели, издатели, книжари, търговци, военни. Енциклопедия. София, 1988.

Караиванов Н. Отец Михаил Казанакли – бесарабски български духовник, учител, книжовник и общественник // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014.

Мыславский К. И. Исторический очерк гимназии императора Александра III в Болграде. Болград, 1904.

Палангурски М. България в балканската политика на Русия (1899–1903 г.). Велико Търново, 2005.

Палангурски М. Избирателната система в България 1879–1911 г. Велико Търново, 2007.

Палангурски М. Избори по Стамболовистки (1887–1894 г.). Велико Търново, 2008.

Палангурски М. Нова история на България. I: Княжеството 1879–1911. София, 2013.

Палангурски М. По българските парламентарни избори 1894–1913 г. Велико Търново, 2011.

Сюпюр Е. Българската емигрантска интелигенция в Румъния през XIX век. София, 1982.

Ivan DUMINICA

ИСТОРИЯ УСПЕХА, ИЛИ НАУЧНЫЙ ПУТЬ БЕССАРАБСКИХ БОЛГАР

Рецензия на сборник статей «Бесарабските българи: история, култура и език» (Кишинев: S.Ș.B., 2014. 420 с.)

Народ, оторванный от своей земли и брошенный судьбой на перепутье истории между Днестром и Дунаем, – это и есть то, что принято называть бессарабскими болгарами, или задунайскими переселенцами. История, насчитывающая не один век, описывает пребывание болгар в степях Буджака и на близлежащих землях. Последние несколько десятилетий в описании истории болгар-переселенцев оказались как никогда плодотворными. В числе важных для исследовательской дельности по изучению бессарабских болгар особо следует отметить возникновение Отдела болгаристики в Академии Наук Молдовы 21 февраля 1989 года. Это была важная веха в изучения истории и культуры бессарабских болгар. Позже, спустя 5 лет, бессарабские болгары совершили еще один «шаг в историю» и основали Научное общество болгаристов Республики Молдова. Таким образом, болгаристическая наука в Молдове получила новые ресурсы для исследовательской деятельности.

Свой юбилей группа «Этнология болгар», Центра этнологии, Института культурного наследия АНМ и Научное общество болгаристов Республики Молдова отметили изданием сборника статей «Бесарабските българи: история, култура и език». Его составителем является молдавский болгарист д-р Иван Думиника, а научным редактором – проф. д.и.н. Николай Червенков. Рецензируемый нами труд состоит из трех разделов. Первый – рассматривает деятельность болгаристов Молдовы, во втором и третьем разделах, соответственно, представлены работы, связанные с другими областями: «История и этнология» и «Литературоведение и языкознание». В таком формате книга охватывает практически всю научную, культурную и другие виды деятельности ведущих болгаристов, этнографов, историков, лингвистов и т.д. Всего сборник содержит по всем тематическим разделам 41 статью, авторами которых являются исследователи из Молдовы, Польши, России, Болгарии и Украины.

Открывает данный труд статья известного историка и болгариста С. З. Новакова, который, к сожалению, в декабре 2013 г. ушел из жизни,: «Двадесет и пет години на групата „Етнология на българите" на Института за културно наследство към АНМ» (с. 11-22). На основе личного опыта,

документов и известных фактов, автор описывает создание и краткую историю существования Отдела болгаристики в Академии наук Молдовы. Савелий Новаков довольно подробно рассказывает о вкладе каждой отдельной личности в дело развития болгаристики и вообще изучения истории и культуры бессарабских болгар. Он останавливается и на таких подробностях, как состав группы исследователей, на их работах, финансировании проектов и в целом на работе данной структуры. Рассматривая все в хронологическом порядке, довольно лаконично излагает факты, в результате чего информация представляется достаточно исчерпывающей и охватывает необходимые аспекты данного вопроса.

Статья председателя Научного обшества болгаристов Республики Молдова Н. Н. Червенкова, озаглавленная «Научно дружество на българите в Република Молдова – двадесет години» (с. 23-37), представляет ретроспективный исторический обзор последних 20 лет. В первую очередь описываются обстоятельства создания данной организации, причины и факты, приведшие к непосредственному решению о ее создании, разработке плана работы и достижению определенных результатов, которые по тем или иным причинам не

входили в список рассматриваемых проблем Отдела болгаристики при Академии наук. Отмечая личный состав и широкий круг лиц, участвовавших в деятельности НОБ РМ, автор указывает на широкие и плодотворные связи данной организации с общественностью (в первую очередь – с интеллигенцией в среде бессарабских болгар) (с. 24). Кроме этого отмечены несколько направлений в работе данного Общества: «Изучение и функционирование болгарского языка в Молдове»; «Археология и культура»; «Краеведение»; «Социологические исследования» (с. 25). Краткий и обзорный перечень выполненных задач, которые были приоритетными, показывает результативность деятельности данной организации в практической и научной сфере.

Завершается первый раздел сборника, посвященный обзору истории болгаристики в Республике Молдове, детальной статьей доктора истории Ив. Думиника «Сътрудниците на групата „Етнология на българите" (1989–2014 г.) Биобиблиографски бележки» (с. 63-80), в которой отдельно и подробно рассмотрена деятельность каждого из 16 сотрудников Отдела болгаристики. Представлена краткая биографическая и библиографическая информация с дополнением списка научных трудов и публикаций каждого сотрудника, а также с указанием деятельности в определенных научных проектах. Отмечается, что общее количество подготовленных и изданных трудов превышает 300 (с. 63). Вся информация представлена на основе архивных данных из личных дел, личных архивов и бесед непосредственно с самими сотрудниками. Высокий индекс цитирования научных трудов, вышедших в свет при помощи данного отдела, показывает значимость и соответствующий уровень изданного научного материала, который позволяет с опорой на него проводить дополнительные исследования в соответствующих областях.

Второй раздел сборника открывается статьей доктора истории С. Бакалова «Главче: молдавский боярский и бессарабский дворянский род болгарского происхождения» (с. 81-94), в которой показана возможность обнаружения фактов о переселении болгарских дворянских родов вначале в Молдавское княжество, а затем, после 1812 г., в Бессарабию. Особое внимание автор уделил роду Главче, предполагая на основании архивных документов, что этот род дворянский (боярский) (с. 90). В приложении к статье имеется генеалогическое древо рода Главче, а также архивные документы, которые служили основой для данного исследования.

Статья «Три османских документа о реэмиграции болгар в болгарские земли после русско-турецкой войны 1828–1829 гг.» (с. 106-114), написанная в соавторстве С. Булгаром и Ив. Думиникой, представляет обзор нового, доселе крайне малоизученного раздела истории бессарабских болгар, то есть непосредственно то, что часто историки называют реэмиграция бессарабских болгар в болгарские земли. Этот процесс имел место после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Статья дает оценку этой проблеме на основе трех османских документов, таким образом пытаясь заполнить брешь, образовавшуюся из-за отсутствия османских архивных документов. Следует отметить тот факт, что, несмотря на то, что за основу взяты всего лишь три османских документа, все же проблема раскрыта довольно ясно и намечены горизонты дальнейшей работы в этом направлении. Особое значение придает статье публикация переводов и копии рассматриваемых документов, что позволит использовать их неоднократно в случае углубления данной тематики.

Одна из статей данного сборника, «Болгарская тема в очерках и материалах В. А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда» (с. 196-204), представленная доктором филологии В. Сырф, привлекает особое внимание к современному положению дел в среде бессарабских болгар и гагаузов. Автор рассматривает достаточно известный этнографический труд В. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», а также указывает на личный интерес В. Мошкова к гагаузам. Подчеркиваются выводы самого В. Мошкова относительно бессарабских болгар. Автор указывает на то, что описание болгар в труде В. Мошкова – это естественное явление и обусловлено оно фактическим отсутствием каких-либо научных или иных опубликованных данных о гагаузах в Бессарабии. Для В. Сырфа представляется интересным то, что В. Мошков неоднократно (или даже в основном) обращался или, как он пишет, «… прибегал к специальной литературе, посвященной балканским болгарам, изданной во второй половине XIX в…» (с. 199). Затрагиваются также нормы обычного права в среде бессарабских переселенцев. Дается сравнение уровня экономического развития поселений/сел. Во всем этом автор предусматривает глубину работы, проделанной В. Мошковым, и заключает анализ словами: «Можно с уверенностью констатировать, что …. В. А. Мошков помимо основной темы … – расширил и обогатил наши знания и о других народах Бессарабии, в первую очередь о бессарабских болгарах.», которые можно назвать стержнем данной статьи и главной ее идеей.

Следует отметить тот факт, что сборник не ограничивается исследованиями жизни болгар современной Республики Молдова, он также затрагивает аналогичные проблемы и на территории Украины в силу присутствия и там болгарской диаспоры. Статья «Харьковская болгаристика в 1991–2013 гг.: предварительные итоги» (с. 336-352), написанная д.и.н. М. Станчевым в соавторстве с к.и.н. С. Страшнюком, представляет предварительный анализ итогов деятельности болгаристов на территории Украины. Статья рассматривает работы основных исследователей в этой области и показывает плодотворность работы болгаристов на Украине. Рассматриваются плоды работы выдающихся основателей школы болгаристики в г. Харьков и их воспитанников, которые и являются авторами данной статьи (с. 339). Указаны основные направления работы украинских болгаристов.

Последний раздел сборника включает 9 статей, посвященных изучению и освещению работ в области литературоведения и лингвистики. Открывает раздел статья д.ф.н. В. Колесник «Трансформация грамматической системы болгарских переселенческих говоров юга Украины» (с. 353-359). Автор достаточно тонко рассматривает сохранение и развитие языка самих бессарабских болгар и в то же время указывает на полилингвистичную среду нахождения болгар, вследствие чего, по его мнению, возникают дублеты, то есть два слова, которые по своему значению идентичны и различаются лишь происхождением. Некоторые из них являются «лексическими балканизмами» (с. 354), другие же заимствованы из русского языка вследствие достаточно долгого совместного проживания болгар в Российской империи вместе с русскими, а также и другими группами народов-переселенцев. Автор отмечает, что «Именно турцизмы чаще всего имеют дублетные русские варианты» (с. 354), что указывает на непосредственную балканскую общность этих лексических единиц практически для всех народов, проживающих на Балканском полуострове.

Статья д-ра Е. Рацеевой «Мифологическое и обрядовое в структурах повседневности болгар-переселенцев в произведениях Мишо Хаджийски» (с. 397-404) – это взгляд на творчество М. Хаджийски как на источник для изучения структур повседневности болгар-переселенцев. Таким образом, автор объясняет, что объективный мир включается в понятие повседневности, при этом не сам по себе, но увиденный глазами творца, как некий фон. При этом за термином «повседневность» автор закрепляет значение порядка, принятого в общности (с. 398). Е. Рацеева делит творчество М. Хаджийского на два структурирующих направления: а) темпоральная оппозиция будни/праздники; б) территориально-этническое противопоставление свой/чужой. Приводятся конкретные примеры, которые практически описывают эти направления. И то, что болгары остались болгарами, автор статьи объясняет именно присутствием мифологического и обрядового в повседневности болгар.

Одной из заключительных статей сборника является анализ творчества болгарских поэтов Украины и Молдовы как отражающего связь между Буджаком и Болгарией. Это статья д-р Д. Никогло «Буджак и Болгария (Балканы) в творчестве болгарских поэтов Молдовы и Украины» (с. 405-411). Разъясняя региональную идентичность человека и опираясь на широкий научный обзор, автор дает характеристику творчества болгарских поэтов. Один из первых аспектов, рассмотренных в данной статье – типичное восприятие Буджака болгарскими поэтами. При этом ярко прослеживается сохранение своеобразности болгар, и в том числе в произведениях авторов, несмотря на их нахождение в иноязычной и иноэтичной среде, каковой для них по сути является Буджак, воспеваемый практически всеми известными поэтами болгарского происхождения. Параллельно с этим явлением наблюдается также и апеллятивность по отношению к своей родине, Болгарии (Балкан) (с. 407). В этом «взывании» к родине автор усматривает общеизвестную формулировку данного явления в науке под термином коллективная память или память предков (с. 408). Обзорный анализ стихотворений показывает то, что у бессарабских болгар сохраняется так называемое диаспоральное сознание, которое выходит за рамки границ современности.

Проделанный анализ позволяет утверждать, что содержание сборника вполне соответствует его названию и требованиям уровня научности, что в очередной раз доказывает плодотворность 25 лет работы для Отдела болгаристики при Академии наук Республики Молдова и 20 лет Научного общества болгаристов Республики Молдова. Считаем и уверены, что это очередной труд высокого уровня, который пополнит ряды научных трудов подобного характера. Надеемся, что распространение этого сборника повлечет за собой более интенсивную работу и других исследователей над упомянутыми темами и проблемами.

Виталий КАЗАНЖИ

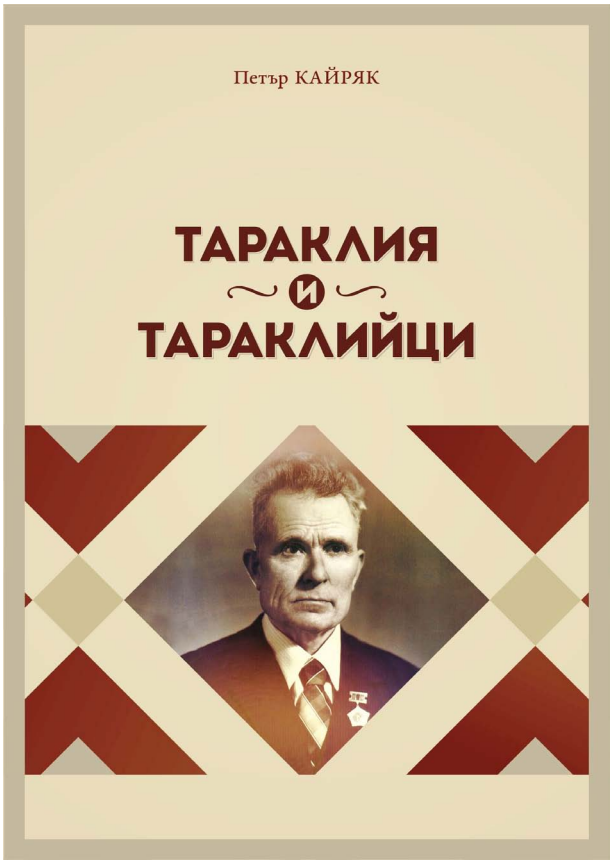
HISTORY PAGES OF BULGARIANS FROM TARACLIA

A review of the collection of articles: „Петър Кайряк. Тараклия и Тараклийци". Съставители Николай Червенков и Иван Думиника (Кишинев: S.Ș.B., 2014. 200 с.).

Presented collection of articles (*Petar Caireac. Taraclia and its habitants*) was compiled by known Moldovan Bulgarists PhD. in history, Professor Nikolay Chervenkov and PhD. in history Ivan Duminika, research associate of the Center of Ethnology of the Institute of Cultural Patrimony of the ASM.

The book is dedicated to the 100th anniversary of the local historian Peter Afanasyevich Caireac (31.01.1914–30.01.2004) from Taraclia, the Bulgarian town in the south of the Republic of Moldova. The work was written in Bulgarian, but also includes articles of the protagonist of the book published mainly in Russian. From the introductory part, written which is in Russian and Bulgarian languages, readers can learn biographical data about Peter Caireac. He had worked at local mayoralty, and from 1949 to 1983 was the chief accountant in Taraclia State Bank. In retirement, from 1976, entirely devoted himself to study of local lore, he wrote various notes about some aspects of the history of Taraclia and its people in the press (p. 21). Enthusiastically engaged himself in drawing the family tree of his countrymen, preparing descriptions and schemes of such genealogical trees for more than a hundred families. He worked hard in archives, libraries, including those from abroad, held more than 70 meetings of namesakes, established contacts with compatriots living in many localities of Moldova, Bulgaria, Russia, Romania, Ukraine and other countries.

The book under review is divided into three parts. The first part includes 42 journalistic articles belonging to P. Caireac, which were published in such newspapers as the „Свет Октября", „Свет", „Родно слово", „Роден край", „Български глас". Some articles are accompanied by compilers' commentaries, which specify a number of erroneous statements made by the local historian. The first article of P. Caireac – „New data to the history of Taraclia" – was published in 1983, and the last one – „Leafing through the pages of history" – imprinted in Taraclia local newspaper „Свет" on November 5, 2002. A detailed analysis allows us to conclude that these articles reveal different aspects of the history of Taraclia. First of all the researcher was interested in the issues of foundation of the village. He tried to establish Bulgarian localities from where his ancestors had moved to Taraclia. He investigated different places and local-



ity names in the vicinity of his native village. Many names are associated by him with the first families which came from Bulgaria and settled in these places. At the same time he begins to write about his famous countrymen. Especially delves into the study of Bulgarian patriots' Major Olympiy Panov biography. P. Caireac devoted almost his entire creative work to this person. In 1992, he published a pamphlet describing even the battle path of O. Panov. At the same time, through the initiative and persistence of Peter Afanasyevich in Taraclia has been established a bust-monument of A. Panov. In addition, P. Caireac became a consultant of a documentary about Olympiy Panov, for shooting of which the creative team from Sofia military film studio visited Taraclia in 1985 (pp. 56-59). Gradually the theme of his interests expands. Ethnographer writes about the spiritual life in Taraclia („О Тараклийских паломниках (хаджиев)"; „Церковь и родной язык"). Also, the protagonist wrote about Nicholai Hadji, who went

to serve in the Bulgarian monastery Zograph from the Mount Athos. There he became a monk and served under the name – Natanail. His father, Lazarus, moved there too later, and took monastic name – Leonty (p. 78). In a separate article he advocates for holding of church services from Taraclia church in Bulgarian language. In two articles, P. Caireac describes almost all members of the church choir of St. George›s Church from the pre-revolutionary and Romanian period of history. Special attention was paid to the issue of education in his native village. Articles about teachers Georghii Bakarzhi, Maria Gogoleva, Nicolai Nikolayev and others were written with deep consideration. Especial memories remained about the first teacher Georghii Timofeyevich Bakarzhi (pp. 45-47), who opened a school in his home at 1922. It lasted until 1928, when he bought a manor house from one the local rich people. This place would later become the School № 1. Its first director was Mr. Bakarzhi. After his death, grateful students erected at the local cemetery a modest but highly valuable monument. P. Caireacs' researcher did not left without attention medics who over took care of Taraclia residents' health for 200 years. In the article „О них вспоминают с благодарностью" (pp. 52-54), the author introduces such healers as medical assistant Stepan Tatarly (b. 1869). His knowledge and skills were adopted by his talented daughter Vasilisa (b. 1901). Many older people remember with gratitude this wise woman. This hereditary talent Vasilisa gave her daughter - Maria Ivanovna Gaydarzhi. Researcher devoted interesting articles to Taraclia elders and mayors. He is particularly impressed by the personality of the rural municipality head and mayor Ivan Petrovich Berov (1873–1947). To Him is devoted an article entitled „Староста Шоп-Тараклии" (pp. 99-102). We learn that the first major event to be organized by Ivan Petrovich – was the establishment of the telephone line Taraclia – Kubey in 1911. In 1912, in Akkerman took place the competition of amateur singers, folk groups and fighters. Ivan Petrovich organized amateurs of the Bulgarian songs, musicians and took Taraclia delegation to the festival. After this festival, famous Russian ethnographer and folklorist N. S. Derzhavin specially visited Taraclia and gathered here Bulgarian folklore. Local elder Ivan Petrovich Berov provided scientist with great support and assistance, fact noticed by N.S. Derzhavin in his book „Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Материалы по славянской этнографии" (SPb., 1914). Another significant activity of Ivan Petrovich was the construction of detention cells in Taraclia. In 1913, Ivan Petrovich intercedes with the Akkerman local boards tfor establishing in Taraclia of the monument to the Russian Tsar Aleksandr II. On the pedestal of the monument will be written: „King, the Liberator of Bulgaria in the war of 1877–1878". Unfortunately, in the interwar period, this monument was dismantled and shipped in Galati for being melted. In the period of the Romanian administration locals trusted Ivan Petrovich to manage their village once again. This affected his future. With the arrival of the Soviet regime, he was arrested and exiled to Siberia. Despite difficult conditions, he managed to survive and returned to his native village in 1945 (p. 101). Representatives of other ethnic groups did not remain without attention of the researcher too. For example, he dedicated an article titled „Народ загадочной и непростой судьбы" to Roma (rum) (p. 49). We learn that Roma from Taraclia began to settle with the Bulgarian colonists in 1809-1830 years. Roma settled in the northeastern part of the colony. There were their estates and the famous draw-well, which until recently was called the „gypsy well". Of particular interest is author's article „Молдавские фамилии в истории Тараклии" (pp. 132-134), which shows that in 1809 on the territory of Taraclia were living 12 families of Moldovans. By 1822, there remained two families - Moraru and Marichika. Moraru family differed by there enterprise spirit and ability to learn and work. Marichika family's founder – Nedelcho was a tailor.

His publications also reveal many aspects of public and political life of the Taraclia colony.

Articles written by P. Caireac were based primarily on the information received from the old-timers, as well as on his personal memories. However, he used archival sources and scientific literature too. One of the characteristics of these materials is that he often published group photos taken in the tsarist and the interwar periods, and described the fate of each person who appeared on the image.

This section of the collection also presents 4 letters addressed by P. Caireac to the philologist Vasiliy Kondov. These letters were provided by Dr. Kondov one of the compilers (pp. 143-147). Message analysis leads to the conclusion that the ethnographer tried to find out if his family name appeared in Bulgarian villages Ovcharovo, Harmalin District and in Smyadovo Shumen County.

The second part of the collection includes two interviews in which ethnographer tell about his biography and research activity. Particular attention the interviewee paid to his two books called „Genealogical trees of Taraclia" (Chisinau, 1999, 2000). The first book contains 33 surnames, and the second – 42. The structure of both editions is the same.

In the beginning it is given a brief description of the genus, and in the annex – the family tree schemes and pictures of namesakes' meetings. It is important that the basis of their coverage lays reliable historical data. First of all, he used the so-called Revision lists on Taracliya for the 1835 and 1850, which are stored in the National Archives of the Republic of Moldova, as well as various lists of villagers related to the division of land in the early twentieth century. These works saw the light thanks to the scientific and literary editorial activity of Prof. Nikolai Chervenkov and Tatiana Zaikovsky. Bulgarian scientist' spouse Maria Chervenkova typed all the texts (p. 164). Unfortunately, the third volume of genealogical tree which includes 30 names has failed to publish. According to the compilers the material has already been prepared for publication.

The third and final part of the book consists of 32 articles written by different scientists, researchers and publicists about Petr Caireac. These materials collectors were extracted from various periodicals. They reveal the place the ethnographer and his contribution to local history of Moldova, in the public life of his native city and the region. Petr Caireac's colleagues and several journalists wrote about multifaceted activities of the hardworking ethnographer. So, editor of the „Български глас" newspaper Dmitry Borimechkov dedicated to his activity several articles. In the past, leading radio program in Bulgarian in Taracliya, he organized several gears about a prominent local historian. At his photo exhibitions in Taraclia, Chisinau (Moldova), Bolgrad (Ukraine), Sofia, Sliven (Bulgaria), reporter always represented the section named „Petr Caireac". Thus, the collectors confidently call Dmitry Borimechkov – personal biographer of Peter Caireac. And it is not a coincidence that the volume includes 14 his articles about the life and and scientific activity of the ethnographer from Taraclia (p. 188-214). Prof. N. Chervenkov, in 3 articles signed by him, appreciates the role of P. Caireac primarily as a genealogist; Professor recalls how they worked on the preparation for publication of the work „Родословный рев Тараклии". He was the most senior member of the Scientific Society of Bulgarists from the Republic of Moldova. The article signed by I. Duminika called „honor to his fellow villager" is of particular interest (pp. 169-177). In it the author argues P. Caireacs' honesty. This fact is indicated by the recently discovered archives of the KGB materials from which it is clear that during interrogation in 1947 he did not „knock" on acquaintances and relatives. On the contrary, he tried to show their innocence and decency. Another ethnographer from Taraclia – Ivan Alavatsky calls his colleague „national secretary" (p. 178). He published a fragment of Caireacs' memories about the interwar period. He also described the so-called «crown move» of the ethnographer, which lay in the fact that he could come to the children playing outside point on somebody of them and begin telling about the origin of his name and the relocation of his ancestors. That attracted children and they immediately surrounded the old-timer and asked him about the history of thier families. Bulgarian scientists Lazar Gheorghiev calls Caireac „Bessarabian apostle", because it was he who laid the foundation for the study of in Bessarabia Bulgarian families (p. 215). Journalist Yulia Nikolova in „Rod and flame" appreciates his contribution to determining the location of where first local habitants of Bulgarian origin came. Caireac was sure that they emigrated from the village Novi Pazar (Yeni Pazar) Varna region of Bulgaria. One of Taraclia streets even bears the name of the settlement (p. 233). Stepan Tanov, who organized the collection of funds for the publication of genealogical trees on Taracliya notes that locals' memory will always retain the bright image of „a true patriot of their land, a citizen, a genealogist ..." (p. 235). The fact that the memory of Peter Afanasievich is truly honored is evidenced by at least the fact that a memorial plaque was inaugurated at his home in October 2004, and in the town cemetery there was erected a monument in 2007, on which in Bulgarian there are carved the words „Man know about your kind". 2014 was named the „Year of P. A. Caireac„ in Taraclia. Also, Taraclia town council came out with an initiative to rename one street in his honor. Ethnographer from the Kayrakliya village Peter Pironkov even dedicated poetry and music to the song in memory of his friend from Taraclia (pp. 242-243).

We hope that the collection of articles will be of interest to researchers in the field of the historical past of the Bulgarian community in the Republic of Moldova, both in our country and abroad. We are confident that ethnographers from Moldovan villages can work according to this example.

Ion GUMENÂI, Marina GUȚU

JUBILEE

ЮБИЛЕИ

NADEJDA CARA LA 65 DE ANI

Aniversările sunt o bună ocazie pentru a vorbi despre o persoană sau alta, ori pentru a face o recapitulare a vieții sale profesionale. În cazul nostru este vorba despre un om de știință din Republica Moldova, doctor în filologie, conferențiarul universitar Nadejda Cara. Savantul provine dintr-o familie de bulgari basarabeni. În 1830, strămoșii ei au emigrat din regiunea Iambol în Basarabia și aici împreună cu alți colonişti au fondat localitatea Giulmian (în prezent satul Iarovoe, regiunea Odesa, Ucraina).

În anii represiunilor politice, mulți bulgari basarabeni au fost deportați. De o soartă similară au avut parte și părinții doamnei Cara. În anul 1940, familia mamei ei, Maria, a fost deportată în Kazahstan, iar bunicul Ivan Doja a fost arestat. Tot acolo, în 1946 a fost adusă și familia tatălui său – Vasile Cara. Anume acolo s-au cunoscut părinții ei și în 1948 s-au căsătorit. Crezând că tânăra familie nu cade sub incidența legii pentru deportați, Vasile și Maria se întorc în Basarabia și se stabilesc în orașul Basarabeasca. Însă acolo sunt prinși, arestați și trimiși înapoi în Kazahstan. Familia nu ajunge la locul destinat, pentru că la 1 decembrie 1950 se naște Nadejda Cara. Din această cauză, ei coboară în orășelul cazah Aktiubinsk. Anume aici, până în 1962, și-a petrecut copilăria viitorul om de știință.

În 1962 Nadejda Cara împreună cu bunicii săi din partea mamei se întoarce în Basarabia și se stabilește cu traiul în orașul Chișinău. În 1967 absolvă școala medie și în același an este admisă la Facultatea de Filologie a Universității de Stat din Chișinău. Aici în perioada anilor 1967–1972 învață la specialitatea de filologie, învățător de limba și literatura rusă. În anii 1980–1983 este doctorandă la Facultatea de Filologie a Universității de Stat din Leningrad. În anul 1983 susține cu succes teza de doctor cu tema „Язык и стиль поучений Феодосия Печерского (XI век)" (Limba și stilul învățăturilor lui Teodosie al Peșterilor Kievului [sec. XI]). În tot acest răstimp, doamna Cara nu uită despre originea sa și înțelege că vrea să-și lege viitorul de limba bulgară. Din acest motiv, se specializează în filologia bulgară, la Facultatea de Filologie a Universității de Stat din Veliko Târnovo, și în sociolingvistică, la Facultatea de Filologie a Universității de Stat din Sofia.

Biografia profesională a N. Cara este foarte bogată. Își începe activitatea în 1972, ca traducător de limbă bulgară la hotelul „Inturist", cel mai mare hotel din perioada sovietică. În același timp, mulți o cunosc ca pe un profesor foarte bun. Activitatea în acest domeniu o începe în 1974, în calitate de lector la Catedra de filologie rusă a Facultății de Filologie a Universității de Stat din Chișinău. După zece ani, în 1984 devine lector superior, apoi – conferențiar universitar în cadrul Catedrei de filologie rusă a Universității de Stat din Moldova. Concomitent, în 1988–2008 activează la Catedra de limbă bulgară a Universității Pedagogice de Stat „I. Creangă".

O direcție importantă de activitate a N. Cara este cercetarea științifică. Din 1994 lucrează în cadrul Societății Științifice a Bulgariștilor din Republica Moldova, la studierea dialectelor bulgarilor basarabeni.

În ianuarie 2007 doamna Cara devine cercetător științific superior în cadrul Sectorului de bulgaristică al Centrului de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM. În octombrie 2012 este numită șef interimar, iar în februarie 2015 – șef al grupei „Etnologia bulgarilor". Aici abordează subiecte legate de lingvistica comparată a limbilor slave, lexicologie; sociolingvistică, lingvofolcloristică.

Despre profesionalismul dr. N. Cara vorbește și faptul că este invitată ca redactor literar, traducător pentru o serie de monografii, reviste științifice și publicistice de specialitate.

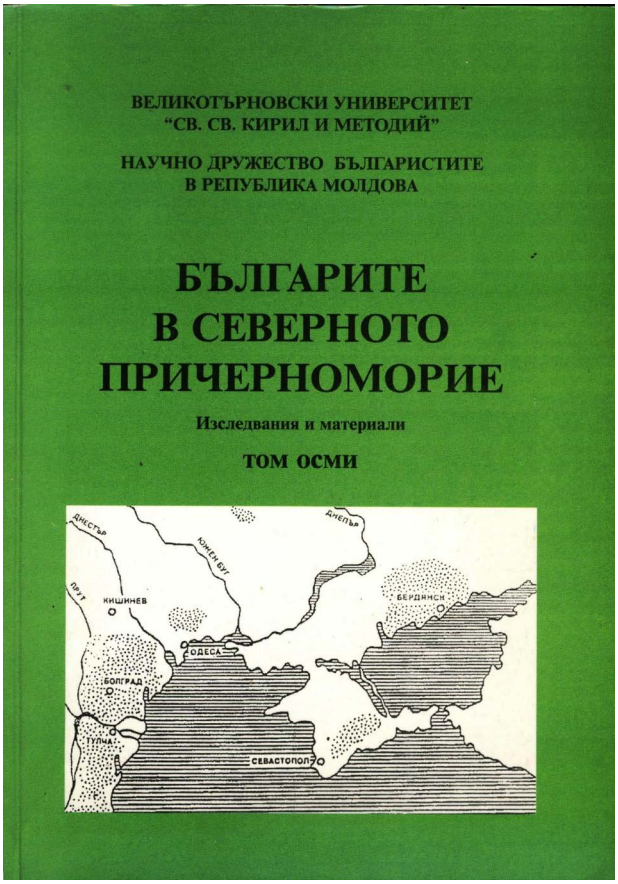
Trebuie de menționat că, timp de mai mulți ani (1994–2015), savantul a participat la elaborarea de manuale și materiale didactice pentru elevii claselor a 3-a – a 9-a din școlile bulgare din Republica Moldova. Doamna Cara este președintele juriului în perioada olimpiadelor republicane de limbă și literatură bulgară, de asemenea, este invitată ca membru în diferite comisii pentru examenele de stat.

Este foarte important că doamna Cara continuă să predea limba bulgară și oamenilor care doresc să cunoască secretele acestei limbi slave. Din 1989 este profesoară în cadrul diferitor cursuri organizate de către Ministerele Educației al Republicii Moldova și Republicii Bulgaria. Din 2014 predă la Școala Duminicală a Societății Științifice a Bulgariștilor din Republica Moldova, orele căreia se desfășoară în incinta Bibliotecii bulgare „Hristo Botev" din Chișinău.

N. Cara este cunoscută și ca activistă pe tărâmul social. A adus o contribuție semnificativă la crearea în 1994 a Societății Științifice a Bulgariștilor din Republica Moldova. În calitate de vicepreședinte al acestei organizații propagă printre bulgarii basarabeni istoria și limba lor natală. Participă activ în proiecte lingvistice, sociologice și de folclor. Sub conducerea ei au avut loc o serie de conferințe științifice, mese rotunde și prezentări de carte.

Este important de menționat faptul că activitatea dr. conf. univ. N. Cara este recunoscută pe plan național și internațional. Agenția de Stat pentru Bulgarii de Pretutindeni a nominalizat-o drept „Femeia de origine bulgară a anului 2012". De asemenea, a fost decorată cu două distincții onorifice „Paisie de la Hilandar" și altele.

Ivan DUMINICA



ÎNDRĂGOSTIT DE VIAȚĂ
(Gheorghi Barbarov la 60 de ani)

Gheorghi Barbarov – scriitor și jurnalist bulgar basarabean, cu o activitate literară multilaterală și variată – poezie, eseuri filosofice și lirice, nuvele literare, povestiri pentru copii, aforisme, „barbarisme", parodii, epigrame, articole critico-literare, traduceri etc.

Gheorghi Barbarov s-a născut la 5 septembrie 1955 în satul Corten, r-ul Ceadâr-Lunga, într-o familie de țărani. Strămoșii săi, refugiindu-se de sub jugul turcesc, împreună cu alți emigranți din Bulgaria, și-au găsit adăpost pe pământul basarabean. După terminarea serviciului militar, Gh. Barbarov a absolvit Facultatea de Jurnalistică a Universității de Stat din Moldova.

A devenit membru al Uniunii Scriitorilor Independenți Bulgari din Moldova și a Uniunii Scriitorilor Bulgari din Bulgaria.

Pentru contribuția sa considerabilă în dezvoltarea culturii bulgare este distins cu premiul casei editoriale „Jajda" (Bulgaria). Pentru consolidarea relațiilor dintre Moldova și Bulgaria este distins cu Semnul de Onoare al Președintelui Bulgariei. Prin Decretul Președintelui Moldovei este distins cu titlul onorific „Om emerit".

Creațiile dlui Barbarov sunt traduse în diverse limbi: română, rusă, ucraineană, ungară, engleză, franceză și găgăuză. Scriitorul este autorul a peste douăzeci de cărți. Prima carte este editată în anul 1987 – cartea de poezii *„Liniștea trezită"*. Această carte, precum și cele ce au urmat – *„Continuarea vieții de toate zilele"*, *„Știința de a tăcea"*, *„A fost o duminică"* – sunt pătrunse de dragoste pentru pământul natal, de nostalgie după Bulgaria îndepărtată, de recunoștință pentru Moldova, devenită a doua Patrie pentru mulți bulgari care au părăsit meleagurile natale. Odată cu nașterea fiicei sale a apărut și o serie de cărți de poezii și povestiri interesante pentru copii: *„Anișorii de bucurie"*, *„Dorina însorită"*, *„Cărărușe spre răsărit"*. Autorul este un adevărat maestru în formele scurte de creații – *aforisme*, pe care le numește *„Barbarisme"*, terține, parodii și epigrame (*„Barbarisme"*, *„De abia copți"*, *„Atât timp, cât există dobitoci"*, *„În umbra lui Mațuo Bașo"*).

Pe parcursul a mai multor ani dl Barbarov, ca jurnalist, avea publicații și în ziarele și revistele din Moldova, Bulgaria, Ucraina. Mai mult ca atât, Barbarov este cunoscut și ca critic literar, redactor, traducător.

Gheorghi Barbarov este unul din fondatorii emisiunii *„Megdan"* la Radio-Moldova, creată în februarie 1986 (împreună cu Ivan Cavalov și Maria Velicsar – inițiatorii emisiunii TV *„Unda Bugeacului"*). Actualmente, emisiunea este difuzată în fiecare zi de vineri de la 20.00 până la 20.30 pe întreg teritoriul Moldovei.

În timpul studiilor la facultatea de jurnalistică, Barbarov s-a specializat, de asemenea, și în radiojurnalistică. Pe parcursul a aproape 30 de ani deține funcția de redactor al radioemisiunii *„Megdan"* (mai întâi ca voluntar, apoi prin cumul, iar din anul 1996 – redactor permanent).

Iată cum Gheorghi Barbarov însuși descrie atitudinea sa față de radio: *„Una din primele minuni, cu care ne-am ciocnit în acei ani îndepărtați în satul cela prăfuit și pierdut în stepă, era radioul. În centrul satului Corten a fost stabilit un difuzor puternic, care trezea satul, nu și sătenii, la ora șase dimineața și amuțea la miezul nopții. El și servea ca element de legătură cu Patria Mare, comunicând despre noile biruințe ale socialismului, și ne îndruma să fim prudenți în legătură cu amenințările din partea imperialismului"*.

În emisiunile sale jurnalistul informează ascultătorii despre evenimentele și întâlnirile petrecute de multiplele organizații bulgare nonguvernamentale, pregătește programe cognitive despre clasicii literaturii bulgare, precum și despre creatorii din Basarabia, care scriu în limba bulgară.

În acești ani au fost difuzate interviuri cu istorici basarabeni, filologi, scriitori, poeți: *Ivan Zabunov, Sava Novacov, Mihail Stancev, Ivan Grec, Nicolai Cervencov, Ivan Duminica, Vladimir Ivanov, Petru Burlac-Vâlcanov, Nico Stoianov, Mihail Bâcvarov, Todor Stoianov, Tatiana Tanasova-Todorova, Ivan Vâlcov, Vladimir Caloianov, Vasil Condov, Nadejda Cara, Elena Rațeeva, Tatiana Stoianova...* – e imposibil să-i enumeri pe toți. Se raportau vizitele delegațiilor din Bulgaria: *Jeliu Jelev, Petr Stoianov, Gheorghi Pârvanov. „Megdan"* povestea despre întâlnirile atât cu persoanele oficiale ale Moldovei, cât și cu reprezentanții organizațiilor bulgare obștești, despre acordurile semnate.

Radioascultătorii bulgari au posibilitatea să primească săptămânal informație despre viața bulgarilor în trecut, despre evenimentele zilei de azi, despre relațiile dintre Bulgaria și Moldova, despre noutățile literare ale autorilor bulgari care locuiesc în Moldova.

În ultimii ani Gheorghi Barbarov preferă ca gen literar eseul, cu care ne face cunoștință la radioul moldovenesc. Eseuri filosofice, lirice, spiritual-religioase, critico-literare, narative, analitice. Ele ating diverse niveluri din viața omului, ne cufundă în lumea interioară a autorului, ne stimulează să medităm asupra principiului spiritual al fiecăruia dintre noi. De asemenea, aceste eseuri ne îndeamnă să vedem frumusețea din jurul nostru, pe care noi, din păcate, n-o observăm în graba cotidiană.

Anna STRATIEVA

EVDOCHIA SOROCEANU LA 60 DE ANI

În 2014 Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM a marcat jubileul aniversar al cercetătoarei Eudochia Soroceanu. Cei care o cunosc bine, îi subliniază profesionalismul științific. Sentimentul ei de responsabilitate împreună cu interesul sincer spre filologie și etnologie i-a permis să-și atingă succesul în activitate. Soarta doamnei Soroceanu a fost marcată de o evoluție remarcabilă.

Eudochia Soroceanu s-a născut la 27 decembrie 1954 în orășelul Vulcănești. A absolvit Colegiul Pedagogic din Cahul, după care a fost admisă la Universitatea de Stat din Moldova. În 1976, fiind una din cei mai buni studenți ai facultății, a fost trimisă să studieze în Bulgaria la Universitatea din Sofia Sf. Kliment Ohridski (Departamentul de filologie slavă). Având în spate două facultăți (diplomă de filolog, specialist în limba și literatura bulgară și diplomă de profesor de limbă și literatură rusă), ea a fost trimisă să activeze în cadrul Universității de Stat din Chișinău la Departamentul de limbă rusă modernă, unde a predat limbile rusă și bulgară. Interesul ei pentru limba maternă s-a manifestat chiar și în procesul elaborării tezei de licență „Общи думи в гагаузския и българския езици" (Cuvitele comune în limbile găgăuză și bulgară). În 1984–1988 doamna Soroceanu a fost doctorandă la Institutul de Studii Slave și Balcanice al Academiei URSS. Acolo ea a fost instruită în școala etnolingvistică a lui N. Tolstoi și în 1995 a susținut teza de doctor cu tema „Терминология болгарской календарной обрядности в сравнении с гагаузской (на материале болгарских и гагаузских диалектов Бессарабии)" („Terminologia riturilor calindaristice ale bulgarilor în comparație cu cele ale găgăuzilor [pe baza dialectelor bulgare și găgăuze din Basarabia]"). Odată cu deschiderea grupelor de studiere în limba bulgară și găgăuză la Universitatea Pedagogică din Chișinău, Eudochia Soroceanu a fost transferată în 1991 în această instituție, unde a lucrat ca decan adjunct al acestui departament mai mult de cinci ani. Ea a elaborat programe de formare și curicule pentru noi discipline. În perioada activității sale (1991–2010) a întocmit circa 20 de prelegeri pentru limba și literatura bulgară. Sub conducerea ei s-au scris o mulțime de teze de licență, proiecte, s-a publicat o serie de manuale pentru elevi. În prezent dumneaei este și conducătoarea tezei de doctor „Imaginea lumii în limba găgăuză" (Universitatea de Stat din Comrat, doctorandă Natalia Nacioglo). 10.02.06 – Limbi turcice (limba găgăuză).

Începând cu anul 2000, Eudochia Soroceanu activează în Sectorul de găgăuzologie al Institutului de Cercetări Interetnice al AȘM, unde cercetează obiceiurile calendaristice ale găgăuzilor. În 2006 editează primul și unicul până în prezent studiu științific în limba găgăuză – monografia „Gagauzların kalendar adetleri (etnolingvistik aaraştırması)". În 2015, a fost editată monografia biblingvă (găgăuză-română) „Ritualurile calendaristice ale găgăuzilor (Studiul etnolingvistic)". Ar trebui de remarcat faptul că doamna Soroceanu este specialistul care se ocupă activ și cu succes de etnolingvistica bulgară și găgăuză.

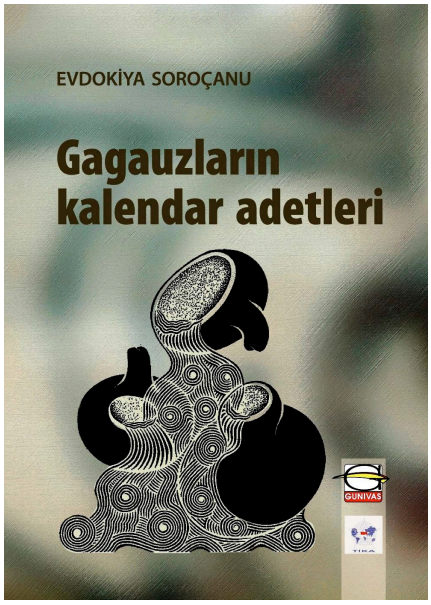
E. Soroceanu este autoare a peste 80 de articole, marea majoritate dintre ele fiind dedicate subiectului ce ține de terminologia calendaristică a ritualilor tradiționale la bulgari și găgăuzi. Printre lucrările publicate enumerăm trei manuale și patru dicționare. Lucrând în școală ca profesor, la universitate ca conferențiar, iar la Academie ca cercetător științific, dumneaei a dobândit o pregătire academică și pedagogică serioasă. Acest fapt i-a permis să reușească și în alte domenii. Ea a elaborat dicționarele termenilor lingvistici ale limbilor găgăuză și bulgară în comparație cu limba rusă și română. E. Soroceanu este una din autorii dicționarului „Речник на българската лингвистична терминология с руски и румънски съответствия" (2014). În luna martie a acestui an a prezentat dicționarul „Lingvistika Terminneri Danışma Sözlüü: gagauzça-rusça-romınca", la care este de asemenea autoare.

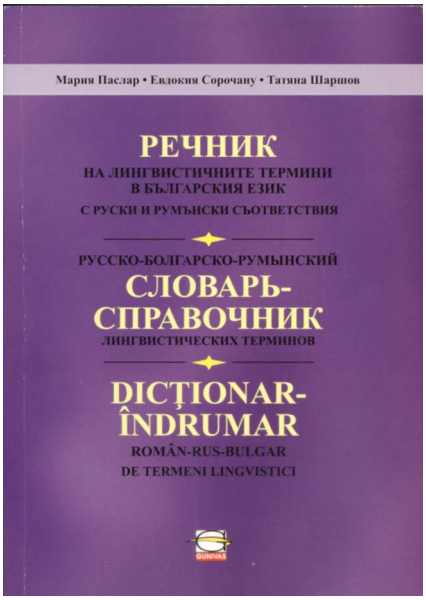
În prezent E. Soroceanu cu interes lucrează la tema legată de simbolismul pâinii în ritualurile tradiționale ale găgăuzilor. Visul ei profesional este de a realiza dicționarul etnolingvistic al limbii găgăuze.

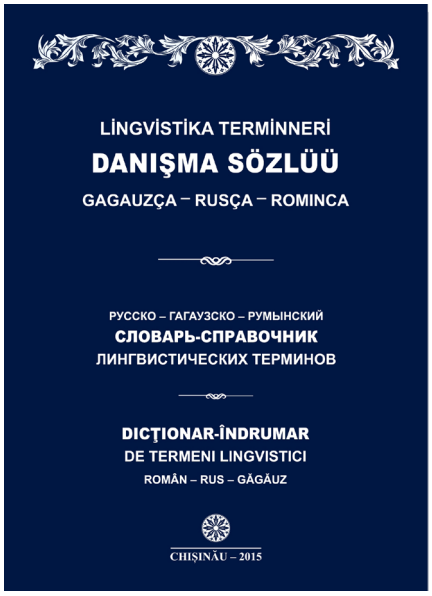
Activitatea ei de cercetător a fost marcată de premii meritate: Medalia Găgăuziei „Gagauz Yerı – 15 yil", Diploma AȘM „Recunoașterea științifică", cu diferite diplome și certificate de la Departamentul principal de educație al Găgăuziei, IPC al AȘM, Ambasada Republicii Bulgare în Moldova, Bașcanul Găgăuziei, Societatea Științifică a Bulgariștilor din Republica Moldova.

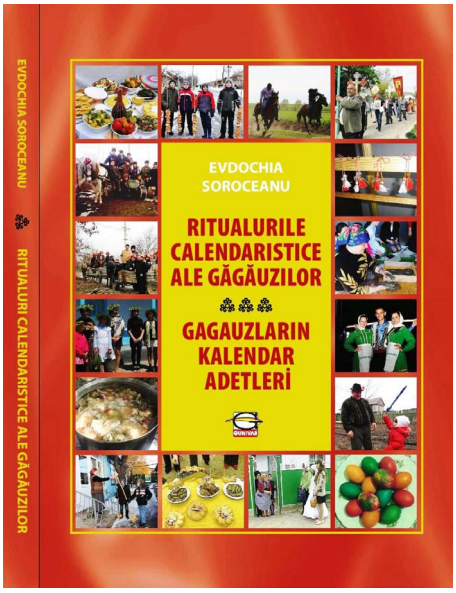
Colectivul Centrului de Etnologie al IPC al AȘM din tot sufletul o felicită pe Evdochia Soroceanu cu jubileul și îi dorește multă sănătate, fericire și realizări pe plan profesional.

Diana NICOGLO









DIANA NICOGLO LA 50 DE ANI

Diana Nicoglo s-a născut la 17 decembrie 1964 în orașul Comrat într-o familie mixtă (tatăl Evghenii Fiodorovici – găgăuz, iar mama Neonila Petrovna – ucraineancă).

În 1982 doamna Nicoglo a absolvit școala medie nr. 1 din Comrat. După cinci ani, în 1987, absolvă Facultatea de Filologie a Universității de Stat din Chișinău, obținând calificarea de filolog, profesor de limbă și literatură rusă.

După ce a lucrat ca învățător de limbă și literatură rusă în Școala medie nr. 37 din Chișinău (1987–1981), ea decide să-și schimbe activitatea. Se angajează în postul de laborant superior în Secția de găgăuzologie (actualmente – Sectorul „Etnologia găgăuzilor", Centrul de Etnologie al IPC al AȘM), unde activează până în prezent.

În perioada 1993–1996, Diana Nicoglo este doctorandă la zi a Institutului de Etnografie și Folclor al AȘM, având ca temă teza cu titlul: *Традиционная пища гагаузов XIX – начала XX вв.* (Mâncarea tradițională a găgăuzilor în sec. al XIX-lea – începutul sec. XX). Alegerea acestei teme a fost motivată prin aceea că în această perioadă deja fusese cercetate problemele generale ale găgăuzilor și pe ordinea zilei au fost subiecte de investigare profundă a acestor elemente. Lucrarea a fost elaborată sub conducerea dr. hab. Stepan Curoglo, totodată, se consulta permanent cu dr. hab. în istorie Maria Marunevici. Această lucrare a fost susținută cu succes la Institutul de Etnologie și Antropologie N. N. „Mikluho-Maklai" al Academiei de Științe a Rusiei (Moscova).

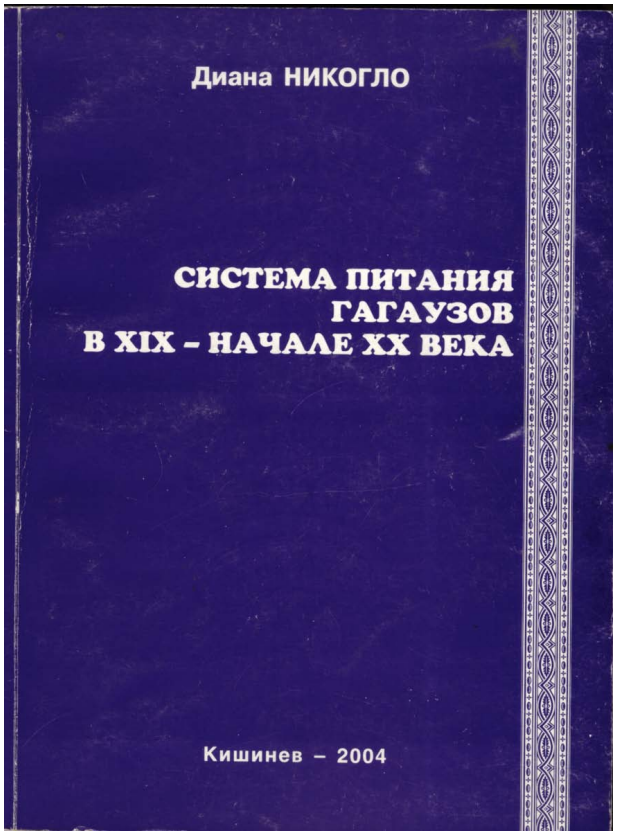
În 2004 a văzut lumina tiparului monografia sa *Система питания гагаузов в XIX – начале XX века* (Sistemul de alimentare la găgăuzi în sec. XIX-lea – începutul sec. XX). În această monografie autoarea introduce în circuitul științific materiale de teren pe care le-a acumulat pe parcursul anilor de cercetare, ea propune o viziune nouă asupra evoluției felurilor de mâncare, totodată subliniind unele elemente arhaice și modul de păstrare a lor în prezent.

În anii ce au urmat, Diana Nicoglo și-a dezvoltat propria direcție de cercetare, încercând să ia în considerare caracteristicile generale și specifice ale tradiției de alimentație a populație din sudul Moldovei. În afară de aceasta în arsenalul ei științific apar mai multe subiecte importante: *Этническое самосознание гагаузов на современном этапе (на материалах прессы)* (Conștiința etnică a găgăuzilor la etapa actuală [pe baza materialelor de presă]), *Ма-*

териальная культура гагаузов в контексте полиэтничной Республики Молдова (Cultura materială a găgăuzilor în contextul Moldovei polietnice), *Отражение этнического самосознания в устном народном творчестве и в художественной литературе гагаузов* (Reflectarea conștiinței etnice în literatura artistică și folclorul oral al găgăuzilor) (coautor). În prezent doamna D. Nicoglo lucrează asupra temei *Формирование этнических мифов, символов и маркеров гагаузов* (Formarea miturilor, simbolurilor și marcherilor etnici la găgăuzi).

Aniversata noastră este autoarea a circa 100 lucrări științifice și științifico-populare. Ea a participat la 70 conferințe și simpozioane la nivel național și internațional. În afară de aceasta, D. Nicoglo este recenzentă a numeroase manuale, cărți de metodologie și științifico-populare. De asemenea, ea reprezintă etnologia academică în mass-media, unde nu numai că popularizează cunoștințele științifice din domeniul ei de interes, ci apără activ principiile științifice ale găgăuzologiei.

Nu putem trece cu vederea și activitatea Dianei Nicoglo ce ține de sfera învățământului superior:



deja de mulți ani este profesoară la Universitatea de Stat din Comrat și Universitatea de Stat din Taraclia „Gr. Țamblac", unde citește cursurile „Etnologia", „Metodologia cercetărilor etnologice", „Istoria poporului găgăuz" etc.

Doamna Nicoglo s-a făcut remarcată și prin activitatea științifico-socială. Este membră a Asociației savanților N. Milescu-Spătarul din RMoldova, Societății Științifice a Bulgariștilor din RMoldova, Asociației Femeilor Găgăuze, a Fondului de susținere și dezvoltare a științei și culturii găgăuzilor „Kaynak", este și membră a colegiului redacțional la „Revista de etnologie și culturologie", este secretar al Consiliului coordonator al Congresului Internațional al Găgăuzilor.

Activitatea științifică a Dianei Nicoglo a fost menționată la nivel academic și regional: în aprilie 2012, pentru rezultatele științifice productive în domeniul găgăuzologiei și în legătură cu cei 25 de ani de la formarea Sectorului de găgăuzologie al AȘM ea a fost decorată cu medalia jubiliară a băscanului Găgăuziei și cu Diploma onorifică a IPC al AȘM. În 2014 dnei D. Nicoglo i s-a conferit titlul științific „conferențiar cercetător".

În această zi luminoasă vă dorim sănătate, succese în domeniile pe care le profesați și împlinirea visurilor.

Vitali SÎRF

VITALI SÎRF LA 50 DE ANI

Fiecare om are un set de calități care într-un fel sau altul îl caracterizează. Știut este faptul că fiecare personalitate își depune toate puterile, dar și trasăturile caracterului prin muncă și pedantism, pentru a-și atinge un anumit scop. Exact astfel îl putem caracteriza pe aniversatul nostru, Vitali Sîrf, doctor în filologie, folclorist, dar și specialist cu literă mare în domeniul găgăuzologiei.

Profesionalismul în ceea ce privește cunoașterea trecutului găgăuzilor se explică prin faptul că V. Sîrf s-a născut și a crescut într-un sat găgăuz. Acest lucru va pune amprentă privind viitorul lui în domeniul științei. Toată activitatea sa științifică este legată de poporul și cultura găgăuză. Așadar Vitali Sîrf a văzut lumina zilei la 15 noiembrie 1964, într-o localitate cu tradiții adânci – Tomai, r-nul Ceadâr-Lunga. Pe meleagul natal el a absolvit Școala Generală Medie Rusă nr. 8 (1981). Aici în premieră el va cunoaște secretele din „colțurile ascunse" ale limbilor și literaturilor rusă și găgăuză. Anume interesul de a ilumina aceste „colțuri necunoscute" l-a determinat pe V. Sîrf să își aleagă calea de mai departe. Dar acesta nu a fost momentul oportun de a merge pe calea propusă. Ca fiecare drum, calea lui avea să fie cu viraje și intersecții. Fiind muncitor, a început activitatea truditoare în satul natal la școală, a ajuns și într-o suburbie a Moscovei la o fabrică de confecții din in. Însă sentimentul cercetătorului l-a învins și, în perioada anilor 1989–1993, acesta își face studiile la Universitatea Pedagogică de Stat din Chișinău „Ion Creangă". Aici a studiat la specialitatea „Limba și literatura rusă și cea găgăuză în școala națională" a Facultății de Filologie. V. Sîrf în timpul studiilor își îmbogățește arsenalul cunoașterii științifice despre regulile principale ale limbilor de care el s-a îndrăgostit cu tot sufletul său de student.

În anii 1993–1996 este doctorand la Institutul de Literatură și Folclor al AȘM, unde în 2001 susține cu succes teza de doctor în filologie – „Povestea fantastică găgăuză" (conducător științific – dr. în filologie conf. univ. Gavril Gaidarji).

Imediat după absolvirea universității, V. Sîrf este angajat în cadrul Sectorului de găgăuzologie al Institutului de Cercetări Interetnice (din 2006, Institutul Patrimoniului Cultural) al AȘM, locul de care va fi legată toată activitatea lui științifică. Aici pe parcursul anilor a ocupat următoarele funcții științifice: laborant (1993, 1996-2000), cercetător științific inferior (2000–2001), cercetător științific (2002–2006), cercetător științific superior (din 2006). Aici se ocupă în mod special de problemele filologiei și culturologiei găgăuze, folclorului, mitologiei la găgăuzi. Ca rezultat V. Sîrf pe parcursul anilor a cercetat următoarele teme de plan: „Сказочный эпос гагаузов" (Eposul din povești al găgăuzilor), „Гагаузская несказочная проза" (Proza populară găgăuză ce nu ține de basm), „Традиционно-бытовая культура гагаузов Буджака в паремиях и идиомах" (Cultura tradițională de moravuri a găgăuzilor din Bugeac în paremii și idiome). Actualmente cercetează tema „Традиционная мифология гагаузов (на материале народной прозы)" (Mitologia tradițională a găgăuzilor [pe baza prozei populare]).

În perioada 2012–2013 activează prin cumul și la Centrul științific de cercetare „M. V. Marunevici" (mun. Comrat), ce se află în subordonarea Comitetului Executiv al Găgăuziei.

În afară de domeniul științific, V. Sîrf s-a remarcat și în cel pedagogic. Din 1995 până în 2007, prin cumul ține ore la Universitatea de Stat din Comrat și la Universitatea Pedagogică de Stat din Chișinău „Ion Creangă".

A avut stagii în Bulgaria: Sofia (2000, 2004, 2009) și Veliko Târnovo (2005), în cadrul cărora și-a îmbogățit arsenalul științific. În același timp a avut posibilități să-și perfecționeze și limba bulgară.

Cercetările științifice de teren și cele din biblioteci/arhive s-au soldat cu peste 100 de articole știin-

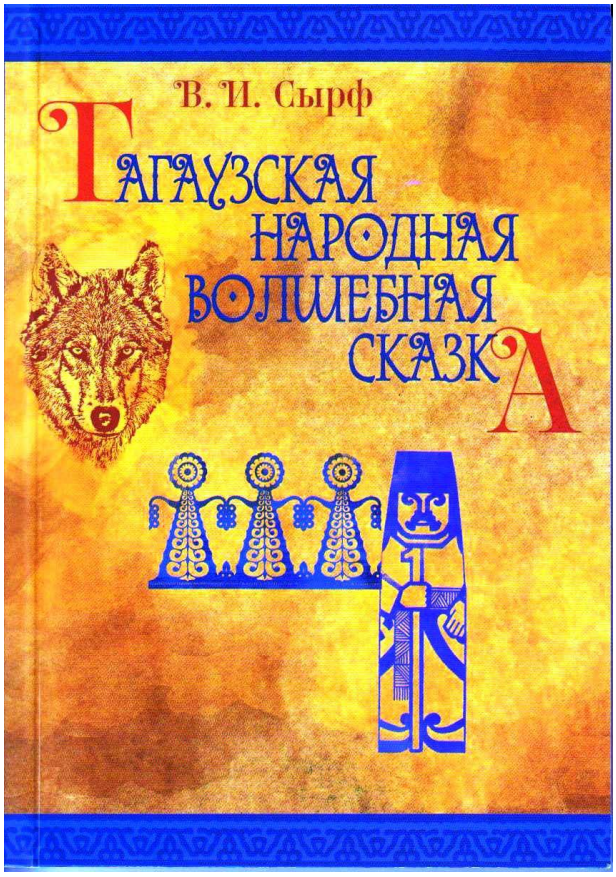
ţifice şi ştiinţifico-populare, două lucrări valoroase: Culegerea de basme „Гагаузские народные сказки” (*Basmele populare ale găgăuzilor*), care a văzut lumina tiparului în Chişinău în 2012, şi monografia internaţională „Гагаузская народная волшебная сказка” (*Povestea fantastică populară găgăuză*), editată în Sankt Petersburg în 2013. Monografia prezentată este o primă tentativă de cercetare ştiinţifică a poveştii fantastice populare a găgăuzilor ca o specie a creaţiei populare orale găgăuze în contextul relaţiilor interetnice. În baza materialului colecţionat de la găgăuzi, sunt expuse şi sistematizate motivele, subiectele, imaginea eroilor, elementele poeticii poveştilor fantastice populare găgăuze. În lucrare autorul a realizat o analiză structuralo-funcţională a poveştii fantastice populare găgăuze, unde sunt examinate problemele analogiei tipologice, specificul naţional şi împrumutul, se defineşte locul poveştii fantastice în sistemul genurilor şi speciilor folclorice. Respectând principiul istorismului şi cercetând literatura de specialitate, autorul ajunge la concluzia că povestea fantastică populară a găgăuzilor, ca rezultat al dezvoltării durabile sociale şi culturale, conţine în sine influenţa diferitor epoci şi popoare; acest fapt a determinat calităţile ei specifice la nivel de microstructură.

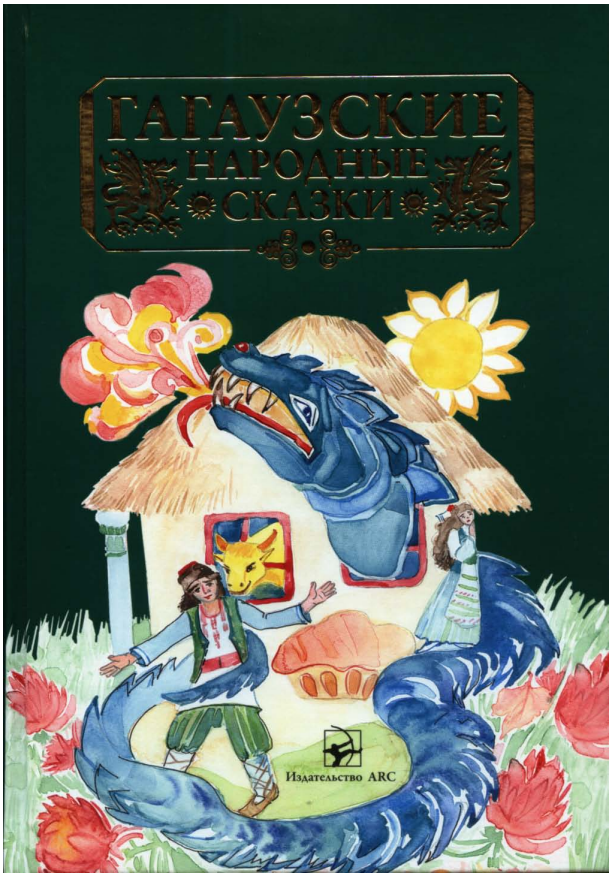
Rezultatele investigaţiilor sale au fost prezentate în cadrul conferinţelor internaţionale care s-au desfăşurat la Iaşi, Sankt Petersburg, Sofia, Veliko Târnovo, Dobrici.

Activitatea ştiinţifică de succes a domnului Sîrf nu a fost trecută cu vederea. În aprilie 2012, pentru rezultatele ştiinţifice productive în domeniul găgăuzologiei şi în legătură cu cei 25 de ani de la formarea Sectorului de găgăuzologie al AŞM, el a fost decorat cu medalia jubiliară a başcanului Găgăuziei şi cu Diploma onorifică a IPC al AŞM.

Cu prilejul vârstei împlinite, îl felicităm şi îi dorim puteri în realizările scopurilor propuse.

Ivan DUMINICA





IN MEMORIAM

GHEORGHE GONȚA
(1948–2015)

Gheorghe Gonța s-a născut la 10 noiembrie 1948 în satul Pănășești, raionul Strășeni. După absolvirea Universității de Stat din Moldova, în 1971 a fost angajat ca cercetător științific la Institutul de Istorie al Academiei de Științe din RSSM. În 1972–1973, pe parcursul a șase luni, și-a făcut stagiul la Institutul de Slavistică și Balcanistică al Academiei de Științe a URSS. În 1973–1977 își face studiile de doctorat în cadrul Institutului de Istorie al Academiei de Științe a RSSM, specializându-se în domeniul istoriei politice a Evului Mediu. A susținut teza de doctorat în 1982. Din 1983, Gh. Gonța ține prelegeri la facultățile de istorie ale Universității de Stat din Moldova și Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă". În 1992 devine șef al Catedrei de istorie a românilor a Facultății de Istorie și Etnopedagogie a Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă". În anul 1993 a susținut teza de doctor habilitat în istorie cu tema „Țara Moldovei în contextul politicii otomane: relațiile internaționale și mișcarea de eliberare (a doua jumătate a secolului al XV-lea – secolul al XVI-lea)". A decedat pe data de 17 martie 2015 în urma unui tragic accident rutier.

Prof. Gh. Gonța are un aport important în dezvoltarea bulgaristicii și a balcanisticii în Republica Moldova. Savantul a fost unul din inițiatorii organizării conferințelor internaționale sub genericul „Молдо-български връзки / Relațiile moldo-bulgare" (1998, 2007, 2011). În lucrările sale a cercetat situația populației pe pământurile bulgare în perioada medievală. În Chișinău apare cartea lui în limba bulgară: „Борбата на молдовския народ против агресията на Османската империя" (Lupta poporului moldovenesc împotriva agresiunii Imperiului Otoman) (1989). A fost printre acei care a susținut înființarea Universității de Stat din Taraclia „Grigori Țamblac", a devenit membru al Consiliului academic al acestei instituții. În calitate de președinte al Consiliului științific pentru obținerea gradelor științifice, el a ajutat la elaborarea tezelor cu tematică bulgară, chiar a fost și consultant la una din ele –„Formarea ideilor de statalitate la bulgari (mijlocul sec. al XVIII-lea – anii '70 ai sec. al XIX-lea)" (2003). Profesorul universitar a fost conducător la diferite teze de licență și de masterat, care abordau subiectul trecutului poporului bulgar.

Nicolai CERVENCOV

STEPAN STOIANOV – MUZICIAN ȘI PATRIOT
(la 80 de ani de la naștere)

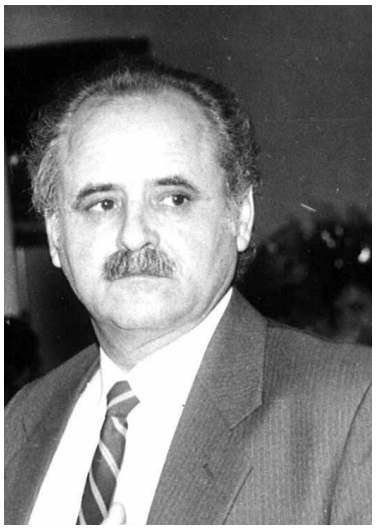
În 2015 ar fi împlinit 80 de ani un muzician cunoscut din Republica Moldova, un om emerit de cultură al republicii și patriot bulgar – Stepan Stoianov.

S-a născut în 1935 în satul bulgar din Basarabia, Ciișia (actualul sat Gorodnee, raionul Bolgrad, regiunea Odesa, Ucraina). Familia lui era bine cunoscută cu reprezentanți ai muzicii populare bulgare. Tatăl său Tudor, care în perioada sovietică a fost o victimă a stalinismului, și fratele mai mare – muzicolog, profesorul Petru Stoianov. După absolvirea Școlii de Muzică „Ștefan Neaga" din Chișinău, ulterior și a Conservatorului, S. Stoianov un anumit timp a condus departamentul de folclor al Casei Republicane de Arte Populare, unde a studiat muzica populară moldovenească și bulgară. Apoi, până la sfârșitul vieții sale a activat în cadrul Colegiului de Muzică „Ștefan Neaga" din Chișinău, ocupând funcții de profesor de discipline teoretice, de șef al acestui departament, director, șef al departamentului bulgaro-găgăuz, adjunct al directorului filialei din satul Tvardița.

Lecțiile lui S. Stoianov aveau un nivel pedagogic înalt. El a elaborat și a publicat diferite cataloage de valoare privind disciplinele de muzică teoretică. Printre elevii săi au fost faimoase figuri muzicale din Moldova, precum și din străinătate. Mult efort a investit în dezvoltarea colegiului, în special în extinderea gamei de specialități, crearea unei baze financiare solide. La inițiativa și cu străduința lui, în colegiu a fost deschis primul departament bulgaro-găgăuz, iar mai apoi, în satul bulgar Tvardița, și-a deschis ușile o filială a colegiului, unde până în zilele noastre se pregătesc cadre instrumental-muzicale și de dans bulgăresc.

Muzicianul a avut o contribuție semnificativă la dezvoltarea artei populare moldovenești și bulgărești. El a fost director al orchestrei și acordeonist al ansamblului „Miorița", care a reprezentat cu demnitate arta populară a Moldovei pe arena internațională. El este unul dintre fondatorii și directorul artistic al primului ansamblu bulgar național „Rodoliubeț" (Taraclia), laureat a numeroase premii naționale și internaționale. Are un rol important în dezvoltarea ansamblului etnofolcloric bulgar din satul natal Ciișia, cunoscut pentru repertoriul său distinct și interpreți talentați. Fiind în mijlocul evenimentelor culturale bulgare, i-a „infectat" pe oamenii din jurul lui cu patriotismul său și cu dragostea de tot ce e natal.

Stepan Stoianov este autorul a unui număr impunător de lucrări muzicale. De asemenea, a prelucrat și aranjat muzica populară, precum și lucrări ale compozitorilor din Moldova pentru orchestre de amatori și de profesioniști. Este cunoscut mai ales pentru prelucrarea operei muzicale „Balada" a lui Ciprian Porumbescu, interpretată într-un timp de Serghei Lunchevici cu orchestra sa „Fluieraș".



S. Stoianov, de asemenea, era implicat și în munca științifică, a avut tendința de a analiza situația sociopolitică. A susținut teza de doctorat pe tema muzical-filosofică „Problemele dinamicii spațiului muzical în lucrările lui Béla Bartók", care a fost apreciată la nivel înalt de specialiști. El a publicat o serie de lucrări, inclusiv colecția „Melodii de jocuri moldovenești" (Chișinău, 1964). Pe baza tezei a fost pregătită o monografie, care, din păcate, nu a fost încă publicată.

Profesorul de muzică și teoreticianul, și-a acordat total timpul locului de muncă, nu gândea la odihnă și sănătate. El a avut o mulțime de planuri, dar o moarte timpurie nu i-a permis să le ducă la bun sfârșit – a murit la 12 august 1999 în satul Tvardița, la locul de muncă, ocupându-se de pregătirea filialei pentru un nou an școlar.

Sper că muzicologii și culturologii în viitor vor redeschide activitatea multidisciplinară și patriotică al lui Stepan Stoianov, al cărui nume, desigur, este printre cei care și-a dedicat întreaga viață pentru dezvoltarea culturii muzicale în Republica Moldova.

Nicolai CERVENCOV

DATE DESPRE AUTORI

Bacalov S. Doctor în istorie, cercetător științific coordonator, Institutul de Istorie al AȘM. sergiu.bacalov@gmail.com

Bancova E. Cercetător științific, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. emilia_bankova@mail.ru

Cara N. Doctor în filologie, conferențiar, cercetător științific coordonator, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. knadejda50@yandex.ru

Caunenco I. Doctor în psihologie, conferențiar, cercetător științific coordonator, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. caunencoi@mail.ru

Cerga A. Învățător, Liceul Teoretic „Spiru Haret" (Chișinău). al_cerga@yahoo.com

Cervencov N. Doctor habilitat în istorie, profesor universitar, Universitatea de Stat din Taraclia „Gr. Țamblak"; Societatea Științifică a Bulgariștilor din Republica Moldova. chervencov@mail.ru

Chiseliță V. Doctor în studiul artelor, cercetător științific coordonator, Centrul Studiul Artelor, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. chisvas@yahoo.com

Covalov A. Cercetător științific, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. kavalov@mail.ru

Duminica Ivan. Doctor în istorie, cercetător științific, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. duminicaivan@yandex.ru

Gancev A. Doctor în istorie, conferențiar, Universitatea Națională din Odesa „I. I. Mecinikov" (Odesa, Ucraina). alexander_ganchev@yahoo.com

Gheorghieva S. Doctor în filologie, conferențiar, Catedra filologie bulgară, Universitatea Națională din Odesa „I. I. Mecinikov" (Odesa, Ucraina). smititel@mail.bg

Gumenâi I. Doctor în istorie, conferențiar, Facultatea de Istorie, Universitatea de Stat din Moldova. gumenai@gmail.com

Guțu M. Doctorandă, Institutul de Istorie al AȘM. yms398@mail.ru

Hadjinikolova E. Doctor în istorie, conferențiar, Institutul de Cercetări Istorice, Academia de Științe a Bulgariei (Sofia, Bulgaria). hadjinikolova@gmail.com

Hatlas E. Doctor în istorie, Biblioteca universitară, Universitatea „Adam Mickiewicz" (Poznan, Polonia). sitalkes@yahoo.com

Kalașnikova N. Doctor în culturologie, profesor, cercetător științific coordonator, Muzeul Rus de Etnografie (Sankt Petersburg, Rusia). ethnonataly@mail.ru

Karaivanov N. Asistent principal, Universitatea din Sofia „Sf. Kliment Ohridski" (Sofia, Bulgaria). karaivanov_n.b@abv.bg

Karaivanova T. Doctorandă, Departamentul pentru învățământul general, Universitatea de Biblioteconomie și Științe Tehnologice (Sofia, Bulgaria). tan4akaraivanova@abv.bg

Kolesnik V. Doctor în științe filologice, profesor universitar, Catedra filologie bulgară, Universitatea Națională din Odesa „I. I. Mecinikov" (Odesa, Ucraina). vakolesnik2@mail.ru

Kazanji V. Doctorand, Facultatea de Istorie, Universitatea din Sofia „Sf. Kliment Ohridski" (Sofia, Bulgaria). kazanji91@mail.ru

Lesnikova A. Doctorandă, Facultatea de Istorie, Universitatea Națională din Odesa „I. I. Mecinikov" (Odesa, Ucraina). a.lesnikova1985@gmail.com

Milcev V. Doctor habilitat în istorie, profesor universitar, Facultatea de Istorie, Universitatea Națională din Zaporojie (Zaporojie, Ucraina). vladmilchev@ukr.net

Nedelceva-Vodincear O. Doctor în teologie (Odesa, Ucraina). olga_vodinchar@mail.ru

Nicoglo D. Doctor în istorie, conferențiar, cercetător științific superior, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. nicoglo2004@mail.ru

Nikolova M. Doctor în bibliologie, conferențiar, Universitatea de Biblioteconomie și Științe Tehnologice (Sofia, Bulgaria). m.nikolova@unibit.bg

Poștarencu D. Doctor în istorie, conferențiar, cercetător științific superior, Institutul de Istorie al AȘM. dpostarencu@yahoo.com

Prigarin A. Doctor habilitat în istorie, conferențiar cercetător, Catedra arheologie și etnologie a Ucrainei, Facultatea de Istorie, Universitatea Națională din Odesa „I. I. Mecinikov" (Odesa, Ucraina). prigarin_alexand@mail.ru

Sîrf V. Doctor în filologie, cercetător științific superior, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM. sirf_vitali@rambler.ru

Stratieva A. Directorul Bibliotecii Bulgare „Hristo Botev" (Chișinău). botev_hasdeu@mail.ru

Vodincear E. Doctor în etnologie, asistent principal, Institutul de Etnologie și Folclor cu Muzeul de Etnografie, Academia de Științe a Bulgariei (Sofia, Bulgaria). v_olena@abv.bg

Volkova I. Asistent, Catedra filologie bulgară, Universitatea Națională din Odesa „I. I. Mecinikov" (Odesa, Ucraina). kolesnikyana@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакалов С. Доктор истории, ведущий научный сотрудник, Институт истории АНМ. sergiu.bacalov@gmail.com

Банкова Е. Научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. emilia_bankova@mail.ru

Водинчар Е. Доктор этнологии, главный ассистент, Институт этнологии и фольклористики с Этнографическим музеем, Академия наук Болгарии (София, Болгария). v_olena@abv.bg

Волкова Я. Ассистент, кафедра болгарской филологии, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова (Одесса, Украина). kolesnikyana@mail.ru

Ганчев А. Доктор истории, доцент, Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина). alexander_ganchev@yahoo.com

Георгиева С. Кандидат филологических наук, доцент, кафедра болгарской филологии, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова (Одесса, Украина). smititel@mail.bg

Гуменый И. Доктор истории, конференциар, факультет истории и философии, Молдавский государственный университет. gumenai@gmail.com

Гуцу М. Аспирант, Институт истории АНМ. yms398@mail.ru

Думиника Иван. Доктор истории, научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. duminicaivan@yandex.ru

Казанжи В. Аспирант, исторический факультет, Софийский университет им. Св. Климента Охридского (София, Болгария). kazanji91@mail.ru

Калашникова Н. Доктор культурологии, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург, Россия). ethnonataly@mail.ru

Кара Н. Доктор филологии, конференциар, ведущий научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. knadejda50@yandex.ru

Караиванов Н. Главный ассистент, Софийский университет им. Св. Климента Охридского (София, Болгария). karaivanov_n.b@abv.bg

Караиванова Т. Аспирант, Департамент по общеобразовательным дисциплинам, Университет библиотековедения и информационных технологий (София, Болгария). tan4akaraivanova@abv.bg

Кауненко И. Доктор психологии, конференциар, ведущий научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. caunencoi@mail.ru

Киселицэ В. Доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Центр искусствоведения, Институт культурного наследия АНМ. chisvas@yahoo.com

Ковалов А. Научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. kavalov@mail.ru

Колесник В. Доктор филологических наук, профессор, кафедра болгарской филологии, Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина). vakolesnik2@mail.ru

Лесникова А. Аспирант, исторический факультет, Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина). a.lesnikova1985@gmail.com

Мильчев В. Доктор исторических наук, профессор, исторический факультет, Запорожский национальный университет (Запорожье, Украина). vladmilchev@ukr.net

Недельчева-Водинчар О. Доктор теологии (Одесса, Украина). olga_vodinchar@mail.ru

Никогло Д. Доктор истории, конференциар, старший научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. nicoglo2004@mail.ru

Николова М. Доктор по книговедению, доцент, Университет библиотековедения и информационных технологий (София, Болгария), m.nikolova@unibit.bg

Поштаренку Д. Доктор истории, конференциар, старший научный сотрудник, Институт истории АНМ. dpostarencu@yahoo.com

Пригарин А. Доктор исторических наук, доцент, кафедра археологии и этнологии Украины, исторический факультет, Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина). prigarin_alexand@mail.ru

Стратиева А. Директор Болгарской библиотеки им. Христо Ботева (Кишинев). botev_hasdeu@mail.ru

Сырф В. Доктор филологии, старший научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ. sirf_vitali@rambler.ru

Хаджиниколова Е. Доктор истории, доцент, Институт исторических исследований Болгарской академии наук (София, Болгария). hadjinikolova@gmail.com

Хатлас Е. Доктор истории, Университетская библиотека, Университет им. Адама Мицкевича (Познань, Польша). sitalkes@yahoo.com

Червенков Н. Доктор хабилитат истории, Тараклийский государственный университет им. Гр. Цамблака; Научное общество болгаристов Республики Молдова. chervencov@mail.ru

Черга А. Преподаватель, Теоретический лицей „Спиру Харет” (Кишинев). al_cerga@yahoo.com

DATE DESPRE COLEGIUL DE REDACȚIE
СВЕДЕНИЯ О РЕДКОЛЛЕГИИ

Procop S. *Redactor principal.* Doctor în filologie, conferențiar, director al Centrului de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM. svetlanaprocop@mail.ru

Zaicovschi T. *Redactor responsabil*. Doctor în filologie, conferențiar, cercetător științific coordonator la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM. tanzai57@mail.ru

Damian V. *Secretar responsabil.* Doctor în istorie, cercetător științific superior la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM. viktormd-ru@mail.ru

Cara N. Doctor în filologie, cercetător științific coordonator la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM. knadejda50@yandex.ru

Derlicki J. Doctor în etnologie, cercetător științific la Departamentul de Etnologie al Institutului de Arheologie și Etnologie al Academiei de Științe din Polonia (Varșovia). derlicki@iaepan.edu.pl

Duminica I. Doctor în politologie, șef al Secției, Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM. johny_sunday@yahoo.com

Duminica Ivan. Doctor în istorie, cercetător științific la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM, duminicaivan@yandex.ru

Dușacova N. Doctor în istorie, cercetător științific la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM. dushakova@list.ru

Ghinoiu I. Doctor în geografie, cercetător științific principal, gradul I, secretar științific al Institutului de Etnografie și Folclor „C. Brăiloiu", Academia Română (București). ionghinoiu@yahoo.com

Guboglo M. Doctor habilitat în istorie, profesor, vice-director al Institutului de Etnologie și Antropologie „N. Mikluho-Maklai", Academia de științe din Rusia (Moscova). guboglo@yandex.ru

Nicoglo D. Doctor în istorie, cercetător științific superior la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM. nikoglo2004@mail.ru

Stepanov V. Doctor habilitat în istorie, profesor cercetător, Federația Rusă. stepansky@mail.ru

Șofransky Z. Doctor habilitat în istorie, conferențiar, șef al Secției, Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM. zina.sofransky@gmail.com

Прокоп С. *Главный редактор*. Доктор филологии, конференциар, директор Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. svetlanaprocop@mail.ru

Зайковская Т. *Ответственный редактор*. Доктор филологии, конференциар, ведущий научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. tanzai57@mail.ru

Дамьян В. *Ответственный секретарь*. Доктор истории, старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. viktormd-ru@mail.ru

Гиною И. Доктор географии, главный научный сотрудник, ученый секретарь Института этнографии и фольклора им. К. Брэилою Румынской Академии наук (Бухарест). ionghinoiu@yahoo.com

Губогло М. Доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва). guboglo@yandex.ru

Дерлицки Я. Доктор этнологии, научный сотрудник Департамента этнологии Института археологии и этнологии Академии наук Польши (Варшава). derlicki@iaepan.edu.pl

Думиника И. Доктор политологии, зав. секцией, Центр этнологии Института культурного наследия АНМ. johny_sunday@yahoo.com

Думиника Иван. Доктор истории, научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ, duminicaivan@yandex.ru

Душакова Н. Доктор истории, научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. dushakova@list.ru

Кара Н. Доктор филологии, конференциар, ведущий научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. knadejda50@yandex.ru

Никогло Д. Доктор истории, конференциар, старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. nikoglo2004@mail.ru

Степанов В. Доктор хабилитат истории, профессор, Российская Федерация. stepansky@mail.ru

Шофрански З. Доктор хабилитат истории, конференциар, зав. секцией, Центр этнологии Института культурного наследия АНМ. zina.sofransky@gmail.com